

ТАЙНЫ
ЗНАМЕНИТЫХ
ГОРОДОВ

Тайны • Ирина
Лондона • Донскова

ИРИНА ДОНСКОВА

Тайны
Лондона

История. Легенды. Предания

ТАЙНЫ
ЗНАМЕНИТЫХ
ГОРОДОВ

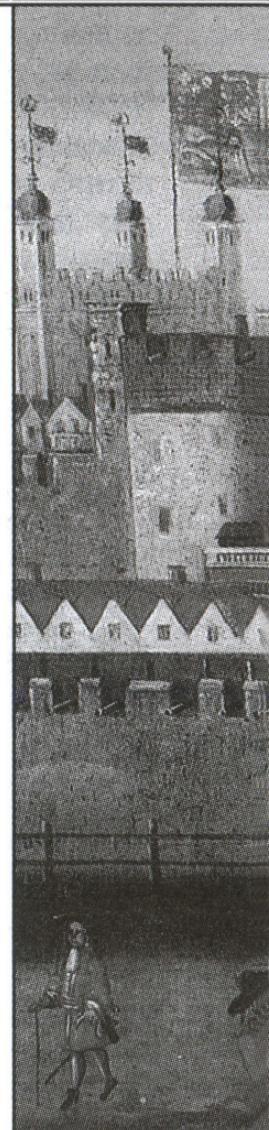
ИРИНА ДОНСКОВА

ТАЙНЫ

Лондона

История. Легенды. Предания

Москва
Вече
2009

ББК 63.3-7(4Вел)

Д67

*Son By
Vitaulus & Kati*

Донскова И.И.

Д67 Тайны Лондона. История, легенды, предания / Ирина Донскова.— М. : Вече, 2009. — 416 с.— (Тайны знаменитых городов).

ISBN 978-5-9533-2999-6

Каждый город по-своему уникален, и к Лондону это относится в полной мере. Не только потому, что история его насчитывает более тысячи лет, но и потому, что он хранит многие захватывающие тайны... Как возник город и что стоит за легендами о Лондонском камне? Кто был виновником Великого лондонского пожара 1666 года, уничтожившего большую часть столицы и унесшего жизни нескольких сотен жителей? Правда ли, что красивейший сапфир легендарного Кольца Пилигрима, принадлежавшего Эдуарду Исповеднику, излечивал от многих болезней? «Черный Принц» и «Кох-и-Нор» — чем знамениты эти драгоценные камни? Об этом и многом другом повествует увлекательная книга, раскрывающая знаменитый город с неизвестной стороны.

ББК 63.3-7(4Вел)

ISBN 978-5-9533-2999-6

© Донскова И.И., 2009

© ООО «Издательский дом «Вече», 2009

Тайна — какое интригующее, волнующее, пьянящее слово... Мистика, мистерия, энigma... Почему же нас, pragматичных и деловых людей рационального XXI века, так влечет ко всему тайному, загадочному, «непроявленному» и «запредельному»? Великий Эйнштейн считал тайну категорией высшего порядка — по его словам, «это самое глубокое переживание, которое может испытывать человек. Оно лежит в основе религии, искусства, науки. И еще прикосновение к тайне...»

Давайте и мы попробуем прикоснуться к тайнам великого Лондона — элегантного седовласого джентльмена с богатым и бурным прошлым, со своими «скелетами в шкафу», с душою вечного юноши... Итак, знакомьтесь — Лондон!

Знакомьтесь — Лондон!

Лондон — ты город из городов,
Глава городов, ты всех красивей,
В тебе богатство и слава, и монархов гнездо,
И баронов, и лордов, и знатных семей...
И славнее всех рек река твоя —
Течет, серебряные струи свои
Вдоль стен городских прекрасных стремя...
Лондон, ты цвет городов земли!

У. Дунбар

Город-человек

В общении с городом самое ценное — минуты откровения, когда город предстает перед вами вместилищем тайн людского мира. Надо только постараться прочувствовать город, вжиться в его настроение, поймать его пульс, взглянуть на него по-новому, отбросив туристические штампы, и Он откроется перед Вами. Пусть вокруг волнуется людское море — спешат прохожие, гудят машины, хлопают двери и окна — есть только Вы и город, только Город и вы. Поверьте, ему есть что рассказать Вам...

Конечно же, я не открою тайну, если скажу, что города похожи на людей. Есть города яркие и запоминающиеся, по-своему уникальные и с изюминкой, есть серые и безликие, словно одетые в тосклившую официальную униформу. Есть города-пессимисты и фаталисты, они не сопротивляются своей судьбе — их сносят, разрушают, они приходят в упадок и запустение. Есть отчаянные оптимисты и борцы —

несмотря на войны и пожары, революции и землетрясения, они регулярно восстают, как Феникс из пепла, и живут бурлящей, насыщенной жизнью. Есть города-музеи под открытым небом, живущие лишь своим прошлым, — тихо и медленно они угасают, как бледная красавица с чахоточным румянцем или старая графиня, вспоминающая былые годы, головокружительные романы и званые балы. А есть — устремленные в будущее, чьи дворцы и особняки стряхивают пыль столетий со своих фасадов и, облаченные в новые слои краски и штукатурки, гордо шагают в новый век, совершая с причудливыми зданиями-акселераторами из стекла и бетона стиля модерн.

Есть, наконец, города-женщины и города-мужчины. Вряд ли кто-либо будет спорить, какого рода Москва: не так важно, как она представлялась поэтам — «румяною и жаркою, пуховой попадьей» или же «Авророй с русским именем и в шубке меховой» — она конечно же истинная женщина. Эмоциональная, суетливая, энергичная, непоследовательная, молодящаяся, загадочная — Москва...

А если произнести имя «Лондон», какой образ встанет перед глазами у большинства россиян? Вполне вероятно, это будет элегантный джентльмен с туманной сединой, во фраке и цилиндре, с неизменной тросточкой и галстуком-бабочкой. Немало повидавший на своем веку, но энергичный, молодящийся, настоящий денди вне возраста и времени.

Сравнение города с человеческим телом отнюдь не ново: как пишет Питер Акройд в своей книге «Лондон. Биография», этот город на туманных берегах Темзы неоднократно облекали в форму вольно раскинувшего руки юноши. «Переулки города подобны капиллярам, парки — его легким, а в дождь и туман городской осени блестящие камни и булыжник старых улиц словно кровоточат».

Огромным телом был Лондон и для Даниэля Дефо: «В нем все обращается, оно все извергает и под конец за все расплачивается». Задорный юноша и элегантный джентль-

мен мог порой превращаться в чудовище — «жирного и отечного великана, который губит больше, чем порождает». Бедные и грязные кварталы, притоны и рассадники чумы, тайные преступления под серым пологом тумана — это тоже Лондон, великий и ужасный двуликий Янус. Недаром Конан Дойл, любивший и знавший Лондон как свои пять пальцев, сравнивает его с гигантским чудищем:

«Мы действительно проезжали через один из самых мрачных и подозрительных районов Лондона. Слева и справа тянулись ряды унылых кирпичных домов, однообразие которых нарушали только ярко освещенные трактирь непрезентабельного вида на углах улиц. Затем пошли двухэтажные виллы с миниатюрными садиками перед домом, затем снова бесконечные ряды новых безвкусных кирпичных зданий — чудовищные щупальца, которые протягивает во все стороны город-гигант».

Имя, определившее судьбу...

О да, у этого седого джентльмена с очень непростой судьбой есть немало своих «скелетов в шкафу», немало тайн и темных пятен в биографии. Широко распространена теория, что судьбу во многом определяет имя — будь то человек или город. Одна из первых тайн Лондона скрыта в самом его названии: вслушайтесь в это слово «Лондон» — мощное, резонирующее, похожее на гул колокола собора Святого Павла. Имя, достойное великого города. Однако происхождение этого слова до сих пор остается предметом споров — можно исписать не одну страницу, перечисляя различные версии ученых мужей. Предполагается, что имя города имеет кельтское происхождение и может быть производным от *Llyn-don* — город или крепость (*don*) на реке (*Llyn*). Возможно и происхождение слова от *Laindon* (долгий холм) или от кельтского *lunnd* (болото). Весьма своеобразной можно считать версию о происхождении

Вечерний Лондон

этого благозвучного названия от кельтского прилагательного *londos*, в переводе «свирепый».

Существуют и более поэтические версии. Например, согласно легенде, во времена римского вторжения городом правил король Луд (Lud), приказавший проложить улицы города и заново возвести его стены. После смерти Луд был похоронен рядом с воротами, носившими его имя, а сам город стал известен как *Kaerlud* или *Kaerlundein*, то есть «город Луда».

Мне же, честно говоря, больше всего по душе версия Фрэнсиса Кросли, утверждающего, что Лондон берет свое начало от кельтского *Luan-dun* — Город Луны (недаром первым храмом на том месте, где стоит сегодня собор Святого Павла, стал храм Дианы (богини Луны), в то время как Гринвич происходит от кельтского *Grian-wich*, что в переводе значит Город Солнца. Действительно, все при-

зрачно в лунном свете, таинственно, маняще. Недаром и Лондон — преимущественно ночной город. Как писал Джордж Гиссинг: «Ночной Лондон — вот зрелище! Рим в сравнении с ним ничто». И действительно, не так много на свете городов, которые раскрываются именно в часы правления Дианы, делаются самими собой, вполне живыми — как писал об этом Ричард де Галльен:

Лондон, Лондон, наш великий восторг —
В ночи открывающийся цветок.
Великий город солнца полночного,
Чей день начинается, когда день закончен.

(Перевод И. Донской)

Лондон как океан

Лондон родился на Темзе. Для русского человека «Темза» — она, для англичанина это — «отец Темза», у которого были сыновья — небольшие речушки, его притоки. Но еще раньше, много веков до его рождения, на этом месте было море — пятьдесят миллионов лет назад здесь вовсю гуляли морские волны. Недаром образ города как могучего океана так популярен среди писателей и поэтов: это и «бескрайнее море, полное бушующих ветров, опасных отмелей и рифов», и «оceanское ложе, над которым скользят светящиеся рыбы». Питер Акройд в своей книге сравнивает уличный шум с гулом морской раковины: «На улицах Лондона бурлит беспокойная жизнь со своими водоворотами и течениями, пеной и брызгами. А в далеком прошлом, когда город погружался в плотный туман, его жители словно бродили по морскому дну». Даже лондонские голуби ведут свое происхождение от диких сизых голубей, некогда живших среди крутых утесов. Для них и по сей день городские здания — те же скалы, а улицы — бескрайнее море, плещущееся у их подножий. Атмосферу бескрайности водных просторов, нереальности и зыбко-

сти города-моря тонко подметил Лоренс Биньон в своих «Видениях Лондона»:

Все нереально: звук шагов, затихающий уличный гул,
Силуэты размыты вдали — словно сон.
Все скользит, как по глади. Бесконечных огней маяки.
Только небо, как море, и дома — корабли...

(Перевод И. Донской)

Лондон как гигантский океан... Густые волны тумана, в которых вполне можно различить купол собора Святого Павла, что, словно великий Ноев ковчег, плывет над ним. Размыты силуэты здания Парламента, словно подводные рифы, вырастающие из самого дна. Каждый океан имеет свои тайны, сундуки с сокровищами среди останков затонувших кораблей, удивительный подводный мир, где жизнь идет по своим законам. В глубины океана можно нырять до бесконечности, как и в глубины памяти в поисках всех новых и новых забытых сокровищ и интригующих тайн. Давайте попробуем окунуться в Великий Лондон — совершить увлекательное путешествие в его прошлое.

С чего начинается Лондон?

Итак, город родился... Имя его в римскую эпоху — Лондиниум. Но кто же были его основатели, даровавшие ему жизнь?

Есть такая древняя традиция: возводя новый дом, дворец или собор, в основание торжественно кладут первый камень. Где же искать тот первый камень, положенный в основу великого Лондинаума? Удивительно, но, согласно легенде, такой камень действительно существует — он до сих пор находится в Лондоне, в стороне от избитых туристических маршрутов, преданный незаслуженному забвению. В Сити, неподалеку от церкви Святого Свитина, практически напротив входа на станцию метро «Кэннон-Стрит», в нише в стене Китайского банка, обнесенной

резной викторианской железной решеткой, лежит камень, в котором заключена судьба Лондона, ибо, согласно пословице, «до тех пор, пока камень Брута находится в безопасности, Лондон будет процветать».

Кто же такой был Брут и почему народная молва приписывает Лондонский камень именно ему? Историк XII века Готфрид Монмутский, любитель красивых легенд, так повествует об основании великого Лондниума:

Все начиналось на берегах Эгейского моря: древняя, неприступная Троя была охвачена огнем. Однажды ночью Бруту, правнуку троянского царя Энея, обращенному в рабство греческими захватчиками, было видение: к нему явилась сама богиня Диана и приказала ему увести за собой порабощенных соплеменников, дабы избавить их от господства греков. Под покровительством Дианы Брут дошел со своими людьми до треугольного острова Альбион, где, как писал поэт Джон Мильтон, «должны были родиться от него короли, которые покажут свою мощь всему миру, бесстрашно завоевывая другие нации».

Что касается древнего названия острова, то Монмутский связывает его с именем Альбы или Альбины — старшей дочери римского императора Диоклетиана. Согласно апокрифическому преданию, было у Диоклетиана 33 дочери, отличавшихся удивительно злобным и неистовым нравом. Намучавшись с ними, Диоклетиан решил выдать их замуж за властных мужчин, которые смогли бы найти на них управу, однако сама по себе идея замужества была противна сестрам. Именно Альба, старшая из дочерей, подговорила остальных жесточайшим образом избавиться от нежеланных мужей: ночью, пока все спят, перерезать им горло. Вполне естественно, что такое вопиющее злодеяние не осталось безнаказанным: в наказание императорских дочерей посадили в корабль без руля и паруса с запасом воды и пищи на полгода и оставили дрейфовать в открытом море. В конце концов корабль прибило к необитаемому доселе острову, где свирепствовали дикие ветра, что впо-

следствии получил название Альбион, — злобные фурии остались на острове, где и совокуплялись с демонами, которые там обитали, положив, таким образом, начало новой расе великанов.

Спустя время, как известно, на остров пожаловал Брут со своими людьми — отсюда и его новое название «Британия». Высадившись в районе современного Девона, люди Брута дошли до Темзы, где, по велению Дианы, камень был возложен на вершину одного из прибрежных холмов: то был холм Ладгейт Хил (Ludgate Hill), скорее всего, место, где совершили свои ритуалы друиды и где впоследствии был построен храм Дианы, а много веков спустя — величественный собор Святого Павла. Так начиналась история Лондонского камня, положенного в основание «Новой Трои» — именно так было названо первое поселение, основанное армией рабов под предводительством Брута.

Армия честно отвоевала право на свой новый дом, победив мифических гигантов Гога и Магога, обитавших в здешних местах, — как гласит предание, это были последние из сыновей злобных дочерей императора Диоклетиана. Правда, если верить другой версии, некогда это был один великан Гремагог или Гогмагог, который при помощи некоего хитроумного волшебства был превращен в близнецов Гога и Магога, ставших впоследствии духами-хранителями Лондона. Честь победы над чудовищем принадлежит лучшему воину Бруту — Коринею, который вызвался сразиться с ним один на один и сумел-таки сбросить гиганта со скалы — так, что тот разбился о прибрежные камни. Эта знаменитая скала стала известна как Лангнагог — «Прыжок Великан», а сам Кориней, в награду за свою победу, получил от Брута западную часть острова, которую называли Корнуол в его честь.

Есть и другая версия: гигантов Гога и Магога поймали и посадили на цепь у ворот дворца, чтобы они охраняли покой короля.

И действительно, вот уже много веков статуи этих свирепых братьев стоят в Гилдхолле, здании ратуши Сити.

Гог и Магог — духи-хранители Сити

Нынешние великаны — делорук скульптора Дэвида Эванса — были пожертвованы городу сэром Джорджем Уилкинсом, бывшим мэром Лондона как раз в то самое время, когда предыдущие скульптурные изображения Гога и Магога были уничтожены в период «молниеносной войны». Однако следует отдать должное предшественникам, ибо ониостояли целых 200 лет — скульптуры, вырезанные в 1708 году капитаном Ричардом Сондерсоном, в свое время пришли на смену еще более древним статуям из иловых прутьев и гипса, которые серьезно пострадали от пожара, мышей и крыс.

Несмотря на то что все это, казалось бы, «предания старины глубокой», у современных лондонцев или гостей столицы есть вполне реальный шанс повстречаться с мифическими гигантами: Гог и Магог — духи-хранители Сити — участвуют в знаменитом торжественном параде в честь лорда-мэра Лондона со времен правления Генриха V. Во время проведения процессии, гордо вышагивающей по центральным улицам старинного Сити, несут две сплетенные из ивовых прутьев фигуры с виду свирепых, но добрых по сути братьев-великанов.

Что же касается легендарного Камня — примерно двух футов высотой с небольшим желобком у верхушки, — который, как верили в народе, Брут привез с собой как талисман, с тех пор он стал неразрывно связан с историей Лондона: поэт Вильям Блейк полагал, что со временем Камень стал местом жертвоприношений, совершаемых друидами. Согласно легенде, именно из этого Камня извлек волшебный меч Экскалибур король Артур.

Вот как у Вильяма Блейка поет обо всем этом менестрель:

Песня менестреля

О сыновья троянских беглецов,
От ваших голосов громоподобных
На галльском небе облака сгостились
И в сумраке ужасного затменья
Явился алый диск, предвестник бурь,
Чреватых погребением народов.

Из Илиона вышли ваши предки
(Они, как львы пещер, на свет рычали,
Метали взоры молниям навстречу,
И греческая кровь играла в жилах)
В тяжелых шлемах, в боевых доспехах,
На утлых кораблях, разбитых ветром.

Они бросали якоря у скал,
И целовали берег Альбиона,
И причитали: «Матерью нам будь,
Вскорми, вспои нас и прими останки,
И стань гробницей сокрушенной Трои,
И дай в наследство города и троны».

Они пустились вплавь от кораблей.
Тогда со стороны донесся шум:
Чудовищные дети океана
Неслись навстречу от пещер и скал,
Ревели, словно львы, — но вдруг застыли,
Как лес густой, готовый к топору.

В доспехах медных в битву шли отцы.
Чудовища рванулись напролом,
Как пламя, провожаемое ветром,
Как молнии, рожденные раздором,
Как ниспаденье раскаленных звезд
На ледяную пену океана.

И рухнули деревья с плоскогорья,
И капли крови дрогнули на листьях.
О, сколько бурь им отразить пришлось!
И ваши предки хмуро созерцали
Величье смерти, муки великанов,
Испуг в глазах, смертельный взлет бровей.

И вышел Брут. Отцы, ему внимая,
На берегах меланхолии сидели.
И молвил Брут: «Непрочная волна,
Волна времен играет надо мной,
Но с будущим сотрудничает сердце:
Моим сынам покорно будет море.

Они протянут мощные крыла
С востока на закат и будут жить,

Не жалуясь и жалобам не внимая.
Они потомкам счастье принесут:
Здесь встанут города, и ветви яблонь
Надломятся под тяжестью плодов.

И юноши поднимутся на тронах,
И каждый обвенчается с любимой.
Они проснутся под бряцанье копий,
Победный марш им будет колыбельной,
Они построят замки на вершинах
И дочерей оружьем оградят.

И на седые горы Альбиона
Придет голубоглазая свобода,
Возвышенная, встанет над волнами,
И мощное копье направит вдаль,
И крыльями огромными накроет
И поданных своих, и эту землю».

*Вильям Блейк из «Острова на Луне».
(Перевод А. Шараповой)*

Несомненно, нужно отдать должное Готфриду Монмутскому за его романтическую попытку доказать происхождение кельтской знати от героев греческих мифов, и, конечно же, хочется думать, что в каждом мифе есть доля правды. И все же историки склонны считать более правдивой версию, согласно которой Лондонский камень имеет римское происхождение. Скорее всего, он выполнял функцию «дорожной вехи или столба», то есть находился в центре главного римского поселения на берегах Темзы, откуда измерялись расстояния до всех остальных поселений. Тем не менее и это, более прозаическое объяснение его происхождения, не умалило его достоинств: со временем Камень стал символом власти в Сити — при объявлении каждого нового закона, принятого властями, обязательно ударяли по Камню. Недаром знаменитый мятежник Джек Кейд, пытавшийся

Герб Сити

захватить власть в Лондоне в 1450 году, первым делом направился к Лондонскому камню и, как пишет Шекспир в «Генрихе VI», провозгласил здесь свой первый закон, требуя, чтобы «по сточным трубам вместо зловонной жижи текло ароматное вино». По удивительному совпадению, первым мэром Лондона в конце XII века стал Генри

Фицэйлун де Лондонстоун, тезка Лондонского камня!

Со временем Камень переместили из центра старого города в нишу в стене церкви Святого Свитина, где он находился до Второй мировой войны. Во время бомбежек Камень, а вместе с ним и Лондон, казалось, хранило Пророчество. В 1941 году немецкий снаряд полностью разрушил церковь, при этом Лондонский камень остался цел и невредим. Интересно, что сам камень состоит из оолита, непрочного минерала, и вряд ли бы мог сохраниться с доисторических времен, если бы не высшие силы, которые даровали ему долгую жизнь.

После войны Камень переместили еще раз, обнесли оградой и благополучно забыли, а на том месте, где стоял храм Дианы, а впоследствии римский храм Аполлона, вознесся величественный собор Святого Павла, купол которого уступает по своему размеру только куполу собора Святого Петра в Риме. Удивительный собор, душа Лондона, душа Сити, история которого овеяна чудесами и легендами. Недаром на гербе Сити, на котором начертано по-латыни «*Domine, dirige nos!*» («Укажи нам путь, Господи!»), изображен окровавленный меч, символизирующий мученическую смерть святого Павла — покровителя Лондона.

Тайны Сити

Собор Святого Павла – душа Лондона

О милая, смотри! Над городом плывет
Собор Святого Павла вслед за облаками —
Небесное видение — как чудо сотворен
Кудесником с воздетыми руками.
То растворится, то возникнет вновь —
Эфирный, легкий, неземной...

Д. Дэвидсон.
(Перевод И. Донской)

Если не считать римского храма, сегодняшний собор Святого Павла — пятый по счету. Его непосредственный предшественник — старый собор Святого Павла — представлял собой грандиозную постройку готического стиля, возведенную норманнами. Ее шпиль, высотой около 490 футов, считался одним из чудес средневековой Европы. Странные чудеса происходили и в стенах этого мрачноватого готического собора: со временем он стал местом поклонения вымышленной святой Анкамбер — бородатой девственнице, которая обладала даром избавлять женщин от нежеланных мужей в обмен на пеку овса (пек — мера сыпучих тел — 9,09 литра). И если бы все это ограничивалось только овсом и недовольными женами! Конные ярмарки и игры с мячом (запрещенные в 1385 году) были нередкими явлениями в стенах храма. К концу XVI века храм практически наводнили мошенники и уличные нищие, разносящие болезни и оскорбляющие религиозные чувства прихожан. Сам собор был разделен на определенные зоны: бедняки в основном собирались вокруг захоронения герцога Хамфри в ожидании бесплатного обеда. Если кто-либо собирался «отобедать с герцогом Хамфри»,

то это означало лишь, что с утра во рту бедолаги не побывало и крошки. В других местах собора собирались те, кто искал хоть какую-нибудь возможность подзаработать или что-нибудь продать: от памфлетов до пирогов. Во времена Республики Кромвеля, как и множество других церквей и королевских дворцов, храм был превращен в казармы, в нем держали лошадей и торговали всякой всячиной. За небольшую плату юным сорванцам разрешалось подниматься на крышу собора, где они развлекались довольно оригинальным способом, выкрикивая различные оскорблении в адрес прохожих и бросая в них камешки. К моменту Реставрации репутация собора была безвозвратно утеряна — его окрестили «отвратительной Голгофой». Дело дошло до того, что однажды старый собор был использован в качестве цирковой арены: резвая лошадь по кличке Морокко исполняла здесь свои трюки, включая подъем рысью по ступеням, ведущим на колокольню.

Воистину, терпение небес было исчерпано, и грянул гром! Точнее сказать, «из искры возгорелось пламя», в котором навеки сгинул старый собор — рассадник богохульства и вседозволенности. В 2 часа ночи 2 сентября 1666 года из искр непогашенного на ночь огня в печах злополучной пекарни на Пуддинг-лейн возгорелось пламя Великого Лондонского Пожара, как называют его англичане, уничтожившего старый деревянный Сити до основания.

Тайна Великого Лондонского Пожара

Из искры возгорится пламя!

Сложное и неспокойное время предшествовало Великому Пожару. Шесть лет прошло с момента восстановления монархии в Британии и возвращения на престол Карла II. Наступил год трех шестерок — 1666, которого богобоязнен-

ные люди ждали с опасением и даже с ужасом. Предыдущий год вошел в историю как год кровавого урожая Великой Чумы, по одной из версий привезенной вместе в тюками зараженной материи из Нидерландов, жертвой которой стали более 65 тысяч лондонцев. Наступивший 1666 год был полон зловещих знамений: в марте в небе видели кометы; ходили слухи, что в некоторых местах вода превращалась в кровь; изнуряющая засуха, охватившая Лондон летом, привела к тому, что в районе Оксфорда Темза практически пересохла. В церквях возносились молитвы о дожде — но вместо благословенного дождя в июле разразилась страшная гроза с градом, причем некоторые градины были размером с индюшачье яйцо! За время засухи деревянные трущобы центрального Лондона практически превратились в настоящую вязанку сухого хвороста, ожидающую искры, чтобы вспыхнуть ярким пламенем.

В это время некогда скромный ремесленник Томас Фаринор, который вот уже как 5 лет служил придворным пекарем короля Карла II, занимался тем, что выпекал булочки для королевского военно-морского гарнизона в своей пекарне на Пуддинг-лейн. В первый сентябрьский вечер 1666 года, после долгого трудового дня он поднялся по лестнице в свою спальню, расположенную над пекарней, задул свечу и мирно заснул. Хотя впоследствии Фаринор клялся, что лично погасил пламя в печах и тщательно разгреб золу, ранним утром в пекарне занялся огонь. Он спал, а внизу разгоралось пламя — от искр, выплетевших из пекарни, загорелся стог сена во дворе ближайшего постоянного двора Стар-Инн. Дул сильный восточный ветер — один за другим деревянные дома поглощались ревущим огненным драконом, пламя озарило небо, и вскоре сотни местных жителей высыпали на улицы поглазеть на пожар. Поначалу пожар не вызвал особенной тревоги — в деревянном Лондоне того времени такие пожары были не редкость и обычно утихали сами собой.

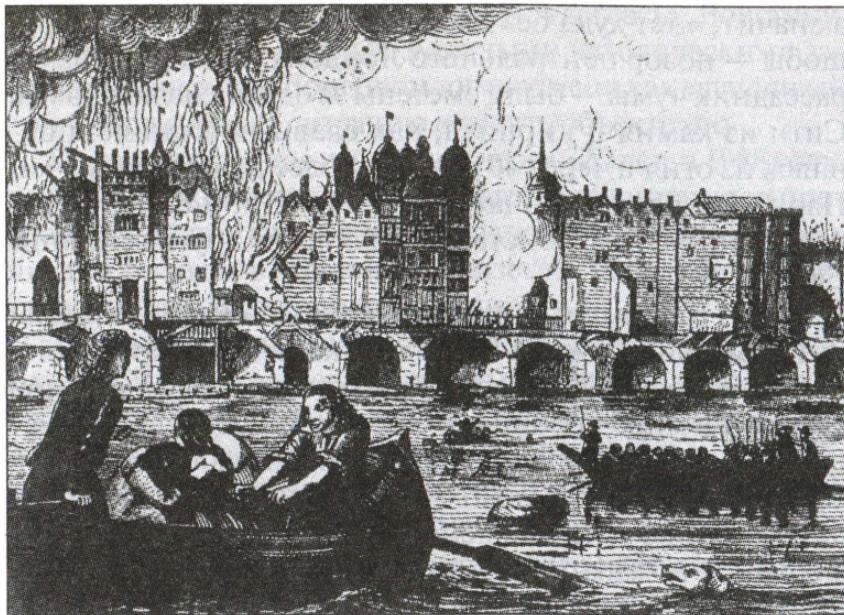

Рано поутру известили лорда-мэра Лондона, сэра Томаса Бладвортса, однако и на него пожар не произвел должного впечатления. Прибыв на место происшествия, он, отказавшись даже выйти из экипажа, успокоил собравшуюся толпу, произнеся свою знаменитую фразу о том, что огонь настолько незначительный, что даже женщина может записать его с легкостью. В воскресенье днем огонь достиг Темзы, где начали взрываться склады, забитые лесом, маслом, коньяком и углем. Пожарные, стремясь поскорей наполнить ведра, повредили водопровод и остали весь район без водоснабжения.

Лондонцы начали паниковать — по узким извилистым улочкам, прориаясь сквозь густую пелену дыма, семьи пытались спасти хоть какой-нибудь скарб. По ночам небо походило на горнило раскаленной печи. Писатель Джон Эвелин, наблюдавший за пожаром с относительно безопасного южного берега Темзы 3 сентября, писал о том, что рев и треск беснующегося огня, крики женщин и детей, вселенская суматоха, рушающиеся башни, дома и церкви — всё это было похоже на страшный ураган, а дымящиеся руины напоминали падение Трои. Невольно вспоминается легенда о том, что Лондон — это Новая Троя: ему суждено было стать центром мировой империи, но и драматическую судьбу своей предшественницы он должен был повторить. Интересно, что даже на изображениях Великого Лондонского Пожара проводится подчеркнутая параллель с падением Трои.

Знаменитого же мемуариста Лондона, Самуэля Пеписа, оставившего, пожалуй, самое красочное описание Лондонского Пожара, особенно поразило поведение голубей — уже люди покинули свои дома, а они все крутили и крутили над окнами и балконами, не в силах расстаться с насиженным местом, пока некоторые из них не опалили крылья и не падали замертво.

Однако страшнее всего пожар был в соборе Святого Павла: от адского жара взрывались камни, разверзались древние гробницы. Кровля собора плавилась, и жидкий свинец ручьями тек по близлежащим улицам.

Великий Лондонский Пожар

Сухой и ровный восточный ветер не унимался, и через три дня мэр Лондона пришлось горько сожалеть о своем легкомыслии — не взятый вовремя под контроль огонь к тому моменту уничтожил уже более трех четвертей Сити, включая 13 тысяч домов и постоянных дворов, все основные административные здания и около 90 церквей. Удивительно, что при таком масштабе разрушений в огне пожара погибло всего 9 человек — большинству горожан хватило времени, чтобы переправиться на лодках на другой берег Темзы.

К вечеру среды пожар наконец был взят под контроль — благодаря личному вмешательству Карла II, который послал команды пожарных разрушать здания на пути огня, дабы не дать ему распространяться. Однако же Лондон тлел еще несколько недель, а подвалы продолжали гореть даже спустя полгода.

И все же, как говорят англичане, «у каждой тучи есть свой серебряный ободок» — за тучами прячется солнце,

а значит, «нет худа без добра». Убогие деревянные трущобы — позор центрального Лондона, скопища крыс и рассадник чумы — были сметены за одну неделю. Новый Сити из камня и кирпича, как славный Феникс, поднялся из огня и через 40 лет стал более прекрасным, чем Париж «короля-солнца» Людовика XIV, и более густонаселенным, чем Константинополь или другие столицы Европы.

В 1671 году было принято решение установить уникальный памятник Пожару. Высота его колонны из кремового, но быстро чернеющего портлендского известняка — самой крупной в мире колонны — составила 202 фута (184 метра) — расстояние от его подножия до печально знаменитой пекарни на Пуддинг-лейн. И все же, несмотря общепринятую версию о непогашенном огне в пекарне, вопрос о виновнике пожара оставался открытым. Фаринор поклялся на суде в том, что гасил огонь в печах, и был оправдан, а буквально через несколько недель после адского пожара по подозрению в поджоге был арестован и признан виновным француз Роберт Хуберт, несмотря на то что и физически, и умственно он был не в состоянии совершить подобное преступление. Тем не менее в октябре 1666 года он был повешен, а его тело было растерзано на куски жаждущей мести толпой. Однако появились новые претенденты на роль заговорщиков-поджигателей. Надпись, сделанная вокруг основания монумента, как раз и повествует об интригующем процессе поиска виновников пожара. Был ли пожар предвестником вторжения голландцев, которое последовало сразу же в 1667 году? Был ли это какой-либо другой французский агент, который зажег первую головешку, а может быть, это был очередной заговор католиков? Выдвигались даже такие крамольные версии, как причастность к пожару самого короля Карла II, хотя и нельзя было отрицать его похвальную решительность и твердость во время сражения с огненным драконом. В 1681 году Корпорация Лондона добавила еще одну надпись на основании монумента: «Но папская ярость,

соторившая такие ужасы, все еще не улеглась». Воистину, призрачный страх перед возможными католическими заговорами висел над Лондоном того времени как удушилый смог, мешая видеть ситуацию и судить объективно.

Самое интересное, что ровно через 320 лет, в 1986 году, цех булочников решил-таки принести извинения за произошедший пожар — «лучше поздно, чем никогда» — так писали об этом в лондонских газетах. Получается, все-таки виновен был королевский пекарь?

311 ступенек ведут на смотровую площадку монумента, с которой открывается удивительный вид на возрожденный Сити. Любопытная деталь — перила лестницы, ведущей на смотровую площадку, выполнены из русского железа демидовских заводов: об этом говорит клеймо в виде соболя. Если совершить небольшой экскурс в историю, то можно понять, что в этом нет ничего удивительного: в то время Британия, хотя и являлась самой мощной промышленной державой мира, никак не могла гордиться своими успехами в металлургии: железо выплавлялось на древесном угле, а леса были почти все уничтожены. Россия производила в два с половиной раза больше железа, чем Англия, особенно славилось своим качеством демидовское железо, прослужившее лондонскому монументу верой и правдой не одну сотню лет.

Но не только за тем, чтобы любоваться панорамой, поднимались по этой лестнице с перилами демидовского железа горожане, была у монумента и дурная слава — какое-то время он пользовался широкой популярностью среди самоубийц — они спрыгивали с верхушки столпа и падали чаще на его основание, чем на мостовую. Возможно, с последней надеждой — восстать снова, для другой жизни, как Феникс из пепла, как обновленный, рожденный заново Сити.

Его крестными родителями, на которых возложили ответственную миссию формирования его нового облика, стали два удивительных человека, которые до Великого Пожара не имели возможности проявить себя полностью

в архитектурном творчестве: один из них, Кристофер Рен, был известным профессором астрономии из Оксфорда, другой — Роберт Хук — снискал признание за свои революционные опыты при работе с микроскопом.

Пробицение сэра Кристофера Рена — архитектора возрожденного Лондона

Resurgam — Я восстану снова...

В жизни Кристофера Рена большую роль сыграло Пророчество. Врядли бы он смог стать архитектором, если бы не казнь короля Карла I — Кристофер должен был унаследовать место настоятеля собора в Виндзоре, которое занимал его дядя, Мэтью Рен, епископ Илийский. Однако нет худа без добра — реставрация монархии через 10 лет и личная благосклонность Карла II позволили Рену получить место королевского инспектора по строительным работам, хотя у него и не было специального строительного образования. Скорее, архитектура была для профессора что-то вроде хобби, которому он и предавался со всем пылом своей души.

Немногим известен тот удивительный факт, что сэр Кристофер Рен был вовлечен в планы по перестройке собора Святого Павла еще до того, как разразился Великий Пожар. Работая над чертежами своего утопического Лондона, Кристофер Рен поместил в самом его центре собор Святого Павла, от которого лучами должны были расходиться улицы. Старый готический собор собирались перестраивать, и Рен должен был представить свой вариант проекта. За 6 дней до пожара на Пуддинг-лейн он представил проект собора, согласно которому вместо шпиля должен был быть купол, увенчанный продолговатым каменным ананасом более чем 60 футов высотой. Диковинный фрукт к тому времени только-только появился в Англии, и Рен был по-

ражен его совершенной формой. «Ананасовый дизайн», как его стали впоследствии называть, отсутствует на дальнейших проектах перестройки собора (тем не менее диковинным фруктам, хотя и выполненным в гораздо меньшем размере, все же нашлось место в архитектурном ансамбле собора: ими украшены колокольные башни).

Однако после Великого Пожара собор уже не пришлось перестраивать, его надо было строить заново. Пророчество постаралось и расчистило дорогу для создания шедевра великому Рену. Спустя три года после пожара он был назначен королевским архитектором, однако строительство нового собора началось только в 1675 году и стало для Рена делом всей его жизни. Собор Святого Павла был первым новым собором в Англии, построенным после Реформации. Рен, вдохновленный архитектурными шедеврами Парижа, который он посетил в 1665 году, берет на себя смелость отступить от традиций, согласно которым английские церкви строились на протяжении веков.

Карл II даровал архитектуре титул рыцаря еще до начала работ по возведению нового собора как знак особого доверия. Старый храм лежал в руинах, и Рен приказал разрушить остатки старых стен при помощи таранов и пороховых зарядов. Летом 1675 года был заложен первый камень нового храма: попросив сэра Кристофера один из рабочих наугад выбрал камень из груды щебня, оставшегося после расчистки строительной площадки. Камень оказался осколком старинного надгробия, на котором было выбито по-латыни: RESURGAM («Я восстану снова»).

Архитектор Кристофер Рен

Основной западный фасад собора из белого портлендского известняка с резным барельефом, изображающим обращение в веру святого Павла, обрамлен двумя башнями. В левой (северной) башне расположено двенадцать колоколов, в правой (южной) — часы и Большой Том — крупнейший колокол в Англии весом более 16 тонн, который звонит только по умершим членам королевской семьи, епископу Лондонскому, декану собора Святого Павла и лорду-мэру Лондона (правда, при условии, что он умер на рабочем месте). Рен предполагал, что часы будут и на северной башне, однако они так и не были установлены — вместо них на ней красуются лишь небольшие круглые отверстия. Купол собора, увенчанный крестом весом в 700 тонн, считается вторым в мире по величине после собора Святого Петра в Риме. Комитет, принимавший проект Рена, желал, чтобы собор доминировал над окружающими постройками — огромный, как Ноев ковчег, он должен был плыть над Лондоном. И действительно, только купол собора вкупе с крестом весят больше, чем целый «Титаник». Однако, чем больше размер купола, тем солиднее и массивнее должно быть основание, и если снаружи такая постройка выглядит вполне гармоничной, то внутри обязательно чувствуется диспропорция. Рен, будучи ученым, гениально решил эту проблему: он возвел внутренний полукруглый кирпичный купол с отверстием диаметром 6 метров, через которое проникает свет из фонаря, заливая собор. Опорой для каменного фонаря весом в 800 тонн служит кирпичный конус, а над конусом по замыслу архитектора был возведен второй, внешний купол — деревянный каркас, покрытый свинцовыми листами. Ложный второй этаж собора был создан для того, чтобы замаскировать массивные контрфорсы, которые поддерживают стены нефа и купол.

Наверх ведут 365 ступеней — по количеству дней в году: все же Кристофер Рен был профессором астрономии. 259 ступенек — и вы попадаете на Галерею Шепота. Трюк с двумя куполами сделал возможной уникальную акусти-

ку: если приложить ухо к стене галереи, то, несмотря на 34 метра ширины, можно расслышать слова, сказанные шепотом с противоположной стороны. 378 ступеней, или 54 метра, ведут на Каменную Галерею, а на высоте 85 метров, или 530 ступеней, расположена Золотая. Как награда за подъем — фантастический вид на Лондон. Удивительной красоты роспись купола на мотив жития святого Павла, выполненная сэром Джеймсом Торнхиллом. В северном трансепте собора — знаменитая авторская копия глубоко символичной картины Холмана Ханта «Свет Мира», оригинал которой хранится в Оксфорде, в колледже Кибл. На картине — Иисус Христос, стучащий в дверь человеческой души, в дверь, у которой нет ручки, которая заросла

Собор Святого Павла. Внешний вид

колючей ежевикой и открыть ее можно только изнутри... Богато декорированный алтарь собора: круглые позолоченные мозаики в византийском стиле, изображающие птиц, рыб, зверей и растения. Резной корпус органа. Отделанный мрамором интерьер центрального нефа. Много воздуха и красок в отличие от традиционных готических соборов Британии. Строго, величественно и монументально. «Я строю на века» — так говорил Кристофер Рен.

Последний камень фонаря над куполом собора был уложен руками сына Рена, в присутствии своего отца, главного архитектора, тридцать пять лет спустя после начала строительства великого Феникса.

Строительство собора подходило к концу, когда вдруг обратили внимание на то, что внутри храма отсутствуют колонны, которые поддерживали бы огромных размеров свод. Рен приводил собственные точно выверенные расчеты, пытаясь убедить комиссию, что колонны не нужны и купол не рухнет на головы прихожан. Однако ученому не поверили и распорядились установить колонны, подпирающие купол и своды собора. Рен выполнил это требование, но лишь частично: возведенные по его проекту колонны не достигают потолка собора, между капителями и самим потолком остается свободное пространство, однако, осматривая собор снизу, увидеть это практически невозможно.

Провидение, которое расчистило сэру Кристоферу Рену путь к его шедевру, казалось, хранило собор и во время Второй мировой войны. Однажды ночью на собор упало 28 зажигательных бомб, но чудесным образом он все-таки избежал пожара. Нельзя не восхищаться отвагой духовенства и служителей собора, которые на протяжении военных лет охраняли его каждую ночь: хватали клещами зажигательные бомбы, бросали их в ведра с песком и заливали водой из насосов. Однажды ночью рядом с часовой башней упала бомба замедленного действия — ее обнаружили и отвезли в Хэкни-Марш, где и подорвали. После взрыва осталась воронка диаметром около 100 футов. Был

случай, когда спущенный на парашюте фугас упал всего в нескольких футах от восточной стены. Однако страшный взрыв так и не прогремел — оказалось, что взрыватель вышел из строя. Воистину, на все воля Божья...

За три с лишним века своего существования собор был свидетелем и празднования юбилея королевы Виктории, и помпезных похорон адмирала Нельсона и герцога Веллингтона, и «свадьбы века» принца Чарльза и принцессы Дианы. Во время торжественной церемонии венчания колокола собора не подвели — прозвонили все положенные удары должным образом (в Британии до сих пор в ходу старинная легенда, согласно которой любой сбой в колокольном звоне во время венчания членов королевской семьи является дурным предзнаменованием). Ничто, казалось, не предвещало беды — на глазах у миллионов британцев, прильнувших к экранам телевизоров (церемония венчания транслировалась на всю страну), разыгрывался первый блестательный акт сказки про Золушку, ставшую супругой Принца. Сказки, которая по ходу повествования перетекла в драму, а затем и в трагедию — финал которой состоялся в злополучном парижском тоннеле.

Многое видел старинный собор за свой долгий век — неудивительно, что в нем обитает свое привидение, которое неоднократно видели церковные служители. Привидение обычно появляется в западной части собора в виде пожилого священника и периодически издает странные звуки, что-то вроде свиста на высоких нотах, не отличающегося музыкальностью и режущего слух. Интересно, что в том месте, где чаще всего можно повстречать фантомного церковнослужителя, была обнаружена секретная лестница.

Если Вестминстерское аббатство знаменито своим «уголком поэтов» — в нем похоронены многие гении литературы, то в соборе Святого Павла в основном находили свое последнее пристанище отважные воины, не раз спасавшие Отечество, и, как ни странно, художники. Среди них — Рейнолдс, Лоуренс, Лэндсир, Миллес и многие дру-

гие. Странное сочетание, не правда ли? Особенно когда оказываешься в южном трансепте: там, среди генералов и адмиралов при боевом оружии и в медалях стоит одинокий монумент художнику Тернеру в сюртуке с одной лишь трогательной кистью в руках.

Одним из самых знаменитых и известных среди обретших свой последний приют в соборе стал и лорд Горацио Нельсон, подаривший Британии победу при Трафальгаре и, как античный герой, скончавшийся в мгновение своей победы. Имя адмирала было окружено легендами, слухами и домыслами еще при его жизни. Сейчас же великий адмирал поконится в роскошном черном мраморном саркофаге, первоначально предназначавшемся для кардинала Уолси, а также для Генриха VIII и его третьей жены Джейн Сеймур и пролежавшего в часовне Святого Георгия в Виндзоре несколько веков. У гроба с телом Нельсона, который поконится в недрах саркофага, тоже весьма странная история. За несколько лет до своей кончины Нельсон получил его в подарок от капитана Бена Хэллоуэлла — корабельный плотник выстругал его из гrott-мачты французского фрегата «Ориент», который в битве на Ниле ходил под флагом адмирала де Брюэ. Нельсон не только не посчитал такой зловещий подарок дурным знаком, но и брал с собой в море, перевозя с одного корабля на другой. Чаще всего гроб стоял в каюте капитана, за его резным деревянным креслом. Вероятно, сам факт присутствия такого своеобразного подарка на корабле не внушал большого оптимизма команде, и, наконец, к облегчению большинства офицеров, Нельсон принял решение хранить мрачную реликвию в Лондоне. Говорят, что во время своего последнего отпуска, накануне Трафальгарской битвы, Нельсон приехал взглянуть на свой гроб и, обращаясь к сторожу, пророчески заметил, что эта вещь, возможно, понадобится ему по возвращении.

Что же касается самого Кристофера Рена, то его надгробие в южном приделе крипты — простой камень с удивительно скромной эпитафией, сочиненной сыном

знаменитого архитектора: «Se monumentum requires, circumspice» — «Читающий эти строки, если ты ищешь памятник — оглянись вокруг».

Сити — птица Феникс, возрожденная в камне

Возрожденный Сити по праву можно назвать городом Рена: помимо собора Святого Павла по проектам Рена были построены новые кирпичные дома и восстановлены 52 церкви. Последней большой работой великого архитектора стал Королевский госпиталь в Гринвиче, строительство которого было завершено в 1716 году.

Шедевры великого Рена можно и сегодня видеть в Сити — все так же сквозь лондонские туманы плывет, как грандиозный Ноев ковчег, собор Святого Павла, все так же горделиво высится шпили церквей, построенных по его проекту, — правда, только тех, что сохранились после варварских бомбардировок Второй мировой войны (31 церковь из 52-х), ведь именно «старина Сити» была основной мишенью для фашистов и пострадал больше, чем все остальные районы Лондона. Лежа в руинах, как и несколько веков назад после Великого Пожара, Сити вновь не смирился с участью Трои, казалось бы, предписанной ему судьбой. Сити восстал из пепла и на этот раз — современный город в городе из стекла и бетона, застроенный причудливыми зданиями в стиле архитектуры будущего, творениями экстравагантного и знаменитого Нормана Фостера: в их числе мост тысячи летия «Миллениум» и два весьма оригинальных здания, сооруженных практически рядом с древними стенами Тауэра. Одно из них — здание мэрии Лондона, напоминающее вставшую на дыбы гигантскую улитку из стекла и бетона. Примечательно, что через все этажи здания проходит пандус длиной в полтора километра, с которого можно обозревать город или залы, в которых заседают политики.

Второе сооружение, заслужившее прозвище «огурец», — это 30-этажное здание страховой компании «Swiss

Здание мэрии Лондона ночью

Re», выполненное в форме корнишона-пули, позволяющей добиться высокой освещенности и экологичности постройки: ветер огибает ее без образования завихрений и облаков, словно облизывает гигантское эскимо, а само здание отбрасывает меньше тени, чем обычный прямоугольный небоскреб. Что и говорить, здания XXI века в Сити продолжают традиции Вильгельма Завоевателя — так же, как и великий Тауэр, они впечатляют простых смертных и подчеркивают его мощь.

Кажется, что Сити был всегда: он незыблем и монументален. Кажется, что Сити будет всегда: парадоксально, но он проявляет удивительную гибкость, меняя формы, но,

не меняя сути, идя в ногу со временем. Сити — это место, где родился Лондон. Давно закрепивший за собой репутацию финансового центра, он простирается от Темпл Бар на западе до Тауэра на востоке, занимая практически ту же территорию, что и древний римский Лондиниум, очерченный мощной крепостной стеной, развалины которой сохранились и по сей день, — Квадратная миля, где каждый дюйм дышит историей...

Неизменен как дух самого Сити, так и его статус — через девять лет после покорения Британии Вильгельм Завоеватель даровал горожанам Сити особые права самоуправления. По сути Сити — самый настоящий анахронизм с его лордом-мэром в золоченой карете, шерифами и ольдерменами, отдельным полицейским департаментом. На всех улицах, где Сити граничит с Большим Лондоном, стоят постаменты с драконами, которые красуются и на гербе Сити, правда, сами лондонцы по неизвестной причине именуют их грифонами. Граница Сити со стороны Вестминстера считается основной — она обозначена бронзовым изваянием геральдического грифона, стоящего на колонне. По традиции, экипаж с английским монархом до сих пор должен останавливаться у этой границы и символически просить позволения у лорда-мэра, чтобы попасть в Сити.

Вполне вероятно, что именно дух грифона сродни духу Сити — мозгу Лондона. Согласно легенде, грифон — древнее мифическое существо с туловищем льва, крыльями, когтями и головой орла. Считается, что грифон в 8 раз больше льва и обладает необыкновенно острым слухом. В своих золотых гнездах грифоны хранят несметные сокровища. В геральдике грифон традиционно символизирует солнце, небо, золотящийся свет рассвета, объединяя в себе черты и свойства, присущие льву и орлу. В Древнем Риме грифон, охраняющий солнце, был посвящен богу Солнца Аполлону. Чаще всего геральдический знак грифона на своих гербах использовали благородные семейства — грифон на гербе английского королевского семейства — лучшее тому подтверждение...

Современный Сити

Грифоны встречают вас на въезде в Сити действительно неспроста: вот уже много столетий они хранят сокровища — и золотые слитки Английского банка, и королевские драгоценности Тауэра.

Неоклассическое здание Банка Англии — «Старой леди с Треднидл-стрит», учрежденного Вильгельмом III в 1694 году для сбора средств на войну с Францией, было построено в XVIII веке по проекту архитектора сэра Джона Соана. Именно ему принадлежала идея окружить его стеной без окон. В 1925—1939 годах архитектор сэр Герберт Бейкер перестроил здание банка, сохранив при этом

стену Соана: семиэтажное здание с тремя подземными этажами является вместилищем золотого запаса более чем семидесяти центральных банков со всего мира, исключая, по иронии судьбы, золотой запас самой Британии — он хранится в Федеральном резервном банке Нью-Йорка (Federal Reserve Bank of New York), куда был переведен во время Второй мировой войны. Основными критериями архитектуры банка была безопасность и надежность: мощные стены, огнеупорные конструкции, ни одно окно не выходит на улицу. Одна из самых заметных частей фасада — Угол Тиволи — повторяет по своему оформлению храм Весты в Тиволи неподалеку от Рима, фронтон же выполнен в виде вогнутого саркофага.

Но финансовая мощь современного Сити не исчерпывается лишь золотыми слитками, надежно спрятанными «под юбкой у старой леди с Треднидл-стрит». Сегодня Сити называют «центральным финансовым центром Европы». По объему финансовых операций он превосходит даже крупнейшую финансовую столицу континентальной Европы — Франкфурт-на-Майне: небоскребы банков, инвестиционных компаний и офисов блестят на солнце стеклом и сталью. Это и знаменитые биржи: Чайная, Каучковая, Биржа металлов, через которую проходит около 90 % всех мировых торговых операций с драгоценными металлами и за чьи сертификаты золотопроизводящие страны мирабются не на жизнь, а на смерть. Это и зареги-стрированные на Квадратной миле 264 иностранных и английских банка и почти 12 000 промышленных, торговых, инвестиционных и финансовых компаний со всего мира. Ежедневно на работу в Сити прибывает около миллиона человека, при том что постоянно в Сити проживает не более 9000. Тяжела и величественна поступь современного Сити: ежегодный оборот капитала здесь приближается к семи миллиардам фунтов стерлингов. Ежедневно здесь обмениваются валюты почти на 800 миллиардов фунтов

стерлингов и ежегодно продают или обменивают около 75 % всех ценных бумаг Евросоюза. Корпорация Лондона, которая управляет Сити как мини-государством (кстати, общая площадь всех офисных помещений здесь вчетверо превосходит площадь княжества Монако), умело скрывает под средневековым антуражем огромную власть и богатство, которые сосредоточены в Сити.

И все же при всей своей тяжеловесности и финансовой прозаичности Сити может быть удивительно поэтичен и загадочен. Пожалуй, самой романтической компанией, от которой и поныне веет ветром дальних странствий, является страховая биржа «Ллойд». Вернее сказать, даже не биржа, а конгломерат объединенных страховых сообществ, надолю которого приходится 50 % всех брокерских операций мирового судоходства.

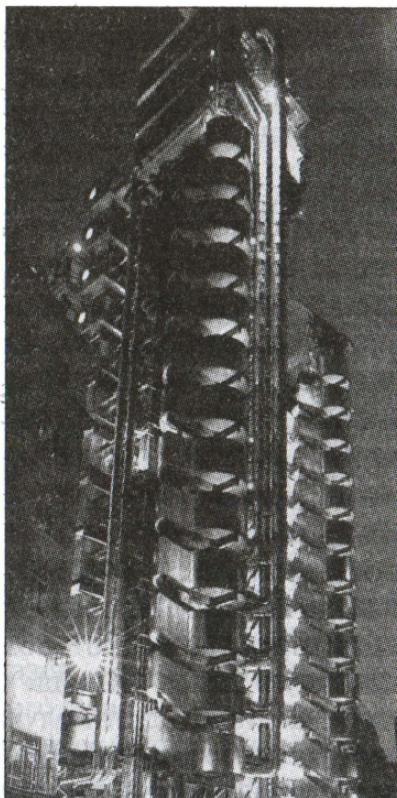
Свое название компания получила в честь владельца небольшой лондонской кофейни Эдварда Ллойда, которую судовладельцы и владельцы торговых компаний избрали местом для заключения страховых сделок в далеком XVII веке. В 1696 году хозяин кофейни начал распространять ежегодный справочник всех морских судов — «Новости Ллойда», впоследствии переименованный в «Судовой регистр Ллойда». Современное здание страховой корпорации Ллойда на улице Леденхолл, построенное «коммуникациями наружу» по проекту архитектора Роджерса в 1984 году, — яркий пример стиля «хай-тек». Лифты в стеклянных шахтах, снующие вверх-вниз, выведенные наружу трубы из голубоватой стали в ярком ночном освещении — «живая, дышащая машина», вертикальная версия Центра Помпиду в Париже. Лондонцы были немало удивлены, когда одна из самых консервативных корпораций в городе решилась на постройку такого яркого авангардного здания. Тем более разителен контраст между архитектурой стекла и стали и старомодными портые в ливреях официантов у входа — в память о далеком прошлом, о той самой уютной кофейне Эдварда Ллойда, с которой все

и начиналось... До сих пор все служители корпорации негласно зовутся «уэйтограмми» — официантами — их официальное одеяние — длинные малиновые мантии с черными бархатными воротниками. Любопытный факт: когда в 1804 году первый лорд Британского адмиралтейства отказался читать и отвечать на письма, в которых перед подписью стоит слово «уэйттор», комитет Ллойда тут же возвел одного из своих «официантов» в ранг секретаря и сообщил в адмиралтейство, что отныне вся переписка будет осуществляться через него.

Так же обстоит дело и с помостом, с которого раньше в кофейне читали интересные и важные сообщения — он до сих пор называется рострам (ныне это стоящая на небольшом возвышении кафедра, облицованная зеленым мрамором и черным деревом, имеющая подходы с трех сторон).

Есть и еще одна важная традиция: в центре страхового зала, на специальной конторке, лежит большая книга в черном переплете — так называемая «Книга потерь Ллойда», в которую с 1774 года заносятся все застрахованные у Ллойда суда, которые затонули, причем все записи в этой книге делаются исключительно гусиными перьями (то же самое касается и «Красных книг», куда заносят суда, считающиеся «пропавшими без вести»). При этом клерку при

Страховая биржа Ллойда

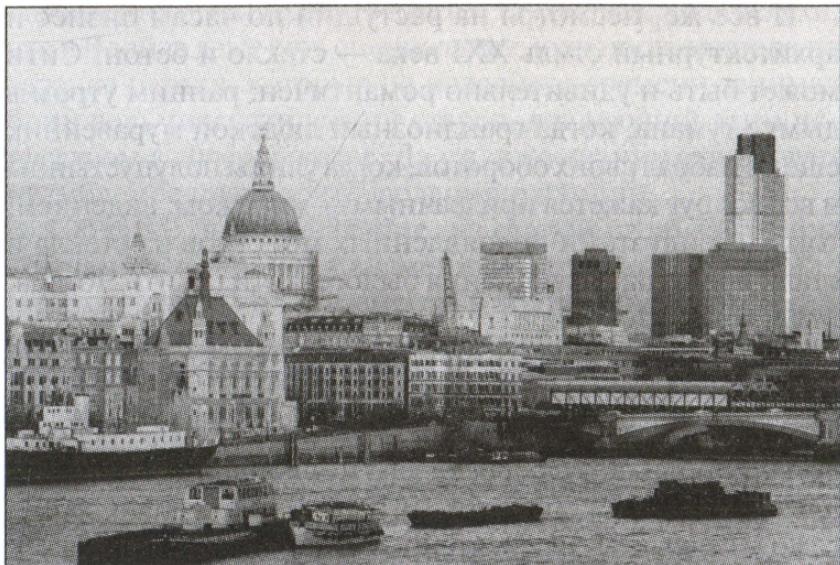
каждой книге ежегодно требуется 150 перьев. Ходят слухи, что в Ллойде даже есть специальная должность мастера по заточке перьев, которую до недавнего времени занимал один восьмидесятилетний старец, владеющий этим искусством в совершенстве. Да уж, в компании существует незыблемое правило соблюдения традиций...

Сюда же, в новое здание, из старой штаб-квартиры компании перевезли и знаменитый колокол Лутин Белл (весом около 50 килограмм и диаметром в 40 сантиметров), в свое время доставленный в компанию с захваченного французского фрегата в 1799 году, в который дежурный клерк неизменно звонил, получив известия об очередном затонувшем судне. В колокол бьют и по сей день: один удар означает плохие новости, два — хорошие. Несмотря на грандиозный финансовый кризис в 1990 году, когда корпорация понесла ущерб в 1 миллиард фунтов стерлингов и была вынуждена продать здание Немецкому финансово-му учреждению, которому сегодня вынуждена платить арендную плату, «Ллойд» остался на плаву. В наши дни ежегодный доход от получаемых «Ллойдом» премий составляет в среднем 340 миллионов фунтов стерлингов, причем больше половины этой суммы приходится на долю неморского страхования, которое было введено в 80-х годах прошлого века председателем комитета корпорации Катбертом Хитом. Первым прецедентом подобного рода стало первое в истории Ллойда страхование лондонского квартала ювелиров от пожара и ограбления. Сегодня здесь можно застраховать что угодно: и морские суда, и космические корабли, и бороды киноактеров, а также ноги кинозвезд, теннисистов и фигуристов. В частности, один из лондонцев получил от компании страховой полис, в котором сказано, что она принимает на себя риск в случае попадания искусственного спутника Земли в дом своего клиента. Да что говорить о простых лондонцах — сама королевы Великобритании Елизавета II застраховала здесь свой портрет, выполненный на рисовом зернышке.

И все же, несмотря на растущий по часам бизнес и архитектурный стиль XXI века — стекло и бетон, Сити может быть и удивительно романтичен: ранним утром в дымке тумана, когда грандиозный людской муравейник еще не набрал своих оборотов, когда улицы полупустынны и все вокруг кажется призрачным — миражом, видением, тогда за силуэтами новоявленных монстров из стекла и стали проступают очертания былого Сити... Сити Чосера, Мильтона, Шекспира...

Трогательно и сентиментально описывает утренний город Дж. Пристли в своих «Прогулках по Сити»: «В такое утро дым и туман, пришедшие из долины Темзы, решают сотворить некое чудо для своего Лондона, в особенности для самой старой его части — Сити. В такое утро Сити — само очарование. Все окутано слабо светящейся дымкой, то серебристой, то темно-золотой... У зданий есть форма и основательность, но совсем нет веса: они повисли в воздухе, словно дворцы из арабских сказок, — кажется, так легко опрокинуть купол собора Святого Павла одним лишь прикосновением пальца, или сдвинуть с места особняк лорда-мэра — Мэншин-Хаус, или отправить Монумент парить в пространстве. В такое утро невозможно сосчитать старые церкви, потому что их больше, чем когда-либо. Однако движение в такие дни отнюдь не замирает: алый поток автобусов все так же медленно движется вдоль древних узких улочек Сити, а на тротуарах все так же толпятся курьеры, полицейские, клерки, машинистки, директора, секретари, мошенники, сплетники, бездельники. Но все равно, именно в такое утро все автобусы, такси, фургоны, грузовики и люди, которые наполняют этот город, утрачивают свои повседневные четкие очертания. Они двигаются в пелене легкого тумана, их голоса становятся глушше, а движения — замедленными. Все новое, вульгарное и глупое ухитряется спрятаться там, где дымка становится гуще. А вот проблемы древней красоты присутствуют повсюду, прекрасно

Утренний Сити

обрамленной и освещенной: за каждым углом кто-нибудь шепчет пару строчек из Чосера. В такое утро река просто волшебна: там нет никаких географических законов, нет ничего, кроме чистейшей поэзии; вода ушла, оставив вместе с собой миражи из волшебных снов, скользящие по глади золотисто-серебряного воздуха. Таков Сити в это утро — частичка готической сказки, мираж, видение...»

Совсем другое зрелище ночной Сити. Он тоже пустынен. Зловеще молчалив. Таинственен. Загадочен...

Давайте представим себе ночной Лондон викторианской эпохи... Это нечто совершенно особенное: викторианцев ночная тьма города страшила и одновременно завораживала. Именно в этот период возник так называемый «ночной жанр», в театрах шли такие мелодрамы, как «Ночной Лондон», «Когда наступает ночь, или Повесть о лондонской жизни». В середине XIX века развилась мода на «ночные прогулки». Популярны были очерки и эссе, где одинокий пешеход, как правило, писатель или поэт,

движется по темному притихшему городу без определенной цели, пытаясь понять это громадное существо по имени Лондон, примечая по пути все, достойное внимания, скрытое под мицурой суэтливого дня и обнажающееся только ночью с ее необъятной тишиной.

Давайте отправимся на ночную прогулку по безлюдному Сити вместе с Чарльзом Мэнби Смитом — одним из таких любителейочных блужданий. Отправимся слушать ночную тишину, тем более пугающую и давящую, что она наступает после «гулкого, рокочущего, похожего на прибой» дневного шума. Действительно, Сити — некогда самое густонаселенное место — уже в XIX веке становилось практически безлюдным с наступлением ночи. Со временем население окончательно покинуло центр Лондона, переместившись в спальные районы на периферии, превратив Сити днем в огромный улей — банковский и офисный бизнес-центр, а ночью — в город мертвых. В своем эссе «Двадцать четыре часа лондонских улиц» Чарльз Мэнби Смит замечает, что малейший звук громко отдается от громадных зданий, а его собственные шаги рождают такое эхо, словно «тебя сопровождает какой-то невидимый спутник». Мертвой немотой охвачены длинные пустые авеню, что «устрашает ум и заставляет пешехода блуждать, забираясь все дальше и дальше».

Давайте исследуем задние дворики и тускло освещенные аллеи безжизненного Сити. Переулочки, мощенные булыжником, такие узкие, что в них невозможно открыть зонт. Опутанные паутиной времени и чего-то еще, едва уловимого, бросающего в легкую дрожь. Может быть, паутиной тех событий, которые происходили в стенах Сити много лет назад? Сами названия улиц уводят нас в прошлое: Олдер-гейт (Старые ворота), Треднил-стрит. Мы здесь одни в этой оглушительной тишине... Или не одни? Потому как это именно тот час, когда Французская Волчица неслышно скользит среди надгробий старого церковного кладбища, темная фигура на стене Ньюгейтской тюрьмы

мы гремит своими цепями, когда «Банковская Монашка» несет свою одиночную вахту, и что-то невыразимо зловещее мелькает в крошечном окошке замершего у дороги домика. Мы напали на их след...или они выследили нас?

Одним из любителей таких прогулок был и Чарльз Диккенс, которому ночной лик Лондона дарил странное успокоение и ощущение чего-то вечного и незыблемого, как великий и непостижимый Лондон. Порой он «шел под перестук дождя...шел, шел и шел, не видя ничего, кроме нескончаемого переплетения улиц», по мосту Ватерлоо пересекал Темзу, на которую «словно давила своей тенью лондонская огромность». Вестминстерское аббатство — знаменитая усыпальница монархов и знаменитостей при лунном свете «торжественно напоминала» ему о том, «что неисчислим сонм усопших одного этого великого древнего города, и если бы они встали из гробов, пока живые спят, на улицах и в переулках для живых не осталось бы места даже с маковое зернышко». Действительно, в древнем аббатстве за тысячу лет скопилось столько надгробных памятников и скульптур, что оно во многом напоминает некрополь — только по самым приблизительным подсчетам на территории аббатства покоятся не менее 3300 человек, не считая могил самих монахов. Однако в основном в Вестминстерском аббатстве спят вечным сном отнюдь не простые смертные лондонцы — в нем нашли свое последнее пристанище великие и знаменитые: короли и королевы, писатели и поэты, известные общественные деятели, вершившие некогда судьбу государства. Недаром напротив высится резные башни здания Парламента, чьи силуэты расплываются в водах Темзы, а часы башни Святого Стефана, в которой расположен знаменитый колокол Биг-Бен, стали символом Лондона во всем мире. Что подумал бы Чарльз Диккенс о Вестминстере, очутись он на ночной прогулке в нашем, ХХI веке, когда громадный циферблат Биг-Бена мерцает таинственной зеленоватой подсветкой, а само здание Парламента залито оранжевым светом, словно расплавленное золото стекает с его башен

в темные воды Темзы? И все же и сегодня, стоя у подножия башни Биг-Бен, как и века назад, нетрудно ощутить себя причастным к чему-то вечному и незыблемому, зато трудно поверить, что громадный двухэтажный автобус — красный дабл-деккер — мог бы с легкостью проехать через циферблат этих всемирно известных часов, достигающих семи метров в своем диаметре!

И под звон Биг-Бена всплывают в памяти строчки Бродского:

Город Лондон прекрасен, в нем всюду идут часы.
Сердце может только отстать от Большого Бена.
Темза катится к морю, разбухшая, точно вена,
И буксиры в Челси дерут басы.

Вестминстер — второе сердце Лондона

Легенды Вестминстерского аббатства.
Эдуард Исповедник

Говорят, что Лондон — это яйцо с двумя желтками. Один из желтков — это старый Сити, место зарождения великого Лондиниума. Второй — Вестминстер, построенный по велению религиозного Эдуарда Исповедника.

Место, где многовеков коронуются короли и королевы, где они жили и находили последнее пристанище, место, где билось сердце империи, «над которой никогда не заходило солнце», настоящая Мекка для политиков и кузница национальной судьбы. Прошлое здесь удивительно зримо и ощущимо: оно разлито в самом воздухе, отлито в камне: древний Вестминстерский зал Парламента, Башня Сокровищ, Вестминстерское аббатство.

История аббатства насчитывает целых тринадцать веков. Построенное на болотистых землях, в отдалении от офици-

Эдуард Исповедник

ального Лондона — Сити, — оно возникло не просто по прихоти и велению чудаковатого короля Эдуарда Исповедника, который правил Англией в 1042—1066 годах.

В жилах короля Эдуарда текла как саксонская, так и норманнская кровь. Некоторые историки считают, что Эдуард был альбиносом: его волосы и борода были белоснежными, удивительно светлая кожа казалась прозрачной, он легко краснел, его пальцы были длинными и тонкими и, согласно

легендам, приносили исцеление страждущим. Эдуард стал первым в истории Британии королем, который положил начало традиции исцелять больных золотухой, известной как «королевское проклятие», одним лишь прикосновением к больному. Кроме того, Эдуард, воспитанный в норманнском монастыре, был крайне религиозен, немногословен и больше подходил для уединенной жизни монаха, чем для королевского трона. Еще до вступления на престол он дал обет целомудрия, поэтому его последующий брак с Эдит, дочерью графа Эссекса, был по сути фиктивным. Неудивительно, что король не оставил наследников. Его супруга занималась благотворительностью и была удивительно скромна, предпочитая сидеть в ногах короля, вместо того чтобы занимать свое место на троне рядом с ним.

«Исповедник» — так благоговейно стали называть короля в народе, и ореол святости окружил его имя еще при жизни.

Однако в характере Эдуарда уживались и странные противоречия: обычно молчаливый и покорный, он мог внезапно впасть в ярость, бывал язвителен и даже жесток, ссыпал азартным охотником.

Еще до своего восшествия на престол Эдуард дал обет совершить паломничество в Рим. Однако королевский статус не позволил ему выполнить свое обещание, и Эдуард решил послать делегацию к Папе Римскому с просьбой отпустить этот тяжкий грех. Папа согласился даровать прощение только при условии, что король перестроит заново монастырь Святого Петра, что на островке Торни у самых берегов Темзы.

Монастырь Святого Петра был построен на месте овеянной легендами церкви на острове Торни, которая, согласно преданию, была освящена самим апостолом Божиим. Однажды ночью, в эпоху римских миссионеров, накануне того дня, когда должны были освятить новую церковь на берегу Темзы, рыбак по имени Эдрик отправился ставить сети. Не успел он зайти в лодку, как появился незнакомец в чужеземном платье и попросил Эдрика перевезти его через реку. Сойдя на противоположный берег, он сразу же направился к новой церкви, которая вдруг засияла в ночи неземным светом, и ангелы вдруг закружили над нею. Незнакомец признался, что имя его — святой Петр, а сам Эдрик за свою помощь получил в награду огромного лосося. Прибывший утром на остров епископ Лондонский, увидев распятие и услышав эту невероятную историю, понял, что новая церковь уже получила благословение свыше, ибо ее освятил тот, кто выше любого епископа.

Удивительно, но церковь Святого Петра действительно получила особый статус с самых первых дней своего существования, поскольку монахи подали прошение вывести ее из-под власти лондонской епархии. Прошение было удовлетворено, и ни один епископ или архиепископ не

имел права внести под ее своды свой посох без разрешения аббата или настоятеля, которые, в свою очередь, подчинялись только королю. Отсюда и особый королевский статус Вестминстера — маленького независимого священного островка посреди современного Лондона.

Таким образом, само Пророчество уготовило Эдуарду Исповеднику миссию стать основателем священного монастыря, получившего название Вестминстер — «монастырь к западу от Лондона». В те времена белоснежный Вестминстерский собор был самым большим зданием в Англии — на его строительство ушло двадцать лет. Аббатство стало хранилищем песка с горы Синай и земли с Голгофы, дощечки от священных яслей Иисуса и кусочков его креста, крови с бока Христа и молока Девы Марии, пальца святого Павла и волос святого Петра.

Одной из старейших реликвий аббатства, сохранившихся и по сегодняшний день, является старинная дубовая дверь, ведущая в одно из помещений этого знаменитого собора — восьмиугольную палату, где некогда ежедневно молились монахи, в XIV веке временно проходили заседания Парламента, а сейчас хранятся документы. Современные эксперты обратили на нее внимание прежде всего из-за поверья, бытовавшего в народе в XIX веке, когда на двери были замечены фрагменты кожи. Тогда-то и возникла кровавая легенда о том, что эта загадочная дверь была обита кожей человека, казненного здесь несколько веков назад, — якобы этот несчастный осмелился святотатствовать в стенах храма, за что и поплатился: самым жестоким образом его освежевали, а содранную кожу прибили к двери в назидание безбожникам. Однако, как установила экспертиза, «человеческая кожа» оказалась шкурой обычной коровы, зато сама дверь действительно была признана современницей Эдуарда Исповедника — анализ древесины показал, что она была изготовлена из дуба, росшего с 924 по 1030 год в лесных угодьях аббатства

предположительно в районе графства Эссекс на востоке Англии, а значит, она является свидетельницей и церемонии открытия аббатства, и коронации Вильгельма Завоевателя.

Торжественная церемония открытия состоялась 28 декабря 1065 года. Король Эдуард к тому времени был уже серьезно болен и в первых числах судьбоносного для Британии 1066 года скончался. Исповедник стал первым монархом, похороненным в Вестминстерском аббатстве. Последним из королей Британии, обретшим свое последнее пристанище в Вестминстерском аббатстве, стал Георг II, покоящийся здесь рядом со своей супругой Каролиной и старшим сыном, которого они оба смертельно ненавидели — так и не успевшим стать королем Фредериком

Фасад Вестминстерского аббатства

Интерьер Вестминстерского аббатства

Луисом, скончавшимся от последствий удара крикетным мячом. Все остальные британские монархи, начиная с Георга III, свой последний приют обрели в усыпальницах Виндзора — часовне Святого Георга и мавзолее Фримор, построенном великой королевой Викторией для горячо любимого мужа Альберта.

Но вернемся в далекий XI век: пока Эдуард лежал на смертном одре в аббатстве с золотым распятием на шее и «Кольцом Пилигрима» на прозрачной руке, его англосаксонский преемник Гарольд был спешно коронован, однако к наступлению Рождества уже сам Гарольд был убит, а в Вестминстере, прямо над могилой основателя аббатства, короновал себя норманн — Вильгельм Завоеватель. С тех пор все короли и королевы Британии по традиции проходят церемонию помазания на власть в Вестминстерском аббатстве.

Считалось, что для успешного царствования следует установить некую связь нового монарха с его святым предшественником. Для этого в самый торжественный момент коронации на плечи нового правителя накидывали старинную мантию Исповедника. Могли использовать и античные котуры или штаны Эдуарда, а также его башмаки. Если волосы взъерошивались во время помазания, их причесывали гребнем короля Эдуарда. В завершение обряда на голову нового государя возлагали старинный золотой венец, после чего он отправлялся в усыпальницу Эдуарда, где с него торжественно снимали одежды святого, оставляя их на алтаре. После чего, уже в современном одеянии, монарх со скипетром в руках направлялся во дворец.

В 1163 году, спустя век после своей кончины, Эдуард был официально причислен к лику святых. Каждый день около 16 000 посетителей ступают под величественные своды аббатства, где в алтарной части до сих пор, несмотря на Реформацию, находится рака с мощами его основателя. На протяжении четырех веков Эдуард Исповедник считался святым покровителем Англии, и каждый год тысячи паломников посещали его усыпальницу. Многие оставались на ночь рядом с мощами, надеясь на чудо и исцеление.

Однако чем более почтаем святой был при жизни, тем более уязвим он после смерти, потому как в Средние века считалось

Король Генрих III

обычным делом вскрывать гробницы в поисках реликвий и сокровищ, а также для того, чтобы убедиться в нетленности святых останков.

В первый раз именно по этой причине останки Исповедника потревожили в 1098 году по приказу короля Генриха I. По свидетельству очевидцев, тело Эдуарда прекрасно сохранилось, казалось, он просто спал. Епископ Рочестерский попытался вытянуть прозрачный волос из белоснежной бороды короля, однако ему это не удалось.

Во второй раз Эдуарда потревожили уже почти сто лет спустя после погребения. Темной октябрьской ночью, при свете свечей и факелов, гробница была вскрыта в присутствии Генриха II и архиепископа Томаса Бекета. По одной из версий, короля переодели в новое облачение и сняли с пальца знаменитый коронационный перстень с сапфиром, так называемое «Кольцо Пилигрима». По другой версии, это произошло уже при Генрихе III, который перестроил старинное норманнское аббатство в стиле французской готики и возвел роскошную усыпальницу, куда в 1163 году и перенесли моши святого.

Легенда о «Кольце Пилигрима»

Знаменитое кольцо Эдуарда Исповедника с роскошным сапфиром, согласно легенде, было однажды подарено им старому нищему, который просил милостыню рядом со строящимся Вестминстерским аббатством. Король неожиданно отдал сапфир из своего перстня и, сняв кольцо с пальца, протянул его старику. Годы спустя несколько английских паломников встретили того же «нищего» на Святой Земле, и старик открыл им, что он — сам Иоанн Богослов. Отдав паломникам кольцо с сапфиром, он попросил вернуть его королю Эдуарду и предупредить его, что тот через 6 месяцев умрет. Кольцо

стало символом Исповедника, а сама история нашла свое отражение во многих церковных витражах Англии.

«Кольцо Пилигрима», снятое с пальца Эдуарда, было помещено в сокровищницу Вестминстерского аббатства, а впоследствии, согласно одной из версий, сапфир из кольца Исповедника украсил Государственную корону, которой и по сей день пользуется нынешняя королева Британии во время официальных церемоний. Корона в настоящее время хранится в Тауэре — мрачной средневековой крепости XI века, но сапфир в короне, если это действительно сапфир из «Кольца Пилигрима», старше самого Тауэра.

Останки же владельца кольца снова переместили в период Реформации, во времена правления Генриха VIII, однако католичка Мария Тюдор, взойдя на престол, возвратила моши обратно в усыпальницу. В последний раз гробница святого была потревожена в 1685 году, после коронации Якова II, когда разбирали помост, возведенный для церемонии. Часть помоста рухнула и пробила дыру в гробнице. Мальчишка-хорист, увидев образовавшееся отверстие, засунул туда руку и нашупал среди костей усыпанное драгоценными камнями золотое распятие на цепи, выполненное в византийском стиле. Согласно описанию, на одной стороне креста была эмаль с изображением Крестных мук, а на другой — бенедиктинец в монашеском одеянии. Сама цепь с продолговатыми звеньями крепилась к кресту при помощи золотой головки, по краям которой свисало шесть золотых бусин. Распятие было подарено королю Якову II, который оставил его у себя во дворце Уайтхолл и пытался взять с собой бесценную реликвию, которой очень дорожил, когда был вынужден бежать во Францию после «славной революции» 1688 года. Якова ограбили в деревушке Февершем, и следы реликвии Эдуарда Исповедника затерялись...

Тайна английской короны. Знаменитые бриллианты

Зачем корона здесь у изголовья,
Тревожная на ложе снов подруга?
О, треволнений блеск! О, золото заботы! ...
О, величье! Ты голову сжимаешь венценосца,
Как дорогая бронь, что в жар дневной,
Спасая, жжет...

*B. Шекспир. «Король Генрих IV».
Часть II. Акт IV. Сцена IV.
(Перевод К. Романова)*

История же английской короны, изготовленной при короле Эдуарде Исповеднике, в чем-то напоминает историю славного Феникса: дважды она была утрачена — в 1216 году утонула в водах залива Уош при Иоанне Безземельном, а в 1649 году после казни Карла I была пущена в переплавку фанатиками-пуританами. И дважды упрямые британцы восстанавливали ее, чтобы теперь с гордостью показывать туристам в сокровищнице Тауэра. Тридцать восемь королей короновались ею — для церемонии коронации ее специально доставляют в Вестминстерское аббатство. Однако не всем известно, что подлинные короны обладают тяжелым характером: они не любят оказываться на недостойных головах и жестоко карают святотатцев, рискнувших, пусть даже в шутку, примерить их на свою голову, не будучи при этом королевской особой по крови. Королевский венец, предмет стольких вожделений и чаяний, неоднократно становился для своих новоиспеченных владельцев орудием кары. Сама история Англии подтверждает это: были в ней случаи, когда трон заполучали люди, чье право на престол вызывало большие сомнения. И каждый раз корона каким-то мистическим образом покидала очередного узурпатора.

Так, как уже было упомянуто, в 1216 году корона покинула английского короля Иоанна Безземельного, уткнув вместе с другими королевскими драгоценностями и казной при переправе через залив Уош. Король Иоанн, самый младший из сыновей Генриха II и Элеаноры Аквитанской, унаследовал престол от старшего брата Ричарда I — знаменитого Ричарда Львиное Сердце, который, умирая, назвал своим преемником Джона (Иоанна), хотя его юный племянник Артур был ближе к трону по линии престолонаследования. Джон воспользовался первой же возможностью, чтобы заточить в темницу шестнадцатилетнего Артура. Предполагают, что он лично умертил племянника, привязал к его телу тяжелый камень и бросил труп в Сену. Как бы там ни было, историки сходятся во мнениях, что Артур действительно погиб при зловещих обстоятельствах: доподлинно известно, что жена одного из знатных вельмож, осмелившаяся предположить, что король Иоанн имеет отношение к смерти племянника, была уморена голодом в темнице замка Виндзор.

Предположение знатной дамы было тем более не бесспорно, если принять во внимание характер короля Иоанна: злобный, подозрительный, ревнивый и мстительный. Не получив после смерти отца никаких земель во владение (отсюда и прозвище «Безземельный»), Джон поспешил женился на богатой наследнице, однако, став королем, без колебаний покинул супругу ради двенадцатилетней Изабеллы Ангулемской, в которую он страстно влюбился. Изабелла подарила мужу шестерых детей, в то время как у него родилось еще двенадцать незаконных отпрысков от других женщин. Король любил женское внимание и не прощал пренебрежения: одной из дам, имевших несчастье отвергнуть короля, он послал отравленное яйцо в подарок. Однако жене Иоанн не позволял даже невинного флирта: однажды королю почудилось, что Изабелла закрутила любовный роман с человеком из своего окружения.

Иоанн Безземельный подписывает Великую Хартию Вольностей

Недолго думая, король приказал повесить предполагаемого соперника, после чего его труп был подвешен над кроватью Изабеллы в качестве устрашения.

При всем этом король Иоанн был удивительно невезучим человеком: проиграл войну с Францией и потерял лучшие земли на французской стороне, на пять лет был отлучен от церкви Папой Римским, испытывал ненависть и презрение со стороны знати и аристократии, в результате чего был вынужден подписать знаменитую «Хартию вольностей», что положило начало конституционной монархии в Британии.

Несмотря на попытки короля укрепить экономику страны и английский флот, контролировать своих подопечных, Англия оказалось ввергнутой в состояние хаоса. Бароны пригласили Людовика, сына короля Франции Филиппа II, занять английский престол — Людовик прибыл в Англию со своей армией и высадился в Лондоне и Винчестере. С севера высадились шотландцы. Иоанн был вынужден прибегнуть к услугам иностранных наемников — воевать за короля в его собственной стране было некому. Неудивительно, что король никому не доверял — путешествовал он со всем своим скарбом, не расставаясь со своими сокровищами ни на минуту. И надо же было такому случиться, чтобы во время одной из переправ все его сокровища утонули! Была утрачена не только знаменитая корона Эдуарда Исповедника, но и корона императрицы Матильды, орб и скипетр, все драгоценности его матери, Элеоноры Аквитанской, которая была самой богатой женщиной в мире, а также многочисленные золотые чаши, кубки, кресты — все, при помощи чего он расплачивался с наемниками. Несколько дней спустя не стало и самого короля Иоанна — по одной из версий, он был отравлен.

Наследником Иоанна по праву должен был стать его девятилетний сын Генри, однако то было смутное время — нельзя было терять ни минуты. Супруга Иоанна Изабелла, в тот момент находившаяся в Глостере вместе

с наследником, немедленно объявила маленького Генри королем и устроила его импровизированную коронацию в Глостерском соборе. Поскольку ни короны, ни других регалий под рукой не оказалось, Изабелла использовала в качестве короны одну из своих золотых диадем (одно из своих золотых колье) — уникальный случай в истории Англии. Тем не менее Генрих стал настоящим королем, при этом гораздо более успешным, чем его отец.

В другой раз корона покинула Ричарда III, захватившего престол в обход старшего сына своего брата, короля Эдуарда IV. Ричарду также приписывают убийство племянников — наследных принцев, один из которых должен был стать королем Эдуардом V — в Кровавой башне Тауэра. По одной из версий, корона скатилась в решающий момент с головы узурпатора в куст боярышника в битве при Босуорте в день его гибели на поле боя.

Жестоко поплатился за непочтительное отношение к короне и английский король Эдуард II — в феврале 1308 года, накануне своей коронации, Эдуард, который, по свидетельству современника, «неумеренно предавался содомскому греху», разрешил примерить корону своему фавориту и любовнику Пьеруде Гавестону. История, получившая огласку и вызвавшая возмущение знати и народа, была последней каплей — в мае Парламент обязал короля выслать фаворита из страны, а в январе 1312 года, когда Гавестон самовольно вернулся из ссылки, архиепископ Кентерберийский отлучил его от церкви. Дальнейшие события были еще более печальны: Гавестона захватили в плен и 19 июня 1312 года обезглавили. Сам же король Эдуард II, правитель слабый и неудачливый, был низложен Парламентом в январе 1327 года и заключен в темницу, где стражники в насмешку увенчали его короной, сплетенной из соломы. В ночь с 21 на 22 сентября того же года король был тайно убит, как предполагают, в результате заговора своей собственной жены и ее любовника.

По свидетельству хрониста Джона де Тревиза, смерть его была позорной — орудием убийства стал раскаленный вертел, воткнутый в королевский зад.

В 1399 году на английский трон взошел, свергнув своего предшественника Ричарда II и отстранив от престолонаследования старшую ветвь королевского дома, Генрих IV Ланкастер. Крепкий и здоровый мужчина, участник многих рыцарских турниров и крестовых походов, Генрих вскоре после коронации заболел проказой, что в Средние века считалось Божиим наказанием. Однако не только кожный зуд изнурял короля: все его правление сопровождали восстания и заговоры, ему даже пришлось казнить архиепископа Йоркского, который поддержал одно из восстаний. Генрих знал, что его право на престол более чем зыбко, знал, что руки его обагрены кровью, что его собственный сын с нетерпением ждет смерти отца:

Король Генрих IV

Сын мой, знает небо —
Какими ложными, окольными путями
Корону я добыл. И сам я знаю,
Как на главе моей она держалась шатко...
(B. Шекспир. «Генрих IV»)

Одна надежда спасти свою грешную душу грела короля: он надеялся, что участие в крестовом походе принесет ему прощение — что может быть благороднее, чем отдать жизнь за веру? Тем более что предсказатель напророчил

королю смерть в Иерусалиме. Но и этой надежде не суждено было сбыться: короля хватил удар, когда он молился в Вестминстерском аббатстве. Его перенесли в соседнее помещение, и, едва прия в сознание, Генрих слабым голосом спросил, где он находится. Услышав, что он в «иерусалимской палате», король понял, что настал его конец: «Хвала Отцу Небесному, потому как сейчас я знаю, что умру в этой палате, ведь, согласно предсказанию, я должен умереть в Иерусалиме». Шекспир же вложил в уста умирающего Генриха фразу, которая передает в себе всю суть монархии: «Тяжело той голове, которая носит корону». В данном случае корону Эдуарда Исповедника. И вторит английскому гению пера пушкинский Борис Годунов: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!»

В наши дни королевские регалии и драгоценности английских монархов хранятся в надежном месте — Казармах Ватерлоо, построенных к северу от Белой башни в то время, когда герцог Веллингтон был комендантом Тауэра. Здесь их и можно увидеть всем желающим. Сами сокровища — слепящие глаза бриллианты, рубины, изумруды и другие драгоценные камни — хранятся в восьмиугольном сейфе из стали и стекла. Однако наиболее значимыми и исторически ценными предметами сокровищницы следует признать три короны. Одна из них — это копия короны святого Эдуарда Исповедника, изготовленная в 1661 году по распоряжению Карла II (оригинал короны, как это ни печально, бесследно исчез в середине XVII века — во времена Республики Оливера Кромвеля). При коронации каждого нового монарха ее на мгновение возлагают на голову коронуемого. Другая — «имперская государственная корона», в которой монарх открывает парламентские сессии и участвует в различных церемониях общегосударственного значения. Церемониальную корону, украшенную 2874 бриллиантами, изготовили в 1838 году для королевы Виктории. Помимо бриллиантов на короне красуются 17 сапфиров, включая знаменитый

Елизавета II в Короне Британской империи

сапфир из «Кольца Пилигрима» Эдуарда Исповедника, с которым король был похоронен. Позже, в 1163 году, кольцо было извлечено из его усыпальницы и помещено в сокровищницу Вестминстерского аббатства. Согласно преданию, сапфир из этого кольца и был вставлен в центр бриллиантового креста, расположенного на маковке короны. Блеск сапфиров оттеняет сияние 11 изумрудов и 5 рубинов, самым крупным из которых является необработанный рубин больших размеров, первоначально принадлежавший знаменитому «Черному принцу», а впоследствии украшавший шлем Генриха V во время битвы при Азенкуре. Среди 273 жемчужин особенно выделяются две крупные жемчужины, подвешенные в том месте, где сходятся арки короны — в свое время они служили серьгами королеве Елизавете I. Своды арок короны усеяны созвездиями бриллиантов, выполненными в виде дубовых листьев с желудя-

ми из жемчуга — в память о дубе, в ветвях которого укрылся от солдат Кромвеля Карл II, тогда еще наследный принц, спасшийся таким путем после поражения армии своего отца, короля Карла I, в битве при Бустере.

Третья корона — это Имперская корона Индии, изготовленная в 1912 году для короля Георга V, которого короновали в Дели как императора Индии. Дополнительную корону пришлось изготовить потому, что британский закон запрещает вывоз за пределы страны как Короны Англии (копии короны Эдуарда Исповедника), так и Имперской государственной короны.

Рядом со всем этим великолепием, призванным подчеркнуть незыблемость, мощь и богатство английской монархии, соседствует очаровательная маленькая бриллиантовая корона королевы Виктории. Юная королева, взошедшая на престол в возрасте 18 лет, была слишком миниатюрной для солидной государственной короны и пользовалась ею только в особо торжественных случаях.

Среди королевских сокровищ находятся три крупнейших бриллианта мира: «Первая звезда Африки, или Куллинан I» (530 карат), каплевидный бриллиант, украшающий золотой скипетр святого Эдуарда; «Вторая звезда Африки, или Куллинан II» (317 карат), сверкающий на Имперской государственной короне; и легендарный «Кохи-Нор» (Гора Света) весом в 105,6 карата, перемещенный из короны королевы Марии в корону королевы Елизаветы, матери ныне правящей королевы, в 1937 году.

Пожалуй, самым знаменитым из них считается алмаз Куллинан, найденный в январе 1905 года на южноафриканском руднике «Премьер» и названный в честь сэра Томаса Куллинана, президента компании «Премьердаймонд майн», на рудниках которого камень и был обнаружен. Уникальный алмаз, хотя и являлся обломком очень крупного кристалла, достигал размеров кулака и весил 3106 карат. Можно сказать, что гигантский алмаз обнаружили почти случайно: управ-

ляющий рудником проводил плановый осмотр карьера, как вдруг что-то ослепительно сверкнуло в стенке забоя — это был алмаз, сверкающий в лучах солнца. С большим трудом управляющему удалось выковырнуть великана из его «родового гнезда» перочинным ножом. В 1907 году чудесный алмаз был преподнесен английскому королю Эдуарду VII на день рождения в дар от правительства Трансвааля. Однако изготовить из него бриллиант гигантских размеров оказалось невозможно — в Куллинане имелись трещины. Шесть месяцев специалисты ломали головы, как им поступить с таким сокровищем: необходимо было расчленить камень по трещинам и освободить от посторонних включений, или, как говорят шлифовальщики, «открыть камень», причем сделать это при помощи одного единственного удара. Определить направление такого удара можно было, лишь найдя точку на поверхности алмаза, после чего пришлифовать ее и заглянуть внутрь. Такую ответственную миссию доверили лучшему гранильщику Европы Иозефу Асскеру. Несколько месяцев Асскер изучал алмаз, прежде чем сделал на нем едва заметную царапину. После чего в присутствии нескольких именитых ювелиров в полнейшей тишине Асскер приставил к царапине стамеску, ударил по ней молотком и потерял сознание — так велика была ответственность, которая лежала на плечах мастера.

И все же он не ошибся — прия в сознание и повторив ту же операцию на осколках гиганта, Асскер понял, что расчет оказался правильным: вместо алмаза-великана появилось два очень крупных монолитных блока, семь средних и 96 мелких алмазов чистейшей воды с голубоватым свечением. Еще два года потребовалось на то, чтобы их достойно огранить, и, наконец, в 1912 году успешное завершение работ было отмечено грандиозным банкетом.

И все же самым загадочным бриллиантом из королевской сокровищницы Тауэра следует, пожалуй, признать «Кохи-Нор». Знаменитый алмаз известен с 1304 года: когда-то

Корона Британской империи

он принадлежал основателю династии Великих Моголов и украшал церемониальный Павлиний трон шаха Джахана — строителя Тадж-Махала. Однако владельцев уникального алмаза словно преследовал злой рок: они умирали один за другим. После того как очередной хозяин алмаза, Надир Шах, был убит, его телохранитель бежал в Афганистан, захватив с собою драгоценный камень.

В конце концов, уникальный алмаз перешел во владение Ост-Индийской компании, которая в 1850 году преподнесла сокровище в дар английской королеве Виктории. По-видимому, алмаз остался доволен таким поворотом в своей судьбе и новой хозяйкой, которая первоначально носила его в качестве броши — никаких неприятностей своим владельцам он больше не доставлял.

Поистине, ослепителен блеск бриллиантов сокровищницы Тауэра, которую ежегодно посещают миллионы туристов со всего мира. Однако несмотря на заманчивую близость многомиллионных сокровищ, завладеть ими злоумышленнику совсем непросто: потенциальный вор будет как минимум насмерть поражен электротоком, если он только рискнет разбить стекло, за которым находится вожделенная добыча.

История одного похищения

И все же история Британии сохранила имя бесстрашного авантюриста, который предпринял попытку украсть королевские регалии из Тауэра, чуть было не завершив-

шуюся успехом. Этим отчаянным безумцем был некий полковник Блад, ирландец по происхождению. В своей книге «Лондон» Генри Мортон делится с читателями этой поистине детективной историей.

Когда Карл II вернулся на трон, Блад, как и многие другие солдаты удачи, обосновался в Лондоне. В те времена королевские регалии хранились в Тауэре в Башне Мартини: на первом этаже стояла железная клеть с регалиями, а на верхних этажах располагались жилые апартаменты хранителя драгоценностей — восьмидесятилетнего старичка Тэлбота Эдвардса и его семейства. Страна приходила в себя после десятилетнего периода Республики, и в течение некоторого времени Эдвардсу, как и многим другим, не выплачивали жалованья, поэтому ему разрешили взимать плату с тех, кто желал взглянуть на драгоценности Короны, что он и делал. Единственная мера предосторожности, предпринимаемая хранителем, состояла в том, чтобы запереть дверь на замок, когда посетитель входил в помещение, где хранились сокровища.

В апреле 1671 года некий безобидный на вид сельский пастор со своей женой посетили Тауэр, чтобы взглянуть на сокровища. Под личиной пастора скрывался, конечно же, полковник Блад, а роль «жены» исполняла его сообщница. Во время осмотра «жена» вдруг почувствовала себя плохо, и добросердечный старый Эдвардс, с воодушевлением рассказывавший гостям о знаках королевской власти, предложил гостям подняться наверх, где его супруга, миссис Эдвардс, помогла гостью «прийти в себя».

Таким образом Блад и его сообщница вошли в доверие к своим «жертвам», а через два дня «пастор» подарил супруге хранителя пару перчаток в знак благодарности. Постепенно знакомство переросло в дружбу, и «пастор» с «женой» стали частенько бывать у четы Эдвардс, у которых были незамужняя дочь и сын, в то время находившийся во Фландрии. «Пастор» подбросил идею познакомить мисс Эдвардс со своим племянником, чтобы устроить судьбу

Полковник Т. Блад

одинокой девицы, что было с радостью принято семейством Эдвардсов. Назначили день, в который «пастор» должен был представить своего «племянника» потенциальной невесте — в 7 утра майским утром 1671 года Блад в сопровождении четырех сообщников верхом прибыл в Тауэр: один из сообщников остался у ворот Святой Екатерины, а Блад и трое других, в число которых входил и пресловутый племянник, должны были похитить королевские регалии.

Причем самому Бладу надлежало похитить корону, его пожилому сообщнику по имени Паррот — державу, а третий должен был вынести в мешке скипетр, распиленный натрое. Племянник же обеспечивал охрану.

Старик-хранитель встретил Блада почти по-родственному, сообщив, что миссис и мисс Эдвардс спустятся через минуту. Блад представил своих друзей и рассказал, что сами они не из Лондона и очень хотели бы взглянуть на королевские сокровища, на что старик Эдвардс тут же откликнулся и проводил гостей в помещение, где хранились драгоценности. Все трое, кроме племянника, скромно заметившего, что он предпочитает блеск глаз своей невесты сверканию любых самоцветов, вошли внутрь, после чего, сбив старика с ног, вставили ему кляп и принялись за дело: Блад схватил корону и деревянным молотком сплющил арки, чтобы она поместилась в карман, Паррот взял державу с огромным рубином, а третий сообщник принялся распиливать скипетр. В этот момент, как в настоящем приключенческом романе, на сцене появляется молодой

Эдвардс, который по всем расчетам никак не должен был оказаться в Лондоне. Юноша как раз прибыл из Фландрии и, увидев незнакомца и немного удивившись, не стал даже задерживаться, так как торопился увидеть мать и сестру.

Однако встревоженный «племянник» подал сигнал тревоги, и сообщники, распахнув дверь, вышли наружу со всеми своими трофеями — короной и державой, полураспиленный скипетр они оставили в сокровищнице. В это же время старик Эдвардс, сумевший выплюнуть кляп, принял звать на помощь, и в Тауэре поднялась страшная суматоха, воспользовавшись которой Блад бросился бежать с криком «Ловите мерзавца», дабы усилить неразбериху и сбить с толку стражу. Однако, к чести тауэрских стражников, командир отряда капитан Бекенгем догадался, что этот человек — злоумышленник, и пустился в погоню. Блад был схвачен, корона спасена. Парроту также не удалось улизнуть: в кармане его брюк нашли державу. Королевские регалии практически не пострадали, не считая того, что некоторые драгоценные камни выпали из короны в процессе схватки стражников и Блада.

Однако, пожалуй, еще более удивителен неожиданный финал этой истории — спустя несколько дней Блад был вызван в Уайтхолл на приватную беседу с самим королем. Трудно сказать, о чем они говорили, но после королевской аудиенции Бладу была назначена пенсия в 500 фунтов годового дохода и обещано вернуть поместья в Ирландии, отнятые во время Реставрации монархии. Старику Эдварду было отписано 200 фунтов, а его сыну — 100. К сожалению, старик вскоре скончался от полученныхувечий. Удивительная щедрость и милосердие короля так и остались загадкой... До сих пор остается неподтвержденной популярная в то время версия о том, что Карл II, испытывающий потребность в наличности, самолично нанял бравого полковника и поручил ему украсть корону! Согласно другой версии, король якобы заявил в свое оправдание, что еще не было такого человека, который

рискнул бы украсть корону, а Блад попытался сделать это, рискуя жизнью, чтобы привлечь внимание монарха к своей персоне. Похоже, это ему действительно удалось!

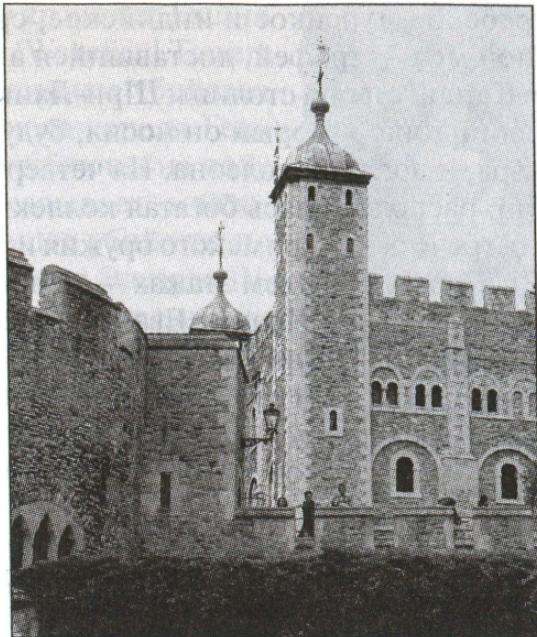
Мрачные тайны Тауэра

Извозичий двор и встающий из вод
В уступах преступный и пасмурный Тауэр,
И звонкость подков, и простуженный звон
Вестминстера, глыбы, закутанной в траур.

(Б. Пастернак. «Шекспир», 1919)

Охранять сокровищницу Короны, а также доставлять в Вестминстерское аббатство корону и прочие регалии королевской власти на какую-либо церемонию поручено стражникам Тауэра, которые с норманнских времен и до наших дней остаются привратниками и охранниками крепости. Они считаются старейшим в мире охранным подразделением, которое до сих пор выполняет обязанности, возложенные на него в момент возникновения. Начальник стражи является правой рукой коменданта Тауэра: в знак своего положения на праздничных парадах он выступает, опираясь на посох, увенчанный серебряной копией Белой башни (Уайт Тауэр).

Тауэр, по сути, представляет собой комплекс из двадцати башен (некогда их было двадцать две): девятнадцать из них были построены вокруг основной башни в центре — Белой башни. Центральная башня, когда-то с выбеленными стенами, стоит на месте деревянной крепости времен Вильгельма Завоевателя, построенной по его приказу на скорую руку сразу после того, как он обосновался в Лондоне и объявил себя королем Англии. В 1078 году Вильгельм приказал построить массивную каменную крепость — 90 футов (около 30 метров) высотой и стенами толщиной в 15 футов (около

Белая Башня Тауэра

5 метров) у основания — так родился Тауэр, мрачный, гордый, неприступный — не покорившийся больше никому за долгую и бурную историю Лондона.

Белая башня — некогда самый мощный из множества королевских замков, построенных по приказу Вильгельма Завоевателя в стратегически важных пунктах Англии, — служила королевской резиденцией для всех средневековых королей, но со временем, по мере строительства других, более комфортабельных и приветливых резиденций, утратила свое первоначальное предназначение. Интересно отметить, что Белая башня — еще и место основания знаменитого ордена Бани в 1399 году.

В наше время, когда Тауэр представляет собой всемирно известный музей, на четырех этажах Белой башни представлена коллекция Королевского арсенала. В Восточном зале выставлено оружие и обмундирование: европ-

пейское, арабское, турецкое и индийское, среди которого стальной меч — трофеи, доставшийся англичанам при захвате Канди, старой столицы Шри-Ланки, мундир герцога Веллингтона, который он носил, будучи комендантом Тауэра, и шлем Наполеона. На четвертом этаже, в Зале совета, расположилась богатая коллекция англо-саксонского, греческого и римского оружия и рыцарских доспехов. На втором и третьем этажах — самая старая городская церковь Святого Иоанна Евангелиста. Мрачная коллекции орудий пыток представлена в Банкетном зале башни, там же находится и плаха, на которой в 1747 году за государственную измену был обезглавлен лорд Ловат, принимавший участие в якобитском восстании 1745 года, и топор тауэрского палача.

Каждая башня — молчаливая и строгая, как монашка, — хранит в своих стенах немало тайн, большей частью

Интерьер часовни Святого Иоанна Евангелиста

зловещих и кровавых. Башня Вейкфилд (Wakefield Tower) стала свидетелем убийства низложенного короля Генриха VI — табличка на полу башни указывает место, где произошло убийство по приказу короля Эдуарда IV. Слабый, но удивительно набожный король, покровитель искусства и образования, Генрих VI вполне еще может стать святым официально — специальное общество памяти короля ходатайствует о том, чтобы причислить его к лику святых. В 1923 году было

Король Генрих VI

положено начало ежегодной церемонии, во время которой в день убийства короля на роковое место в башне Вейкфилд возлагаются белые лилии — церемония оплачивается Итонским коллежем как дань уважения своему основателю. Небесное же возмездие за его убийство можно, пожалуй, считать совершенным — дети Эдуарда IV вошли в историю как «юные принцы» — жертвы коварного убийцы — своего дяди Ричарда III, чей портрет как злобного и жестокого горбuna выведен первом гениального Шекспира.

На самом деле в хрониках, написанных при жизни Ричарда Глостерского, младшего брата короля Эдуарда IV, ни о пресловутом горбе, ни о том, что он якобы «провел два года в утробе матери» и появился на свет «с волосами до плеч и полным ртом зубов», не говорится ни слова, лишь упоминается тот факт, что одно плечо у него было выше другого. Более того, на немногих сохранившихся портретах у Ричарда также нет никакого горба — утонченное интеллектуальное лицо, немного отстраненное выражение мин-

далевидных глаз... Сэр Уолтер Рэлли писал, что Кэтрин, герцогиня Ричмондская, с которой он был знаком и кото-рая, согласно документам, прожила 140 лет, вспоминала на закате жизни о том, как, будучи еще девушки, танцевала на придворном балу с самим Ричардом: «Он был самым красивым мужчиной в зале, если не считать его брата Эдуарда, и он был очень хорошо сложен».

Все годы правления Эдуарда IV, отнявшего трон у слабовольного религиозного Генриха VI во время пре-словутой войны Алой и Белой розы между династиями Йорков и Ланкастеров, Ричард Глостерский предстает его верным слугой: занимает важные военные и государ-ственные должности, демонстрирует свою преданность и умение быть полезным. При этом он, однако, довольно редко появляется при дворе, причиной чему служит явная недоброжелательность королевы Элизабет и ее многочис-ленной алчной родни, рвущейся к безраздельной власти и влиянию на короля. Получивший в управление северные области Англии, Ричард стремился обеспечить спокой-ствие на шотландской границе.

Когда 9 апреля 1483 года король Англии Эдуард IV неожиданно скончался в возрасте 40 лет, его наследни-ками оставались два малолетних сына: 12-летний Эдуард и 10-летний Ричард. По одной из версий, регентом при малолетнем короле, согласно завещанию Эдуарда, был назначен его младший брат, Ричард Глостерский.

Однако вопрос о завещании до сих пор остается от-крытым: вдовствующая королева Элизабет и ее родня хотели оставить регентство в своих руках, при этом даже не поставив Ричарда в известность о смерти брата. Тем не менее влиятельный герцог Бекингемский и лорд Хей-стингс пригласили Ричарда в Лондон и высказались за его избрание регентом. Заручившись их поддержкой, Ри-чард со своими войсками двинулся в Лондон и 29 апре-ля перехватил процессию придворных, которая вместе с

юным Эдуардом следовала в Лондон для подготовки к коронации принца, после чего королева с остальными детьми спешно укрылась в Вестминстерском аббатстве, не в силах организовать военное сопротивление.

Назначенную на 4 мая коронацию 12-летнего Эдуарда перенесли на 22 июня — вполне возможно, Ричард пытался выиграть время: первые же шаги нового регента показали его решительность и независимость от чужих мнений. Однако такой правитель не устраивал ни лордов, ни партию королевы-матери, которая лелеяла надежды править страной при малолетнем Эдуарде. Ричард прекрасно осознавал, что сохранит жизнь и свободу только в одном случае — если станет королем, для чего было необходимо найти повод, по которому его племянник, юный принц Эдуард, может быть отстранен от престола.

И такой повод был найден: было официально объявлено, что Эдуард IV женился на Элизабет Вудвилл, уже будучи обрученным с другой женщиной. Соответственно, такой брак не может считаться действительным, а дети признаются незаконнорожденными.

На самом деле такое, казалось бы, нелепое заявление отнюдь не было сфабриковано: покойный король в молодости был отъявленным ловеласом, или, как о нем говорили, «любимцем всех лондонских женушек». При этом, если ему попадалась девушка строгих правил, не склонная уступать его домогательствам, он с ходу обещал на ней

Ричард Глостер, будущий король Ричард III

жениться. И женился, но тайно! Одной из таких жертв королевской любвеобильности была Элизабет Люси — красавица из хорошего и набожного семейства. Эдуард цинично отзывался о ней, как о «самой благочестивой шлюхе во всем королевстве, которую нельзя вытащить из церкви никуда, кроме его постели». Когда подошло время Элизабет родить ребенка от короля, Эдуард вдруг внезапно воспыпал страстью к прелестной белокурой вдове Элизабет Вудвилл, обремененной детьми от первого брака, и тут же решил жениться несмотря ни на что.

Бедная Элизабет Люси поступила довольно благородно: когда история всплыла на свет Божий, поклялась перед епископом, что она и король Эдуард не связаны узами тайного брака. Удивительно, но и после свадьбы Эдуард продолжил свои отношения с Люси, в результате чего на свет появился еще один внебрачный ребенок.

Еще одной женой сластолюбца до свадьбы считалась Элеонора Батлер, дочь графа Шрусбери. Когда при Ричарде встал вопрос о незаконности брака Эдуарда IV, епископ Батский подтвердил, что он лично венчал короля и леди Элеонору, более того, об этом браке упомянуто и в документах английского Парламента. Поскольку, согласно законам того времени, дети двоеженцев лишились права на отцовское наследство, Ричард получил отличную возможность отстранить племянников от трона, и подготовку к коронации Эдуарда потихоньку свернули.

Первым за свое несогласие с таким порядком вещей заплатил лорд Хейстингс — отважный лорд имел неосторожность обвинить Ричарда III в причастности к убийству Генриха VI в башне Вейкфилд в 1471 году и Джорджа, герцога Кларенского, которого, согласно преданию, нашли утопленным в бочке с вином в башне Тауэр в 1478 году. 13 июня опальный лорд был брошен в Тауэр и казнен практически сразу после ареста: Ричард поклялся, что не пойдет на ужин, пока Хейстингс не будет мертв. Пример

оказался достаточно ярким: больше желающих перечить Ричарду не объявилось.

Здесь же, в Тауэре, в ныне знаменитой Кровавой башне, находился и наследный принц Эдуард, к которому, по приказу Ричарда, насильно доставили младшего брата из Вестминстерского аббатства, где укрывалась Элизабет с детьми. 22 июня 1483 года, в день так и не состоявшейся коронации принца, лондонский проповедник Джеймс Шоу выступил с речью в соборе Святого Павла, в которой официально объявил о том, что не только дети королевы от Эдуарда, но и сам покойный король являются незаконнорожденными: правда, о последнем факте довольно давно шептались и сами придворные: строгие моральные устои были отнюдь не присущи королевскому двору. Ведь еще при жизни короля, когда один из братьев Эдуарда, герцог Кларенский, попробовал организовать дворцовый переворот и стать королем вместо брата, их мать, Сесилия Невилл, взбешенная женитьбой Эдуарда на вдове Вудвилл, встала на его сторону, публично признав, что родила Эдуарда не от своего супруга, герцога Йоркского, а от своего любовника.

В 2004 году на экранах Британии появилась очень занимательная телевизионная программа Тони Робинсона и Майкла Джонса: «Настоящие монархи Британии». В программе разворачивались дебаты на тему незаконного происхождения Эдуарда IV. Ученым удалось доказать, что Сесилия никак не могла зачать будущего короля в законном браке — согласно хроникам, ее муж в тот момент находился в отъезде. Более того, почти двухметровый красавец Эдуард совершенно не походил на своего отца. Не так давно обнаруженные документы явно указывают на то, что Эдуард действительно былbastardом. Воспользовавшись этим, исследователи проследили «подлинную» родословную линию королевской семьи, которая привела их к ничем не примечательной семействе где-то на задворках Австралии...

Таким образом, отстранив племянников от трона на законных, как уже сейчас можно считать, основаниях, 26 июня 1483 года Ричард Глостерский взошел на трон как Ричард III. Оба принца, как и прежде, оставались в Тауэре, однако после коронации Ричарда о них никто ничего не слышал. Уже к осени 1483 года по Англии поползли слухи, что малолетних принцев Эдуарда и Ричарда умертвили в Тауэре по приказу нового короля. Однако и два года спустя, после гибели Ричарда III в битве при Босворте, когда на трон победителем взошел Генрих VII Тюдор, о судьбе детей короля Эдуарда так и не было объявлено.

Вновь поползли слухи, на этот раз о том, что принцы живы и им удалось бежать из Тауэра... 8 лет спустя в Ирландии объявился молодой и красивый дворянин, объявивший себя Ричардом, младшим сыном Эдуарда IV. По его словам, убийца, подосланный дядей, задушил старшего брата подушкой, но, ужаснувшись при виде содеянного, не пошел на второе убийство, а помог ему бежать.

Удивительно, но ему поверили: с почестями приняли в Ирландии и весьма благосклонно — в Европе. Более того, претендента на английский престол пригласили во Францию, где он вместе со своими приверженцами поселился в подаренном Карлом VIII замке Амбуаз. Безусловно, появление претендента на престол всерьез обеспокоило Генриха Тюдора, который послал во Францию армию, высадившуюся в Кале. Стремясь избежать войны, король Франции принял решение выслать Лжеричарда из страны, и чудом спасшийся принц нашел приют у Максимилиана Австрийского, который помог собрать ему небольшую армию. После первого поражения Лжеричарду удалось укрыться в Шотландии, король которой, Яков IV, был настолько расположен к самозванцу, что даже женил его на своей кузине Екатерине — и молодожены отправились в боевой поход вместе.

На этот раз войску самозванца удалось захватить две приграничные крепости. Против Генриха Тюдора восста-

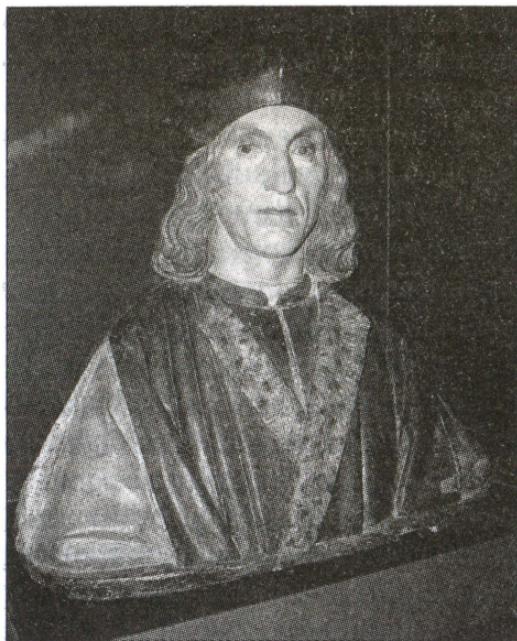

ло графство Корнуолл, к Лжеричарду примкнули тысячи людей. Он принял имя Ричард IV и объявил себя единственным законным королем. Ситуация была настолько благоприятна, что самозванец имел неплохие шансы в действительности захватить английский престол. Однако он повел себя довольно странно: охваченный внезапной паникой перед решающим сражением, Лжеричард бросает армию и укрывается в монастыре. Можно предположить, что психика самонадеянного юноши просто не выдержала кульминации безрассудно затянутой игры. Попав в плен, лжепретендент на престол сразу признался, что является самозванцем: на самом деле его имя Перкин Уорбек, и он сын фламандского купца из Турне.

Мудрый Генрих VII поступил в этой ситуации удивительно дальновидно: он не казнил Уорбека, а предоставил ему роскошные апартаменты в Вестминстерском дворце, где тот и поселился вместе со своей женой Екатериной.

И все же Перкин, видимо, чувствовал себя довольно неуютно и уязвимо в роли хоть и знатного, но пленника — в 1498 году он решился на побег. Из этой затеи ничего не вышло, и на этот раз азартного игрока с судьбой заключили в Тауэр. По иронии судьбы, в камере вместе с ним оказался еще один претендент на английский престол — Эдуард Уорвик, герцог Кларенс, ведущий свой род от Йорков и последнего Плантагената. Оба они были почти ровесниками, что помогло им быстро найти общий язык: несколько месяцев спустя, подкупив стражников, они благополучно бежали из Тауэра. И все было бы замечательно, если бы друзья не решили отметить свой побег в ближайшей таверне, где их тут же схватили. В этот раз терпение мудрого и рассудительного Генриха VII лопнуло: неугомонного Перкина Уорбека бросили в мрачное подземелье Ньюгейтской тюрьмы, а в 1499 году вздернули на виселице.

И все же почему историки безоговорочно считают Уорбека и подобных ему самозванцами? Прояснить си-

Король Генрих VII

туацию помог случай: к заговору графа Саффолка против Генриха VII примкнул некий господин по имени Джеймс Тиррел — комендант форта Кале. В марте 1502 года форт был осажден королевскими войсками и после непродолжительного сопротивления сдался. Тиррел был приговорен к смертной казни, перед которой, на последней исповеди, якобы признался в убийстве детей короля Эдуарда IV. По словам коменданта, он и его подручные выполняли приказ короля — несмотря на решительный отказ сэра Роберта Брэ肯бери, в то время констебля Тауэра, участвовать в злодейском заговоре, Тиррел вынудил его сдать ключи от крепости, мотивируя свои действия королевским приказом. После полуночи трое подручных, нанятых Тиррелом, — Слотер, Форест и Дайтер — проникли в маленькую комнату, где оба принца мирно спали в одной кровати. Один из братьев проснулся и был тут же задушен подушкой, другого

брата закололи кинжалом. Тела несчастных жертв немедленно снесли вниз по узкой витой лестнице, соединяющей Кровавую башню с башней Вейкфилд и завалили кучей щебня в подвале. Когда сэр Роберт Брэ肯бери узнал о содеянном, он приказал священнику захоронить тела должным образом в секретном месте. Место захоронения осталось неизвестным, так как сэр Роберт впоследствии погиб в битве при Босворте, а священник загадочным образом исчез. Однако даже после исповеди Тиррела неизвестным оставалось самое главное: какой король отдал приказ: Ричард III или Генрих VII, для которого малолетние принцы, если они все же оставались живы при дяде Ричарде, представляли собой постоянный источник беспокойства — его права на престол были также далеки от бесспорных...

В 1674 году во время строительных работ в Тауэре под фундаментом лестницы в деревянном ящике были обнаружены человеческие кости. Первоначально находке не придали никакого значения, в конце концов, спустя два года ими заинтересовались, и было высказано предположение, что это могли быть останки несчастных принцев — согласно этому предположению, их и похоронили в Вестминстерском аббатстве — усыпальнице монархов. Их останки покоятся в урне, специально изготовленной по проекту Кристофера Рена в часовне Генриха VII. В 1933 году захоронение было вскрыто для проведения научной экспертизы, которая подтвердила, что кости действительно принадлежали двум детям, вероятнее всего, мальчикам 12—15 лет, находившимся в близком родстве. На челюсти старшего ученые обнаружили значительное повреждение, свидетельствующее о насильственной смерти. Однако, если бы злодеем-убийцей мальчиков был их дядюшка Ричард, как утверждает великий Шекспир, на момент смерти им должно было бы быть 10—12 лет. Таким образом, историки пришли к выводу, что эта зловещая находка косвенным образом свидетельствует против Генриха Тюдора. К тому

же, если комендант Тиррел был верным слугой Ричарда, безоговорочно исполнившим его приказ об убийстве детей, он вряд ли мог процветать при новом правителе и занимать столь ответственный военный пост. Возникает вопрос: не была ли должность коменданта крепости Кале платой за оказанную ему услугу со стороны Генриха Тюдора?

Генрих VII действительно имел все основания быть заинтересованным в дискредитации Ричарда III, из рук которого он буквально вырвал корону. Если бы не долгое соперничество Ланкастеров и Йорков в войне Алой и Белой розы, в результате которого ряды претендентов на престол значительно поредели, права на корону Генриха Тюдора никто бы не стал рассматривать всерьез. Несмотря на то что его мать Маргарет была правнучкой основателя династии Ланкастеров, по отцу он происходил от валлийцев, которых в Англии презирали и считали дикарями. Ричард Йоркский занимал трон с гораздо большим на то основанием. Получается, что Генрих, как победитель в битве под Босвортом, в глазах нации представлял настоящим узурпатором.

Более того, Ричард отнюдь не был слабым правителем: способный администратор, поддерживающий купцов и ремесленников, он оставил о себе неплохую память. Генрих же, при всей своей мудрости, был гораздо более жесток в проведении экономических реформ: налоги при нем росли практически ежегодно, горожан в принудительном порядке переселяли на новые земли, крестьян сгоняли с земли. Отличавшийся склонностью к жесткой экономии, доходившей до скаредности, Тюдор прекратил выдачу подданным хлеба в голодные годы и не освобождал от податей тех, кто пострадал от неурожая. Вполне естественно, что свергнутая династия Йорков стала предметом ностальгии для многих — необходимо было срочно дискредитировать покойного Ричарда III, и лучшим способом было обвинить его в убийстве принцев: таким образом можно было не только погубить репутацию соперника, но и скрыть собственное

Томас Мор

преступление, если оно имело место. Недаром придворные писатели Тюдоров возводили на Ричарда одну клевету за другой, смешивая с грязью, создавая таким образом демонический образ злобного и кровавого убийцы. Каждый хронист, желавший угодить королю, добавлял все новые и новые детали, приписывая Ричарду и убийство среднего брата герцога Кларенского (по легенде, он был утоплен в бочке с мальвазией), и собственной жены Анны Невилл (якобы для того, чтобы жениться на юной племяннице Элизабет и упрочить права на престол). Окончательным же оформлением мифа занялся великий английский гуманист, государственный деятель и мыслитель Томас Мор, из-под пера которого в 1513 году появилась «История Ричарда III». Именно ей пользовался великий Шекспир при написании своей пьесы «Ричард III», из которой уже весь мир узнал про короля-горбuna — злобного монстра и убийцу.

И все же не стоит, пожалуй, поспешно обвинять Мора в том, что он писал свой труд поддиктовку властей, выполняя политический заказ. Во-первых, для нелюбви Мора к Ричарду имелась и личная причина: кардинал Джон Мортон, его воспитатель и наставник, относился к покойному королю весьма враждебно. Во-вторых, для Мора как гуманиста задача смешать Ричарда с грязью, представить физическим и моральным чудовищем, была очередной возможностью обнажить общественные язвы, показав сущность тиранов, при этом не покушаясь на существующий строй: правящий монарх мог только возрадоваться обличению своего врага, не задумываясь о философской подоплеке. И все же Мор признает в своей «Истории», что во всем случившемся при последнем из правителей династии Йорков довольно много белых пятен: «...в те времена все делалось тайно, одно говорили, другое подразумевали, так что не было ничего ясного и открыто доказанного».

В шекспировской интерпретации против Ричарда — настоящего гения зла — выступает сама Судьба в образе духов убитых им людей, а Генриху Тюдору остается только довершить его поражение своим мечом. Злосчастный король, чье изуродованное тело выставили в Лестере на три дня на потеху черни, а затем похоронили без всяких почестей в отдаленном монастыре «Серых братьев», не обрел покоя и после смерти: во время разорения монастырей при Генрихе VIII кости Ричарда были выброшены из могилы в реку Сор.

По иронии судьбы, именно в этот период времени Томаса Мора настигла та же судьба, что и оклеветанного им монарха, — насильственная смерть и посмертная опала. Томас Мор и Джон Фишер пали первыми жертвами жестокой политики короля-деспота Генриха VIII, осмелившись высказать свой протест против реформации английской церкви. Местом их заточения, конечно же, был Тауэр — Колокольная башня (Белл Тауэр), с которой подавали сигнал к началу очередной казни. Первое время Мору

разрешали писать свои материалы в камере, однако затем лишили и этой возможности.

Фишера держали еще в более худших условиях: измученный вечной сыростью, холодом и надрывным кашлем, он настолько ослабел, что его пришлось нести к эшафоту на Тауэр Хилл.

Быть казненным на Тауэр Хилл (Тауэрском холме) было исключительно приви-

легией знати. В то время как простолюдин казнили через повешение, утопление и четвертование, здесь, в Тауэре, просто отрубали голову. Однако же расстаться с головой на Тауэр Грин — небольшом участке газона к западу от Белой башни — было честью, дарованной только лишь семерым жертвам, чьи имена указаны на медной табличке в центре площадки. По сути, это было нечто вроде «камерной казни», что устраивало обе стороны: жертва избегала выкриков обезумевшей толпы и гнилых яблок, бросаемых вслед за казнью, а монарх избегал излишней публичности. Среди таких привилегированных жертв был вышеупомянутый лорд Хейстингс, казненный по приказу Ричарда III, а также Анна Болейн (вторая супруга Генриха VIII), которую королевский суд обвинил в инцесте (кровосмешении) и прелюбодеянии, а также в том, что использовала колдовские чары, чтобы заставить Генриха VIII жениться на себе, и для которой, по ее собственной просьбе, специальновыписали палача из Кале, чтобы аккуратная головка скатилась на плаху не под вульгарным ударом английского топора, а под остро отточенным лезвием длинного французского меча.

Анна Болейн

Эшафот был покрыт черной материей, а меч спрятан между досками. На первую в истории казнь королевы сошлося около тысячи зрителей — только лондонцев, иностранцы не были допущены — во главе с лордом-мэром города. Анна, одетая в платье из серого дамаска, отороченного мехом, поднялась на первую ступеньку эшафота и обратилась к толпе с прощальными словами: «Я умираю согласно закону. Я здесь не для того, чтобы обвинять кого-то или говорить о том, в чем меня обвиняют. Но я молю Бога, чтобы он спас короля и его правление, ибо не было еще более достойного короля, а для меня он всегда был самым нежным и достойным лордом и сувереном. Я прощаюсь с миром и от всего сердца прошу вас молиться за меня».

Встав на колени, королева начала тихо молиться в течение двух минут. Поднявшись на ноги, она зажмурилась, а миссис Ли завязала ей глаза носовым платком: ее подвели к плахе и поставили на колени. Французский палач снял башмаки. «Господи, прими мою душу!» — воскликнула королева. Француз извлек свой меч и, неслышно ступая по эшафоту ногами в чулках, приблизился к жертве. Один взмах меча — и голова катится по плахе — толпу охватывает суеверный ужас: смерть пришла столь стремительно, что губы королевы Анны все еще шевелились в последней молитве.

Пятая жена Генриха — юная Катерина Говард — разделила судьбу своей кузины (она состояла в родстве с Анной Болейн). Внешне скромная и благочестивая, как монахиня, «роза без шипов», как называл девятнадцатилетнюю красавицу грузный, обремененный букетом болезней, с трудом передвигающийся пятидесятилетний король, Катерина на самом деле довольно рано вкусила яблоко греха. И после замужества, став королевой, не смогла долго продержаться без жарких ласк своего былого возлюбленного — Томаса Калпепера, о чём доброжелатели немедленно донесли королю. Калпепера повесили в Тайберне — полуживого сняли с виселицы, четвертовали и обезглавили. «Розу без шипов», одетую в черный бархат, отправили в Тауэр по Темзе. Сойдя

на берег у Ворот изменников, Катерина проследовала в свои покой в Квинз-Хаус — где находились самые лучшие и, как бы нелепо это не звучало, комфортабельные камеры для приговоренных к казни — и обратилась к своим тюремщикам с самой необычайной просьбой в истории Тауэра. Сказав, что она не знает, как поведет себя в момент казни, юная королева попросила перенести плаху в ее комнату на время, чтобы «подготовиться». Просьба была исполнена. Встав на колени перед установленной в центре комнаты плахой, Катерина опустила шею в желоб, а затем, поднявшись с колен, заявила, что «сумеет с достоинством и изяществом пройти через это ужасное испытание».

Согласно преданию, в последний момент перед тем, как топор опустился на ее прекрасную тонкую шею, юная королева воскликнула: «Я умираю королевой, но лучше бы я умерла женой Калпепера!»

Плаха и топор времен Генриха VIII

Семидесятилетняя фрейлина королевы леди Рочфорд — графиня Солсбери, обвиненная в пособничестве, стала следующий жертвой, чья голова скатилась на солому, покрывающую эшафот, в тот холодный февральский день.

И несчастная леди Джейн Грей — жертва семейных амбиций, которая пробыла королевой Англии всего девять дней, и горячий, своенравный Роберт Девере, граф Эссекс, бывший фаворит Елизаветы I, затеявший безрас- судный мятеж против стареющей любовницы — в печальном списке привилегированных жертв Тауэр Грин.

Гордый, жадный до власти, импульсивный Роберт Девере стал последней безудержной страстью стареющей королевы: ей исполнилось 54 года, ему же было около 20, когда началась их долгая, почти пятнадцатилетняя связь. Особую пикантность всей этой ситуации придавало их дальнее родство: прабабушка Роберта, Мария Болейн, приходилась сестрой Анне — матери Елизаветы. Своенравному и горячему молодому кавалеру порой приходилось несладко: стареющая Елизавета изводила его капризами, ревностью и подозрениями, в то же время не отпуская от себя и ревностно опекая во всем. С другой стороны, она была настолько поглощена своей последней страстью, что до поры до времени прощала молодому фавориту практически все — даже то, что он — единственный из всего ее окружения — позволял себе повышать голос на государыню, давая выход своим частым вспышкам гнева. Безусловно, у Эссекса было много тайных врагов, готовых оклеветать его в глазах государыни при каждом удобном случае. В конце концов, такой случай представился: назначенный на поствице-короля Ирландии, Эссекс не смог справиться с мятежной страной и заключил невыгодный и позорный для Англии мир с бунтовщиками, что и было преподнесено Елизавете как «государственная измена». В наказание граф был лишен всех своих чинов, кроме чина генерала кавалерии, а также орденов за былые за-

слуги. Взбешенный вопиющей несправедливостью, поверженный фаворит затевает мятеж против своей бывшей любовницы: войдя в тайный сговор с шотландским королем Яковом VI, сыном Марии Стюарт — кузины Елизаветы, Эссекс обещает ему в случае народного восстания поддержку войск, расквартированных в Ирландии, и содействие в захвате престола. Для того чтобы добиться поддержки населения, заговорщики распускают слухи о том, что вельможи за спиной Елизаветы вошли в сговор с Испанией, с тем чтобы посадить на английский трон инфанту-католичку. В таком случае шотландский король-протестант был бы весьма выигрышной фигурой.

Ранним утром 18 февраля 1601 года триста вооруженных заговорщиков устремились на штурм королевского дворца. Однако, вопреки ожиданиям, народ поддержал свою королеву, королева проявила удивительное мужество, восстания не получилось, и мятеж был подавлен. Граф Эссекс предстал перед специальным судом — в него вошли двадцать пять пэров королевства. Конечно же, обвиняемый отрицал свою вину, утверждая, что действовал исключительно в интересах государыни, пытаясь спасти ее от вероломных вельмож, замышлявших низложить королеву и призвать на английский престол испанскую инфанту. Тем не менее суд приговорил графа к смертной казни, которую назначили на 25 февраля.

После оглашения приговора Эссекс высказал единственное пожелание — видеть графиню Нотtingем, даму из высшего света, фрейлину королевы, которую Роберт считал своим другом. Графиня навестила опального графа в Тауэр, где имела с ним краткосрочное свидание.

Несмотря на безоговорочное решение суда и на то, что до казни оставалось всего пять дней, Елизавета тянула время, не решаясь подписать смертный приговор бывшему фавориту ни в первый день, ни на второй, ни на третий... Поинтересовалась у канцлера, не отдавал ли

приговоренный каких-либо распоряжений, словно ждала чего-то. И только вечером накануне казни поставила свою подпись на роковой бумаге.

Утром 25 февраля голова несчастного Эссекса скатилась с плахи — прозвучал пушечный выстрел, возвещающий о том, что душа мятежника вознеслась к небесам. На смертном приговоре Елизаветы бывшему любовнику явственно простила отцовская кровь: это Генрих имел привычку убивать тех, кого прежде страстно любил. В семидесятилетней Елизавете что-то надломилось: былая кокетка, озабоченная своей внешностью и обожавшая восхваления в свой адрес, она практически потеряла интерес к нарядам, макияжу, да и к жизни в целом. В 71 год Елизавета практически впала в детство: она то старалась держаться, то бесцельно бродила по залам дворца с мечом с безумным блеском в глазах и вонзала его в ковры — ей повсюду мерещились заговорщики, то целыми днями сидела в кресле с закрытыми глазами, приложив палец к губам и раскачиваясь из стороны в сторону. Порою она принималась бормотать: «Эссекс, Эссекс, почему мужья не захотел? Почему не подал знака? Неужели так ненавидел меня, что жизнь из моих рук была хуже самой смерти?»

В начале 1603 года графиня Ноттингем тяжело заболела и, находясь при смерти, пожелала видеть королеву для того, чтобы сообщить ей некую важную государственную тайну. Умирающая призналась королеве, что два года назад, в тауэрской темнице, Роберт Девере передал ей перстень, некогда подаренный ему самой Елизаветой, и просил напомнить королеве о ее обещании.

Королеве действительно было что вспомнить: за пять лет до бездарного и декоративного мятежа, когда Эссекс, одержавший блестящую победу над испанцами, был еще в зените славы, раздражая тем самым завистников и клеветников, жаждущих очернить его в глазах влюбленной государыни, Елизавета подарила любовнику свой перстень-талисман как оберег от недоброжелателей.

Елизавета I

В случае смертельной опасности, даже под топором палача, Эссекс, вернув ей этот перстень, мог рассчитывать на полное королевское прощение.

Так вот почему так тянула Елизавета, до последнего момента не подписывая приказ, вот почему Эссекс так тревожно озирался по сторонам по дороге на плаху, словно надеясь на чудо до самой последней минуты...

Тяжело дыша, графиня Ноттингем пыталась объяснить королеве, что во всем виноват ее супруг: он узнал про кольцо и запретил передавать его Елизавете. «Простите меня...» — прошептала умирающая, разжимая пальцы, в которых было зажато кольцо. Взяв кольцо, королева направилась к выходу со словами: «Господь, возможно, и простит тебя, но я — никогда!»

Девере пал жертвой собственных амбиций под рукой палача, и его окровавленное, безголовое тело, как и более

полутысяч таких же несчастных жертв, казненных на Таэр Хилл, было поспешно захоронено в близлежащей церкви Святого Петра в Веригах. А одна из башен Таэра, в которой содержался под стражей своим равный фаворит, получила свое имя в честь него — башня Девере.

Расположенная неподалеку полукруглая башня Бьючамп (Beauchamp Tower), построенная во времена Генриха III, получила свое имя в честь Томаса, 4-го графа Ворвикского, члена влиятельной семьи Бьючамп, который томился в башне по приказу Ричарда II в 1397 году. С самых первых дней своего существования башня Бьючамп использовалась в качестве темницы и знаменита прежде всего надписями, вырезанными на ее камне несчастными узниками. Одна из самых трогательных — работа лорда Гилфорда Дадли, который нацарапал имя юной любимой супруги — Джейн — на стене башни дважды перед тем, как отправиться на смерть. Несчастная Джейн — жертва амбиций собственного свекра, Джона Дадли, графа Нортумберлендского, который заставил ее, правнучку Генриха VII, претендовать на королевский престол в обход Марии Тюдор, пробыла королевой Англии всего 9 дней. Судьба шестнадцатилетней Джейн стала очевидной, когда католичка Мария Тюдор, взойдя на престол, невзирая на козни многочисленных врагов, отправила ее в Таэр.

Туманным и промозглым февральским утром 1554 года несчастная юная леди стояла у окна своей комнаты-камеры в Таэре, ожидая прихода тюремщиков, когда увидела, как катят ручную тележку с обезглавленным телом ее молодого супруга, лорда Гилфорда Дадли. Через некоторое время настала и ее очередь отправиться к эшафоту. Хрупкая и беспомощная, одетая в черное платье, Джейн, сопровождаемая двумя заплаканными фрейлинами и деканом Фекенхэмом, по дороге на эшафот не отрывала глаз от маленькой книжечки-молитвенника, который она одолжила у лейтенанта стражи Таэра, сэра Джона Бриджа. Преисполненный жалости к несчастной девушке, Бридж-

Казнь леди Грей

жес попросил ее написать в молитвеннике что-нибудь на память. Молитвенник сохранился и по сей день — теперь он является одним из наиболее ценных экспонатов Британского музея. Щемит сердце, когда читаешь пронзительные строчки, начертанные юной Джейн незадолго до восхождения на эшафот: «Добрый господин лейтенант, поскольку Вы так сильно желаете, чтобы столь неразумная женщина сделала надпись в столь ценной книге, то я, будучи Вашим другом и будучи христианской, желаю Вам и прошу Вас молить Господа о том, чтобы он наставил Вас на соблюдение Его заповедей, а Вашу душу на путь истинный, и чтобы с Ваших уст не сорвалось ненароком и слово неправды. Мы живем, чтобы умереть, поскольку ценой смерти можем обрести жизнь вечную. Вспомните

кончину Мафусаила, который, как сказано в Писании, прожил дольше всех людей, но все же умер, поскольку сказано у Екклесиаста: время рождаться и время умирать, а день кончины лучше дня нашего рождения».

Несчастная леди Грей расплатилась жизнью за амбиции своей семьи — без преувеличения, она была, пожалуй, самой невинной жертвой Тауэра. По словам Фуллера, «она родилась как принцесса, была образованной как священнослужитель, жила как святая, а умерла как преступница». Будучи робкой и застенчивой при жизни, леди Джейн и после смерти не утратила этих качеств: ее призрак не так часто посещает Тауэр, как привидения других жертв этой мрачной крепости. Как правило, она бесшумно скользит над землей, повторяя свой трагический маршрут того далекого и промозглого февральского утра.

И еще одна юная леди — будущая великая королева Елизавета I, которая через много лет будет наблюдать за казнью своего фаворита через окно одной из башен Тауэра, — имела несчастье томиться в его мрачных застенках, будучи доставленной туда по Темзе через печально знаменитые «Ворота предателей». Немало слез и неподдельного ужаса будущих жертв повидали эти ворота за свою долгую историю: и юная Елизавета не могла удержаться от горьких рыданий, протестуя против насильственного заключения, когда ее сводная сестра, католичка Мария Тюдор, приказала отправить протестантку-еретичку в мрачную крепость.

Ежедневно в течение двух месяцев, пока Елизавета находилась в заточении в Тауэре, в ее камере служили католические мессы, но будущая великая королева упорно отказывалась от насильственного обращения в ненавистную ей веру.

Интереснейший экспонат, связанный с пребыванием Елизаветы в Тауэре, до сих пор хранится в знаменитой таверне «Тайгер» (таверна «Тигр»), соединенной с Тауэром подземным тоннелем. Это не что иное, как мумифицированные останки кошки, которую, как полагают, гладила

сама юная Елизавета, томясь в заключении в мрачной крепости. Таверна известна еще и тем, что каждые десять лет в нее наведывается сам лорд-мэр Лондона с официальным визитом — тестировать пиво, подаваемое в заведении. Процесс тестирования заключается в следующем: немногого пиво проливается на стул, на который садится специальный человек — если его брюки прилипают к стулу, то все замечательно: пиво отличного качества, и на дверях таверны вывешивается лавровый лист, а лавровый венок украшает шею лорда-мэра.

Еще один знаменитый узник Тауэра — сэр Уолтер Ролли — может претендовать на право самого частого гостя в мрачных застенках лондонской крепости. Первый раз Ролли провел в Тауэре всего восемь недель в 1592 году за совращение одной из любимых фрейлин Елизаветы I, которая имела неосторожность забеременеть от галантного кавалера. Ролли имел неосторожность предложить фрейлине секретный брак, что и вызвало справедливый гнев государыни: слуги Ее Величества были обязаны испрашивать согласия государыни, прежде чем жениться или выходить замуж. Второй и самый долгий срок пребывания Ролли в Тауэре начался в 1603 году — его приговорили к смертной казни по подозрению в участии в заговоре против короля Якова I. Буквально за день до предполагаемой казни приговор был заменен заключением — и почти тринадцать лет он провел в очень даже неплохих условиях в Кровавой башне вместе с женой и сыном, выращивая и покуривая табак

Уолтер Рейли

(считается, что именно Ролли Европа обязана открытием табака, хотя это утверждение довольно спорно), занимаясь химией, сочиняя стихи и работая над своей «Историей мира», которая в свое время была даже более популярна, чем пьесы и сонеты Шекспира, несмотря на попытки Якова I запретить ее.

Когда Ролли имел наглость пожаловаться на то, что подъемная железная решетка ворот Тауэра мешает ему спать по ночам, его перевели в гораздо более спартанские апартаменты. Наконец, в 1616 году Ролли освободили и отправили в Америку с экспедицией, цель которой была обнаружить золото, при условии, что он не будет атаковать испанцев. Ролли не сдержал слова и по возвращении из неудачной экспедиции в 1618 году был вновь брошен в Тауэр на шесть недель, на сей раз в самую холодную и отвратительную темницу, после чего казнен в Вестминстере.

Бесстрашный Ролли мужественно принял последний вызов судьбы — по дороге на эшафот подарил свою богатую расшитую шляпу лысеющему мужчине со словами: «Возьми ее, милый друг, ибо тебе она нужна больше, чем мне сейчас». В последнюю минуту перед казнью Ролли заявил: «Меня ждет долгое путешествие...», а, потрогав лезвие топора, добавил с черным юмором: «Это острое лекарство, но оно излечит все болезни». «Ну что же ты боишься? Ударяй!» — таковы были последние слова Ролли, обращенные к замешкавшемуся палачу. Привидение Ролли до сих пор имеет привычку прогуливаться по территории Тауэра.

Тело же несчастного обрело свой последний земной приют в церкви Святой Маргарет рядом с Вестминстерским аббатством, в то время как его отрубленная мумифицированная голова осталась у безутешной вдовы, имевшей странную привычку носить ее с собой в сумке, посещая могилу мужа. Так продолжалось несколько лет, пока однажды пожилая леди не оставила где-то свою сумку, за-

памятовав об этом, после чего голова мятежного Ролли исчезла бесследно.

В наши дни рабочий кабинет Ролли в Кровавой башне воссоздан на первом этаже, в то время как в спальных апартаментах этажом выше, где некогда располагались его супруга, дети и трое слуг, находится выставка, посвященная предполагаемым жертвам Ричарда III — убиенным принцам и поэту Томасу Овербери, который был заключен в Кровавую башню после того, как рассорился с одним из фаворитов короля Якова I — Робертом Карром, беспринципно обвинившим Томаса в заговоре против короля. Несчастный поэт медленно угасал в Тауэре от постепенного отравления мышьяком, которым начиняла свои пирожные и сладости жена Карра, отправляя передачи узнику якобы из жалости. Когда вся эта неприглядная история увидела свет, Карр и его жена были арестованы и провели в Тауэре пять лет, прежде чем были помилованы.

Последняя казнь в Тауэре была совершена 15 августа 1941 года — заключительной жертвой в длинном кровавом списке стал немецкий шпион Йозеф Яобс: в соответствии с приказом военного командования Великобритании в ходе Второй мировой войны Тауэр был местом предварительного заключения военных преступников.

Не так давно в этой мрачной старинной крепости с практически тысячелетней историей состоялась выставка «Узники Тауэра» — экспозицию разместили на последнем этаже самой старой Белой башни: приглушенное освещение, голоса узников и исторических хроникеров, доносящиеся из динамиков, заключенных в стеклянные полусфера над головами посетителей, зарешеченные тюремные камеры в качестве витрин для экспонатов, среди которых молитвенник и предметы одежды Анны Болейн, орудия, с помощью которых казнили пленников, стул, на котором был расстрелян Яобс (из-за болезни ног ему в качестве исключения разрешили встретить смерть сидя)... А также

книги со стихами, рисунками, картами и астрономическими наблюдениями, которые вели заключенные, пытаясь отвлечься от тягостных мыслей о своей нелегкой судьбе.

Неудивительно, что после стольких кровавых событий лондонский Тауэр по праву считается естественным прибежищем для потусторонних гостей. Среди них наиболее часто посещают мрачные стены крепости Анна Болейн и Уолтер Ролли — последний, видимо, в силу того, что он был самым частым гостем в этой темнице и провел в ней, в общей сложности, около четырнадцати лет.

Когда-то и Анна Болейн, добившаяся законного брака с королем, въезжала в Тауэр с огромными почестями на правах хозяйки: везде, где только можно — на портьерах и балдахинах, скатертях и полотенцах — Анна приказала вышить свою монограмму «В» и свой девиз — «Самая счастливая». Однако счастье оказалось недолгим: рождение дочери вместо долгожданного сына, новая беременность, которую она так и не доносила, сплетни и слухи вокруг ее имени... Ни придворные, строившие ей козни, ни простой люд не приняли Анну в роли королевы: ее даже окрестили черноглазой ведьмой. Безусловно, дыма без огня не бывает: у Анны действительно был особый телесный знак, по тем временам обличавший в ней ведьму. По одной из версий, на правой руке у нее было шесть пальцев, по другой — на одном из пальцев правой руки у нее было два ногтя. И она действительно умела «варить травы». Кроме всего этого, Анна часто носила закрытые платья, что служило очередным поводом для сплетен: и на теле-то у нее черные родинки, и под кожей шеи — уродливый жировик или родимое пятно как метка дьявола. Неудивительно, что летом 1528 года, когда в Лондоне начался страшный мор, горожане обвинили в нем Анну. А потом и Генрих разочаровался в былой возлюбленной и тоже увидел в ней ведьму, что околовала «несчастного» монарха и заставила его пойти на разрыв с Римской католической церковью,

не дававшей благословения на развод с его первой женой, Екатериной Арагонской, и новый брак с Болейн. И скатилась на плаху очаровательная головка...

Ходила в народе и еще одна версия о том, как Анна Болейн добилась в свое время безраздельной власти над сердцем короля — необузданного и непредсказуемого Генриха VIII. По сути, ей, принадлежавшей к старинному и славному роду Норфолков, выпала черная карта — сластолюбивый Генрих, успевший уже «благодетельствовать» ее старшую сестру Марию незаконным ребенком, обратил свой тяжелый взгляд на младшеньку: белокурую, синеглазую, своюенравную, помолвленную с лордом Перси. Для любви тирана не существует границ — «незначительную» помеху в виде жениха устраниТЬ для Генриха не составило особого труда: ему было приказано жениться на благородной леди Марии Табольт. С Анной совладать было значительно труднее — пополнять собой ряды королевских любовниц она решительно не желала, ее отнюдь не прельщала жалкая судьба наложницы. Гордая Анна решила, что ляжет в постель с Генрихом, лишь будучи королевой, для чего было необходимо добиться его развода с первой супругой, испанской принцессой Екатериной Арагонской, против чего выступал сам Папа Римский (портить отношения с Испанией, оплотом католицизма, ему было совсем не с руки). Решиться на разрыв с Римом ради женщины — такого прецедента в истории еще не было, для этого была необходима поистине бешеная и слепая страсть. Кто надоумил Анну обратиться за помощью к старой колдунье из Уэльса, чудом избежавшей костра за свои темные богомерзкие дела? Молва утверждала, что у старухи имеются различные адские травки — приманки, при помощи которых можно присушить любое сердце, самой сильной из них считалась таинственная бурра-босс. Якобы именно ее, сунув старухе пригоршню золота, положила хитроумная Анна в ладанку, которую затем препод-

несла Генриху. Счастливый король, обрадованный такому подарку возлюбленной, носил ладанку на шее, не снимая, и страсть его разгоралась с каждым днем. Ради обладания прекрасной Анной король теперь был готов на все: он рвет с католическим Римом, становится главой англиканской церкви, принимает новые законы, на основании которых разводится с Екатериной Арагонской, разрушает монастыри и аббатства, присваивая себе немалые сокровища, женится, наконец, на неприступной Анне и с гордостью ожидает наследника.

Но за все в этом мире приходится платить, и искусственная любовь отнюдь не исключение: вместо долгожданного наследника Анна рожает «никому ненужную девчонку», впрочем, ставшую впоследствии великой королевой Елизаветой. Ее острый язычок, язвительная речь, гордый нрав — все то, что так привлекало Генриха раньше, теперь начинают раздражать все сильнее и сильнее. Да, не зря предупреждала старая колдунья — «сколько продлится действие таинственной травки, сказать трудно — может, год, а может, и десять, но рано или поздно Старый Ник (так в Уэльсе называют нечистого) обязательно явится за твоей милой душенькой». Колдунье-то можно было заплатить золотом, а вот от Старого Ника так просто не откупишься. И вот однажды промозглым осенним вечером Генрих, распаленный очереднойссорой, срывает с шеи загадочную ладанку и швыряет в огонь огромного камина. Заметил ли король, как в ту минуту побледнело и исказилось лицо его былой возлюбленной? Трагическая развязка неминуемо приближалась: Анна рожает второго, на сей раз мертвого ребенка — по злой иронии судьбы он оказался мальчиком. А ведь только наследник мог бы спасти теперь уже опальную королеву, которую архиепископ Крамнер, правая рука Генриха, чуть ли не напрямую обвиняет в колдовстве. Вердикт вынесен: здесь не обошлось без нечистой силы, осталось еще только доказать, что Анна

была неверной супругой, а значит, достойна смертного приговора.

Заточенная в Тауэр, бывшая «самая счастливая» продолжает утверждать, что невинна и идет на смерть как святые, принимавшие мученическую кончину. Она просит перо и бумагу, чтобы написать своему королю «последнее письмо»: «Ваше величество, Ваши благодеяния я испытала на себе вполне. Я была ничто — Вы меня сделали статсдамой, Маркизой, Королевой; и когда уже на свете нельзя было более возвышать меня, Вы делаете меня святою...»

Видимо, это письмо произвело на Генриха впечатление — настолько большое, что он приказал не казнить Анну сожжением на костре, как в те времена поступали со всеми ведьмами, а «всего лишь» обезглавить, да и то — не грубым английским топором, а острым мечом — как это делают в передовой и гуманной Франции.

В день казни, когда тело несчастной Анны еще не успело остыть, Генрих обвенчался с черноглазой Джейн Сеймур — она все же родила ему наследника, но скончалась буквально через десять дней после родов. Больше судьба не дарила Генриху законных детей, несмотря на три последующие брака. Сын его, слабый здоровьем Эдуард VI, будет править всего пять лет — и умрет в пятнадцать от туберкулеза, не успев познать радостей брака и рождения детей.

Его старшая дочь от Екатерины Арагонской, Мария Тюдор, войдет в историю как Кровавая Мэри — огнем и мечом она будет пытаться вернуть Англию в лоно Римской католической церкви, пытаясь исправить отцовские ошибки — запахожженого человеческого мяса будет витать над страной все пять лет ее правления. Впервые вкусив прелести интимной жизни в 37 лет, выйдя замуж за Филиппа Испанского (Генрих, опасаясь заговора, жестоко контролировал дочь), Кровавая Мэри также не сможет родить наследника, несмотря на две «ложные беремен-

ности»: два раза живот королевы начинал расти, как на дрожжах, шились чепчики и распашонки, готовилось приданое, и даже колыбелька, украшенная кружевом, уже была поставлена в опочивальню государыни, хотя при дворе и шептались: «Тут не кружевые одеяльца, а саван заказывать надо». И как в воду глядели: распухший живот оказался результатом серьезной опухоли, которая и свела Марию в могилу.

И даже Великая Глориана, или Прославленная, как называли королеву Елизавету, дочь Генриха и Анны Болейн, которая утверждала, что в груди у нее «сердце короля — короля Англии», хоть и процарствовала больше сорока лет, но тоже так и не смогла продолжить род Тюдоров. Елизавета вошла в историю как королева-девственница, «обрученная с государством», хотя мольва и приписывала ей бурные романы. Чтобы было тому причиной — какой-либо

Мария Тюдор

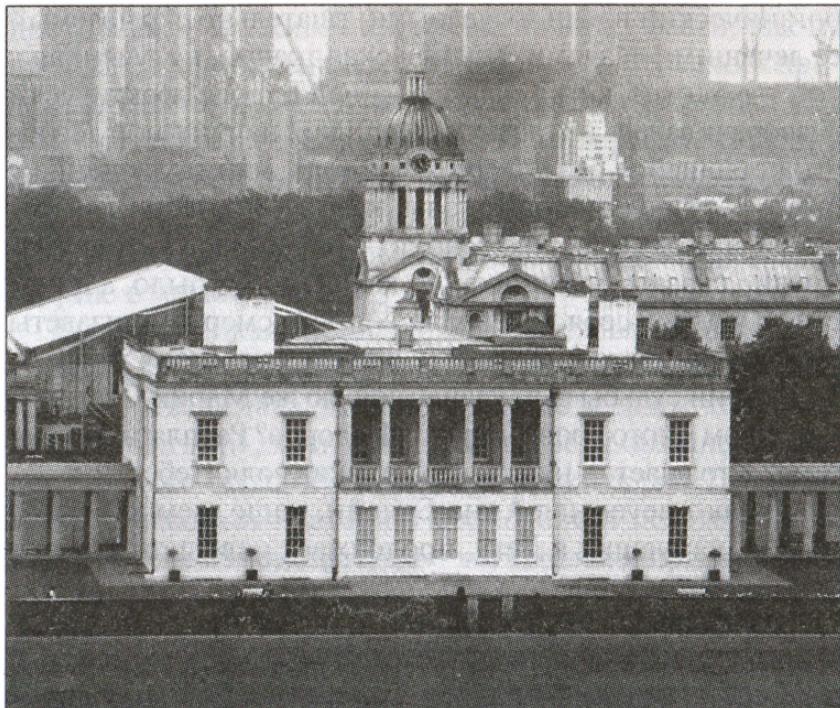

органический изъян государыни, тщательно скрываемый ее лечащими врачами, психическая травма, полученная в детстве от отца, когда сказка о Синей Бороде практически разворачивалась на глазах у маленькой напуганной девочки, оставшейся без матери в три года, или заключение в сыром Тауэре в молодые годы, куда ее, протестантку, отправила сводная сестра Мария — ревностная католичка? Трудно сказать наверняка, но как бы то ни было, а династия Тюдоров себя исчерпала — после смерти Елизаветы на английский трон взошел ее племянник Яков Стюарт — по иронии судьбы сын казненной ею же Марии Стюарт... Слишком много крови на руках Тюдоров? Расплата за грехи отца? Кто знает — на это есть великая воля Небес...

Однако неуемная Анна Болейн, чаще, чем кто-либо из них, канувших в Лету, продолжает навещать Тауэр и после смерти.

Однажды солдат, стоявший на часах у квартиры лейтенанта, увидел «белую женщину», выплывающую из помещения. Несмотря на приказ остановиться, дама двигалась прямо на него. Тогда солдат в отчаянии проткнул неизвестную штыком, но штык прошел сквозь нее, как через воздух. Потрясенный охранник упал в обморок, однако вследствии предстал перед трибуналом как заснувший на боевом посту. От сурового приговора несчастного спасло только то, что «белую леди» видели еще несколько человек в разное время, о чем они и заявили руководству. Началось настоящее расследование, к которому военный суд привлек даже историков. Согласно описаниям свидетелей и сохранившимся историческим документам, «белая леди» была призраком именно Анны Болейн. Неслыханная история, но военный суд оправдал часового и признал наличие призрака Болейн, из чего следует, что Анна — единственный призрак, имеющий официальное признание властей.

Однако и двоюродная сестра Анны — пятая жена Генриха VIII — Резвушка Кэт, расставшаяся со своей голо-

Квинз-Хаус

вой все в том же Тауэре, время от времени пугает часовых своими криками. В королевской часовне, где она молила Генриха о прощении, она появляется бегущей в серой властице с распущенными волосами.

Да и дочь Анны Болейн и Генриха VIII — та самая великая и прославленная Глориана, Елизавета I — не оставляет Тауэр своим вниманием. Ее можно повстречать в библиотеке: некогда всесильная королева проходит вдоль стеллажей и исчезает в стене. Ходят слухи, что иногда призрак сердится и ворчит: «Провалили мое дело!» Обычно такое происходит после каких-либо государственных промахов английских властей.

Однако самым посещаемым привидениями местом не только в Тауэре, но и во всем Лондоне, может по праву

считаться Квинз-Хаус (Дом королевы). Черно-белая фахт-верковая постройка 1530 года в форме буквы L была тем местом, где в основном томились в заключении благородные леди: в 1536 году Анна Болейн занимала одну из спален западного крыла последние 18 дней своей жизни. Пятая жена Генриха VIII, Катерина Говард, и ее фрейлина-сообщница герцогиня Рочфорд провели здесь последние два дня перед казнью. Леди Джейн Грей первоначально содержалась в Квинз-Хаусе, прежде чем ее перевели в другое помещение. В 1565—1567 годах Маргарет, графиня Леннокс, находилась здесь в заточении за то, что позволила своему сыну, лорду Дарнли, жениться на королеве Шотландии — Марии Стюарт. По-видимому, графиня осталась «довольна» своим пребыванием в Квинз-Хаусе, поскольку десять лет спустя, в 1564 году, она вновь была отправлена в Тауэр на 3 года — на сей раз за то, что организовала свадьбу своего второго сына, Чарльза Стюарта, с Элизабет Кавендиш.

Бывала в Квинз-Хаусе и юная принцесса Елизавета — ей, узнице соседней Колокольной башни, дозволялось принимать здесь пищу.

Узниками Квинз-Хауса побывали и знаменитый квакер Вильям Пенн, основатель американского штата Пенсильвания — он томился в западном крыле здания, работая над своей знаменитой «Ни креста, ни короны», и участники двух якобитских восстаний: один из них, Вильям, граф Нитсдейл, ожидал решения своей судьбы в южном крыле и чудом избежал смерти.

Последним высокопоставленным узником Квинз-Хауса стал первый заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс, секретно прибывший в Британию в 1941 году — он провел в Квинз-Хаусе четыре дня. В конце концов, по официальной версии, Гесс закончил жизнь самоубийством в берлинской тюрьме Шпандау в 1987 году.

Бурная и печальная история Квинз-Хауса не могла не наложить свой мистический отпечаток на это стари-

ное черно-белое здание. Можно сказать, что в его стенах обитает больше призраков, чем туристов. Помимо «белой леди», которую впервые увидели там в 1864 году, в помещении неоднократно встречают и «леди в сером», правда, является она исключительно женщинам, и никто до сих пор не знает, кто же она такая и кем была при жизни. Мужчина в костюме XV века частенько прогуливается по верхним этажам — его шаги эхом отдаются на лестнице... Появляется в Квинз-Хаусе и леди в одеянии времен эпохи Тюдора — судя по описаниям, это призрак неугомонной Анны Болейн, такой же энергичной после смерти, как и при жизни, который можно повстречать по меньшей мере в четырех различных местах Тауэра.

Еще одну жертву Тауэра — католика Гая Фокса — пытали в Квинз-Хаусе после его неудачной попытки взорвать Парламент в 1605 году. Его крики до сих пор время от времени доносятся из окон старинного здания. Слышны подобные крики и из Белой башни. Рыцарская процессия периодически возникает из ничего и направляется в церковь Святого Петра в Веригах, в то время как джентльмен в костюме елизаветинской эпохи появляется в Колокольной башне. Генри Перси, 9-й граф Нортумберлендский по прозвищу Колдун, которое он получил за свое пристрастие к алхимии, предпочитает башню Мартин, и неслучайно... Именно в ней он провел шестнадцать лет своего заключения в Тауэре по подозрению в соучастии в знаменитом Пороховом заговоре против Якова I. А в Кровавой башне иногда появляются два печальных безмолвных призрака в белыхочных рубашках — два мальчика, убиенные принцы некоторое время стоят рука в руке, а затем как будто растворяются в каменной стене.

Бывает и так, что призраки являются целыми группами. Известен случай с часовым, несущим ночную вахту, который вдруг увидел свет, льющийся из окон часовни Святого Петра в Веригах. Найдя лестницу и заглянув в

окно, он увидел леденящую кровь картину: мужчины и женщины, рыцари и леди, в старинных одеяниях молча и бесшумно ходили по кругу. На переднем плане он рассмотрел элегантную женскую фигуру, она сильно напоминала Анну Болейн, которую охранник неоднократно видел на портретах в Тауэре. Да и другие участники этой зловещей церемонии показались юноше знакомыми по висящим в замке портретам: вслед за Анной шагал Томас Мор, за ним следовали пожилая герцогиня Солсбери и юная леди Джейн Грей под руку с мужем — лордом Дадли. Замыкали шествие несколько участников бунта 1745 года. У каждого на шее виднелась кровавая полоса, а на бледных до синевы лицах выделялись горящие как угли глаза. Хотя кто знает, что на самом деле привиделось впечатлительному юноше в призрачном лунном свете. Несколько раз обойдя церковь по кругу, процессия растворилась, а свет исчез.

Питер Акройд в «Биографии Лондона» упоминает о самом необычном призраке, который когда-либо видели в Британии: он явился хранителю сокровищницы Британской короны и его жене. Однажды, когда супруги сидели за столом в главной комнате сокровищницы, в воздухе внезапно возникла стеклянная трубка толщиной в руку, заполненная какой-то густой жидкостью, «белой и светло-лазурной, которая постоянно перекатывалась и смешивалась внутри цилиндра». Предмет приблизился к жене хранителя, немало напугав ее, которая воскликнула: «Боже, оно меня схватило!», а затем пересек комнату и растаял.

И все же есть в архивах Тауэра упоминание о тех неувалых счастливчиках, которым удалось обмануть судьбу и вырваться из мрачных застенков практически неприступной крепости. За всю историю Тауэра насчитывается около нескольких десятков побегов, из которых свыше тридцати закончились успехом. Пожалуй, из всех счастливчиков следует выделить четырех, с которыми связаны самые яркие истории.

По иронии судьбы первый же узник Тауэра стал первым, кому удалось из него бежать: Ральф де Фламбард, впоследствии ставший епископом Даремским, правая рука жестокого короля Вильяма Руфуса (Рыжего), был влиятельным и многими ненавидимым сборщиком податей. Он был брошен в Тауэр после загадочной смерти короля Вильяма на охоте, когда его брат, Генрих I, сменил Руфуса на престоле. Хитрый Ральф, напоив стражу до бесчувственного состояния, темной ночью 1101 года при помощи веревки благополучно выбрался из окна Белой башни и бежал, в то время как 200 лет спустя такой же триюк попробовал повторить валлийский принц Груффид (Gruffydd), но, к сожалению, был убит во время побега. В экспозиции Тауэра сохранился наконечник епископского жезла Фламбарда, а также его перстень.

Вторым счастливчиком стал сэр Джон Олдкасл, последователь религиозного реформатора Джона Виклифа, сумевший бежать из Тауэра в 1413 году. Оказавшись на свободе, он возглавил оппозицию королю Генриху V, чьим другом некогда был. Оппозиция провалилась, Олдкасл бежал. Спустя четыре года его наконец схватили в Уэльсе и привезли в Лондон, где он и был казнен 14 декабря. Считается, что своего Фальстафа Шекспир списал именно с Олдкасла, более того, согласно одной из версий, некоторое время персонаж фигурировал под своим реальным именем в первых постановках пьесы «Генрих VI», до тех пор, пока потомки Олдкасла не запротестовали и не появилось вымышленное имя Фальстаф.

Третим баловнем фортуны можно считать иезуитского священника отца Джона Герарда, который был брошен в Тауэр в 1597 году, где его подвергали жестоким пыткам. Несмотря на это, отец Герард сумел выбраться на свободу при помощи своих друзей-католиков: от охранников Тауэра Джон регулярно получал апельсины, из кожуры которых делал крестики, а апельсиновый сок использовал

в качестве невидимых чернил, чтобы писать секретные письма, в которые он заворачивал крестики и отсыпал своим друзьям, сумев расположить к себе одного из стражников. Секретные послания можно было прочитать при помощи свечи.

Ночью 4 октября сообщники протянули веревку через ров между башней Крэдл, в которой был заключен Герард, и башней Ворф. Несмотря на то что его руки сильно пострадали во время пыток, Герард каким-то чудом смог воспользоваться веревкой, чтобы покинуть ненавистную темницу, и был переправлен при помощи лодки по Темзе в безопасное место. Одним из тех, кто организовал побег, был будущий участник Порохового заговора Роберт Гэтсби. Удивительно, что, невзирая на все превратности судьбы, Герард сумел прожить довольно долгую жизни по тем временам: он умер в Риме в возрасте семидесяти двух лет.

И, наконец, самый романтический побег за всю историю Тауэра: шотландский лорд Нитсдейл, участник первого якобитского восстания, томился в Квинз-Хаусе в ожидании неминуемой смерти. Его супруга пыталась вымолить у короля помилование для мужа, забрасывая его петициями. В конце концов она, будучи беременной, отправилась из Шотландии в Лондон, дабы добиться личной аудиенции у монарха и выхлопотать свидание с мужем. До Йорка графиня ехала в карете, но из-за начавшейся снежной бури и заносов ей пришлось оставить карету и пересесть на лошадь — так верхом на лошади по обледенелым дорогам она и добралась до столицы. Находчивая графиня заручилась поддержкой своей горничной и еще двух женщин в осуществлении разработанного ею плана спасения любимого мужа. В одно из первых свиданий леди Нитсдейл оставила в камере мужа пудру, румяна и парик, задобрила охранников деньгами и хорошей выпивкой, пытаясь усыпить их бдительность: ей удалось убедить стражников, что ее мольбы были услышаны королем, и поми-

лование лорда, а также его освобождение из тауэрских застенков — просто вопрос времени. 22 февраля, накануне казни, при помощи своих друзей леди Нитсдейл удалось пронести в Тауэр плащ и накидку. Отважная леди вместе со своими спутницами отправилась на «последнее свидание с мужем» — лорд переоделся в женскую одежду, наложил макияж, и несколько минут спустя леди Нитсдейл вышла из камеры с мужем, загrimированным под одну из ее спутниц, при этом попросила охранников некоторое время не беспокоить мужа, якобы оставшегося в камере, и дать ему возможность спокойно помолиться перед предстоящим испытанием. Как только лорд с супругой оказались за пределами Тауэра, их встретила горничная графини, которая помогла лорду укрыться в безопасном месте, леди же Нитсдейл возвратилась в камеру мужа и блестяще разыграла сцену прощания: она говорила за себя и за мужа, имитируя его голос, а прежде чем покинуть пустую камеру, графиня закрыла дверь таким образом, что открыть ее можно было только изнутри. Несколько дней лорд Нитсдейл тайно укрывался в Лондоне, после чего его, переодетого в слугу венецианского посла, удалось, наконец, переправить в порт Кале, а затем и на континент.

Как только стало известно о побеге, графиню заподозрили в причастности к нему. Над головой бедной женщины нависла смертельная опасность: король был достаточно сердит на нее, доставившей ему своими назойливыми просьбами «больше проблем и беспокойства, чем какая-либо другая женщина Европы». Тем не менее, невзирая на угрозу самой оказаться в застенках Тауэра, эта красивая, изящная, но безумно волевая шотландская леди вновь отправляется в Шотландию (в то время далеко не близкий путь, да еще и для беременной женщины!), чтобы обеспечить безопасность семейных бумаг и оставшегося там имущества и недвижимости. «Я рисковала жизнью за своего мужа, и я не могу не рискнуть ею еще

раз — теперь за состояние сына». С этой целью леди Нитсдейл направляется в старинное шотландское поместье Траквар (ее золовка была супругой 4-го графа Траквара, Чарльза), а затем возвращается в Лондон.

Как только дело о ее причастности к побегу закрыли (судьба и на этот раз проявила свою недюжинную благосклонность), Уинифред Нитсдейл получила возможность отправиться на континент и воссоединиться со своим мужем — год они прожили во Франции, а затем переехали в Италию, где вместе прожили в Риме с 1718 по 1726 год. Умерла отважная графиня в 1749 году, но ее слава пережила свою хозяйку: леди Нитсдейл стала героиней нескольких якобитских пьес и даже исторического романа Барбарины Ольги Брэнд, написанного в 1869 году под названием «Уинифред, графиня Нитсдейл: история якобитских войн».

А в тихом загадочном замке Траквар — самом старом жилом поместье в Шотландии — в уютной столовой с огромным камином висят семейные портреты самых ярких представителей древней и знатной династии, в жилах которой до сих пор течет королевская кровь Стюартов. Здесь и 4-й граф Траквар, Чарльз, и его супруга, прелестная дочь 4-го графа Нитсдейла, леди Мэри Максвелл, кстати, подарившая мужу ни много ни мало — 17 детей! Это ее брат, Вильям Нитсдейл, который был тем самым знаменитым узником Тауэра. Ну и, конечно же, его супруга — отважная и легендарная леди Нитсдейл — с портрета работы сэра Джона Баптиста де Медина на нас смотрит, на первый взгляд, хрупкая и изящная женщина удивительной красоты. Трудно поверить, что это она скакала беременной по скользким дорогам Шотландии в Лондон и обратно, она рисковала жизнью, обведя вокруг пальца стражников Тауэра — самой мощной и неприступной крепости Англии, она спасла мужа и обеспечила будущее сына и дочери. Удивительная женщина, женщина-легенда, о которой на

Ирина Донскова

Руси бы сказали просто и емко: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет».

Давно уже древние стены Тауэра не видели новых пленников, и слава Богу! Все-таки на дворе XXI век... Но крепость живет по своим собственным законам: все те же бифитеры в красочной униформе, все те же ритуалы и традиции, все те же важные вороны, по-хозяйски разгуливающие по фирменным английским зеленым газонам. Конечно, 10 веков — немалый срок, и Тауэр прожил не одну жизнь за это время: деревянная крепость, каменная башня, королевский дворец, оружейный арсенал и сокровищница, монетный двор и тюрьма, место кровавых казней и даже королевский зоопарк, хотя на сегодняшний момент из всей былой живности здесь остались, пожалуй, только самые древние обитатели Тауэра — знаменитые вороны, причем, согласно специальному королевскому

Траквар-Хаус в Шотландии

Равенмастер с одним из воронов Тауэра

указу Карла II, в Тауэре должны постоянно находиться не менее 4-х воронов.

Трудно сказать, когда эти крупные черные птицы, довольно зловещего вида, стали неотъемлемым атрибутом Тауэра. Вероятно, что появились они там по довольно-таки прозаической причине, привлеченные роскошными отходами с королевских кухонь. Обитатели Тауэра, по-видимому, не имели ничего против соседства с добровольными санитарами, поскольку вороны прижились на его территории. Интересно, что, в отличие от многих других народов, англичане не испытывают суеверного страха перед воронами и не содрогаются от их зловещего карканья. Более того, эти мудрые, степенные и важные птицы, некоторые из которых живут до сорока лет и больше, им даже импонируют.

Однако королевский астролог Карла II, первоначально занимавший Белую башню в качестве обсерватории, при-

держивался другого мнения: пролетавшие мимо вороны мешали ему наблюдать за небом. Астролог пожаловался королю — но не успел Карл принять необходимых мер, как ему напомнили древнюю легенду, согласно которой Тауэр падет, если его оставят эти мистические птицы, а вслед за Тауэром падет и Британия... Король, поразмыслив, поступил довольно мудро: астролог вместе с обсерваторией был переведен в Гринвич, а вороны остались в Тауэре. Более того, был издан специальный декрет, по которому эти древние обитатели крепости были взяты под королевскую охрану: их крылья подрезают, дабы они не улетели, а специальный стражник следит за их питанием. Вороны — хищные птицы, и для полноценного питания в их рацион включают свежее кроличье мясо с кусочками шерсти для улучшения пищеварения, а на десерт иногда балуют печеньем, которое обмакивают в свежей крови.

Можно сказать, вороны состоят на службе в Тауэре — совсем как и его охранники, знаменитые Бифитеры — им присваивают имена и как на военнослужащих заводят карточки, в которых отмечают особенности характера и личные качества. Есть у воронов и свое персональное кладбище в районе сухого рва, окружающего крепость.

Сам Тауэр благополучно пережил две мировые войны и с честью выдержал неоднократные воздушные атаки: в ходе Второй мировой войны на территории крепости было зафиксировано пятнадцать прямых попаданий авиабомб, не говоря уже о бомбардировке зажигательными бомбами. Однако потери исчислялись только погибшими воронами и разбитыми оконными стеклами. Был период, когда на территории крепости осталась всего одна птица. И все же Тауэр, а вместе с ним и Лондон, выстоял, и после войны было принято решение срочно возобновить поголовье легендарных птиц.

Птицы, проживающие в Тауэре в настоящее время, в основном родом из Шотландии, Уэльса и Корнуолла.

Они родились на свободе и были доставлены в крепость, когда им еще не исполнилось и года. Среди воронов есть и самцы, и самочки, которые весной даже пытаются строить некое подобие гнезд, однако до сих пор еще не было случая, чтобы у тауэрских воронов заводилось потомство — в неволе они отказываются размножаться...

В 1235 году у тауэрских воронов появились новые соседи: король Генрих III основал в Тауэре зверинец, первыми обитателями которого стали три леопарда, подаренных королю императором Фридрихом II. В том же году в зверинец доставили из Норвегии белого медведя: в государственных архивах упоминается, что медведь получал ежедневное довольствие на сумму в четыре пенса из денег, ассигнованных на личные расходы короля. При помощи длинной и крепкой веревки «смотритель белого медведя» держал животное на привязи, когда его отпускали половить рыбу в Темзе. Видимо, это был тот самый медведь, призрак которого много лет спустя однажды вдруг «просочился из-под двери» сокровищницы британской короны, а увидевший его караульный умер через два дня.

В правление Эдуарда III к прежним обитателям зверинца присоединился слон — подарок короля Франции, для которого по королевскому указуозвели отдельное строение размером сорок надвадцать футов. Король Яков I просто обожал свой зверинец и устраивал регулярные животные бои — жестокая практика продолжалась до 1609 года, пока в результате поединка между медведями случайно не погиб ребенок. Немногим позже в Тауэре появились львы, держать которых в королевском зверинце стало традицией. Один из львов был назван в честь правящего монарха и, согласно молве, чуть не умер от тоски после кончины короля-тезки. В 1704 году, согласно архивам, в тауэрском зверинце содержалось шесть львов, два леопарда, три орла, две огромные «шведские совы», две дикие «горные кошки» и шакал. Посетителям предписывалось не заигрывать с

животными, после того как орангутанг бросил в одного из них пущечное ядро и убил несчастного. Животные содер-жались в Тауэре до 1834 года, после чего были переведены в новый зоопарк в Риджентс-парк.

Тайны Трафальгарской площади. Нельсон и леди Гамильтон

Где-то за окном, словно за бортом
Вдаль плывет мое детство,
Леди Гамильтон, леди Гамильтон,
Я твой адмирал Нельсон.

Как она звала, как она ждала,
Как она пила виски!
Леди Гамильтон, леди Гамильтон,
Ты была в моей жизни!

А. Вратарев

Есть и еще одно знаменитое место в Лондоне, где мож-
но увидеть львов — правда, застывших в камне. Согласно
легенде, львы работы сэра Ландсира, как гордые и мол-
чаливые сфинксы, охраняют сокровища — однако на сей
раз сокровища не английской, а французской короны. До
сих пор живо предание о том, что фаворитка Людовика
XV мадам дю Барри, бежав из революционной Франции,
закопала свои сокровища в том самом месте, где сейчас
возвышается знаменитая колонна Нельсона. Дело в том,
что в смутные времена ее роскошный особняк в Лувесьенне
был безжалостно ограблен, однако спустя некоторое вре-
мя ей сообщили: бриллианты найдены в Лондоне. Имен-
но для их опознания и решения формальностей Жанна и
ездила в Лондон несколько раз. Правда, есть версия, что

она их все же вывезла с собой обратно во Францию и уже там закопала в Лувесьенском парке вместе с отрубленной разъяренной толпой головой герцога де Бриссака, губернатора Парижа, своего последнего возлюбленного. Увы, гильотина все же настигла мадам дю Барри, и тайну сокровищ она унесла с собой в могилу. Однако лондонский Музей мадам Тюссо даровал красавице вторую жизнь — жемчужиной его экспозиции является восковая фигура спящей мадам дю Барри — миниатюрная леди раскинулась на зеленом бархате кушетки, на щечках играет нежный румянец, упругая грудь вздымается под складками вечернего платья (это первая механическая фигура в экспозиции музея!). Кажется, вот-вот дрогнут пушистые ресницы и «спящая красавица» откроет изумленные глаза: «Ах, как же долго я спала!» И попросит принести ее сокровища...

Однако Трафальгарская площадь, на которой стоит самая знаменитая колонна Нельсона, и сама овеяна легендами.

Со времен короля Эдуарда I, правившего Англией в XIII веке, на протяжении нескольких веков на месте сегодняшней Трафальгарской площади располагались королевские конюшни и содержались птицы для охоты — здесь разводили ястребов и соколов. Во время гражданской войны конюшни были переоборудованы в бараки для солдат Кромвеля, а позднее использовались в качестве тюрьмы, где томились сторонники Карла I. В конце 1760-х Георг III решил переместить королевские конюшни на территорию Букингемского дворца. Процесс перемещения слегка затянулся — последние лошади покинули это место в 1820-х, к тому времени уже был готов проект создания новой площади, которой суждено было стать сердцем Лондона. К сожалению, автор проекта, архитектор Джон Нэш, не дожил до того момента, когда его мечты воплотились в реальность — к делу подключился Чарльз Берри,

Монумент Нельсону на Трафальгарской площади

который и завершил строительство площади, получившей имя Трафальгарская — в честь победы английского флота под командованием Нельсона в битве у мыса Трафальгар в 1805 году.

Вот уже более полутура веков легендарный адмирал величественно взирает на площадь и окрестности с 44-метровой гранитной колонны, установленной на площади в 1843 году. Статуя Нельсона более чем в три раза по высоте превосходит самого адмирала (его рост был около 165 сантиметров), тем не менее с площади кажется практически миниатюрной. Мало кому известно, что сам российский император Николай I принял участие в проекте — даровал 500 фунтов на строительство колонны. 23 октября 1843 года четырнадцать рабочих, задачей которых было установить колонну, закончили свой доблестный труд и отметили это событие весьма своеобразно — устроили

ланч в английском стиле на верхней площадке монумента на высоте 44 метров. После чего там установили статую Нельсона.

Четыре бронзовых барельефа на основании колонны сделаны из переплавленных трофеиных пушек с кораблей, захваченных адмиралом, и символизируют морские победы Нельсона: в битве у мыса Сент-Винсент, в Абукирском сражении, у Копенгагена и при Трафальгаре.

Двадцать пять лет спустя у основания колонны расположились четыре гигантских бронзовых льва работы скульптора эра Эдвина Ландсира. Моделью для скульптур Ландсиру служил мертвый лев, которого он держал в своей студии. Однако жуткий запах делал невозможным длительное пребывание в мастерской, да и соседи вмешались — вызвали полицию, заподозрив неладное. Пришлось Ландсиру заканчивать львов, любуясь на свою домашнюю кошечку.

Знаменитая колонна, под которой, согласно преданию, и были зарыты сокровища мадам дю Барри, — один из любимейших монументов в Лондоне. «Встретимся у Нельсона» — расхожая фраза, и действительно, сегодня трудно представить себе площадь без адмирала. И все же, хотя у истории и нет сослагательного наклонения, Нельсона на площади могло бы и не быть, если бы член Парламента полковник сэр Фредерик Вильям Тренч в первой половине XIX века не сумел заручиться поддержкой нации и воплотить в жизнь свой проект. В центре площади вместо колонны предполагалось соорудить громадную двадцатидвухъярусную пирамиду, выше, чем собор Святого Павла, причем полковник заявлял, что нация вполне осилит расходы по ее возведению. Нация, однако, посчитала иначе, и пирамида осталась лишь на бумаге — в чертежах архитекторов Филиппа и Мэтью Коутс Вят.

Не менее грандиозными были и планы Гитлера, который намеревался переправить колонну Нельсона в Берлин после

Паб «Оружейный»

захвата Британии. В специальном плане операции, разработанной СС, отмечалось, что «колонна Нельсона символизирует мощь британского военного флота и мирового владычества. Было бы весьма впечатляюще подчеркнуть победу фашистской Германии, переправив колонну в Берлин».

Однако бравый адмирал не пожелал менять порт прописки — Британия устояла, а вместе с ней и колонна. В прошлом в день празднования победы при Трафальгаре колонна Нельсона украшалась флагами, которые вкупе составляли собой девиз Нельсона: «Англия ожидает, что каждый мужчина будет исполнять свой долг». Поистине золотые слова... Жаль только, что эта церемония больше не практикуется. Зато в мае 2003 года профессиональный спортсмен совершил прыжок с парашютом с колонны Нельсона, протестуя таким образом против политики Китая в отношении Тибета.

Предполагается, что бравый адмирал смотрит с высоты своей знаменитой колонны в сторону моря, где некогда качалась на волнах его «Виктория», однако лондонские гиды частенько обращают внимание туристов на то, что именно в этой стороне находится и знаменитый лондонской паб: «Ган», или «Оружейный», что расположен не подалеку от Тауэрского моста — когда-то в этом районе вниз по Темзе находился Оружейный двор, где отливали пушки, из которых стреляли на кораблях Нельсона в битвах на Ниле и при Трафальгаре, и в который раз пересказывают сентиментальную историю любви великого адмирала, такой же вечной и трагической, как мир. Именно в этом пабе частенько проходили тайные встречи адмирала и очаровательной большеглазой Эммы Гамильтон, во льею судеб занесенной в высокое лондонское общество из далекого городка Гаварден в Уэльсе, где ее мать, Мэри Кадоган, после смерти мужа подрабатывала то прачкой, то кухаркой, чтобы прокормить себя и дочь.

Эмма Лайон родилась 15 января 1815 года в местечке Нестон под Честером, однако ее отец, кузнец Генри Лайон, скончался спустя всего два месяца после рождения дочери, и мать была вынуждена вернуться к себе на родину, в Уэльс, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Эмма обещала стать писаной красавицей еще в своем бедном босоногом детстве: каштановые локоны, голубые глаза, мелодичный голос и веселый нрав — все это делало ее всеобщей любимицей. В двенадцать лет юная красавица впервые в жизни оказалась в большом городе — известно, что она работала горничной в доме доктора Томаса Лея, хирурга из Честера (по-видимому, туда она попала стараниями родственников), однако несколько месяцев спустя была уволена, по слухам, за недостаточное прилежание. В поисках счастья девушка отправилась в Лондон, где устроилась горничной в дом семейства Будд в районе Блэкфрайз. Там она подружилась с горничной по имени

Эмма Гамильтон

Джейн Пауэлл, которая мечтала стать актрисой — время от времени ей давали роли в местных театрах. Эмма, с детства отличавшаяся артистическим талантом, с удовольствием репетировала различные трагические роли вместе с Джейн — впоследствии театральность ее поведения будут неоднократно отмечать ее недоброжелатели. В свободное от работы время юные красавицы наслаждались столичной жизнью, вкушая первые запретные плоды: ночная жизнь Лондона, краткосрочные романы с молодыми людьми. Вероятно, именно это и послужило причиной того, что вскоре миссис Будд указала экстравагантной парочке на дверь.

Эмме пришлось возвратиться к своей матери, которая к тому времени жила в относительной нищете в районе Оксфорд-стрит, перебравшись в Лондон из Уэльса вслед

за дочерью. Не желая расставаться со своей мечтой о театре, Эмма устраивается в театр «Друри-Лейн» в «Ковент-Гардене» — прислуживать актрисам, однако ее жалованье при этом было довольно скучным, что вынуждало юную красавицу подрабатывать ночной бабочкой. Вскоре «бабочка» уже порхала на сцене одной из местных таверн или борделя в качестве стриптизерши. В георгианскую эпоху подобные злачные местечки процветали вовсю, да и работать в них отнюдь не считалось зазорным, однако при всем этом следует заметить, что юная Эмма рассталась со своей невинностью не за сальные деньги очередного сластолюбца — она принесла ее в жертву своей первой наивной любви. Втайне, в душе, романтичная девушка была влюблена в своего кузена Дика: ее сердце не выдержало, когда она узнала, что его забрали в солдаты, чтобы отправить в Америку, где шла война. В отчаянии Эмма бросилась к капитану корабля, где томился новобранец, умоляя отпустить его, и бравый капитан по имени Джон Пейн дрогнул при виде ее прелестей — он согласился, но при условии, что Эмма станет его любовницей. Спасенный кузен ударился в бега, бравый капитан отправился в рейс, осчастливив Эмму первой беременностью, совершенно не заботясь при этом о ее судьбе.

Предполагают, что от нежелательного ребенка Эмма избавилась при помощи шотландского доктора-шарлатана Джеймса Грэхема, учредившего «храм Здоровья и Гименея» (по другой версии, «храм Аполлона с богиней Афродитой»), где за 40 шиллингов можно было «излечиться от бесплодия», а также избавиться от всех сопутствующих недугов, а заодно и омолодиться, полежав на электрической «чудо-кушетке». В роли «богини здоровья», рекламирующей волшебные свойства электричества, которое якобы «способствует зачатию», как раз и выступала эффектно возлежащая на ложе и прикрытая прозрачным газовым покрывалом обнаженная Эмма, ставшая ассистенткой

«доктора». Одним из посетителей «храма Здоровья» стал восемнадцатилетний принц Уэльский (будущий король Георг IV), который опробовал чудо-кушетку со своей любовницей Мэри Робинсон.

В пятнадцать лет Эмма уже работала у миссис Келли по кличке Аббатиса — скандально известной в Лондоне супружительницы элитного борделя рядом с фешенебельным отелем «Ритц». В этом самом борделе ее и приметил юный баронет Гарри Фезерстоунхоф, без обиняков предложивший девушке стать его содержанкой. В его родовом поместье Ал-Парк в Сассексе Эмма, дочь кузнеца и кухарки, наконец-то смогла почувствовать себя настоящей леди: она жила в светлых комнатах, покупала себе элегантные наряды и даже общалась со светскими дамами и господами. «Дорогая игрушка» хозяина стала любимой моделью для одного из постоянных гостей усадьбы — известного художника Джорджа Ромни, обожавшего рисовать Эмму то в бальном платьях, то в костюме наездницы, то в экзотических восточных нарядах, а то и вовсе неглиже. Ромни был восхищен ее мимикой и пластикой: позируя, она легко вживалась в образ. Художник даже пытался устроить ее в театр к своему другу, известному драматургу Ричарду Шеридану, однако мэтр сцены признал Эмму непригодной к театральной карьере.

Все было бы замечательно, если бы не одно «но» — даже дорогие и экзотические игрушки приедаются со временем: очередная беременность Эммы резко остыдила любовный пыл баронета, и он отоспал ее от греха подальше на съемную квартиру в Лондон, где спустя полгода Эмма родила дочку, в судьбе которой Фезерстоунхоф отказался принимать какое-либо участие. Девочку, названную в честь матери Эммой, отправили в Уэльс к ее бабушке.

И все же для доморощенного бриллианта нашлась-таки достойная оправа: судьбе было угодно, чтобы на молодую мать обратил внимание сэр Чарльз Гревилл из знатного

древнего рода Уорвиков — приметивший ее еще в усадьбе баронета, красивый и богатый граф предложил Эмме стать ее покровителем и переехать на Эджвар-роуд на окраине Лондона. Гревилл был щедр и великодушен — оплачивал все расходы и позаботился об ее образовании: нанятые им преподаватели обучали юную леди правилам хорошего тона, иностранным языкам, пению и рисованию. Гревилл, как Пигмалион, лепил свою Элизу Дуллитл. А Эмма Харт — под таким именем она жила в усадьбе, чтобы ее темное лондонское прошлое не ложилось пятном на репутацию Чарльза, — оказалась, как и Элиза, способной и благодарной ученицей. И так же, как и Элиза, влюбилась в своего «учителя жизни». Казалось, что на сей раз эта любовь взаимна и крепка, и Золушка наконец станет Принцессой окончательно и бесповоротно: однако спустя три года безоблачного счастья в роли злой мачехи на сцену вышел отец Чарльза, который категорично и непреклонно потребовал, чтобы сын в срочном порядке женился на богатой восемнадцатилетней наследнице Генриэтте Уиллоуби — финансовые дела семьи были достаточно плачевны, и этот брак мог существенно поправить ситуацию.

Верный сын, Гревилл не смог противиться отцовской воле, однако постарался устроить жизнь Эммы весьма деликатным образом: ссылаясь на занятость, Чарльз стал все реже и реже наведываться на Эджвар-роуд, предпочитая писать письма былой возлюбленной, сходившей с ума от тоски по нему. В один из таких нечастых приездов он познакомил Эмму с приехавшим в гости дядей, пожилым вдовцом Уильямом Гамильтоном, британским послом в Неаполе. Гревилл весьма деликатно попросил дядю пригласить Эмму в Неаполь под предлогом обучения пению у итальянских мастеров (по слухам, дядя, наслушанный о прелестях Эммы, согласился купить ее у племянника, простив ему крупный долг). По другой версии, Гревилл договорился с дядей, которому брак племянника с бо-

гатой наследницей был более чем выгоден, пригласить Эмму в Неаполь в качестве приятной любовницы, но обещал забрать ее, уладив дела с женитьбой. Удалившись в Шотландию по срочным делам, Гревилл отправил Эмму в Неаполь на шесть или восемь месяцев предположительно навстречу ее новой судьбе.

Сэр Уильям, сын лорда Арчибальда Гамильтона, губернатора Ямайки, был богатым господином — служа послом в Неаполе, он собрал крупнейшую в Европе коллекцию древнеримского и этрусского искусства, которую позже продал Британскому музею. Однако этот холодный с виду пожилой аристократ практически без сопротивления пал жертвой чар и прелестей Эммы. И все же на сей раз Эмма не собиралась становиться дорогой игрушкой сэра Гамильтона — познав с Чарльзом Гревиллом и настоящую любовь, и безумную горечь расставания и предательства после его женитьбы, она была полна решимости отомстить бывшему возлюбленному, заставив Гамильтона жениться на себе и разыграв небывалое семейное счастье и светский успех. В Неаполе Эмма быстро осваивает итальянский язык и осваивается в роли неофициальной хозяйки в посольском особняке. Влюбленный Гамильтон делает ей предложение, и пара отправляется в Лондон, чтобы 6 сентября 1791 года, после торжественной церемонии венчания в лондонской церкви Сент-Мэри, двадцатисемилетняя дочь кузнеца и кухарки стала наконец леди Гамильтон и теперь как законная супруга сэра Гамильтона имела право на все знаки почтения, принятые в обществе, несмотря на то что при королевском дворе в Лондоне признания она так и не получила.

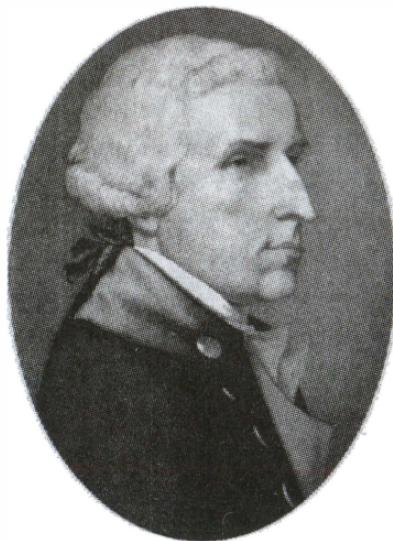
Супруги возвращаются в Неаполь, где начинается новая жизнь настоящей светской львицы: в посольстве устраиваются шикарные балы и приемы, где Эмма блестит в тарантеле и прекрасно поет: однажды на приеме она даже осмелилась соревноваться с модной в то время певицей Джорджиной Бригитой Банди. После выступле-

ния Эммы сраженная певица воскликнула: «Боже, что за голос! Я бы отдала все свое состояние за одну только возможность иметь такой». Эмма с увлечением участвует и в пантомимах — «живых картинах», изображая на сцене героинь классических произведений живописи: «серъезная и грустная, шаловливая, кокетливая и восторженная, кающаяся и пленительная, угрожающая и испуганная» — так отзывался о ней Иоганн Гёте.

Ей приписывают авторство создания танца с шалью. Не подражаемая, необыкновенная, сумевшая очаровать саму королеву Неаполя Марию Каролину, которая была готова проводить целые дни с новой подругой — эффектной иностранкой — и охотно делиться с ней государственными тайнами, которые, к вящему удовольствию официального Лондона, тут же передавал в Британию посол Гамильтон. Считается, что именно через это неординарное семейство английское правительство узнало о военных приготовлениях Испании.

Умудренный жизнью и убеленный сединами стареющий Уильям, страсть которого к молодой жене постепенно переросла в отеческую заботу и покровительство, спокойно взирал на романтический водоворот флиртов и романов, в котором кружилась блистательная Эмма, а осенью 1793 года именно он, сэр Гамильтон, стал инициатором той самой роковой встречи леди Гамильтон и «достойнейшего человека», капитана Горацио Нельсона, прибывшего в Неаполь с секретным поручением из Лондона. Известны

Сэр Уильям Гамильтон

Лорд Нельсон

слова, сказанные почтенным лордом своей очаровательной супруге перед визитом адмирала: «Я представляю тебе маленького человека, который не может похвастаться особой красотой, но который, если не ошибаюсь, поразит в одно прекрасное время весь мир».

Неудивительно, что Эмма пылко влюбилась в знаменитого мужественного адмирала: ореол славы и геройства, романтика морей — все этоказалось таким волнующим и захватывающим на фоне пожилого лорда Гамильтона, который годился ей в отцы,

да и в последнее время относился по-отечески, предоставляя ей полную свободу. Неудивительно и то, что бывалый «морской волк» влюбился, как мальчишка, — красота и молодость Эммы восхитила его и вскружила голову. Едва покинув Неаполь, он уже писал несравненной Эмме: «Во всех отношениях — от выполнения Вами роли супруги послан до исполнения домашних обязанностей по хозяйству, я никогда не встречал женщины, равной Вам. Ваши элегантность, совершенство и прежде всего доброта сердца — не сравнимы ни с чем». В ответ летели письма Эммы, такие же восторженные и пылкие. Беда была в том, что она являлась замужней женщиной, а его на берегу ждала верная жена.

И ведь нельзя сказать, что адмирал не любил свою жену — Фанни Нисбет, молодую вдову врача с маленьким ребенком, которую он сделал миссис Нельсон и вырастил ее сына Джошуа как своего собственного, а когда

тот подрос, взял моряком к себе на судно. И скучал он по своей верной женушке в морских походах, и писал ей нежные письма: «Слышала ли ты, что соленая вода и разлука убивают любовь? А я вот до того маловерен, что не верю в это и велю себе каждое утро выливать на голову по шесть кадок соленой воды. И матросская поговорка не подтверждается, а, наоборот, любовь так возрастает, что ты увидишь меня до условленного времени».

Но все же, видимо, надо было Нельсону прислушаться к мудрости бывальных моряков... И, кто знает, может быть, и не летели бы тогда письма в далекий Неаполь к «прекрасной вакханке» — пышногрудой красавице Гамильтон. Их следующая встреча произошла пять лет спустя, когда Нельсона, награжденного после победы на Ниле рыцарским крестом ордена Бани, вновь с великими почестями встречали в Неаполе: в честь его приезда Эмма приказала украсить посольство и все прилегающие улицы цветами. К сожалению, бравый моряк был не в лучшей форме — в боях он потерял руку, почти все свои зубы, был ранен в глаз, его сотрясали приступы кашля и мучила лихорадка. В летней резиденции сэра Гамильтона, куда было решено пригласить Нельсона, Эмма трепетно и беззаботно ухаживает за ним, демонстрируя удивительную преданность и нежность, смешанную со страстью. Нельсон растроган — никогда прежде он не встречал такой заботы. В честь дня рождения — сорокалетия адмирала — в посольстве был дан роскошный бал, на котором присутствовало около 1800 гостей. Вскоре поправившийся Нельсон спешно отбывает на флот — ситуация в мире довольно напряженная, однако очень скоро ему пришлось вернуться: в январе 1799 года французы захватили Неаполь и провозгласили Партенопейскую республику. На помощь примчалась английская эскадра, подоспевшая как раз вовремя — в самый разгар кровопролития король Фердинанд с семьей и ценностями, а также лорд и леди Гамильтон тайно перешли

на эскадру Нельсона, которая доставила их в Палермо на Сицилию. Только после освобождения Неаполя Нельсон вернулся туда с королевской семьей, после чего королева Мария Каролина, вернувшись на престол, безжалостно расправилась с республиканцами. А благодарный Нельсону король Фердинанд по совету леди Гамильтон присвоил флотоводцу титул графа Бронте и присовокупил к нему небольшое поместье у подножия Этны в Сицилии, приносившее 3000 годового дохода.

Однако влияние и обаяние леди Гамильтон распространялось не только на королевскую чету: Нельсон искренне считал ее своей Музой, вдохновительницей всех своих побед, а значит, и достойной его наград. После очередной блестательной победы Нельсона на Мальте в 1799 году Великий Магистр Мальтийского ордена Российской империи Павел I наградил адмирала рыцарским Мальтийским крестом. Орден настолько понравился Эмме, что ей безумно захотелось пополнить им свою коллекцию драгоценностей. Однако здесь возникли формальные трудности: чтобы получить этот крест, женщине надлежало иметь благородное происхождение и присягнуть на целомудрие. К сожалению, Эмма не отличалась ни тем, ни другим, и все же стала первой в истории женщины-обладательницей Мальтийского креста: император пожаловал ей эту награду «в знак признания заслуг в оказании помощи жителям острова — в благодарность за дар в виде 10 000 ливров и за транспорт из Сицилии». Тем не менее соратники адмирала были далеко не в восторге от такого решения и чуть было не подняли бунт на флоте. Однако Эмма была в восторге — своей наградой она безумно гордилась и не расставалась с ней до конца жизни, несмотря на страшную нужду.

Летом следующего года чете Гамильтонов и Горацио Нельсону пришлось покинуть Неаполь: Уильям Гамильтон был отправлен на пенсию, а Нельсон получил письмо от Первого лорда адмиралтейства с рекомендацией покинуть

неаполитанский двор и отправиться на лечение в Англию. Ходили слухи, что якобы Нельсон имел неосторожность пообещать неаполитанскому королю Фердинанду Мальту, не имея на это каких бы то ни было полномочий. Однако, скорее всего, это было вызвано растущим в официальных кругах недовольством от слишком бурно развивающегося романа Нельсона и леди Гамильтон. Тогдашний генеральный консул в Палермо Чарльз Лок жаловался, что «экстравагантная любовь» имела «неограниченную власть» над прославленным адмиралом и превратила его в «посмешение» всего флота. Знала о любовных похождениях мужа и его официальная жена Фанни — Нельсон представлял ей Эмму как сердечного друга и восторженно писал о ней во всех своих письмах. В одном из писем его другу Дэвисону Фанни, не принимавшая версию «сердечного друга», пишет: «Поведаю Вам что-то, что представляется мелочью, но я убеждена, что от этой леди Гамильтон так и веет бедой».

Делать вид, что брак еще жив, на расстоянии было гораздо легче — в Лондоне Нельсона ждало тяжелое объяснение с женой и расставание. Безусловно, в разрушении семьи обвинили Эмму: общество было настроено враждебно по отношению к ней, хотя своему герою англичане готовы были простить все. Надо отдать должное и Нельсону, он вряд ли пошел бы на полный разрыв отношений со своей верной и преданной Фанни, если бы ее терпение не лопнуло и она не поставила перед мужем ультиматум. В ответ прозвучало: «Я люблю тебя искренне... и ни в тебе, ни в твоем поведении не нахожу ничего такого, чем я мог бы быть недоволен. Но я не могу забыть, чем обязан леди Гамильтон. Я никогда не буду говорить о ней без любви и восторга».

Экстравагантная троица, про которую сама Эмма говорила так: «Одно сердце на троих», открыто жила в Лондоне в доме, который снимал сэр Уильям на улице Кларджис, 23 в районе Пиккадилли, вместе, вызывая кучу сплетен, домыслов и злобных шепотков.

В январе 1801 года Эмма родила дочь, которую назвали Горация Нельсон-Томпсон. Нельсон, произведенный к тому времени в вице-адмиралы, в тот момент участвовал в боевых действиях против Дании. Тяжело больному в то время сэру Уильяму Гамильтону сей факт решили не сообщать — девочку поспешно увезли с глаз долой. Няне под строжайшим секретом было сказано, что отец ребенка — господин Томсон, мать — дама из высшего света, Горация же должна была знать только то, что она — приемная дочь лорда Нельсона.

Осенью того же года Нельсон купил небольшое поместье Мертон-Плейс в пригороде Лондона — в районе сегодняшнего городка Уимблдон. Все трое, а также старенькая мать Эммы, переехали туда — газеты следили за каждым движением экстравагантного семейства: как одевается Эмма, как она украшает свой дом, какие блюда подают в нем на званых обедах.

Два года спустя бедный старый сэр Уильям скончался, скимая в своей руке руку Нельсона, дежурившего у его постели. В своем завещании он оставил Эмме 700 ливров ежегодной пенсии, при том, что большая часть его состояния отходила к Чарльзу Гревиллу. Видимо, старик знал, что делал, ибо леди Гамильтон, привыкшая к роскошной жизни, и после его смерти продолжала устраивать пышные балы, на что уходили практически все деньги.

Нельсон вновь отправился бороздить морские просторы, оставив Эмму беременной вторым ребенком: она отчаянно скучала, тратила огромные деньги, пытаясь превратить Мертон-Плейс в роскошный особняк, как того заслуживал Нельсон, и ждала только одного: его возвращения. Ребенок, вновь девочка, родился слабеньkim и умер спустя несколько недель после рождения в самом начале 1803 года. Эмма была безутешна — она пыталась отвлечься, посещая игорные дома и тратя бешеные суммы на разные безделицы.

Ей действительно было нелегко: в Лондоне Эмме пришлось выносить не только презрение высшего света, но и насмешки прессы, окрестившей ее Дидо: бульварные газетенки пестрели карикатурами, высмеивавшими ее полноту после родов и нехватку средств — Эмме, привыкшей жить на широкую ногу, пришлось распродать коллекцию античных скульптур, оставленную ей сэром Гамильтоном.

Что и говорить, Эмма действительно любила красивую жизнь: хорошую еду, портер, отчего ее несравненные формы начали расплыватьсь довольно быстро. Кроме того, она всю жизнь питала сильное пристрастие к белым одеждам, делающим ее формы еще более пышными. Однако в глазах влюбленного Нельсона она все равно была несравненной красавицей. И летели в Лондон страстные, удивительно откровенные письма: «Ты всегда в моей душе, твой облик не покидает меня ни на секунду, и я надеюсь, моя драгоценная Эмма, что очень скоро я смогу обнять не образ, но тебя настоящую. Уверен, что это доставит нам обоим истинное удовольствие и счастье... Продолжай любить меня так же страстно, как я люблю тебя, и мы будем счастливейшей парой в мире».

После своих легендарных боевых походов бравый адмирал, сгорающий от любви, спешил к своей Эмме, которой был предан настолько, что даже позволял ей затаскивать себя на игорные вечеринки, которые просто ненавидел. Но чего не сделаешь ради любимой женщины, которую всесильный адмирал в силу обстоятельств никак не мог назвать своей женой. 20 августа 1805 года Нельсон возвращается в Мертон-Плейс последолгой отлучки — измученный, он принимает решение зажить мирной жизнью, чтобы больше не расставаться. Однако буквально через две недели на пороге их дома появляется капитан Лэквуд — посыльный адмиралтейства: Нельсону предлагают принять командование флотом и отправиться по очередному

назначению. Понимая, что место адмирала среди соленых брызг и свиста пуль, среди преданных ему моряков, Эмма смиряется с судьбой, скрепя сердце: «Нельсон, я вижу, Вы чувствуете себя несчастным. Как бы мне ни была неприятна разлука с Вами, я могу только посоветовать, чтобы Вы снова предложили стране свои услуги, которые, конечно же, будут приняты с благодарностью, а Вы снова обретете душевное спокойствие... Одержав несколько блестящих побед, Вы вернетесь к нам. Мы всегда будем охотно принимать участие в Вашем счастье».

Благодарности Нельсона не было предела: «Славная Эмма, добрая Эмма! Если бы было больше на свете таких Эмм, то было бы и больше Нельсонов!»

Кто знает, не будь этого разговора, может быть, и не было бы блестящей победы англичан над наполеоновским флотом в битве у мыса Трафальгар 21 октября 1805 года: в 5 часов утра недалеко от испанского мыса Трафальгар был обнаружен франко-испанский флот. За те полчаса, которые потребовались противнику, чтобы заметить англичан, Нельсон построил свой флот в 2 колонны и надел парадный мундир с орденами. Словно предчувствуя скорую гибель, он не прислушался к советам одеться во что-нибудь менее заметное, заявив при этом, что он честно заслужил награды и честно с ними умрет. За те несколько часов, в которые флоты сближались, Нельсон написал завещание, в котором просил Родину и короля позаботиться об Эмме и Горации, напоминая о заслугах леди Гамильтон перед Англией.

Для того чтобы поднять боевой дух команды, Нельсон приказалдать свой знаменитый сигнал: «Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг».

Флагманский корабль Нельсона «Виктория» оказался в самой гуще сражения. Стрелок с марса (площадка на мачте) французского корабля «Редутабль» поразил адмирала в левое плечо: пуля прошла в позвоночник — спасти

Нельсона было невозможно. Этот маленький великий человек перед самой своей смертью беспокоился только о двух вещах: о исходе сражения и о судьбе своих близких. Капитану Харди Нельсон завещал позаботиться о любимой: «И позаботься о моей дорогой леди Гамильтон, Харди, позаботься о моей бедной леди Гамильтон. Поцелуй меня, Харди». Сражение было выиграно и прекратилось буквально в минуту смерти полководца, а в каюте Нельсона осталось лежать неоконченное письмо, адресованное любимой и дочери: «Я приложу все силы к тому, чтобы мое имя осталось дорогим для вас обеих, так как обеих вас я люблю больше жизни. И как теперь мои последние строчки, которые я пишу перед сражением, обращены к тебе, так и я надеюсь на Бога, что останусь жив и закончу это письмо после битвы. Пусть благословит тебя Небо: об этом молит твой Нельсон».

Последнее письмо Нельсона было передано адресату — рукой его любимой на нем была сделана надпись: «О славный и счастливый Нельсон! О бедная, бедная Эмма!» Вместе с другими вещами адмирала и леди Гамильтон письмо было продано на аукционе Сотби в 2002 году. Нашла своего нового владельца и броши в виде якоря из золота и серебра, украшенная бриллиантами. Ее Нельсон подарил Эмме Гамильтон вскоре после рождения их дочери Горации. На броши вырезаны инициалы «Г» и «Н».

В архивах Национального морского музея сохранилось и письмо, написанное Эммой в день смерти Нельсона: «Сегодня весь день чувствовала себя ужасно — сердце мое разбито, голова непрестанно кружится... Не стало того, кого я любила больше жизни...»

Тело бравого адмирала было доставлено в Лондон в бочке с бренди и с огромными почестями захоронено в соборе Святого Павла.

Королевский двор, однако, не исполнил последнюю волю национального героя: Эмме было отказано в пенсии,

а все имущество, а также пенсия в размере 2000 фунтов и 5000 фунтов за титул достались официальной жене Фанни Нисбет и ее сыну. Специальные пенсии были назначены и брату Нельсона Уильяму вместе с титулом графа Трафальгарского и Мертонского, а также двум его сестрам. Во владении Эммы осталось лишь поместье Мертон-Плейс, в котором она по инерции продолжала устраивать пышные приемы, пагубная страсть к азартным играм также негативно сказывалась на бюджете вдовы, не спасло ситуацию даже завещание на ее имя старого маркиза Куинсберри, тайно влюбленного в Эмму долгие годы — его особняк в Ричмонде тут же ушел с молотка за долги. Та же печальная участь постигла и Мертон-Плейс — Эмма была вынуждена снимать в Лондоне квартиру, проблемы сыпались одна за другой, и несчастная женщина стала все чаще прикладываться к бутылке.

Долги росли, как снежный ком, и летом 1813 года Эмму отправили в долговую тюрьму «Кингс-Бенч», где она провела десять долгих месяцев, лишенная поддержки бывших друзей и почитателей. Ее адвокат Джошуа Джонатан Смит, член Городского совета Лондона и совладелец преуспевающей фирмы, ранее служивший на флагмане «Виктория», изо всех сил пытался собрать деньги, чтобы леди Гамильтон удалось вызволить из тюрьмы под залог, — именно он принес ей запятнанный кровью мундир адмирала, а затем на собственный страх и риск помог организовать ее побег во Францию, где Эмма с дочерью Горацией поселились в порту Кале с пятьюдесятью фунтами в кармане.

Жизнь Эммы во Франции была недолгой и очень несчастной: из отеля Эмме вскоре пришлось съехать и перебраться в скромный Сант-Пьерре в двух милях от Кале. Денег не было, а ее просьбы о помощи, обращенные к семье Нельсона, были оставлены без ответа. Она жила впроголодь, спасаясь подаянием английских моряков, иногда появлявшихся в Кале. Правда, слухам о том, что эта

старая грузная женщина когда-то была любовницей легендарного адмирала, мало кто верил. 15 января 1815 года Эмма Гамильтон скончалась в возрасте 54 лет — по одной из версий, от водянки, по другой — у нее отказала печень. На чердаке бедного дома, где это случилось, нашли портрет адмирала и связку его писем — только благодаря этому стало известно, как закончила свою жизнь знаменитая куртизанка и любимая женщина Нельсона: «Как она звала, как она ждала, как она пила виски...»

Более чем полтора века спустя один из лондонских домов на улице дорогих модных бутиков Сэвилл-роуд, в котором в начале 1800-х жила леди Гамильтон, стал известен на всю страну: в сентябре 1968 года в нем обосновалась штаб-квартира корпорации «Эйпл» (Apple), учрежденная легендарными «Битлз». Только что созданная компания Apple заплатила за этот особняк грандиозную по тем временам сумму — полмиллиона фунтов, возможно, сыграло свою роль богатое историческое прошлое дома. Новорожденный офис тут же стал средоточием лондонской богемы, и в нем проходили самые невероятные события той поры, в том числе и уникальный концерт на крыше зимой 1969 года. 30 января по внутренней лестнице на крышу пятиэтажного дома поднялся Пол Маккартни, затем все остальные члены «Битлз» и приглашенный клавишник Билли Престон. Попрыгав, они проверили ее на прочность, расставили и включили аппаратуру, настроили мощность и звук и начали свой необычный концерт.

Лондон вздрогнул, Лондон зарезонировал: все движение внизу остановилось, и люди столпились вокруг в радостном изумлении: и юные фанатки с прическами в стиле Бриджит Бардо, и молодые клерки в черных деловых костюмах, и степенные джентльмены с тросточками в руках.

Невольные зрители — все, кому посчастливилось оказаться поблизости, — стояли на всех балконах, сидели на

всех возможных ступеньках и пожарных лестницах ближайших домов.

И затрезвонили телефоны по всему Лондону: тем, кто любил «Битлз» — а таких в Лондоне было немало — так хотелось разделить это чудо с друзьями, так хотелось, чтобы и они успели подивиться и насладиться.

Недовольны, пожалуй, были лишь пожилые леди, чей покой был внезапно нарушен громкой музыкой, льющейся откуда-то с крыши. Дело кончилось тем, что кто-то из офисов в доме напротив вызвал полицию — стражи порядка прибыли весьма скоро (полицейский участок располагается на этой же улице) и потребовали немедленно «прекратить шум». Удивительный, фантастический концерт продолжался всего 40 минут...

К счастью, он был записан и вошел в фильм «Let It Be»: съемочная группа расположилась на соседней крыше, а за музыку к фильму «Битлз» получили коллективного «Оскара», который оказался для группы единственным. Думается, леди Гамильтон, с ее страстью ко всему экстравагантному и театральному, леди с азартной душой игрока, оценила бы концерт по достоинству...

И все же кажется, что возвеличенный благодарной нацией монументальный Нельсон никак не может до конца простить Британии того, что его последняя воля так и не была выполнена, и скучает там, под облаками, без своей верной Эммы, хотя компанию ему на площади и составили бронзовые бравые генералы Викторианской эпохи и военные лидеры прошлого века во главе с королем Британии Георгом IV, который горделиво восседает на лошади в римском одеянии — правда, эта скульптура первоначально предназначалась для украшения Мраморной арки и была установлена на площади «временно». Впрочем, для Британии полтора века — это совсем не долгий срок. Зато четвертый постамент в северо-западной части площади,

предназначенный для конной статуи короля Вильгельма V, так и остался без наездника. Вильям, неожиданно для себя получивший корону в преклонном возрасте, правил совсем недолго, так что воздвигнуть ему монумент на века просто не успели, впоследствии смысла в этом уже не было, и постамент пустовал до 1999 года, когда было принято решение выставлять на нем в качестве временной экспозиции работы современных скульпторов.

Непростая судьба и у конной статуи многострадального короля Карла I, расположенной в южной части площади: отлитая в 1633 году, она в процессе развязавшейся гражданской войны была конфискована войсками Кромвеля и продана местному меднику, господину Джону Риветту, при условии немедленной переплавки монумента. Риветту даже удалось сколотить небольшой капитал, продавая сувениры, отлитые якобы из королевской статуи, при том что сам памятник все это время хранился в подвалах церкви Святого Павла в районе Ковент-Гарден. После реставрации монархии предпримчивый Риветт перепродал статую, которая была установлена на площади на том самом месте, где в 1660 году были практически распотрошены восемь тел, принадлежащих тем, кто в свое время подписал смертный приговор королю, и откуда открывается вид на Банкетный зал резиденции Уайтхолл, где Карл I был обезглавлен. Маленький, но гордый король торжественно восседает на месте бывшего Креста — Черинг-Кросс, откуда принято измерять все расстояния в городе.

Черинг-Крос был последним из двенадцати крестов, возведенных по приказу Эдуарда I в тех местах, где оставалась похоронная процессия с телом его любимой супруги Элеоноры по пути из Ноттингемшира в Вестминстерское аббатство. Сам крест был снесен пуританами, но его реплика, сделанная в викторианскую эпоху, была установлена напротив входа на станцию метро «Черинг-Кросс», в начале Стрэнд-стрит.

Ирина Донскова

В северо-восточном углу Трафальгарской площади на месте ранее существовавшей здесь церкви стоит церковь Святого Мартина-на-Полях, построенная в 1726 году архитектором Джеймсом Гиббсом в стиле барокко. Этот храм с шестиколонным портиком и башней со шпилем был свидетелем свадьбы Джона Констебля и крестин Карла II, здесь же покоятся его любовница Нелл Гвин, а также знаменитые художники Уильям Хогарт, Джошуа Рейнольдс и мебельный дизайнер Томас Чипендейл. Церковь считается официальной приходской церковью Бу-

Конная статуя Карла I

кингемского дворца: слева от алтаря находятся сиденья для особ королевской крови, справа — для представителей адмиралтейства.

Здесь, в самом сердце Лондона, такая концентрация знаменитых улиц, площадей и кварталов, что бедные лондонские гиды во время автобусных экскурсий не успевают рассказать очередную захватывающую историю «четвертого постамента» Трафальгарской площади, как за окном автобуса уже мелькают улицы Сохо, а впереди, хоть и за жатый в кольце машин, но все же парящий над толпой романтический символ столицы — Ангел Пиккадилли...

Тайны богемного квартала. Загадочный Сохо

Один из самых противоречивых, ярких и эксцентричных районов Лондона — это, безусловно, Сохо! Кисть, которая нарисовала Лондон спокойным, мрачным и благовоспитанным, не затронула Сохо. Сколько же восхитительной всячины намешано в этом месте! Грациозная старая площадь. Внутренние дворики. Переулки, непредсказуемо врезающиеся между улиц. Незабываемо утро в Сохо, когда городеще только просыпается и все поет о жизни: распахиваются ставни, поливаются цветы, свежие булочки по дороге в рестораны наполняют воздух ароматом, официанты в своих белых фартучках подают турецкий кофе в кафешках на тротуарах, оживает Чайнатаун, шумит яркий рынок на Бервик-стрит в перемешку с кокни. Что за эликсир! Красочный и космополитический Сохо — это свободная гавань, которую должен иметь каждый город. Это самый горячий и самый холодный социальный котел Лондона. Это место очаровательных контрастов: уютная деревушка и квартал Красных фонарей, место работы и игровая площадка, Китайский квартал и район театров, рай для гурманов и из-

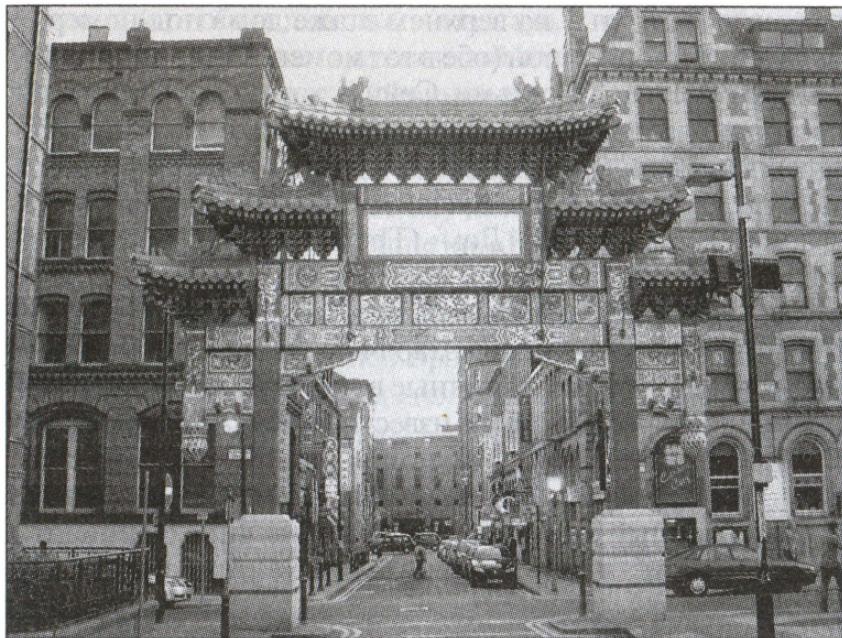
любленное место художников. Сегодня это олицетворение стиля; в 60-е Сохо был колыбелью британской поп-музыки; 100 лет назад — самой ужасной трущобой в городе, а еще раньше — средоточием аристократической жизни. Нет в мире места, подобного этому!

В давние времена на месте этого района расстилались зеленые поля — великолепное место для охоты. Когда охотник видел потенциальную добычу, он кричал другим охотникам и зычно звал собак: «So-ho!» Таким образом Сохо и получило свое название.

Впервые район Сохо было застроен в XVII веке — тогда проживать на улицах этого района считалось великой честью: вокруг площадей Сохо и Лестер возводили свои особняки принцы, герцоги и графы. Постепенно Сохо становится центром ночной жизни высшего света — венецианская примадонна Тереза Кортелис устраивает здесь безумно роскошные маскарады: фейерверки, сотни карет, толпы зевак, веселье до упаду... Однако к XVIII веку буйное веселье в Сохо постепенно сходит на нет, богатые и сильные мира сего оставляют этот район, перебираясь в Мэйфэйр, гаснут огни рампы, и Сохо погружается в нищету, заселяясь иммигрантами и неимущими.

Именно о таком Сохо писал Голсуорси: «Грязно, пестро, полно греков, итальянцев, кошек, помидоров, ресторанов, органов, причудливых имен, людей, выглядывающих из окон верхних этажей...» Первой волной беженцев были французские гугеноты, бежавшие в Англию от преследований режима Людовика XIV, за ними последовали итальянцы, ирландцы и евреи. В послевоенные годы Сохо наводнили выходцы из Азии, в основном китайцы, разбившие здесь целую сеть ресторанчиков и магазинчиков, со временем разросшуюся в целый Китайский квартал — знаменитый Чайнатаун Лондона.

Именно здесь, в Сохо, на территории нынешнего Чайнатауна, в 1764 году в кофейне «Туркс Хэд» («Голо-

Чайнатаун

ва Турка») основал свой клуб Джошуа Рейнолдс, где неоднократно выступал его друг доктор Джонсон. Томас де Куинчи оказался в Сохо 1802 году, бежав из школы, и был буквально спасен от голодной смерти местной проституткой — реальный случай из биографии, вошедший впоследствии в его «Признания английского наркомана». Здесь, на улице Бродвик, был рожден поэт Вильям Блейк — свои лучшие поэмы он тоже напишет в Сохо, проживая со своей «любимой Кейт» на Полэнд-стрит.

Какое-то время здесь проживал и юный Шелли, а Каналетто имел студию на Бик-стрит. Вагнер в нищете проживал в районе Сохо в 1839 году, и Карл Маркс нашел здесь свое пристанище после провала революционных восстаний 1848 года. В 1850 году он проживал в доме под номером Дин-стрит, 64, прежде чем был выселен за неуплату и вынужден переехать в две «отвратительные,

ужасные комнаты» на верхнем этаже дома под номером 28 с женой и горничной (обе в тот момент были беременны от него) и четырьмя детьми. Сейчас в этом доме находится ресторан — приветливые официанты могут показать гостям по их просьбе комнаты семейства Маркса.

Чуть дальше по улице находится знаменитый паб под названием «Французский Дом» (The French House), который во время Второй мировой войны часто посещали члены правительства Франции в ссылке, включая лидера французского Сопротивления Шарля де Голля — в этом пабе он частенько устраивал личные встречи и, по всей вероятности, написал свою самую известную речь «Да здравствует Франция!», копия которой и по сей день находится на стене паба. «Французский Дом» удивительным образом сохранил свой особенный французский дух — здешние официанты до сих пор отказываются мерить пиво английскими пинтами.

Сохо может по праву гордиться и своим званием «колононг британской поп-музыки». С конца 50-х годов прошлого столетия Сохо становится излюбленным местом для встреч восходящих поп-звезд: знаменитые «Роллинг Стоунз» впервые встретились в пабе на Броадвик-стрит в 1962 году. Дэвид Боуи выступал здесь как Дэвид Джонс в 1965-м, за ним последовали «Пинк Флойд» и «Лед Зеппелин», а Фил Коллинз работал здесь гардеробщиком в одном из пабов. В Школе искусств Святого Мартина на Черинг-Кросс-роуд в ноябре 1975 года состоялось первое выступление «Секс Пистолз» — группа собиралась на репетиции в студии за музыкальными магазинами Денмарк-стрит, на которой записывали свои композиции знаменитые «Роллинг Стоунз», а Элтон Джон стартовал здесь в качестве музыкального издателя в 1963 году.

Кажется, Сохо насквозь пропитан музыкальным духом — еще в далеком 1763 году на Грик-стрит останавливался семилетний Моцарт — маленький гений, вызвавший неподдельный восторг короля Георга III и высшего

лондонского общества своими выступлениями. Здесь же в 1958 году был основан знаменитый лондонский джаз-клуб «Ронни Скоттс», существующий и поныне.

Район и теперь знаменит своими ресторанами, ночных клубами, а также очень современными книжными магазинчиками и одними из лучших в Лондоне магазинами звукозаписи. Крупнейшие кинокомпании имеют здесь свои офисы — самая длинная улица Сохо, Вордор-стрит, практически целиком отдана киноиндустрии, включая офис знаменитой «Уорнер Бразерз».

Здесь же, в Сохо, находится и один из бывших культовых центров модной одежды Карнаби-стрит: в далекие 60-е название этой улицы служило синонимом моды и молодости. Здесь пели популярные группы, издавали модные журналы, а в переполненных модниками магазинчиках и кафе можно было запросто встретить Джаггера, Маккартни или Ашера.

Сегодня, как и некогда, Сохо — это излюбленное место лондонской богемы — здесь собираются писатели, критики, художники, артисты, кинозвезды, словом, люди искусства.

Порок и богема — слова, часто идущие в паре... Секс и наркотики, нетрадиционная сексуальная ориентация и проституция — все это тоже неотъемлемая часть Сохо. В XVII и XVIII веках услуги платных любовниц в Сохо пользовались большой популярностью: сюда и в соседний район Ковент-Гарден, где проживали знаменитые куртизанки того времени, неоднократно наведывались даже особы королевской крови: широко известен был высококлассный бордель под названием «Отель Хуперз» — завсегдатаем которого был сам принц Уэльский. В Викторианскую эпоху Сохо заклеймили как рассадник разврата и порока и предали анафеме — именно в Сохо совершал свои знаменитые «крестовые походы» во спасение заблудших душ юных проституток премьер-министр Гладстоун, совмещая

«Ковент-Гарден»

миссионерство с «явным удовольствием от симпатичных мордашек», как заметил один язвительный критик.

Ко времени Второй мировой войны громадная империя порока в Сохо контролировалась организованной преступностью — в частности, скандально известными братьями Мессина с Мальты, а впоследствии перешла в руки всемогущего Берни Силвера — «крестного отца Сохо». В 60—70-х годах торговляекс-услугами в Сохо грозила захватить весь квартал, при том, что сама полиция была чуть ли не поголовно вовлечена в этот процесс, обеспечивая легальное прикрытие — так называемую «крышу». Сотрудничество преступных группировок с полицией было наконец раскрыто в 1976 году, когда десять сотрудников Скотленд-Ярда, занимающие ключевые посты, были обвинены в получении взяток и коррупции в больших масштабах и приговорены к тюремному

заключению сроком на двенадцать лет. Самого Сильвера посадили еще в 1974 году. Совместными усилиями администрации Сохо и Совету округа Вестминстер на какое-то время удалось сократить количество заведений, торгующих секс-услугами, однако проблема далека от разрешения: по сей день в районе Сохо расположено приличное количество секс-шопов, стриптиз-баров, тайных публичных домов, гей-баров, кафе и клубов. Более того, появились уже и агентства недвижимости и финансовых консультаций специально для геев, а также новая услуга — гей-такси!

И все же удивительны повороты истории — некогда в примыкающем к Сохорайоне Ковент-Гарден располагался монастырский сад, принадлежавший Вестминстерскому аббатству. И атмосфера в будущем месте бурных развлечений была удивительно благочестивая. После Реформации земля аббатства перешла в собственность монарха, в свою очередь подарившего ее первому графу Бедфорду. Его потомок, Фрэнсис Рассел, решил облагородить территорию, пригласив для этого известного архитектора Иниго Джонса, поклонника итальянского стиля. Джонс решил разбить здесь первую в Лондоне площадь по регулярному плану, по образу и подобию площади в городе Ливорно. В XVIII веке здесь открыли овощной и фруктовый рынок — Бернард Шоу избрал это место для своей Элизы Дуллитл — продавщицы цветов в «Пигмалионе». Альфред Хичкок сделал старый Ковент-Гарден гораздо более зловещим местом — на его территории разворачивается основное действие его предпоследнего фильма «Безумие», снятого великим мастером триллера в 1972 году в Лондоне. Фильм о поиске серийного убийцы Хичкок приехал снимать в родной город из Голливуда, куда переехал, будучи уже известным режиссером, утверждавшим, что для того «чтобы сделать великий фильм, необходимы три вещи — сценарий, сценарий и еще раз сценарий».

Альфред Хичкок

Тринадцать последних лет в Лондоне до переезда в Америку Хичкок, сын владельца бакалейной лавки с Лейтонстоун-стрит, проживал со своей женой Альмой по адресу Кромвельль-роуд, 153 — сегодня на этом месте довольно скромная гостиничка для беженцев. Зато возле дома, где родился Хичкок, в 1993 году была установлена памятная табличка.

Лондонец по духу, Хичкок обессмертил родной город в своих творениях — многие из его фильмов 30-х годов сняты именно в Лондоне.

К столетию со дня рождения Хичкока в Лондоне на стенах станции метро «Лейтонстоун» были выложены 17 мозаик, в основном представляющих собой фрагменты из его фильмов.

Ангел с площади Пикcadилли

Ты помнишь: вечер на мосту,
Цветные огоньки на Темзе.
И в синем небе звездный вензель,
И лондонскую пустоту?

Ты помнишь горькую любовь,
Признания на Пикcadилли?
Страстней испанской сегидильи
Томила вздернутая бровь.

Г. Струве. «Стихи о Лондоне»

Стираются лица, уходят люди, меняется облик улиц и зданий — Лондон живет своей жизнью. Богатый квартал Сохо — прибежище иммигрантов, лондонский район «Красных фонарей». Некогда тихий монастырский сад Ковент-Гарден — впоследствии шумный рынок и пристанище знаменитых куртизанок — сегодня уличные музыканты, Музей транспорта, антикварный рынок, магазины и кафе — шумно, весело и ярко. Некогда ангел христианского милосердия на площади Пикcadилли — сегодня знаменитый Эрос — символ отнюдь не христианской, а плотской любви...

Пикcadилли — одна из главных и старейших улиц города. Произносишь это название, и невольно всплывает в памяти: «Я вышла на Пикcadилли...» — хрипловатый голос Вайкуле манит и завораживает. Что же там такого особенного скрыто за яркими неоновыми рекламными щитами, заключившими маленькую площадь в свое огненное кольцо? Когда-то здесь и площади-то не было — лишь перекресток оживленных магистралей, который со временем приобрел элегантный контур круга.

Своё название площадь получила от слова «picadill»: так в XVII веке назывались модные кружевные воротнич-

Ангел Пиккадилли

ки — некогда неотъемлемая деталь гардероба лондонских денди, выбравших этот фешенебельный район для ежедневных променадов, — недаром самые знаменитые клубы Лондона расположены именно в этом месте. Существует версия и о том, что неподалеку располагалась модная по тем временам мастерская портного, воротнички которого шли нарасхват у местных щеголей.

В центре площади — фонтан с фигурой знаменитого Эроса — место встречи влюбленных. Однако мало кто знает, что изначально скульптура, приобретшая со временем такую популярность, задумывалась отнюдь не как символ плотской любви, а как Ангел христианского милосердия. Фигура из свинца (первоначально — бронза, покрытая позолотой) работы скульптора Артура Гилберта была установлена в память о филантропе и общественном

деятеле викторианской эпохи лорде Эшли Шафтсбери (в честь которого, кстати, названа и прилегающая улица театров — Шафтсбери-авеню). Граф снискал всеобщую любовь, выступая за улучшение условий труда рабочих, сокращение рабочего дня, лично внес законопроект о запрещении женского и детского труда в шахтах.

По замыслу архитектора, ангел должен был парить над огромным фонтаном, струи которого образуют водяной купол и стекают в большую чашу у основания. Размер основания в данном случае играл решающую роль, поскольку фонтан должен был служить и в качестве источника питьевой воды для горожан. Именно по этому вопросу и разгорелись жаркие дебаты между скульптором, мемориальным комитетом и городским советом, которые требовали уменьшить размер основания фонтана, невзирая на возражения автора — Гилберттщетно пытался объяснить, что в таком случае публика будет вынуждена мокнуть под струями, пытаясь испить водицы из фонтана, и даже отказался присутствовать на церемонии открытия памятника в знак протesta.

В конце концов, именно так все и получилось — причем именно Гилbertа совершенно безосновательно обвинили в этом в первую очередь. Более того, викторианская публика, поборница высокой морали, была шокирована при виде обнаженного ангела, символизирующего христианскую добродетель графа, — в течение первых же двух недель после открытия памятника в июне 1893 года народная молва окрестила скульптуру «Эросом». Репутация Артура Гилbertа серьезно пострадала. Вдобавок ко всем злоключениям скульптор оказался на грани банкротства: бронза, из которой был изготовлен памятник, оказалась по стоимости гораздо выше, чем та сумма, на которую он рассчитывал.

Неудивительно, что скульптор был вынужден покинуть родные пенаты с тяжелым сердцем — много лет спустя он признался, что памятник графу Шафтсбери испортил ему всю жизнь. Однако слава все же нашла своего героя — про-

шло время, улеглись страсти по «Эросу», и ангел, который, по словам Гилберта, представлял собой «бескорыстную, слепую любовь, посылающую стрелу добра», стал настоящим символом Лондона. Скульптор же получил титул рыцаря из королевских рук за подаренный городу шедевр.

И все же Гилбертоставил после себя загадку: первыми на это обратили внимание лингвисты. А не является ли статуя остроумным каламбуром, связанным с именем Шафтсбери (*Shaftesbury*)? Если присмотреться к ангелу повнимательнее, то можно заметить — его лук наклонен вниз, и в нем нет стрелы. Значит ли это, что стрела (*arrow* или *shaft*) была выпущена из лука вниз и лежит где-то в земле (*buried in the ground*)? Имел ли это в виду Гилберт, или уж так оно само получилось — мы никогда не узнаем наверняка...

А маленький ангел все так же парит над площадью, зажатой в кольце машин, красных двухэтажных автобусов, вечно спешащих прохожих, залитой искусственным неоновым светом по ночам, и, может быть, только в самые ранние часы утра, когда в очередной раз склынет людская толпа и первые лучи солнца начнут пробиваться сквозь каменные джунгли, он остается наедине со своим Лондоном — город-великан и маленький ангел, соединяющий сердца, который исправно служит своему Городу вот уже более века...

Лондон эксцентриков и чудаков. Знаменитые английские клубы

Как денди лондонский одет...

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин»

Кто знает, о чем мечтает маленький ангел с площади Пиккадилли? Может быть, ему, уставшему от городского шума и вечной суэты, по ночам снится море, плещущее

у его ног, и белые чайки, кружащие над головой, и скалы, возвышающиеся на месте нынешних небоскребов, — как это было когда-то на месте современного Лондона... А может, ему хочется очутиться где-нибудь среди сочной и уютной зелени в окружении беззаботной детворы и деловитых белок, которые чувствуют себя как дома в многочисленных лондонских парках.

Однако у каждого монумента, как и у человека, своя судьба, которую, как говорится, «не выбирают», а посему маленький ангел Пиккадилли стал символом одного из самых экстравагантных и гламурных районов Лондона, брызжущего неоном с рекламных щитов, похваляющегося знаменитыми клубами и роскошными отелями. Излюбленным местом эксцентриков и лондонских денди.

В XIX столетии весь цвет лондонского общества был сосредоточен в районе Вест-Энда. Основные элитные клубы располагались на Сент-Джеймс-стрит и Пэл-Мэл-стрит, в непосредственной близости от Пиккадилли, Парламента и Букингемского дворца — центров политической и королевской власти. Там же пролегали маршруты светских променадов, а модники избрали Гайд-парк излюбленным местом для своих конных прогулок. Другие районы горо-

Лондонский денди

да, даже если джентльмен вынужден был оказаться там по делу, были совсем не к лицу истинному аристократу.

Лондонский сезон обычно начинался к Рождеству и заканчивался в середине августа. Такие временные рамки были связаны прежде всего с рабочим расписанием Парламента, в то время как начало самих парламентских сессий зависело от времени завершения охотничьего сезона. Разгар светского сезона приходился на летние месяцы — лондонская жизнь бурлила и кипела: балы, клубы, скачки. Однако оставаться в Лондоне после 12 августа, когда завершались скачки в Аскоте, означало «утрату лица» — все уважающие себя господа должны были перебираться в загородные поместья, а если в силу каких-либо причин отъезд был невозможен, необходимо было изобретать благопристойные оправдания. Даже те, кто не имел загородных поместий, старались напроситься к кому-либо в гости, лишь бы не быть «белой вороной». Вест-Энд пустел и предавался грусти.

В Англии розыгрыши и «практические шутки» особенно процветали, поскольку поддерживались национальной традицией черного юмора. В эпоху регентства существовал даже специальный клуб эксцентриков, среди членов которого были Шеридан, автор «Школы злословия», лорд Питершем, Броуэм, Фокс и Теодор Хук. Особенно члены клуба преуспели в остроумных розыгрышах. Пожалуй, самым знаменитым шутником среди них слыл Теодор Хук — блестящий светский остроумец, мастер изящного каламбура, умело сочетающий мелкие и вполне безобидные «практические шутки» с масштабными классическими розыгрышами, такими, как розыгрыш «Берни-стрит», вошедший в историю жанра.

Жертвой розыгрыша и «подопытным кроликом» стала некая миссис Тоттенхем, пожилая дама, которая имела несчастье вызвать неудовольствие мистера Хука, возможно, некогда отказав ему в гостеприимстве, за что и была проучена самым жестоким образом.

Теодор Хук и два его помощника — леди и джентльмен — не поленились разослать 4000 писем с приглашениями разным лицам под вымышленными предлогами явиться в определенный час по адресу Бернер-стрит, 54, и обратиться к миссис Тоттенхем.

Занимательное чтиво представляет собой хроника событий того знаменательного дня, которую приводит О. Вайнштейн в своем исследовании «Денди. Мода//Литература//Стиль жизни»:

«Едва занялся рассвет, как вся округа огласилась криками “Чистим трубы!” — в 5 утра под окнами дома № 54 собралась целая толпа трубочистов. Под шум перебранки трубочистов с разъяренной служанкой на улице появились тяжелые подводы с углем. Они заблокировали проезд, мешая друг другу — ведь все направлялись к одному и тому же дому № 54: угольщики разразились отборными проклятиями. Сквозь образовавшийся затор с трудом пробирались кондитеры в белых фартуках, они аккуратно несли огромные свадебные торты, за ними следовали портные, сапожники, обойщики, ломовые извозчики с бочонками пива. Только-только разъехались громоздкие подводы с углем, как на Бернер-стрит появилась дюжина парадно украшенных экипажей для свадебной процессии, причем все возницы интересовались: “Где же счастливые молодожены?” За ними последовал целый отряд хирургов, вооруженных скальпелями и инструментами для ампутации конечностей; далее на улицу вступили адвокаты, призванные для оформления наследства; священники, собирающиеся совершать богослужение, и, наконец, живописцы, которым некто заказал множество портретов. В полдень к дому подтянулись 49 торговцев рыбой, они несли треску и крабов, а затем сквозь галдящую толпу стали мужественно пробиваться мясники — им было заказано 40 бараньих ног. Когда всеобщее смятение и ажиотаж достигли невообразимого масштаба, а бедная миссис

Тоттенхем пребывала на грани безумия, к дому подъехал лорд-мэр собственной персоной, в роскошной карете, на запятках которой красовались лакеи в шелковых чулках, шляпах с плюмажем и в париках».

Кроме лорд-мэра в гости к несчастной миссис Тоттенхем пожаловал и сам президент Английского банка: он прибыл потому, что получил строго конфиденциальное письмо, в котором сообщалось, что только ему лично миссис Тоттенхем может раскрыть тайную схему мошенничества, изобретенную младшими клерками с улицы Треднайл. Подобное конфиденциальное письмо было отправлено и президенту Ост-Индской компании, который также не замедлил явиться на злополучную Бернер-стрит. Кульминацией театра абсурда стал приезд особы королевской крови — герцога Глостерского, которому сообщили, что умирающая старушка, миссис Тоттенхем, некогда была фрейлиной матери Его Королевского Величества и желает перед кончиной в обстановке строжайшей секретности поведать ему важную семейную тайну.

Если не считать несчастную жертву розыгрыша миссис Тоттенхем, то наибольшие убытки понесли торговцы, честно исполнявшие ложные заказы. В целом ущерб от розыгрыша на Бернер-стрит был настолько огромен, что пришлось возбудить специальное расследование. Несмотря на то что на Теодора Хука падало серьезное подозрение — ибо автором такого грандиозного шоу в Лондоне мог быть только он, — доказать его вину так и не удалось, настолько аккуратно и конспиративно действовали заговорщики. Тем не менее предусмотрительный мистер Хук благоразумно покинул Англию на время судебного разбирательства, а в собственном авторстве признался много лет спустя на страницах романа «Гилберт Герни», где свой розыгрыш гениальный комбинатор оценил без ложной скромности: «По оригинальности замысла и исполнения это было просто совершенством».

Индивидуализм в Англии проявляется исподволь, видимо, поэтому она и держит одно из первых мест в мире по числу эксцентриков на душу населения. Экстравагантных людей в Англии действительно немало, причем здесь приходится удивляться не столько неожиданным формам чудаchestva, сколько терпимости, с которой окружающие относятся к местным эксцентрикам. Недаром С.Я. Маршак говорил: «Люблю англичан: каждый третий из них чудак».

Но где, как не в английских клубах, следует искать самых знаменитых эксцентриков? Где еще заключаются нелепые пары и можно молчать или дремать в компании интереснейших людей, платя за эту привилегию несколько сотен фунтов в год?

Исследователь этикета Жак Карре элегантно окрестил традиционный английский клуб «храмом вежливости и комфорта». При этом все клубы можно разделить на две основные категории: клубы, где отдахиают от общества, и клубы, в которых наслаждаются обществом, где идет активное общение в кругах британского истеблишмента, решаются политические и деловые вопросы.

Трудно сказать, когда и как появился первый клуб. Существует легенда, что первый клуб был основан еще в самом начале XVII века фаворитом Елизаветы I — знаменитым мореплавателем, поэтом и политиком сэром Уолтером Роли. Лондонцы утверждают, что располагался он в таверне «Русалка» — первые клубы в Англии действительно не имели ни собственного помещения, ни кассы и кочевали из одной таверны в другую. Лондонцы утверждают, что среди прочих знаменитостей членом клуба Роли был Уильям Шекспир. Доказать правдивость этого заявления, как и достоверность существования клуба Роли, представляется практически невозможным. Зато известно, что начало широкому клубному движению в Англии положили студенты Оксфордского университета — молодые

энергичные ребята с изрядной долей чисто британского юмора. Интересно, что главным объектом их насмешек и стычек с властями был закон, запрещающий потребление кофе — с одной стороны, элитного заморского и контрабандного напитка, с другой — незаменимого помощника в подготовке к экзаменам. Больше всех отличился любитель кофе — оксфордский студент по имени Кретон: он не только сплотил вокруг себя ценителей заморского напитка, но и попытался выращивать кофе у себя на грядке. Увы, вскоре Кретона выгнали из университета, но его друзья, крепко подсев на кофе, начали собираться у торговца Тильярда, который знался с контрабандистами. Тайное кофейное братство стало называть себя клубом (от слова *club* — «дубинка»), подчеркивая тем самым, что его члены крепко сбиты в единый коллектив. Сначала слово прижилось среди кофеманов, а позже, когда кофе стал непременным атрибутом английского быта, завсегдатаи кофеен продолжали называть свои застолья клубами, а себя — клубменами.

Расцветом клубной жизни в Британии следует признать XIX век: время, когда каждый уважающий себя джентльмен должен был быть членом того или иного клуба. Действительно, чем не блестящая возможность показать себя в кругу избранных единомышленников в самом сердце светского Лондона? Знаменитые клубы эпохи Регентства, среди которых «Олмакс», «Уайтс», «Брукс», «Ватье», были сугубо элитарными заведениями закрытого типа, чьи уставы были сформулированы таким образом, чтобы исключить появление так называемых нуворишей среди достойной публики.

Один из самых известных и старейших заведений подобного типа — клуб «Уайтс» — сохранился и по сей день. Списки его членов включают особ королевской крови (так, например, наследный принц Чарльз проводил в «Уайтсе» мальчишник перед свадьбой с леди Дианой), премьер-

министров и адмиралов. Он расположен в самом центре Вест-Энда на Сент-Джеймс-стрит под номером 37—38. Свое название клуб получил по фамилии первого владельца, господина Фрэнсиса Уайта, торговца шоколадом — с 1693 года на этом месте находились его кондитерская и кафе. Однако отнюдь не изысканные лакомства приводили сюда джентльменов — в кафе имелся специальный зал для карточных игр с говорящим за себя названием «Hell» («Ад»). По иронии судьбы, именно в «Аду» в 1711 году разразился пожар, уничтоживший большую часть здания. После реконструкции вдова кондитера разрешила некоему господину по фамилии Хайдеггер использовать помещение для балов и маскарадов, а в «Аду» возобновилась игра. Как частный клуб «Уайтс» стал функционировать с 1736 года, при этом его членами могли быть только мужчины. Несмотря на то что первоначальное число членов было не столь уж и велико (82 человека), славу клубу принесли знаменитости: герцог Девонширский, граф Честерфилд, граф Рокингем, драматург Колли Сиббер. Чтобы стать членом клуба, надо было предоставить рекомендации и заплатить годовой взнос размером около 10 гиней, после чего можно было наслаждаться элитным обществом, обедом ровно в шесть часов за 10 шиллингов и 6 пенсов с каждого.

Со временем «Уайтс» стал одним из наиболее элитарных и престижных клубов, быть членом которого считали за великую честь аристократы и известные политики. Вопрос о членстве решался на голосовании в клубном совете, и для многих это решение определяло дальнейшую судьбу в свете. Так, например, для лондонских денди быть принятым в «Уайтс» было равносильно взлету на вершину успеха, приобщения к касте избранных. Даже великий и мудрый Дизраэли, любимый премьер-министр королевы Виктории, считал свое членство в клубе высшей честью, сравнимой разве что с награждением орденом Подвязки.

Лорд Алванли наравляется
в «Уайтс»

тысячи фунтов, поспорив с другим членом клуба, какая из двух дождевых капель быстрее стечет по стеклу до подоконника. Азарт спорщиков порой доходил до абсурда. Писатель и аристократ Уолпол 21 марта 1755 года зафиксировал в Закладной книге трагически-комический эпизод из жизни клуба: «Какой-то прохожий имел несчастье упасть без чувств у двери клуба; его внесли в помещение, и члены клуба стали немедленно биться об заклад, выживет ли он или скончается. Когда врач предложил пустить ему кровь, спорщики воспротивились, заявив, что медицинское вмешательство нарушит чистоту пари».

Даже российский император Александр I во время своего визита в Англию посетил именно «Уайтс-Клаб», причем клубмены устроили в его честь обед, на который затратили немыслимую сумму — 9 тысяч 849 фунтов стерлингов 2 шиллинга и 6 пенсов.

Одним из излюбленных развлечений членов клуба было держать пари и биться об заклад, причем все ставки и условия пари записывались в специальную книгу. Поводом для пари могло служить все, что угодно: спорили о том, удастся ли джентльмену покорить сердце какой-либо светской львицы, рождается ли у него мальчик или девочка. Однажды во время проливного дождя лорд Арлингтон держал пари на три

Любили члены «Уайтс-Клаба» и пошутить — как известно, чисто британский юмор — один из китов, на котором держатся английские клубы. Поскольку со временем «Уайтс» можно было рассматривать уже чуть ли не как официальный центр королевства, то и элитный юмор его членов соответствовал их статусу — порой клубные шутки звучали как напоминание короне о том, кто является истинным хозяином страны. В 1752 году «Уайтс-Клаб» направил королю Георгу II адрес по случаю его возвращения из зарубежной поездки, в котором говорилось: «Мы — лорды, пэры и т.д. общества «Уайта» — умоляем позволить намброситься к вашим ногам (наша честь и сознательность покоятся под столом, а наше богатство всегда поставлено на карту) и поздравить ваше величество с благополучным возвращением... После королей бубновых, трефовых, пиковых и червовых мы любим, чтим и обожаем вас». На что король довольно остроумно ответил, что все же не будет относиться к ним, как к картам из своей колоды до тех пор, пока у него имеются соперники в лице карточных монархов.

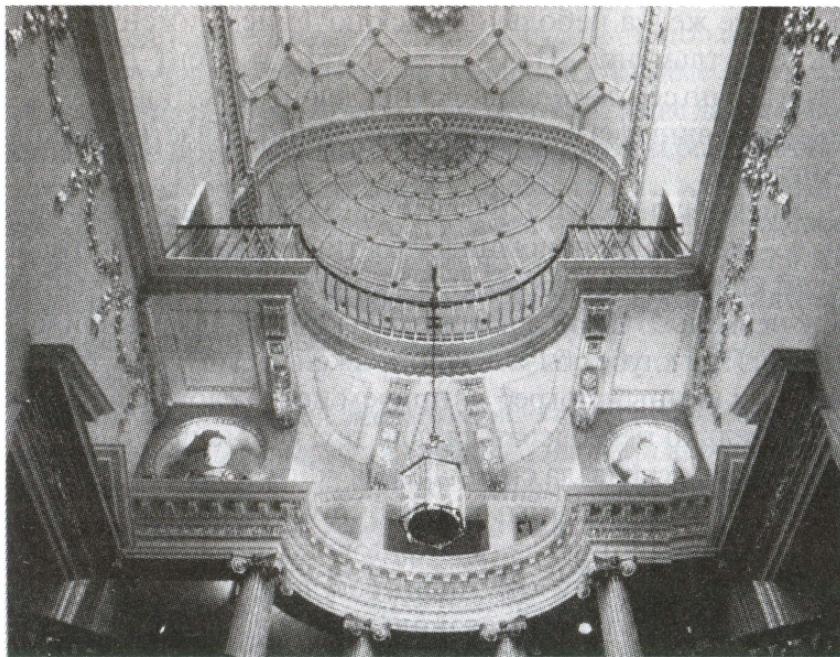
Шутки шутками, а карточные игры действительно были самым популярным занятием клуба — особенно вист и макао. «Уайтс», как и соседний «Брукс» — политический конкурент «Уайтса», отличался высокими ставками — порой «тысячи лугов и зерновых полей бросались на кон одним махом». Существовали и специальные костюмы для игроков: накидки из грубой ворсистой ткани и кожаные митенки, чтобы уберечь белоснежные накрахмаленные манжеты. На голову надевали соломенные шляпы с большими полями, защищающие глаза от яркого света и помогающие скрыть выражение лица, что было далеко не лишнее, если учсть, что на кону были целые состояния. В 1755 году один из членов Парламента, сэр Джон Блэнд, застрелился, проиграв в «Бруксе» 32 тысячи фунтов за одну ночь — колоссальные деньги в те дни.

В особых случаях игра могла длиться несколько суток: в пылу азарта оторваться от карт было просто невозможно. Существует предание, что именно при таких обстоятельствах Джон Монтею, четвертый граф Сэндвич, изобрел свой знаменитый бутерброд: дабы не пачкать руки во время игры, он просто приказал положить для него куски холодной говядины между ломтями хлеба. Нахodka оказалась чрезвычайно удачной — через некоторое время и другие игроки стали просить бутерброды, как у Сэндвича. Остроумный граф вошел в историю: сегодня мы с трудом можем себе представить нашу жизнь без сэндвича!

Любителем карточной игры был и знаменитый лорд Байрон — он был завсегдатаем сразу нескольких клубов, в том числе и знаменитого «Ватье», среди основателей которого числился главный денди Лондона господин Браммелл, про которого ходило несчетное количество слухов. Злые языки говорили, что высшим достижением Браммеля в жизни является его накрахмаленный воротничок, и что сам принц-регент открыто плакал, когда Браммелл позволил себе раскритиковать крой его пальто или цвет его шейного платка.

Более серьезные, чем пари на тему дождевых капель, политические диспуты разыгрывались в таких клубах на Пэлл-Мэлл-стрит, как «Реформ-Клаб» — клуб либералов, откуда легендарный мистер Фогг отправлялся в свое путешествие «вокруг света за восемьдесят дней». Этот же клуб и остался одним из наиболее прогрессивных — один из немногих, где принимают женщин. В то же время в ведущий клуб консерваторов — «Карлтон-Клаб» — женщин не допускают по сей день (Маргарет Тэтчер пришлось привести как особого члена клуба, чтобы не нарушать вековую традицию). Зато для того чтобы стать членом «Трэвеллерз-Клаб» (клуба Путешественников), основанного в 1819 году на Пэлл-Мэлл-стрит, 106, вам будет необходимо доказать, что вы хоть раз в жизни путешествовали на расстояние

Клуб «Клермонт» на Беркли-стрит

500 миль от Лондона. Этот клуб единственный, где есть хотя бы отдаленная надежда присоединиться к тру с гидом и краешком глаза взглянуть, как проводят свой досуг в Лондоне избранные.

Для тех же, кто имеет доступ в престижный и элитный игровой клуб «Клермонт» на Беркли-сквер, 44, предоставляется еще одна уникальная возможность — повстречаться с элегантным господином в безупречной зеленой униформе и красивом парике, который бесшумно скользит по своим делам и, удостоверившись, что все в порядке, тает прямо на глазах изумленного посетителя. Призрак навещает клуб из своего далекого XVIII века, когда этот особняк, который называли самым красивым террасным домом в Лондоне, был построен по проекту Вильяма Кента для леди Изабеллы Финч, фрейлины принцессы Амелии, сестры Георга II.

И все же, за небольшим исключением, именно клубы джентльменов «Пэлл-Мэлл-стрит» и «Сент-Джеймс-стрит» и по сей день остаются последним бастионом мужского шовинизма и снобизма выпускников частных школ Англии.

Английский клуб действительно уникальное учреждение — чем-то он напоминает гостиницу закрытого типа: член клуба может провести в нем по своему усмотрению как несколько часов, так и несколько дней, неделю или месяца. При клубе обязательно должен был быть ресторан, кухня и винный погреб — причем перед едой надо было обязательно переодеваться; для тех, кто не переоделся к обеду, существовала специальная «dirty room» — грязная комната. Непременными атрибутами являются и курительная, библиотека, зал для карточных игр, рабочие кабинеты. При этом клубная жизнь регулировалась строгими правилами, зачастую оговаривавшими даже сущие мелочи: так, например, в библиотеке разрешалось вздремнуть, но категорически запрещалось при этом храпеть. В курительной ни в коем случае нельзя было ничего есть. Особо следует отметить наличие в клубах комнат для гостей, а иногда даже жилых номеров со всеми удобствами. При этом члены клуба испокон веков были вправе приглашать сюда только гостей мужского пола — женщинам же доступ всегда был строго воспрещен; даже обслуживающий персонал состоял из одних мужчин.

Иключение, пожалуй, составлял лишь «эксклюзивный» клуб «Олмакс», располагавшийся на Кинг-стрит. Клуб, возникший еще в 1765 году, в XIX веке называли «седьмым небом модного мира». Основная задача клуба заключалась в том, чтобы помочь подающим надежды молодым людям войти в свет. Именно поэтому в отличие от закрытых мужских клубов, где основным занятием были карточные игры, в «Олмаксе» устраивали балы и туда допускали женщин. Более того, в клубный совет входили

10 дам-патронесс — «законодательниц мод и арбитров вкуса», которые безжалостно отсекали неподходящие кандидатуры. Интересно, что среди патронесс были не только влиятельные британские леди, но и две дамы иностранного происхождения, сумевшие себя зарекомендовать самым лучшим образом в среде чопорного английского истеблишмента: это была австрийская принцесса Эстерхази и супруга русского посла в Англии графиня Ливен — хозяйка популярного политического салона, коньком которой была дипломатия.

Эта удивительная женщина всю свою жизнь находилась в центре внимания. В детстве на очаровательную и смышленую малышку смотрели с умилением: отец, граф фон Бенкendorф, военный губернатор в Риге, души не чаял в своей Дашеньке-душеньке. Мать, урожденная баронесса фон Канштадт, также обожала доченьку, а старшие братья, герои войны, и вовсе носили на руках.

И с замужеством Дашеньке очень даже повезло: обожающий и балующий ее супруг, молодой генерал Христофор Андреевич фон Ливен, возглавлял военно-полевую императорскую канцелярию и имел честь сопровождать Александра I под Аустерлицем, а затем и в Тильзите при подписании мира с Наполеоном. Сопровождал он и юного цесаревича Александра в его путешествиях по Европе, матушка же его была назначена на пост воспитательницы цесаревен самой Екатериной II, так что в нужных связях на самом высоком уровне у молодой семьи не было недостатка.

Перед юной супружкой открывались воистину блестящие перспективы, но здесь необходимо отдать должное и самой Дашеньке: она отнюдь не находилась в тени своего молчаливого красавца мужа, более того — ее главными достоинствами были очарование и остроумие, изящество манер, живость ума и бойкость характера. Она быстро освоилась со своей новой ролью и завела небольшой, но изысканный салон

для узкого круга избранных, среди которых в основном были дипломаты, заграничные гости и иностранные посланники, почитавшие за честь проводить вечера у очаровательной и умной дамы, которая обедала на торжественных приемах за столом самой императрицы.

За царственным столом бойкая и общительная графиня Ливен с удовольствием рассказывала о гостях своего салона: ей было не занимать наблюдательности и проницательности, кроме того, Дарья (Доротея) обладала прекрасной памятью, позволяющей ей передавать в красках все детали и нюансы бесед с иностранцами. Однако внимательнее всех ее слушал министр иностранных дел Нессельроде: вот же он — прекрасный и не вызывающий подозрения источник информации! Стоит только научить ее некоторым приемам и тонкостям политических игр — и получится великолепная профессиональная разведчица! Тем более что она являлась родной сестрой шефа жандармерии Бенкendorфа.

В 1810 году фон Ливена отправляют в Берлин с супругой — международная обстановка оставляла желать лучшего, необходимы были сведения о планах союзников. И вновь графиня открывает свой салон для дипломатов: торжественные приемы за казенный счет, задушевные разговоры и дебаты, и письма с отчетами, как ее и учили, в Санкт-Петербург...

Однако пиком, если можно так сказать, шпионской карьеры Дарьи фон Ливен стала ее деятельность в Лондоне — именно туда, где разворачивались настоящие закулисные сражения, графа фон Ливена отправляют за полгода до наступления Наполеона. Можно сказать, графиня Ливен была фактическим резидентом русской разведки в Лондоне и регулярно поставляла в Петербург сведения государственной важности. Естественно, ей приходилось все время налаживать новые контакты, что она порой и делала без оглядки на общественную мораль. В Лондоне одно время даже ходила такая шутка: «В мире нет ничего такого, о чем нельзя было бы договориться, включая ночь с мадам Ливен». Тем не

менее посетить русский салон «Сибиллы дипломатов», как метко окрестили Дарью британские газеты, послушать новости, себя показать и других посмотреть почитали за честь все высокопоставленные гости Лондона. Результаты не заставили себя ждать: фон Ливен с супругой сопровождали императора на важных международных встречах. Во многом благодаря ее подсказкам на конгрессах в Вене и Аахене удается утвердить выгодный для России вариант Священного союза, Польша входит в состав Российской империи, а русский император становится одновременно и польским королем.

Одно лишь портило всю эту благостную картину: слишком острый язычок графини. Видимо, скучно было Дарье писать официальные докладные министру иностранных дел Нессельроде — вместе с ними остроумная графиня посыпала и письма подругам с язвительными описаниями своих «вечеров» и важных гостей, ее остроты передавались из уст в уста, а подчас и становились международными анекдотами. Рано или поздно все тайное становится явным — англичане не смогли простить Дарье ее «остроумия», и супружескую чету фон Ливенов вернули на родину.

В то время как Христофору было предложено пойти по стопам своей матери — заняться воспитанием цесаревича, за что он и принял со всем рвением и подобострастием, Дарья явно оказалась не у дел. Остаться без тайн, интриг, волнующего кровь ощущения риска — значило для нее состариться прежде времени, и графиня, сославшись на недомогание от перемены климата (сырой и ветреный Петербург все-таки не то же самое, что Лондон, пусть и туманный), отправляется на лечение в Баден-Баден, оставив супруга заниматься воспитательной деятельностью.

Однако в Россию подлечившаяся графиня возвращаться явно не намеревалась: объявив себя жертвой клеветников, Дарья фон Ливен отправляется в Париж, где пытается восстановить прежние связи и знакомства. Эта удиви-

тельная женщина обладала незаурядным умением будить в окружающих сильные чувства: будь то восторг, зависть или восхищение. Французский премьер-министр, павший жертвой ее обаяния, помог «мадам Дари» открыть новый салон неподалеку от Елисейских Полей. Однако время было уже не то: в Париже не могло и быть того размаха политических интриг, к которому привыкла рисковая графиня — ей все еще хотелось играть по-крупному, а французские власти интересовали только внутренние проблемы страны. Талант профессиональной шпионки не находил должного применения, хотя ей по-прежнему восхищались, к ней прислушивались, ее уважали и побаивались. Дарья фон Ливен, немало сделавшая для своей Родины, тихо скончалась в Париже — воистину, шпионкой она была от Бога.

Как и каждого уважающего себя английского клуба, у «Олмакса» существовал свой свод правил и условностей, причем правила эти отличались подчеркнутой строгостью, и дамы-патронессы следили за их неукоснительным соблюдением. Джентльменам, посещающим вечера в «Олмаксе», было предписано быть облаченными во фрак, белый шейный платок, складную шляпу-треуголку (ее обычно держали под мышкой), черные штаны-бриджи до колен с шелковыми полосатыми чулками и бальные туфли-лодочки. Если же мужчина появлялся на бал в «неуставном» виде, его просто не пускали, причем жертвами этого запрета стали несколько знатных лордов.

Более того, вход на бал прекращался ровно в 11 часов, когда подавали ужин, и для опоздавшего не делали исключения, какой бы фигурой он ни был. Так, однажды сам герцог Веллингтонский — знаменитый полководец, победитель Наполеона — решил посетить бал в «Олмаксе», но немного опоздал: было семь минут двенадцатого, и герцог попросил разрешения войти. Его просьбу передали леди Саре Джерси, возглавлявшей совет патронесс.

Герцог Веллингтон

Сверившись с часами, патронесса величественно изрекла: «Передайте ему, что вход закрыт». И добавила с улыбкой: «Мне приятно отказать именно герцогу Веллингтонскому, поскольку после этого случая уже никто другой не посмеет пожаловаться, когда в дальнейшем будет строго применяться это правило».

Однако в целом атмосфера клубной жизни позволяла джентльмену побывать самим собой, особо при этом не напрягаясь. Викторианский клуб предполагал максимально комфортную модель: находясь среди равных, нет необходимости на каждом шагу доказывать свои достоинства и права. Клуб, по сути, узаконивал право на эксцентричность, а клубное сообщество представляло собой лицо коллективного чудака. И даже пресловутые правила порой являлись воплощением эксцентрики: в некоторых клубах принято было проглаживать горячим утюгом страницы

газеты «Таймс», в другом существовал обычай мыть монеты, полученные от должников.

Для денди же — элегантных состоятельных щеголей, блистающих своими туалетами, — английский клуб представлял собой блестящую возможность показать себя в кругу избранных единомышленников. Одним из таких знаменитых лондонских денди был когда-то и писатель Оскар Уайльд.

Лондон — свидетель взлета и падения Оскара Уайльда

Ноктюрн уснувшей Темзы сине-золотой
Аккорды пепельно-жемчужные сменили.
Тяжелый бот проплыл над сонною водой,
И тени прогнули — безвольно отступили.

Клубами мутными сползая в реку туман,
Домов неясные вставали очертанья.
Рассвет задул огни... но чудился обман, —
И медлил бледный день вернуться из изгнанья.

Оскар Уайльд. «Impression du matin»

Лондон не был для Уайльда родным городом — мальчик по имени Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайльд появился на свет в Дублине, в семье состоятельного врача-окулиста, автора ряда монографий по археологии и древностям, лечившего саму королеву Викторию. Мать писателя была довольно яркой и эксцентричной фигурой: не только красива, но и умна, она обожала философские споры, мечтала об освобождении Ирландии от ненавистных англичан и писала стихи под итальянским псевдонимом Сперанца — «Надежда». Однако рождению

Оскар Уальд в детстве

сына леди Джейн была совсем не рада, хоть и назвала его именами древних кельтских героев — воителя Фингала и внука его Оскара: она мечтала о дочке. Оскару, красивому румяному голубоглазому малышу, которого обряжали в девчачьи одежды, только в пять лет, когда, наконец, у него появилась долгожданная сестренка Изольда, объяснили, что он мальчик.

В десять лет, когда его отец, Уильям, получил от королевы дворянское звание, Оскар был разлучен с родителями — они отправили его в пансион «Порттора» на долгие семь лет, и лишь каникулы он проводил в родительском дублинском особняке или же в поместье Мойтура среди скал и торфяных болот. Именно в Мойтуре состоялся первый визит Уайльда к местной гадалке: Фрэнк Хулигэн, работавший там у его отца, однажды отвел мальчика к старой крестьянке, которая славилась на всю округу как провидица. Дряхлая стару-

ха, одетая в обычное для женщин той местности красное платье, поначалу рассматривала ладонь юного посетителя с несколько презрительным и скучающим видом. Вдруг она внезапно ожила: погладив руку мальчика, гадалка заявила, что судьба его будет величественной и ужасной, что имя Оскар, прославленное в анналах ирландской истории, «ляжет на него, как дальние дали, которые видишь во сне, накладываются на дневную явь».

С 1867 года налаженная жизнь семейства Уайльдов пошла под откос: умирает от дифтерита маленькая Изольда, а некая мисс Треверс, одна из пациенток сэра Уильяма, подает в суд, утверждая, что он соблазнил ее под наркозом. И действительно, в Дублине давно поговаривали, что сэр Уильям, несмотря на все свои регалии, тратит деньги на любовниц, однако его верная супруга, презрев сплетни и подавив обиду, решительно встала на защиту мужа и наняла лучшего адвоката, который выиграл процесс: суд присудил сэру Уильяму символическую сatisфакцию в одно пенни. Однако репутация старшего Уайльда была разрушена — в пуританскую Викторианскую эпоху одно только подозрение в аморальном поступке могло сделать из человека изгоя. Из светского бонвивана сэр Уильям, обильно заливая горе вином, превратился в городского сумасшедшего, от которого шарахался дублинский свет, и умер в 1876 году в возрасте 61 года.

К тому времени Оскар, который после скандала с отцом начал выдумывать небылицы о своей семье и ее происхождении, утверждая, что его крестным отцом был сам король Швеции, уже был студентом знаменитого Тринити-колледжа в Дублине, где изучал античную филологию под руководством преподобного Махэффи — известного ученого и большого любителя молоденъих мальчиков. В 1874 году, получив золотую медаль, Оскар отправился продолжать учебу в Оксфорд, где сразу зарекомендовал себя как лидер полночных студенческих бдений за чашкой

пунша, где велись беседы о прекрасном, состязались в ораторском мастерстве, остротах и парадоксах.

Видимо, бунтарские гены матушки Сперанцы не давали покоя юному Уайльду, и после посещения Италии и Греции он объявляет о том, что намерен совершить «самую необходимую обществу революцию — революцию в моде!» Теперь он — классический денди: ничто не доставляет ему такого удовольствия, как появиться на публике в экстравагантных, самолично придуманных нарядах: то короткие штаны-кюлоты и шелковые чулки, то расшитый цветами жилет, толимонные перчатки в сочетании с пышным кружевным жабо.

Следующая вершина, которую жаждал покорить юный денди, эстет и острослов, конечно же, был сам Лондон — его Величество Лондон.

Покинув Оксфорд, Оскар с другом Фрэнком Майлзом обосновался на съемной квартире в центре Лондона у реки, позади Стрэнда «с его вагнеровским грохотом кебов и омнибусов». Однако эту амбициозную и экстравагантную парочку охотников за славой ничто не могло обескуражить: оба приехали в Лондон в убеждении, что пестрый карнавал их оксфордской жизни продолжится здесь с новой силой. На чаепития в Дом-на-Темзе, который Оскар превратил в настоящий оазис красоты и искусства — экзотичные китайские вазочки соседствовали с японскими ширмами, изысканным антиквариатом и картинами прерафаэлитов, — стали слетаться, как мотыльки на свет, красивые женщины: картины Фрэнка и его светские знакомства действовали на них так же неотразимо, как и утонченные комплименты Уайльда. Сам же он с безудержным восторгом окунулся в водоворот лондонской жизни. В «Завещании Оскара Уайльда» Питер Акройд говорит устами своего героя: «Попав из Оксфорда в Лондон, я словно после Афин оказался в Риме. Подобно тому, как по приказу Цезаря Августа начало нового столетия празд-

Тоттенхэм-Корт-роуд

новали на несколько лет раньше срока; в Лондоне в те годы уже начали появляться легконогие боги нового века. Весь город был в брожении. Уродливые строения сносили и на их месте возводили еще более уродливые; трущобы, которые были единственной данью Лондона романтизму, уничтожили ради мало кому нужных новых улиц. Кто-то сказал, что под фундаментами Нью-Оксфорд-стрит похоронен старый лондонец, — остается только надеяться, что это архитектор.

От первых разрозненных шумов рассвета, когда в направлении Ковент-Гардена, громыхая, ехали повозки с вязлой зеленью, до криков и свистков в глухую ночную пору, город не знал покоя. Когда вдоль Темзы в вечерних сумерках на фоне темнеющего неба вспыхивали электрические фонари, я думал, что в жизни не видел ничего прекраснее. В них, как в джине Сигера, заключался “дух сегодняшнего и завтрашнего дня”... Моему юношескому воображению

Лондон рисовался огромной топкой, прикасаться к которой опасно, но которая дает и свет, и тепло. Это место стало для меня средоточием всех сил земли, и душа моя нашла в нем неистощимый источник энергии».

В Лондоне юный Уайльд возжелал «вкусить от человеческой деятельности во всех видах, а взамен хлебнул человеческого порока во всех его видах». Периодически уставая от всего яркого и шумного, он норовил погрузиться в тень, которая это яркое окружала. Испытывая странное болезненное наслаждение, Оскар углублялся в путаницу переулков и проходных дворов, встречая опустившихся мужчин и женщин. Там, вдали от центральных улиц, среди ветхих и замшелых домишек, он сталкивался с грязью и унижением, которые до поры до времени казались всего лишь живописными: босоногие мальчишки в лохмотьях — разносчики газет, оборванные шарманщики, грубые пьяные голоса, окликавшие из трактиров, куда он не отваживался заходить. При всем этом страдальцы не вызывали у него особого сочувствия — он инстинктивно полагал, что все живое, каким бы уродливым и аморальным оно никазалось обывателю, имеет право на существование, когда воплощается, обретает форму, собственную эстетику. И все же Уайльд больше любил все искусственное, и если что-то можно было приукрасить в действительности, то именно так он и поступал. Константин Паустовский в своем «Оскаре Уайльде» рассказывает о весьма показательном случае из жизни писателя: в Лондоне возле дома, где он жил, стоял нищий в лохмотьях, который своим неопрятным видом раздражал Уайльда. Что же делает великий эстет с этой проблемой? Прежде всего вызывает лучшего в Лондоне портного и заказывает для нищего костюм из тонкой и дорогой ткани. Когда костюм был готов, Уайльд сам мелом наметил места, где должны быть прорехи, и с тех пор под окнами Уайльда стоял старик в живописном и дорогом рубище — такое зрелище больше не оскорбляло

его изысканный вкус: «Даже бедность должна быть красивой».

А красота в жизни Уайльда играла особую роль, как, впрочем, и цвета, и детали одежды — в конце концов, он ведь был настоящим лондонским денди: он выходил гулять на Пиккадилли с цветком подсолнечника в петлице, носил драгоценные камни, смотрел на мир из-под полуоткрытых век, и весь аристократический Лондон подражал Уайльду. Рискуя навлечь на себя упреки в излишней женственности, Уайльд тем не менее неоднократно подчеркивал свою изнеженность, превращая ее в эффектную саморекламу. Однажды на вопрос одной из поклонниц, озабоченно поинтересовавшейся, почему он выглядит столь утомленным, Оскар ответил, что безумно устал, поливая цветок.

Он был и одной из первых жертв «жилетомании» — жилет играл огромную роль в туалете лондонских денди — молодой Оскар гордился своей солидной коллекцией жилетов в самых смелых тонах. Под жилет обычно одевалась белая сорочка с широким жестким воротничком, который подпирал вздернутый подбородок, таким образом, придавая его владельцу слегка высокомерный вид. В роли завершающего штриха выступал элегантно повязанный шейный платок из муслина.

Однако, как замечает Ольга Вайнштейн, исследуя культуру дендизма, «мало было облачиться в такой безупречный костюм — ему надо было соответствовать: элегантно двигаться и чувствовать себя свободно, поигрывать тросточкой на прогулке, эстетично затягиваться дорогой сигарой, только тогда возникал эффект непринужденной грации и волшебной легкости», что и получалось у молодого Уайльда совершенно великолепно.

Однако денди — это все же не профессия, своей профессией Уайльд сделал драматургию: театр тогда был весьма популярен и им увлекались поголовно. В 1881 году Уайльд пишет свою первую пьесу, затем отправляется в

Оскар Уайльд в эстетском костюме во время турне по Америке

турне по Соединенным Штатам читать лекции об английском Возрождении и о домашнем интерьере. На лекциях Уайльд выступает в специальном «эстетском» костюме, который он лично разработал, снабдив театрального kostюмера детальными инструкциями: «Это должны быть красивые вещи: этакий облегающий бархатный камзол с большими украшенными цветочным узором рукавами и круглым гофрированным батистовым воротничком, выглядывающим из-под стоячего ворота... нечто в стиле Франциска I. Только с короткими штанами до колен вместо обтягивающих рейтуз. Также достаньте мне две пары серых шелковых чулок в тон серому, мышиному бархату. Рукава должны быть если не бархатными, то плюшевыми, украшенными крупным цветочным орнаментом. Они

произведут большую сенсацию». Уайльд был прав — его наряды и лекции произвели огромную сенсацию — эстетский костюм Уайльда был настолько броским, что вскоре стал предметом подражаний — еще в Америке на одну из его лекций пришли более сотни студентов в коротких бриджах, чулках и с подсолнухами в петлицах.

После оглушительного триумфа Уайльд в январе 1883 года возвращается домой и тут же спешит в Париж, где вовсю бурлит богемная жизнь. Вернувшись из Парижа в Лондон «без гроша в кармане, как промотавшийся блудный сын», Уайльд относит в ломбард золотую медаль, полученную им в колледже Троице в Оксфорде и отправляется на север Англии читать лекции об Америке.

Осенью того же года, навестив родной Дублин, Уайльд встречается со своей будущей женой Констанс Ллойд — очаровательной 25-летней дочерью богатого адвоката, бледной и очень стройной, которая, как оказалось, была влюблена в него чуть ли не с детства. В мае 1884 года состоялась свадьба. Любил ли Оскар свою молодую жену? Питер Акройд в своем «Завещании Оскара Уайльда» не обошел и эту весьма деликатную тему: «Друзья часто спрашивали, почему я женился на Констанс, и я обычно отвечал, что хотел выяснить, что же она обо мне думает; но, по правде говоря, я и так это знал. Она любила меня, и этим все сказано — трудно сопротивляться любви столь невинной и столь самоотверженной. Я казался себе романтическим героем — не Вертером, которому любовь дарует силу, но Пеллеасом, который находит в ней спасение. Я женился на Констанс, потому что испытывал страх — страх перед тем, что могло бы случиться со мной, останься я один, страх перед желаниями, с которыми, раз поддавшись, я не сумел бы совладать. Я хотел строить свою жизнь, а не разрушать — на разрушающих я вдоволь насмотрелся в Париже, — и женитьба была для этого единственным средством. Если Констанс была ангелом, как я не раз говорил

друзьям, то ангелом с огненным мечом, преграждающим мне путь в рай запретных наслаждений».

Мать Уайльда, Сперанца, которая к тому времени тоже покинула Дублин и обосновалась в Лондоне по соседству с сыном, одобрила этот союз. Более того, они с Констанс стали близкими подругами: вместе ездили за покупками, засиживались допоздна вечерами в разговорах о детях или госпоже Блаватской.

Итак, Уайльд искал в Констанс спасение от себя же самого, от своего разрушительного второго «я», которое пока еще побаивалось огненного меча этого хрупкого очаровательного ангела. Констанс же с малых лет мечтала о замужестве и «лелеяла образлюбящего сердца, охраняемого если не Пенатами, то, по крайней мере, бамбуковыми чайными столиками и цветастыми коврами». Казалось бы, мечта стала принимать ощутимые формы: практически все наследство Констанс было потрачено на обустройство семейного гнездышка — четырехэтажного дома на Тайт-стрит. Вполне вероятно, что в первые годы семейной жизни Оскар был действительно счастлив в этом доме: и в своем кабинете с копией Гермеса Праксителя и письменным столом, за которым Карлайл написал свою замечательную автобиографию «Сартор Резартус», и в столовой с великолепным потолком, расписанным Уистлером, и в уютной гостиной, где Констанс по вечерам играла на пианино популярные песенки.

Несмотря на то что после свадьбы Оскара некоторые друзья, включая все того же Фрэнка Майлза, от него отдалились, этот «дом красоты» на Тайт-стрит стал местом встреч лондонских знаменитостей, среди которых, конечно же, самым ярким бриллиантом был хозяин дома. Констанс выходила к гостям довольно редко, одеваясь по просьбе мужа в экстравагантные платья из дорогих тканей с Риджент-стрит, модели которых придумывал сам Оскар.

По настоянию мужа Констанс отказалась от традиционных корсетов и носила струящиеся свободные платья из

узорчатых шелков. Ее могли видеть то в греческом одеянии, сочетавшем в себе «нежно-желтый цвет примулы и темно-зеленый цвет яблоневого листа» — попытка воспроизвести античный образец, то в большой широкополой шляпе в стиле Гейнсборо. Даже ее обручальное кольцо было сделано по дизайну Уайльда.

Мало кто понимал и мог по достоинству оценить эту женщину — в компании друзей мужа она была молчалива, либо отпускала неловкие замечания, над которыми все потешались. Тем не менее тихая и скромная Констанс была активной сторонницей Dress Reform (реформы одежды) и выступала на собраниях общества. Так, например, в марте 1886 года она участвовала в собрании, посвященном теме «Рациональный костюм» в Вестминстер-Таун-Холле, и, когда встала, чтобы выступить, все увидели, что на ней были «кашемировые шаровары коричневого цвета и накидка, края которой были подвернуты и скреплены, образуя рукава».

Бесконечно любя мужа, она позволяла ему лепить себя — такая удивительная податливость ее души поначалу устраивала Уайльда, который руководил ею во всем: одевал, как манекен, по своему вкусу, давал ей в руки книги в изящных переплетах, водил в галерею Гроувнор, дабы лишний раз там покрасоваться. Трещина в отношениях появилась сразу после рождения детей: беременность и роды изменили прекрасное стройное тело Констанс, ее легкую мальчишескую фигурку, а кричавшие младенцы вызывали раздражение. После появления на свет первенца, Сирила, в самой Констанс стало меньше детского и наивного, и замедлить неизбежное взросление жены, на его глазах превращавшейся из девочки в матрону, было для Уайльда ничуть не легче, чем ускорить свой собственный процесс обращения в мужа и отца семейства из экстравагантного и легковесного мальчика. Чувствуя охлаждение мужа, Констанс стала еще более закрытой и отчужденной, и постепенно ту невинную, легкую и радостную любовь,

о которой Уайльд мечтал только для них двоих, он стал переносить на детей — Сирила и Вивиана: их он катал на спине, говоря, что летит с ними к звездам, рассказывал на ночь ирландские истории о феях и карликах, о маленьком эльфе-башмачнике, который чинил туфли фей после их безумных плясок, сочинял истории о тайнах великой любви, которая пересиливает смерть, хотя сама тоже смертна. Если любовь к Констанс и теплилась в груди Уайльда, то, в конце концов, супружество, которое «сходно с тепличной грядкой», превратило ее в золу: скука вела к отчаянию, душа просила ярких чувств и мятежных бурь — все это отличная почва, на которой взрастают запретные плоды.

Тоска по утерянной красоте пробудила в Уайльде мечты об античности, когда художники наслаждались любовью-дружбой с учениками — Муза снизошла на него в лице юного 17-летнего студента Роберта Росса, который и ввел Оскара в кружок лондонских урантистов. Если в первые три года супружества Уайльд не написал ни одной серьезной вещи, то новый роман вдохнул в его творчество вторую жизнь: на свет появились рассказ «Кентервильское привидение», несколько сказок, а также знаменитый скандальный роман «Портрет Дориана Грея», после чего Уайльда тут же обвинили в «непристойном подражании французским декадентам».

По удивительной иронии судьбы через четыре года после публикации романа Уайльд встречается с Альфредом Дугласом, сыном влиятельного шотландского маркиза Квинсберри, самовлюбленным, капризным и эгоистичным красавцем — идеальным кандидатом на роль Дориана Грея для инсценировки этого романа в жизни. В самом начале их знакомства Бози, как Оскар называл Дугласа, был романтичен до нелепости и подобен «душистому цветку, растущему на болотах», он обладал «языческой меланхолией прекрасной юности, которая видит всю грязь мира, но еще не запятнана ею», и нес на себе печать обреченности.

Юный красавец искренне восхищался умудренным жизнью денди-острословом, возводя его в ранг своего кумира. Безусловно, восхищение льстило самолюбию Уайльда, и он с яростным любовным пылом принял лепить Бози по своему образу и подобию: вводил его в мир роскоши, который принадлежал ему по праву, и в темный мир улиц, который стал принадлежать ему по прихоти, воспитывал в нем любовь к экзотике — влюбленные учитель и ученик обедали в ресторане «Савой» и снимали номера в отеле «Албемарл», приглашал к себе и на Тайт-стрит обедать в обществе Констанс, которая вряд ли догадывалась об их истинных отношениях. И чем яростнее для них делалась погоня за наслаждениями, тем более фантастическим городом становился Лондон с его «калейдоскопом огней, мешаниной лиц и взрывами буйного смеха», тем в большую зависимость попадал Уайльд от собственного творения — из кумира он постепенно превращался в раба.

Создается ощущение, что Уайльд, который неоднократно заявлял, что «театр гораздо реальнее жизни», а «жизнь начинает подражать искусству», написал сценарий собственной судьбы, в котором красовался в различных сценических костюмах. Написал сценарий и сам же сыграл в нем...

И все-таки сыграл или прожил? Артур Рэнс замечал по этому поводу, что Уайльд действительно был в своей жизни тем, кем притворялся: принимая позу эстета, он был эстетом, принимая позу блестящего человека, он был блестящим человеком, принимая позу культурного, он был культурен. Принимая позу влюбленного, он терял голову от любви: капризный Бози, как звал Альфреда Оскар, вымогал у своего покровителя дорогие подарки, эпатировал благопристойную викторианскую публику, прилюдно оказывая Уайльду непристойные знаки внимания, закатывал ему скандалы, как ревнивая кокотка, — все это привело к тому, что вокруг Уайльда змеями заклубились

ядовитые сплетни. Хотя и по этому поводу он все же умудрялся острить: «Что за скверная манера у людей говорить за твоей спиной то, что является чистой правдой».

Тем не менее еще зимой 1895 года этот слегка располневший лондонский денди был в самом зените славы — премьеры его комедий «Женщина, не стоящая внимания» и «Идеальный муж» стали главными событиями сезона, его комедия «Как важно быть серьезным» была не только переведена на все языки мира, принеся огромнейший доход своему создателю, но и тут же разошлась на цитаты, став поистине национальным достоянием. Критики называли Уайльда «лучшим из современных драматургов», восхищаясь его умом, оригинальностью, совершенством стиля. Считается, что его доход в девяностые годы XIX века составлял около 8000 фунтов в год — совершенно баснословные деньги по тем временам... Он все еще был окружен толпой поклонников и любовников и с неизменной зелено-гвоздиковой в петлице бросался деньгами и афоризмами в ресторанах Сохо.

И все же где-то в глубине души Уайльд, строчивший безумные любовные письма своему возлюбленному и с нелепой экстравагантностью бросавший к его ногам громадные деньги, понимал: он вступил на путь, который неизбежно приведет его к гибели. «В дни моей славы я был столь удачлив, что порой испытывал ужас... По известности я соперничал с Английским Банком (и по солидности, если судить по моему телосложению), и я не мог пройти по Пиккадилли или по Лестер-сквер, не привлекая всеобщего внимания. И все же я в упоении мчался навстречу своей судьбе, не желая знать, что я — ее жертва. Я был быком, которого откармливали цветами, готовя к закланию».

Узнав о романе Уайльда и собственного сына, агрессивный и взбалмошный лорд Квинсберри в грубой форме требует оставить Бози в покое — требование игнорируется, и взбешенный Квинсберри находит свидетелей, готовых

уличить Уайльда в связях с мальчиками из подпольного борделя некоего Тейлора. Маркиз рыскал по всему Лондону, преследуя влюбленных, и требовал от хозяев отелей, чтобы они не давали Уайльду номеров, рассыпал нелепые письма в рестораны, где он обедал, угрожая устроить грандиозную сцену, однажды даже заявился в дом Уайльда на Тайт-стрит. При этом Бози, ничуть не уступая отцу в упрямстве и безумии, доводил дело до полного абсурда, дразня его телеграммами и открытками, где в мельчайших деталях приводил свой дневной маршрут. Маркиз не оставил в стороне и профессиональную жизнь Уайльда — однажды он явился в театр «Сент-Джеймс» с букетом из овощей.

Обстановка действительно накалялась, и Уайльд, с подначки своего любовника Альфреда Дугласа, пожелавшего таким образом отомстить отцу, подает ответный иск на клевету. Поводом для иска послужила оскорбительная записка Квинсберри, публично адресованная Уайльду в его клубе, где он был заклеймен как «соМдомит».

В марте 1985 года начинается судебный процесс: по иронии судьбы прокурором на суде Уайльда был его земляк, ирландец, с которым когда-то любил играть в песочек в Дублинском заливе маленький Оскар, однако это не спасло писателя: богач Квинсберри нанял опытного адвоката, который ловко и хитроумно выстроил линию обвинений: в апреле Уайльда отправляют в тюрьму Холлоуэй, но в итоге выпускают под залог. Друзья упрашивали его покинуть Англию, но он отказался: «Эту пьесу нужно доиграть до конца». Брат Оскара, Вили, который тоже к тому времени перебрался в Лондон, заделавшись журналистом, закрыл перед посетителями дверь лондонского дома матери Уайльда, где он, как раненый зверь, отлеживался между процессами, не позволив друзьям утешать Оскара.

Создавалось ощущение, что Уайльдом руководила некая неведомая сила, неумолимо ведущая его к трагическому концу. Он стремился навстречу судьбе, «как жених к

невесте, хотел взглянуть ей в глаза после того, как столько лет то подманивал ее, то отталкивал»: сначала, оскорбленный, пишет роковое письмо маркизу Квинсберри, отцу лорда Альфреда Дугласа, обвиняя его в клевете, что стало причиной судебного процесса, а затем, когда у него был последний шанс оправдаться, произносит свою знаменитую речь в суде, где цитирует Платона и фактически признает гомосексуальные отношения с Альфредом Дугласом. Что оставалось в таком случае делать властям, кроме как приговорить его к тюремному заключению?

Как можно объяснить тот факт, что он, презиравший «мораль заурядностей», после всего этого остался в Лондоне и безропотно дождался тюремного приговора, вместо того чтобы уплыть во Францию, как на том настаивали друзья и как того ожидали все судебные инстанции, включая судью и прокурора: им вполне было достаточно публичного позора Уайльда.

Что за непреодолимая потребность сделать последний шаг навстречу трагическому концу, потребность поиграть в русскую рулетку и испытать судьбу? По сути, все это — продолжение игры по романтическому сценарию судьбы, который требует противостояния героя и толпы, жертво-приношения и трагического конца. Как известно, пружина любой трагедии — безрассудство трагического героя: даже осознавая тяготеющий над ним рок, он рвется навстречу гибели. Очевидно, истинный дендиизм невозможен без романтического индивидуализма. Недаром Альбер Камю так проницательно писал о культе позы в романтическом индивидуализме как единственном приеме, спасающем достоинство денди: «Обреченное на смерть существо бли-стает хотя бы перед исчезновением, и этот блеск — его оправдание. Поза — его точка опоры, поза — единственное, что можно противопоставить Богу»...

Возможно здесь и другое объяснение: в глубине души Уайльд считал свою жизнь порочной, и как бы он при этом

ни оправдывал интеллектуально свои сексуальные на-
клонности и двойную мораль (счастливый семьянин по
воскресеньям и чувственныи декадент в остальное вре-
мя), как бы ни ссылался на авторитет античных авторов,
пуританский инстинкт ирландского протестанта не мог
позволить ему воспринимать однополую любовь иначе
как преступное извращение.

Двойная жизнь вела к расщеплению души, у которой
был «не только свой Вест-Энд, но и свой Уайтчепел». Слу-
чались вечера, когда роковая страсть овладевала Уайльдом
настолько безрассудно, что он сломя голову бросался в
ночь. Его манили узкие улочки трущоб, убогая городская
серость, знаменитые злачные места Лондона: вратами ада
казались ему Блю-Энкер-лейн, Грейсез-элли, Бомбей-
стрит, Уэллклоуз-сквер. Иногда заглядывал он и в бордель
с мальчиками на Лоуэр-Кат, который был замаскирован
под ателье и практически соседствовал с помпезной ули-
цой Стрэнд — «срам и порок, полыхавшие рядом с местом
роскоши». Под утро, мучимый раскаянием, он бежал из
этих мест, содрогаясь от ужаса, преследуемый грязным
желто-голубым светом газовых фонарей, и каждый еле
ползущий экипаж с желтой фарой, казалось, готов был
отвезти его прямо в ад. Но случалось и так, что Уайльд
покидалочные притоны со сладостным чувством успо-
коения и довольства. В такие минуты у него рождались
великолепные бессмертные строки.

Однажды, бредя по тихим и безлюдным лондонским
улицам в предрассветных сумерках, он сочинил свою зна-
менитую «Симфонию в желтом»:

Ползет, как желтый мотылек,
Высокий омнибус с моста.
Кругом прохожих суeta —
Как мошки выются вдоль дорог.

Покинув сумрачный причал,
Баржа уносит желтый стог,
Как шелка желтого поток
Туман дома запеленал.

И с желтых вязов листьев рой
У Темпла пасмурно шуршит,
Мерцаает Темза как нефрит
Зеленоватой желтизной.

(Перевод Ю. Мориц)

Вот как пишет об этом Питер Акройд в своем апокрифе предсмертного дневника Уайльда: «Эти рассветы приводили меня в восторг: темные дома и мостовые превращались в жемчужно-серые тени, постепенно обретавшие очертания. Проходя мимо парка, я встречал фургоны, которые двигались к Ковент-Гардену, и сидевшие на них крестьяне желали мне доброго утра. Город подобен человеческому телу: в начале каждого дня он пробуждается неоскверненным и облачается в одеяния, сотканные из чуда и славы». Точно так же и обновлялась его душа, обогащенная и одновременно отягченная «диковинным опытом двойной жизни».

И все же, возвращаясь на благопристойную Тайт-стрит к спящим детям, Уайльд не мог не мучаться стыдом — как он мог позволить порочной страсти овладеть собой настолько, чтобы забыть и о семье, и о писательском даре? Однако стыд, по его же собственным словам, — «своеобразная вещь: он совершенно беспомощен перед лицом более сильных чувств». Уайльд не мог остановиться и «в жажде лучшего выискивал худшее», стараясь грешить красиво, совершенствовать технику греха. Но сколько бы он ни убеждал себя, что «пуритане — злейшие врачи цивилизации, ибо они не понимают, что в основе ее лежит радость», а жизненная философия самого необу-

зданного распутника здоровее и чище, чем у пуританина, пуританский инстинкт истинного ирландца давал о себе знать — в глубине души Уайльд не мог не считать свою жизнь глубоко порочной, и как только все тайное стало явным, его жизненная пьеса приобрела совсем другой, трагический оттенок.

И без приговора, с его точки зрения, не было бы завершающего момента в его личной трагедии, последнего штриха его портрета — по сути, это мог быть приговор, который писатель выносил самому себе.

После суда все было кончено: прежний баловень судьбы объявлен банкротом, друзья отшатнулись от него, его имя снимается с афиш спектаклей по его же знаменитым пьесам, его навсегда лишают права видеться с собственными детьми. Магазины отказываются продавать его книги, а хозяин одного из них публично сжег целую партию, не посчитавшись с расходами. 25 мая был оглашен приговор: «за грубое нарушение приличий», под которым, естественно, подразумевали гомосексуализм, Уайльд был приговорен к двум годам исправительных работ.

Уайльд мог еще бежать из страны, когда сэр Эдвард Кларк снял обвинение в клевете против Квинсберри и был выписан ордер на его арест, а он, казалось бы, спокойно и безразлично дождался ареста в 118 номере отеля «Кадоган» на Слоан-сквер, потягивая рентвейн с сельтерской и просматривая свежие вечерние газеты, которые пестрили статьями на тему «безнравственного поведения и разоблачения Оскара Уайльда». Он сказал тогда Бози, что давно знал, как люди могут любить, но только теперь увидел, как они могут ненавидеть. Около шести часов в номер без стука вошли два полицейских в штатском: не поднимая лишнего шума, они препроводили его к экипажу и отвезли в полицейский участок на Боу-стрит. Лязг ключей, хлопанье дверей — камера показалась Уайльду вратами ада: «вся моя жизнь была подготовкой к этому ужасному

дню — его тайны нашептывало мне детство, его образ я видел в жутких сновидениях».

Условия тюремной жизни в Пентонвилл, куда сначала был отправлен Уайльд, превзошли его самые мрачные фантазии: одиночное заключение в сырой камере, скучная пища, грубые и бесцеремонные охранники, запрет на чтение книг, полная изоляция, которую прерывали разве лишь часовые прогулки. Заключенному Уайльду дозволялось писать по два письма в неделю, в одном из них он описывал другу весь ужас своего положения: «Сначала все казалось ужасным кошмаром... я не мог заснуть, не мог съесть ни кусочка пищи. Какими же демонами могут быть люди!»

Страшно было смотреть в лицо смертникам, видеть, как избивают сумасшедших, как наказывают кнутом за малейшую провинность, расщипывать по волокнам гнилые канаты и бессмысленно перетаскивать с места на место тяжеленные камни в качестве «трудотерапии», но еще более страшно было быть отверженным обществом, которое совсем недавно еще боготворило его. С воли доходили слухи, что жена с детьми покинули Англию, спасаясь от насмешек и издевательств, все имущество было продано, чтобы оплатить судебные издережки, а его возлюбленный Бози не только не выполнил своего обещания помочь с оплатой долгов, но и ни разу не написал Оскару в Пентонвилл. Всего этого было вполне достаточно, чтобы свести Уайльда с ума — он бился о стены, грозился убить вероломного Бози и покончить с собой. Всеръезобеспокоенные психическим здоровьем заключенного тюремные врачи посоветовали перевести его в другую тюрьму, предоставить возможность читать книги и работать на воздухе.

Когда Уайльда переводили в другое место отбывания срока — тюрьму Рединг на юге Англии, — то в серой тюремной робе и наручниках, обритого наголо, его в ожидании поезда выставили на полчаса на платформе самой

большой пересадочной станции в пригороде Лондона. И когда прохожие узнавали в этом несчастном арестанте холеного декадента Оскара Уайльда — теперь уже заклейменного разврата, занимавшегося сексом с лакеями, они плевались в него. На протяжении целого года после этого каждый день в это самое время он начинал плакать. «В обществе, как оно устроено теперь, нет места для меня. Но природа найдет для меня ущелье в горах, где я могу укрыться, она осыплет ночь звездами, чтобы, не падая, мог я блуждать во мраке, и ветром завеет следы моих ног, чтобы никто не мог преследовать меня. В великих водах очистит меня природа и исцелит горькими травами» — так он, раздавленный, опозоренный, но собравший последние силы, напишет в своей пронзительной «Балладе Реддингской тюрьмы», которой он, по сути, создал мрачную славу.

Тем не менее условия содержания Уайльда именно в этом заведении оказались гораздо более сносными: ему разрешили передавать продукты и книги, поручили заседование тюремным цветником, разрешили свидание с женой. Констанс сообщила ему печальную новость: умерла леди Джейн Уайльд, но не сказала о том, что и сама она серьезно больна воспалением спинного мозга, которое и свело ее в могилу два года спустя.

В тюрьме Уайльд впервые в жизни узнал, что значит товарищество и тюремное братство: «Никогда в жизни я не испытал столько ласки и не видел столько чуткости к своему горю, как в тюрьме со стороны товарищей-арестантов».

В мае 1897 года Уайльд был отпущен на свободу. Он вышел из тюрьмы, окруженный преданностью и любовью тех, кому выпало на долю отбывать вместе с ним английскую королевскую каторгу. Однако ни его возлюбленный Бози (которому он, простив все, посвятил свою исповедь «De Profundis», написанную в тюрьме, — пронзительное признание в любви), ни кто-либо другой из его друзей не пришел.

Последние два года своей жизни после выхода из тюрьмы Оскар Уайльд провел в изгнании во Франции, практически без средств к существованию, где он пребывал «подобно волшебнику Мерлину, беспомощно простертому у ног Вивианы, вне жизни, вне трудов и вне молвы». Человек без прошлого, ибо все былье победы потеряли всякое значение, как «дым в воздухе и пена на воде». Теперь у него не было ни родины, ни семьи, ни даже имени — он просил называть себя Мельмотом в честь изгнанника из готического романа XVIII века.

Ненадолго остановившись в приморском Дьеппе, Уайльд был вынужден съехать оттуда, ибо английские туристы не желали видеть в своих соседях «аморальную личность». Какое-то время Оскар жил в деревушке Бернерваль, где дописал свою «Балладу», хотя особых надежд на ее публикацию не было, как, впрочем, и денег.

Егоспасалите немногочисленные друзья, включая верного Росси, которые остались верны ему и после всех этих кругов публичного ада, — они присыпали ему немного денег, которые он тут же тратил на парфюмерию и красивые безделушки — последние привилегии эстета.

Он страдал от одиночества и писал вероломному Бози: «Я думаю о тебе постоянно и люблю тебя неизменно, но мрак безлунной ночи разделяет нас». Поистине, он был неисправим, либо же просто цеплялся за эту надуманную любовь только потому, что это было единственным чувственным и ярким переживанием, которое осталось в его изодранной в лохмотья жизни, которую он скрашивал бутылкой абсента по утрам и по вечерам. Одно из этих страстных писем попало в руки маркиза Квинсберри, который впал в такую ярость, что его хватил удар: по слухам, лежа на смертном одре, он плонул в собственного сына и в агонии выкрикивал имя Оскара Уайльда.

После смерти маркиза Оскар и Бози смогли наконец встретиться и вдвоем отправились в Италию в сентябре

1897 года. Друзья Уайльда, узнав об этом, перестали слать ему деньги, а Бози, выдоив из Уайльда последнее, сбежал в Париж. От некогда пылающих чувств осталась одна зора — в одном из писем Уайльд писал о своем бывшем возлюбленном: «Он сделался ужасен, зол и низок во всем, что не касалось его собственных удовольствий».

О себе же он говорил так: «Жизнь, которую я так любил, растерзала меня, как хищный зверь. Я не могу больше писать, во мне умерло честолюбие: я мог говорить о жизни, не зная ее, теперь же, когда я узнал о ней все, мне нечего больше сказать». Он вдруг начал болезненно пухнуть и впервые в жизни перестал следить за собой. Последним лучом солнца в его отныне серой и неприглядной жизни стала встреча с молодым англичанином — журналистом Моррисом Гилбертом, — они поселились вдвоем в парижском отеле и умудрялись жить на 250 франков в месяц, которые имели благодаря подачкам друзей и редким гонорарам за переиздания. Несмотря на то что на родине Уайльд был предан анафеме и практически забыт, в Париже, отличавшемся большей свободой нравов, к изгнаннику относились несравненно теплее: вокруг него сплотились почитатели, желавшие лишний раз напоить былого острослова шампанским, чтобы услышать от него парочку горьких пьяных афоризмов.

В июне 1900 года Уайльд посетил Всемирную выставку и записал свой голос на фонограф Эдисона, выбрав для привета зарождающемуся XX веку отрывок из своей «Баллады». Две недели спустя он заметил у себя внутри уха гнойник, но не придал ему особого значения — практически ко всему в своей жизни он теперь относился безучастно. Тем не менее вскоре стало очевидно, что гнойник необходимо немедленно вскрыть, однако проведенная операция не спасла положения — инфекция уже распространилась по всему организму, ослабленному неумеренными возлияниями. На хороших врачей и дорогую больницу денег не

Крылатый сфинкс над могилой Оскара Уальда
на кладбище Пер-Лашез

было, Оскар страдал от ужасных болей, но остался верен себе. Даже лежа на смертном одре в дешевом и грязном парижском отеле «Эльзас», он пошутил, обращаясь к отклеившимся от стены обоям: «Один из нас должен уйти». Днем 30 ноября сорокашестилетний Уайльд умер на руках Росси и Морриса и был похоронен на кладбище Баньо.

20 июля 1909 года благодаря хлопотам Роберта Росса прах поэта и писателя был торжественно перенесен на престижный Пер-Лашез, а над его могилой воздвигнут памятник — крылатый сфинкс работы Джекоба Эпстайна.

Уайльд с полным правом мог бы сказать о себе: «Я погубил всех, до кого дотронулся». Увы, это горькая правда: его слуга Артур покончил с собой, ибо на него ополчился весь мир, так как он был слишком близок к Уайльду. Жена Констанс заболела от горя и умерла в 1898 году. Она

похоронена на маленьком пригородном кладбище близ Генуи под камнем, на котором нет и следа имени Уайльда. Жизни обоих его сыновей были разрушены. Его университетского товарища, художника Фрэнка Майлза, с которым Оскар в свое время отправился из Оксфорда завоевывать Лондон, давно уже не было в живых: он умер в частной лечебнице для душевнобольных в Онгаре, обвиняя Оскара в том, что он «сформировал его личность, а потом дал ей рассыпаться на куски».

Все, что имел Уайльд — семья, репутация, слава, деньги, — было брошено к ногам эгоистичного и тщеславного молодого красавчика, который отплатил ему черной неблагодарностью. Уайльда обвиняли в том, что, позволив своим страстям взять над собой верх и сделав это, он предал самое главное — Искусство, которое, как он неоднократно заявлял, было самым дорогим в его жизни.

И все же остались его гениальные пьесы и удивительно красивые стихи, его бессмертные афоризмы, его Лондон, образ которого он навеки запечатлев в своих строках: город, который он любил и которого страшился, который вознес его к сияющим вершинам славы и отправил в позорное изгнание.

Его Лондон, о котором он говорил, что в нем Темза, словно трость из яшмы, а туманы, как желтый шарф, и туманов этих там слишком много, как, впрочем, и серьезных людей: «То ли туманы порождают серьезных людей, то ли наоборот — понять трудно, но и те и другие действуют мне на нервы». Он же любил заставлять людей смеяться...

30 ноября 2000 года Лондон отмечал столетие со дня смерти великого и скандального гения и острослова: к памятной дате был открыт памятник писателю, а в Британской библиотеке организована выставка, рассказывавшая о жизни Уайльда и о его времени: письма, рукописи, фотографии, первые издания книг — многие экспонаты представил внук писателя Мерлин Холланд, опубликовавший

Тайны Лондона

в одном томе «Полное собрание сочинений писем Оскара Уайльда». Среди памятных вещиц, пожалуй, самым трогательным был конверт, в который Оскар в возрасте 13 лет поместил локон своей младшей сестры Изольды, умершей в возрасте 10 лет. Этот трогательный конверт был обнаружен среди его личных вещей после смерти писателя: тридцать три года он возил его за собой повсюду — в Америку, где читал лекции, при переездах после женитьбы, держал при себе в тюрьме и в изгнании до самой своей смерти.

Как пишет Питер Акройд о своем герое: «Преступник в глазах большинства англичан, мученик в глазах других — такое сочетание делает его совершенным воплощением художника. И Соломон, и Иов в одном лице — счастливейший и несчастнейший, познавший всю пустоту удовольствий и всю реальность страданий». Несмотря на все злословие и скандалы, окружавшие его имя при жизни и после смерти, Уайльд и по сей день остается одним из наиболее читаемых и любимых писателей и поэтов в мире. Так в чем же секрет этого парадокса? Внук писателя, Мерлин Холланд, находит этому такое объяснение: «Оскар, несмотря на все свои недостатки, является исключительным феноменом. Сто лет он заставлял нас смеяться, а тому, кто способен на это, можно многое простить. Писатель Чарльз Морган как-то сказал, что каждое новое поколение очаровано красотой и магией языка Уайльда, его умением наполнить мелодичностью каждую фразу. И в этом секрет его привлекательности».

Тайный мир лондонских театров. Гости из прошлого

И все же хочется верить, что там, за гранью, мятежная душа Уайльда, познавшая «пустоту удовольствий и реальность страданий», терзаемая страстями и искушениями,

густо замешанными на чувстве вины, обрела, наконец, вечную гармонию...

В июне 1923 года известная спиритесса миссис Доуден получила от Уайльда послание «с того света», в котором он просил передать, что не умер, а живет и будет жить в сердцах тех, кто способен чувствовать «красоту форм и звуков, разлитую в природе».

Сpirитический сеанс состоялся в 1923 году в некогда знаменитом лондонском театре «Сент-Джеймс», в котором в свое время были поставлены несколько пьес Оскара Уайльда, включая «Веер леди Уиндермир» и «Как важно быть серьезным». Перед актрисой и двумя актерами, затеявшими эту опасную игру с потусторонними силами, появилась фантомная рука с пером. На вопрос медиума, кому она принадлежит, рука вывела на бумаге при помощи пера: «Я — Оскар Уайльд. Я вернулся, чтобы дать знать миру — я не умер. Смерть — самая скучная вещь в жизни, за исключением брака или ужина со школьным учителем». Вполне естественно, что после такого явления было принято решение провести повторный сеанс, на сей раз совместно с Обществом физических исследований, которое пригласило пожилых уже друзей Оскара Уайльда в качестве свидетелей.

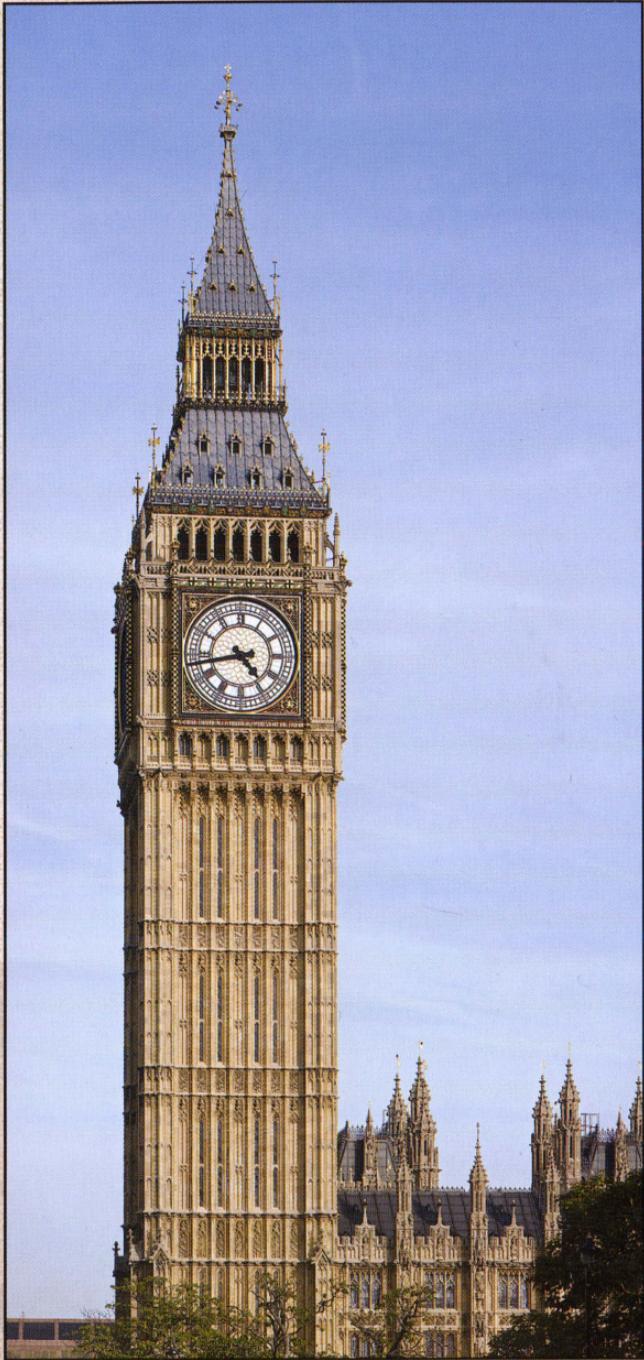
И вновь появилась фантомная рука, и после того как она написала несколько ответов на вопросы старых друзей Уайльда, перо разразилось более длинным и витиеватым посланием, полным того цветистого романтизма, к которому Оскар был так пристрастен при жизни.

Такие фразы, как «красный закат должен следовать за яблочно-зеленым рассветом» и «год за годом терновник рождает кроваво-красные плоды после белой смерти мая», были разбросаны по посланию, которое заканчивалось словами: «Бедный Оскар Уайльд».

По печальной иронии судьбы театр «Сент-Джеймс», построенный в 1835 году на Кинг-стрит, на сегодняшний день, как и Оскар Уайльд, — призрак.

Статуя Магога в Лондонской ратуше

Биг-Бен

Вестминстерское аббатство

Интерьер собора Святого Павла

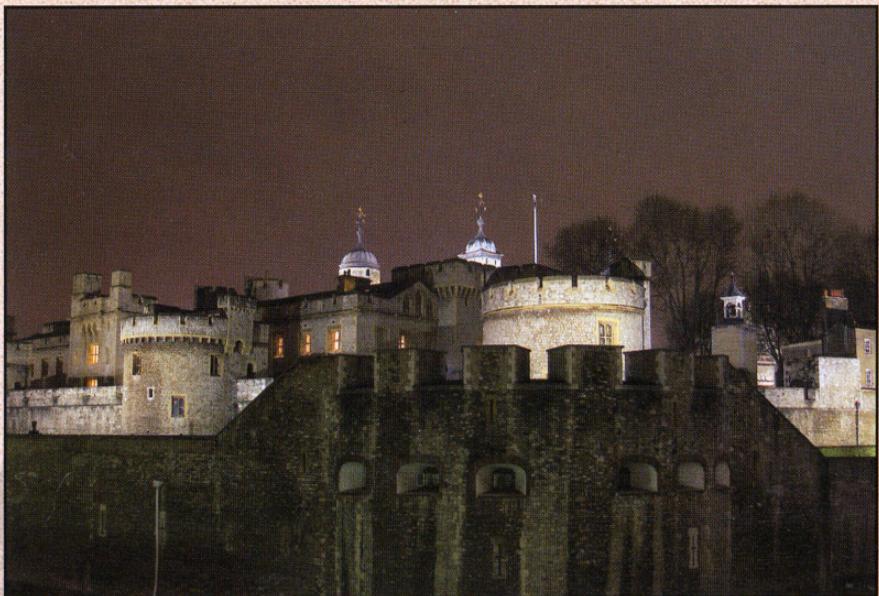
Монумент, посвящённый Великому Лондонскому Пожару

Корона Эдуарда Святого

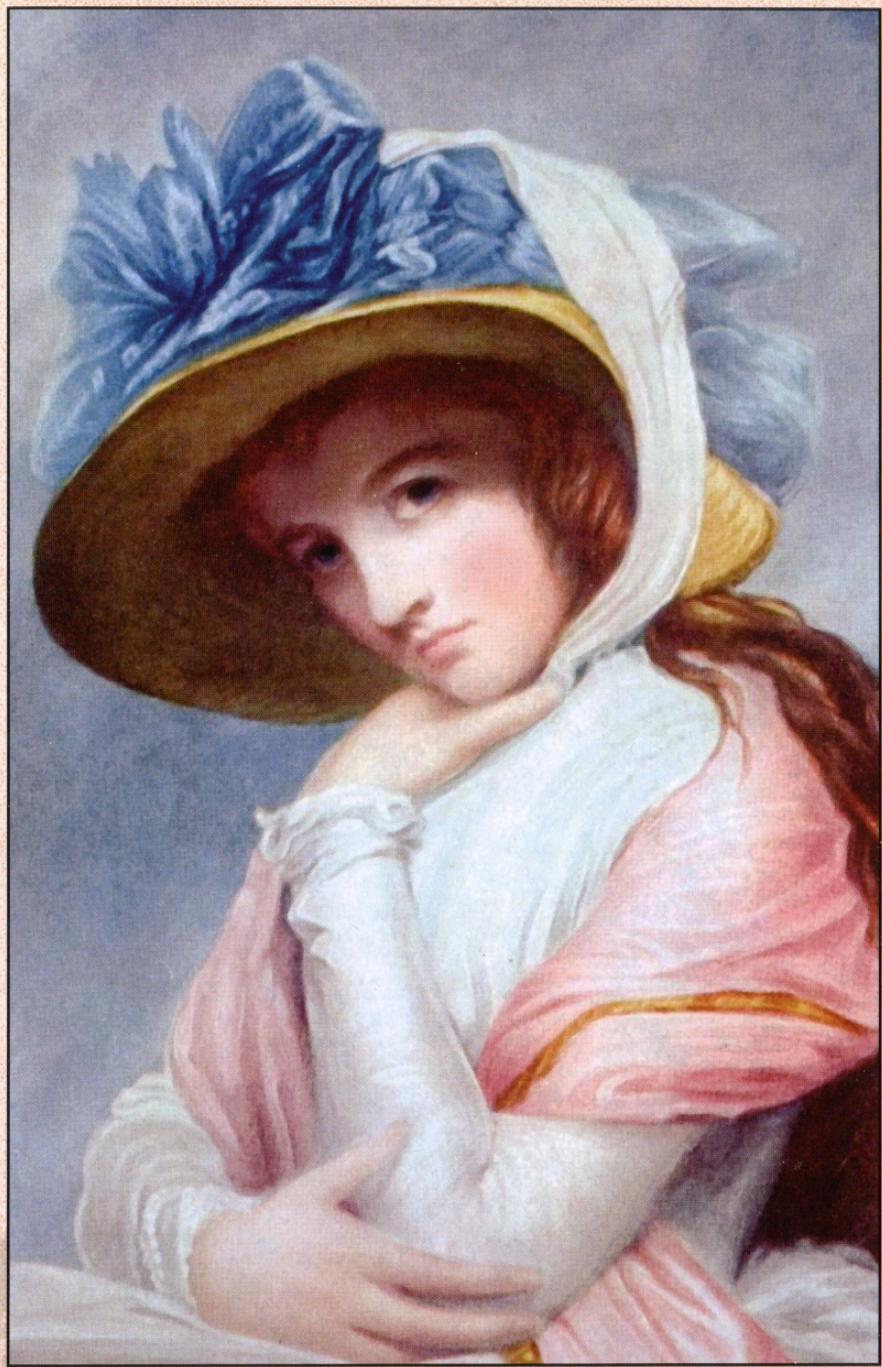
Один из знаменитых тауэрских воронов

Тауэр ночью

Памятник лорду Нельсону напротив таверны «Трафальгар»

Портрет леди Гамильтон

Лев у колонны Нельсона на Трафальгарской площади

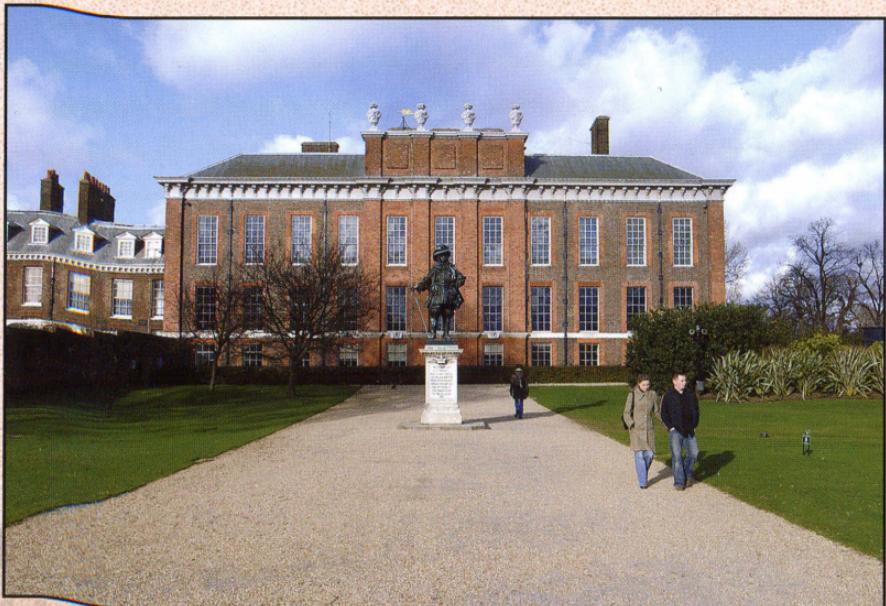
В музее Шерлока Холмса на Бейкер-стрит

Чарльз Диккенс

Вид на Букингемский дворец

Кенсингтонский дворец

В Музее мадам Тюссо. Генрих VIII со своими женами

Театр Шекспира

Principum

amicitias!

Уильям Шекспир

Уинстон Черчилль в рабочем кабинете

«Золотая лань» Фрэнсиса Дрейка

Саутворк

В начале пятидесятых театром руководили легендарные Лоуренс Оливье и Вивьен Ли, однако в 1957 году он был закрыт и впоследствии снесен, несмотря на отчаянные попытки, которые Вивьен Ли принимала для его спасения, включая скандальную историю в Палате лордов английского Парламента, где Ли пыталась вмешаться в дебаты чинных представителей власти, привлекая их внимание к своему вопросу, пока ее насильно не выдворили из здания. Где же теперь витает неприкаянный дух Уайльда?

Еще один лондонский театр, не менее знаменитый, чем «Сент-Джеймс», служит приютом для привидения — это «Друри-Лейн». Основанный в 1663 году, этот театр по праву считается самым старым действующим лондонским театром, хотя его нынешнее здание датируется 1812 годом.

В свое время театр стал свидетелем сценического дебюта легендарного Дэвида Гаррика, а также первой постановки «Школы злословия» Шеридана. Тем не менее, кроме взлетов, театр пережил и свои «падения»: он дважды горел, был свидетелем народных бунтов и покушений на жизнь двух Георгов: короля Георга I и Георга III. Неудивительно, что при такой бурной истории театр может похвастаться еще и гостями из прошлого.

Один из них — Дан Лено (1861—1904) — в прошлом имел одну деликатную проблему — он страдал от хронического недержания, что пытался замаскировать огромным количеством лавандовой воды. Время от времени он невидимо скользит на сцене среди актеров, оставляя в воздухе характерный шлейф лавандового аромата.

Другой загадочный гость из прошлого — это некто «Человек в сером». Однако, в отличие от его собратьев-phantomов, появление этого привидения не сопровождается внезапным чувством леденящего страха и мурашками по коже. Более того, его совсем не боятся — наоборот, продюсеры ему всегда рады, так как замечено: джентльмен

в сером обычно появляется во время спектаклей, которых ждет успех. Свое прозвище неизвестный господин получил из-за серого френча, в котором он является, как правило, только во время дневных спектаклей, а однажды его высокие сапоги, белоснежная рубашка, богато украшенная кружевами, напудренный парик и шляпа-треуголка довольно четко прорисовались прямо перед зрительской аудиторией. И маршрут заядлого театрала, как и его одежда, не меняется с годами: неизменно материализуясь в конце ряда D, он, прихрамывая, движется вдоль рядов бельэтажа, минут бар и исчезает в стене. Джентльмен в сером не одобряет вмешательства в свою личную жизнь: стоит попробовать подойти к нему поближе, как его очертания начинают расплываться, тускнеть, и он исчезает. Интересно, что фантом заметно тяготеет к мюзиклам: его часто встречают во время таких спектаклей, как «Король и Я» и «Оклахома».

Так кто же этот бесстрашный любитель театральных хитов, которого однажды при всем параде заметили во время одного из воздушных налетов Второй мировой? В прошлом веке рабочие во время ремонта в театре обнаружили полый кусок стены, в котором был замурован скелет мужчины с кинжалом между ребер и кусочками истлевшей богатой материи, висящей на костях. Интересно, что страшная находка была сделана как раз в том месте, откуда обычно начинает свой маршрут джентльмен в сером. Ходили слухи, что несчастный был заезжим богачом в Лондоне времен королевы Анны, который имел неосторожность увлечься одной из актрис, по всей вероятности, ответившей ему взаимностью. В результате чего джентльмен и был заколот ее предыдущим любовником, а тело его осталось замурованным на протяжении целых полсотни лет. Трудно сказать, так ли это было на самом деле, но одно можно утверждать наверняка: и сегодня найдется немало продюсеров и актеров, горящих желанием

Королевский театр «Хеймаркет»

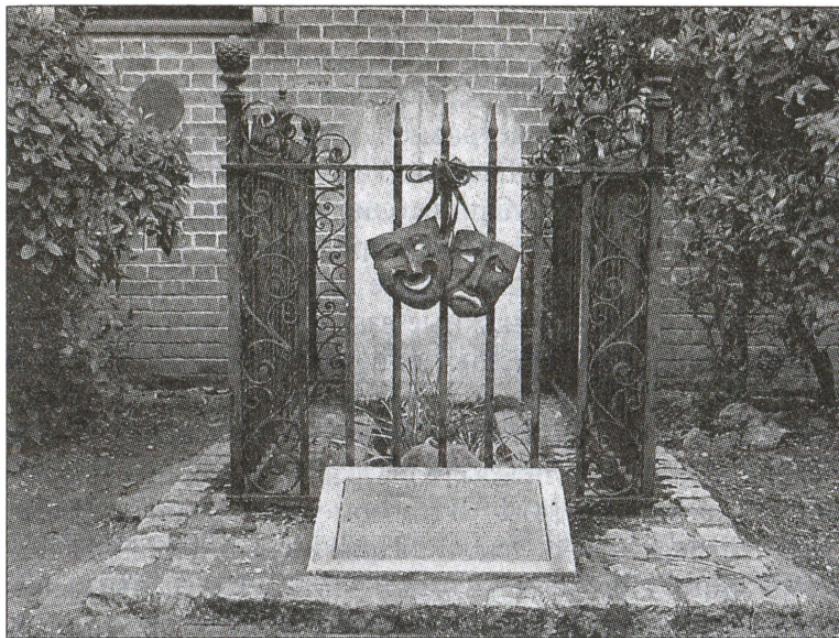
увидеть джентльмена в сером во время первого прогона спектакля — ибо у фантомного театрального любителя безупречный вкус, и всех их в таком случае ждет непре- менный успех!

Еще один лондонский театр, «Хеймаркет», чье роскошное здание было построено в 1821 году по проекту королевского архитектора Джона Нэша, может похвастаться привидением, которое своим появлением предвещает успешное шоу. На сей раз это довольно известная в лондонских театральных кругах личность: Джон Бакстоун, близкий друг Чарльза Диккенса и театральный менеджер «Хеймаркета» в 1853 по 1876 год. Бакстоун имел замечательное чутье на театральные хиты: в его театре шли мелодраматические пьесы и фарсы, имевшие оглушительный успех в свое время — «Хеймаркет» не знал, что такое полупустой зал, пока Бакстоун был жив. Вероятно, желание

отследить какой-нибудь очередной хит и заставляет легендарного Джона возвращаться в некогда родные пенаты: несколько раз видели, как он наблюдает за представлением из королевской ложи, а иногда его голос слышится из старой гримерной.

Однако не только театральные менеджеры и пылкие поклонники, а также офицеры в униформе цвета хаки времён Первой мировой войны (как это происходит в театре «Колизей», например) навещают лондонские театры в качестве гостей из потустороннего мира. Всем известно, что для большинства актеров театр — это зачастую больше, чем дом, — там, на сцене, у них есть уникальный шанс прожить несколько жизней, побывать и королем, и нищим, любить и страдать, плакать и смеяться, подменяя тем самым серую и скучную реальность. Для Джозефа Гриимальди, родившегося в итальянской семье в Лондоне в 1778 году, театр «Сэдлерз Уэллз» (Sadlers Wells) как раз и был тем самым местом, где он, придя в него еще мальчишкой, достиг своих самых громких успехов как клоун, специализирующийся на комических танцах и смешных гри-масах, что явилось моделью для подражания остальным. В детстве он изображал карликов в пантомимах, а позднее создал целое направление в клоунаде, сочетая буффонаду и драму. Гриимальди блестал на лучших сценах — в «Друри-Лейн» и в королевском Корент-Гардене — у него были удивительно сильные ноги, что и заслужило ему прозвище Клоун Железные Ноги. Однако, скончавшись в 1837 году, Гриимальди практически сразу же решил вернуться в свой первый родной театр, на сей раз несколько в другом качестве. Его характерное лицо клоуна, которое трудно спутать с чьим-то другим, вдруг начало появляться то в одной, то в другой ложе во время представлений, пугая актеров, которые хорошо были с ним знакомы, однако не ожидали, что так скоро снова увидят знаменитого комика. Столько лет Гриимальди смешил своих зрителей на сцене, теперь же он

Могила знаменитого клоуна Джозефа Гриимальди

чаще всего их пугает, неожиданно появляясь в зрительном зале, видимо, пытаясь понять, смогли ли все же найти ему достойную замену в театре «Сэдлерз Уэллз»...

Мурашки бегут по спине и при встрече с привидением театра «Аделфи», хотя на сей раз это отнюдь не комик с его характерными гримасами, а статный красавец в белых перчатках, однако на удивление скромный — долгое время никому не удавалось близко рассмотреть загадочного джентльмена, который начал появляться в стенах театра в начале прошлого века, во время правления Эдуарда VII, и его происхождение оставалось неизвестным. Тайну удалось раскрыть только в 1950 году, когда одной из сотрудниц театра удалось повстречаться в коридоре лицом к лицу с местным привидением. Черты лица загадочного джентльмена отчетливо запечатились в памяти напуганной дамы: когда подняли архивы театра с фотографиями

бывших актеров, она сразу же узнала одного из них — это был Вильям Террис, знаменитый драматический актер Викторианской эпохи, который погиб от руки своего коллеги, психически неуравновешенного актера второго плана Ричарда Артура Принса. Успешный Вильям, любимец викторианской публики, блистал в пьесе «Секретная служба» вместе с Джесси Милвард.

Его роль была главной — все цветы и аплодисменты, признания в любви и нежные вздохи женской половины зрительного зала неизменно доставались ему, что вызывало бешеную зависть Принса, которому приходилось довольствоваться лишь ролью второго плана. 16 декабря 1897 года Террис, как обычно, прибыл в театр на вечернее представление «Секретной службы». В тот момент, когда он открывал дверь, сзади к нему подскочил Принс и дважды ударил ножом в спину. Первые раны оказались поверхностными, но, когда Террис повернулся, чтобы понять, что же произошло, и увидел нападающего, Принс ударил его ножом в грудь и попал прямо в сердце. Нечаянные свидетели трагедии, по ошибке принявшие первые два удара за дружеское похлопывание по спине, бросились на помощь Террису, но было уже поздно — спустя некоторое время актер скончался на руках своей партнерши по спектаклю Джесси Милвард. Услышав о его смерти, актриса Эллен Терри не удержалась от поистины театрального комментария: «Бедный милый Террис — я очень надеюсь, что он успел осознать, что был убит. Как бы ему это понравилось!» Принс же, в свою очередь, представал перед судом, однако был признан сумасшедшим и спустя 40 лет умер в тюрьме «Бroadмор».

Фантом Терриса можно повстречать и в районе лондонской станции метро «Ковент-Гарден» — именно этой станцией актер пользовался каждый день, добираясь таким образом до родного театра.

Наряду с актерами-мужчинами призрачный театральный Лондон представлен и некогда знаменитыми актри-

сами — одна из них, красавица периода регентства Сара Сиддонс, жила на Бейкер-стрит, 228, где сейчас располагается электрическая подстанция Лондонского транспорта. В отличие от своих коллег-мужчин, предпочитавших дому театр, Сара, как истинная женщина, предпочитает появляться на том месте, где некогда находился ее дом, который, по-видимому, был ей очень дорог.

Уайтхолл — «взорец-призрак

Как удивительно верно заметил Питер Акройд в своей пронзительной «Биографии Лондона», «присутствие прошлого — или мертвых — вот что придает картинам ночного Лондона особую силу и остроту. Из городов мира Лондон, кажется, наиболее тесно населен своими умершими и громче всех отзыается на шаги минувших поколений. Лондон — город отзвуков, богатый тенями, и когда, как не ночью, ему являть свое естество?»

В огромном древнем мегаполисе родились, любили, ненавидели, радовались и страдали столько людей, что весь этот огромный океан людской энергии просто не мог исчезнуть бесследно. Все, что когда-то было, и все, кто когда-то жил, остаются навсегда. Просто мы с ними существуем в разных временных измерениях: ходим по одним и тем же улицам, невидимые друг для друга, проходим сквозь них, а за стеклянными фасадами современных строений проступают очертания некогда стоявших здесь домов.

Как верно подметил Генри Мортон в своей книге «В поисках Лондона», очарование и загадочность этого великого города заключается прежде всего в его многовековой истории, и облик сегодняшнего Лондона складывается из исторических образов разных эпох, проглядывающих сквозь современность.

Улица Уайтхолл в XVIII веке

Как никакой другой мегаполис, Лондон умеет сделать присутствие прошлого здрымым и ощутимым, а сам переход из прошлого в будущее почти незаметным, соединяя их в одно непротиворечивое целое. Наверное, во всем мире нет другого такого города, в котором было бы столько не-пересекающихся жизней.

Улицы центрального Лондона буквально пропитаны воспоминаниями и полны призраков прошлого. Одной из таких улиц является Уайтхолл, соединившая Вестминстер и Трафальгарскую площадь, сегодня известная прежде всего тем, что на ней расположено множество правительственные учреждений, а одним из таких грандиозных призрачных видений является дворец Уайтхолл, что когда-то стоял на этой улице и был основной королевской резиденцией династий Тюдоров и Стюартов.

История дворца берет свое начало в далеких 1240-х годах, когда архиепископ Йоркский, Вальтер де Грей, решил

основать свою резиденцию в Лондоне между королевским дворцом в Вестминстере и Темзой. Так новая резиденция получила имя Йорк-Плейс (York Place), разрастаясь и становясь все краше и величественнее с каждым веком. Последним архиепископом, занимавшим резиденцию Йорк-Плейс во времена Генриха VIII, был Уолси, отли- чавшийся экстравагантностью и любовью к роскоши, о чем свидетельствует его загородная резиденция — дворец Хэмптон Корт. Посол Венеции в Лондоне отмечал в одном из своих посланий, что дворец архиепископа «имел окна на каждой стороне, выходящие на сады и реку... потолок великолепной работы, сделанный из камня с позолотой, а стены были украшены деревянными панелями с пре-красно вырезанными фигурами». Гордостью хозяина был и знаменитый винный погреб — очаровательная комната со сводчатым потолком и четырьмя небольшими колонна-ми. При этом высота погреба составляла целых 6 метров, длина — 18, а ширина — 9. Сейчас этот погреб находится на территории здания Министерства обороны — было время, когда его можно было увидеть и посетить, однако из соображений безопасности доступ к бывшему «винному раю» перекрыли.

Над погребом, по замыслу архитектора, располагался парадный зал: в 1529 году Йорк-Плейс был одним из самых элегантных городских особняков в Европе, что не могло не привлечь внимания и не вызвать ревности Генриха VIII, все королевские резиденции которого казались карликами по сравнению с этим домом-великаном. Еще до падения Уолси и печального завершения его политической и ре-лигиозной карьеры, Генрих положил глаз на Йорк-Плейс, намереваясь превратить его в королевский дворец. Генрих задумал создать резиденцию из двух частей, разделенных улицей Кинг-стрит, ставшей впоследствии улицей Уайт-холл. Дворец Йорк-Плейс на набережной Темзы должен был выполнять функции апартаментов короля, в то время

как территория к западу от дороги была отдана под спортивные сооружения и место для развлечений.

Будучи еще юношой, Генрих пристрастился к игре в теннис, любовь к которому унаследовал от своего отца, Генриха VII, в свое время построившего теннисные корты в шести своих дворцах, включая Виндзор. Сын не удрил в грязь лицом — в одном только Уайтхолле приказал возвести четыре крытых теннисных корта: великолепные окна практически во всю стену, черное покрытие, на котором с удовольствием упражнялся сам Генрих в белой рубашке или черном бархатном френче, который сшили специально по его заказу. Придворные наблюдали за ходом матчей со специальной галереи, расположенной по периметру здания.

Рядом располагалась и аллея для боулинга, и плац для рыцарских турниров, и крытая арена для петушиных боев, так называемый Кокпит (Cockpit), к которой вела специальная галерея — ее кирпичные стены, некогда украшенные gobеленами, прекрасно сохранились и по сегодняшний день. Однако знаменитые теннисные корты сохранились лишь частично, да и задорного стука мечей они не слышали вот уже более трех веков. В XVII веке король Яков I приказал перестроить два из них под резиденцию для своей дочери Елизаветы, а в 1663 году Большой Корт был превращен в резиденцию Джеймса, герцога Монмутского, незаконнорожденного сына Карла II. Правда, все, что осталось от резиденции сегодня, — секция огромной стены бывшего корта и одна из четырех башен, которые некогда, как молчаливые стражи, обрамляли здание по краям, а также часть кухонь и подсобных помещений. Малые же теннисные корты, уцелевшие после пожара 1698 года, целых тридцать лет выполняли функцию Палаты королевского совета и Государственного казначейства, пока в 1773 году на месте четырехэтажного особняка, возведенного по приказу Карла II для домашних спектаклей вместо

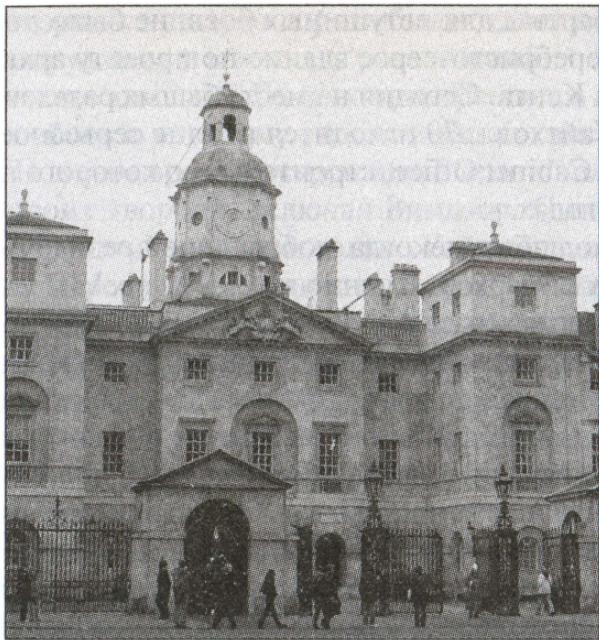

бывшей арены для петушиных боев, не было построено новое, серебристо-серое здание по проекту архитектора Вильяма Кента. Сегодня на месте былых развлечений по адресу Уайтхолл, 70 находится вполне серьезное учреждение — Cabinet Office, строительство которого началось в 1820-х годах.

Уайтхолл был некогда любимейшей резиденцией английских монархов. Именно здесь Генрих VIII увлеченно играл в теннис и раздавал милостию беднякам на Страстной неделе, здесь он венчался с Анной Болейн, а их единственная общая дочь — королева-девственница Елизавета I — принимала многочисленных послов: увешанная драгоценностями, в платье с большим декольте, как носили все незамужние женщины, в рыжем парике, величественная, обожавшая лесть и восхваления. Здесь проводились дорогостоящие и эффектные представления только для знати, и преемник Елизаветы, шотландский король Яков I, предпочитал смотреть на акробатов и шутов, в то время как его жена, Анна Датская, обожала театр масок. Пожалуй, самым любимым ее спектаклем была «Маска ночи», в котором сама королева и одиннадцать красавиц аристократок появлялись на сцене, сидя в огромной золотой раковине в роскошных одеяниях. При этом их лица и руки были покрыты черной краской, как у негритянок.

Их сын, Карл I, и его супруга Генриетта Мария продолжили семейную традицию. Среди тех поэтов, что писали стихи к постановкам в Уайтхолле, был сам Джонатан Мильтон, а знаменитый Иниго Джонс занимался декорациями и спецэффектами. Во время представлений использовалось так много свечей, что король, беспокоясь за свою бесценную коллекцию живописи, приказал возвести отдельную постройку для проведения спектаклей, которая получила название Карнавального дома.

Самыми доступными для публики из всего, что осталось от некогда грандиозного дворца после того злополуч-

Банкетинг-Хаус

ного пожара 1698 года, когда одна из голландских прачек короля Вильгельма повесила сушить белье слишком близко к открытому камину, и роскошный дворец был стерт с лица земли всего за одну ночь, являются так называемые Ступени королевы Марии, супруги Вильгельма Оранского, которые можно увидеть на территории Министерства обороны на набережной Темзы. В 1691 году по приказу королевы к огромной стене дворца, выходившей на набережную, была пристроена терраса 70 футов шириной и 280 футов длиной с крытой галереей, к которой прямо с набережной вели ступени. Это позволяло королеве выходить из королевского катера и подниматься в свои апартаменты, не замочив при этом ноги.

Однако основной постройкой, некогда бывшей частью беспорядочного лабиринта внутренних двориков и зданий, составлявших дворец Уайтхолл и уцелевшей во врем-

мя пожара, является Банкетинг-Хаус (Banqueting House), примыкающий в настоящее время к зданию все того же Министерства обороны. Пожалуй, после Вестминстерского дворца Банкетинг-Хаус можно назвать одним из самых красивых лондонских сооружений: великолепный фасад, отделанный портлендским известняком, потолки расписаны великим Рубенсом.

Правда, сюжет росписи довольно своеобразный — художник динамично и с размахом изобразил встречу Якова I с древними богами античности. Здесь и богиня Минерва, и Геракл, и наследный принц Чарльз, будущий король Карл I, в виде маленького херувима, которого поддерживают могучие аллегорические персонажи, в то время как его отец, Яков I, восседая на троне, указывает на него покровительственным жестом. По жестокой иронии судьбы этот маленький херувимчик, ставший впоследствии королем Британии, будет втянут в войну с Парламентом, проиграет решающую битву Оливеру Кромвелю и студеным январским днем шагнет на эшафот, возведенный на уровне нижних окон Банкетинг-Хауса, через окно северной стены, как сквозь амбразуру.

Холодное утро 30 января 1649 года стало последним в жизни этого маленького, худенького, но невероятно упрямого английского монарха, твердо убежденного в том, что король — Божий помазанник и потому имеет полное право управлять государством без помощи какого бы то ни было Парламента. В полдень он, приговоренный к смерти, вошел в пиршественную залу своего любимого некогда дворца Уайтхолл — совсем недавно она еще была полна веселья и смеха, льющейся музыки и грациозных силуэтов дам и кавалеров, кружавшихся в танце. Теперь же по обеим сторонам ее в два ряда стояли мрачные, словно окаменевшие, солдаты Парламентской армии. За стенами Уайтхолла вздымались волны народного моря — желающим посмотреть на казнь короля в Лондоне не было числа. Карл был готов умереть —

он лишь боялся, что на январском морозце его проберет дрожь, и потому предусмотрительно попросил вторую рубаху — народ не должен был видеть своего короля дрожащим! И еще он хотел сам распорядиться собственной казнью: стоя у эшафота, король попросил полковника Геккера: «Позаботьтесь, чтобы мне не причинили боли», палачу же он сказал: «Я произнесу короткую молитву и разведу руки в стороны». Епископ Джаксон протянул королю белый атласный капюшон, под который он убрал свои длинные вьющиеся волосы, обнажив тонкую белую шею. Вручив Джаксону свой плащи орден Святого Георгия с груди, Карл

Карл I по дороге на казнь

Имя палача Карла I до сих пор точно неизвестно

со словами «Помните...» опустился на колено, положил голову на плаху и обнял колоду руками. Палач зорко следил за движениями своей жертвы: короткая молитва — и Карл развел руки. Палач хорошо знал свое дело — несчастный король умер почти мгновенно.

По традиции, палач поднял в руке за волосы окровавленную голову очередного «государственного изменника», чтобы показать ее толпе, — с той лишь только разницей, что на сей раз это была голова короля — помазанника Божия... Толпа, содрогнувшись, отозвалась глухим стоном — прорвав оцепление, многие бросились к подножию эшафота, чтобы омочить платки в еще теплой крови короля-мученика — именно так стали в народе называть Карла после казни. В день его похорон (король, которому пришили голову, нашел свое последнее пристанище

в усыпальнице монархов в Виндзоре) пошел снег — для Лондона в конце зимы явление не слишком частое. Белые хлопья покрывали собой черный бархат катафалка, укрепляя веру очевидцев в том, что Карл был воистину невиновен: король-мученик, король — святой, и его убийц настигнет кара Божия!

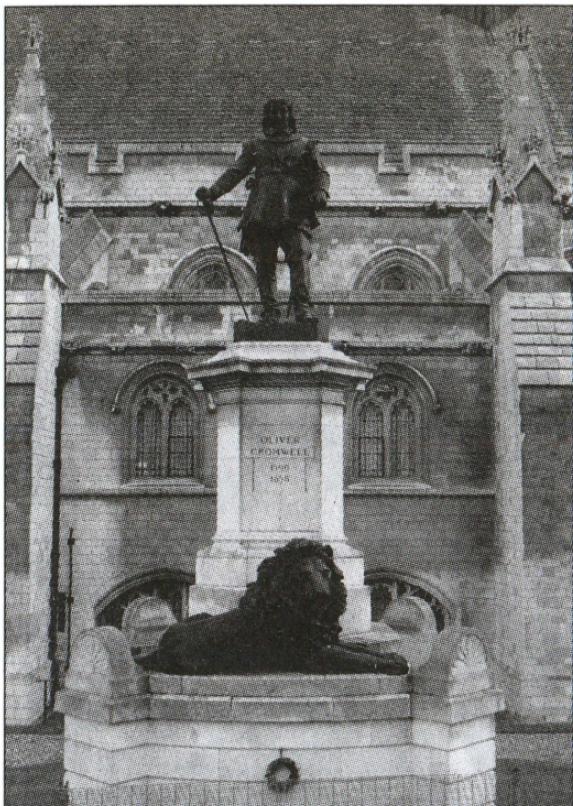
И действительно, все в этом мире преходяще — пройдет десять лет, и умрет его главный обвинитель и убийца Оливер Кромвель, с помпой провозгласивший себя лордом-протектором и въехавший во дворец Уайтхолл в 1654 году. После смерти Кромвеля коронуют, как короля, и выставят на прощание на целых три месяца, однако мало кто в славном городе Лондоне проронит скучую слезу в день его похорон. Сын — его преемник — окажется еще более непопулярен, чем отец, и народ, истосковавшийся по монархии, призовет на царствие Карла II Стюарта, сына казненного короля, что войдет в историю как «Веселый монарх», несмотря на Великую Чуму и Великий Лондонский Пожар, случившиеся во время его правления. Однако ничто не могло огорчить оптимистично настроенного Карла — ни отсутствие денег в казне, ни законных детей в браке с Катериной де Браганза, — зато Лондон был полон слухов о его любовницах, да подрастала армияbastardov — наполовину королевской крови. И вновь оживет Уайтхолл как семейное (и не только) гнездышко короля: знаменитый мемуарист Лондона Самюэль Пепис отметит в своем дневнике, что углядел во дворцовом саду повешенное сушиться нижнее белье одной из любовниц Карла — леди Кастлмейн (во дворце, по милости любвеобильного монарха, помимо его законной супруги проживали и две его любовницы, а также функционировал черный выход, ведущий прямо к реке — для куртизанок). Однако покорная жена прощала «невинные» шалости венценосного супруга, страдая от того, что сама она была не в состоянии подарить трону законного наследника. Но как

Карл II — «Веселый монарх»

бы беспечен и любвеобилен ни был «Веселый монарх», он не мог простить убийц своего отца.

И настал день отмщения — злополучного Кромвеля не оставили покоиться с миром. Ровно через 12 лет после того дня, когда душа Карла I вознеслась на небеса, оставил на эшафоте у Уайтхолла обезглавленное тело, Оливер — вернее то, что от него осталось — был отправлен на свою казнь. Как предателя, его провезли задом наперед в телеге до Тайберна, где казнили через повешение, а затем расчленили — при этом голову окунули в смолу, чтобы выставить ее над Вестминстером, где она устрашала прохожих до тех пор, пока не была снесена сильным порывом

Статуя О. Кромвеля у стен Парламента

ветра. Ходили слухи, что череп бывшего лорда-протектора подобрал некий солдат, спрятавший его в углу камина в собственном доме.

Тем не менее, спустя много лет, статуя лорда-протектора нашла свое почетное место у стен Парламента — идею отметить таким образом 300-ю годовщину со дня рождения Кромвеля высказал в 1890-х годах либеральный премьер-министр Лорд Розберри. Предложение это, однако, было встречено в штыки — против высказались ирландцы — в свое время Кромвель был к ним довольно беспощаден. Их поддержали английские коллеги — члены Парламен-

та, припомнив Кромвелю казнь Карла I. В итоге лорду Розберри пришлось финансировать скульптуру самому: Кромвель стоит с мечом в руках и Библией, задумчиво склонив голову. Предполагают, что таким образом он пытается избежать обвиняющего взгляда Карла I, чей бюст взирает на него печальными глазами мученика с церкви Святой Маргарет напротив.

После смерти Карла действительно начали официально почитать мучеником — с самого момента Реставрации монархии вплоть до 1859 года день его смерти 30 января считался днем соблюдения строгого поста, а традиция отмечать последнее воскресенье января парадом роялистского крыла Общества гражданской войны у бывшего дворца Уайтхолл сохранилась и по сегодняшний день.

Дворец со всей его богатой и жутковатой историей, пополнивший ряды зданий-призраков сегодняшнего Лондона, тем не менее дал свое имя улице, на которую некогда выходил, — причем именно на Уайтхолле сосредоточены важнейшие правительственные учреждения: здесь находятся здания адмиралтейства, казначейства, Министерства здравоохранения, внутренних и иностранных дел, обороны, причем большинство из них располагаются в исторических зданиях с богатым прошлым.

И все же, пожалуй, больше всего повезло министрам и государственным служащим Шотландского офиса — им выпало счастье трудиться на благо своей страны в aristokratischem особняке XVIII века, полном элегантного шарма георгианской эпохи. Шотландский офис, расположенный напротив Министерства обороны, известен также как Доувер-Хаус — особняк получил такое название в честь своего прежнего владельца — лорда Доувера, купившего его в 1830 году. Трудно не обратить внимание на его величественный фасад: большое крыльцо с колоннами и портиком, над которым нависает основная часть особняка, увенчанная полым куполом.

Войдя в особняк, оказываешься в светлом грациозном полукруглом холле, в центре которого — лестница, ведущая на основной этаж, где расположена самая роскошная из парадных комнат с видом на Казармы королевской конной гвардии, построенных на месте, где во времена Генриха XVIII устраивались рыцарские турниры. Сейчас эту комнату занимают Шотландский секретарь и его Государственный министр. Прямо под этой комнатой, на первом этаже, расположены офисы остальных министров — роскошная отделка помещений компенсирует тот факт, что потолки в них ниже, чем наверху, — некогда эти комнаты служили личными апартаментами сына Георга III, Герцога Йоркского, который жил в этом доме с 1787 по 1792 год.

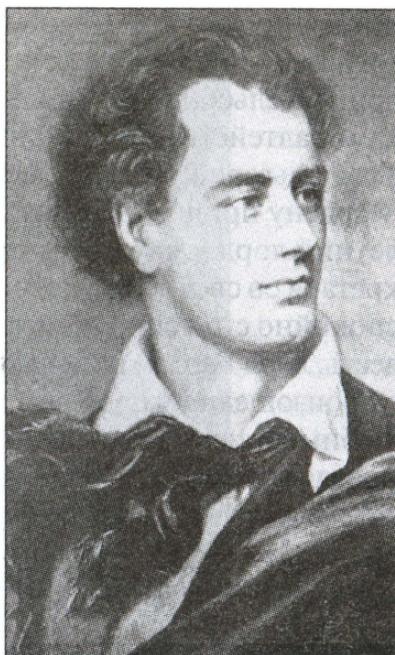
На самом верхнем, третьем, этаже расположены комнаты государственных служащих, в прошлом служившие спальнями для хозяев и гостей особняка. Одна из них, так же, как и парадная гостиная, выходящая окнами на Казармы королевской гвардии, с большим альковом, где находилась кровать с балдахином, принадлежала любовнице лорда Байрона леди Каролине Лэмб, жене Вильяма Лэмба, лорда Мельбурна, ставшего впоследствии премьер-министром. Можно только представить себе, какие бурные сцены любви и ревности разыгрывались в этой комнате, — сейчас, однако, она заставлена унылыми офисными столами, шкафами для бумаг и компьютерами.

Бытует в офисе и еще одна легенда, связанная с именем Байрона, — якобы вспомогательные веревочные перила на лестнице, ведущей из холла на верхние этажи, были установлены специально для Байрона, который, как известно, страдал деформацией стопы. И все же, согласитесь, трудно представить, чтобы энергичный и полный жизни поэт, охваченный любовным пылом, нуждался в веревочных перилах, чтобы преодолеть пару лестничных пролетов на пути к любимой.

Самым старым из государственных офисов, сгрудившихся на Уайтхолле, по праву можно признать здание адмиралтейства. Построенное в 1726 году, оно выглядит похожим на частный особняк, хотя и возводилось целенаправленно для нужд адмиралтейства на месте предыдущей постройки 1690-х годов — считается, что от нее в новом адмиралтействе сохранилось лишь внутреннее убранство центральной комнаты для заседаний (Боардрум): деревянные панели в стиле XVII века, солидная мебель, напольные часы, отделанные шпоном дерева грецкого ореха (все еще в прекрасном рабочем состоянии!), огромный красного дерева стол для заседаний необычной формы: один из его концов имеет вырез в виде полукруглой ниши. Вполне вероятно, что первоначально ниша предназначалась для секретаря, ведущего протоколы заседаний, однако в самом адмиралтействе поговаривают, что ниша была вырезана в столе в 1870-х годах специально для сэра Джорджа Ханта, в то время исполнявшего обязанности Первого лорда адмиралтейства, — дело в том, что господин Хант отличался животом довольно внушительного размера.

Именно за этой нишней стола и работал Вильям Марден, Первый секретарь адмиралтейства, поздней ночью 6 ноября 1805 года. Старинные напольные часы пробили час, и Вильям уже собирался задуть свечу и отправиться спать, когда в комнату ворвался, тяжело дыша, запыхав-

Лорд Байрон

шийся посыльный офицер. «Сэр, — воскликнул он патетично, — мы одержали великую победу, но потеряли лорда Нельсона». Поскольку лорд Бархам, Первый лорд адмиралтейства, на момент знаменательной победы при Трафальгаре к тому времени уже отправился почивать, Мардену пришлось будить старого пэра. Восьмидесятилетний лорд, очнувшись от сна и увидев перед собой секретаря со свечой в руке, не выказал признаков тревоги и спокойно спросил, в чем дело. Выслушав драматическую весть, лорд Бархам немедленно поднялся, чтобы доложить о произошедшем премьер-министру и королю. А Нельсон, любимый национальный герой англичан, и сегодня направляет операции Британского военно-морского флота (пусть уже и далеко не такого могущественного, как в его времена), взирая на членов Адмиралтейского совета со стены Комнаты заседаний со своего парадного портрета в полный рост.

И все же особая достопримечательность района Уайтхолл — маленькая улица Даунинг-стрит, известная прежде всего тем, что на ней, в доме №10, с середины XVIII века располагается резиденция и рабочий кабинет премьер-министра Великобритании. Интересно, что свое название знаменитая улица получила в честь господина Джорджа Даунинга — дипломата, шпиона и землевладельца, которого, по сути, можно считать американцем. Ребенком Джордж был вывезен родителями, недовольными слишком авторитарной властью монарха, в штат Массачусетс и был одним из первых студентов, закончивших Гарвардский университет. Однако после того как Оливер Кромвель захватил власть, Даунинг решил вернуться на историческую родину и сделал неплохую политическую карьеру — он стал главным шпионом Кромвеля на континенте в 1640-х и 1650-х годах. Однако каким-то образом в нужный момент он умудрился переметнуться на сторону опального короля и даже получить в награду титул рыцаря,

На знаменитой Даунинг-стрит

а также право на аренду земельного участка вдоль южной стены королевского дворца Уайтхолл. После реставрации монархии Даунинг, объявив себя ярым роялистом, принял усиленно застраивать свою землю сразу после того, как скончалась последняя жительница, занимавшая один из жилых домов на его территории. По иронии судьбы ей оказалась матерью одного из «столпов» революции, парламентария Джона Хэмптена (миссис Хэмптен также оказалась и тетей Оливера Кромвеля).

К 1684 году, когда и самому Даунингу пришла пора отправиться к праотцам, на его земельном наделе было построено уже 15 домов. Когда несколько лет спустя сгорел дворец Уайтхолл, некоторые из этих домов были задействованы в качестве офисов, включая и знаменитый дом под номером 10. В 1732 году король Георг II предоставил

просторный дом позади дома №10, некогда построенный Карлом II для его незаконнорожденного сына графа Лич菲尔да, в распоряжение Первого лорда Казначейства. Сей высокий титул на тот момент принадлежал сэру Роберту Волпулу, который, используя свое чрезвычайно сильное влияние на политической арене, и создал офис премьер-министра. С тех пор дом №10, соединенный со своим соседом — ныне официальной резиденцией Канцлера казначейства (министра финансов) посредством длинного коридора, стал ассоциироваться с премьер-министром (который, кстати, до сих пор официально именуется Первым лордом казначейства), а с 1877 года этот дом еще и выступает в качестве резиденции господина премьер-министра.

Узкий фасад скрывает 60 комнат — комнаты кабинета на первом этаже и парадные комнаты, где проходят банкеты и официальные приемы, этажом выше. Уайтхолл живет своей жизнью, на улице, нашпигованной государственными учреждениями, казалось бы, все так официально и помпезно. И все же в туманный и серый лондонский денек нет-нет да и возникнет на тротуаре тень величественного некогда королевского дворца, с его домашним театром, садами, турнирными площадками и теннисными кортами словно отзвук полуза забытой мелодии из прошлого...

И ведь Уайтхолл — только одно из таких зданий-призраков. Здания — призраки... Их очертания расплывчато прорисовываются сквозь знаменитый лондонский туман, по которому, словно по таинственному Млечному Путю, можно попасть в другое измерение, в прошлое древнего мегаполиса: вообразить себе и роскошные экипажи у богатых особняков, и нищенскую жизнь лондонских трущоб XIX века, и зловещие тени убийц, крадущиеся по булыжной мостовой в тусклом свете газового фонаря.

Тайны лондонских туманов. Клод Моне — «поэт тумана»

Над Лондоном расцвел туман —
О, не диковинная ль роза!
Вся жизнь — таинственная проза
И обычайнейший обман.

Г. Струве. «Стихи о Лондоне»

Туман, туман повсюду — на мягких кошачьих лапах шествует от набережной к центру города, тянется шлейфом над улицами и скверами, стелется на порогах домов, забивается в горло и ноздри случайных прохожих. Фирменный знак Лондона, его проклятие и гордость, великий злодей и чародей. Да, это именно он покрывает преступления и сеет болезни и смерть, он придает древнему городу сумрачную мощь и глубину, он же дарует вдохновение художникам и поэтам. Это его называли «лондонским особым», «городским плюмажем», «гороховым супом», «газообразными чернилами» и «лондонской разновидностью плюща».

До 1956 года, когда, наконец, был принят «Акт о чистом воздухе», запрещающий топить камины углем, он мог быть практически черным, «густой кромешной тьмой посреди дня», желто-серым, цвета горохового супа, или бутылочно-зеленым, «мрачного, насыщенного коричневого цвета, наводящим на мысль о невиданном пожаре», «коричневым, как умбровая краска», «испарениями оранжевого цвета» или «темно-шоколадной пеленой». Недаром у Оскара Уайльда в его «Симфонии в желтом» мы читаем: «Как шелка желтого поток туман дома запеленал». Неудивительно, что фонари уличного освещения в Лондоне разного цвета — сливочно-белые, ярко-желтые, розовато-сиреневые. И это отнюдь не прихоть горожан —

лондонцы путем экспериментов пытались выяснить, какой цвет будет лучше всего виден сквозь туман.

Великолепный знаток Лондона, способный улавливать все оттенки настроения города-гиганта, величайший поэт его улиц, набережных и площадей, Чарльз Диккенс подал мирю описание ненастного осеннего дня в Лондоне, которое стало классическим:

«Несносная ноябрьская погода. На улицах такая слякоть, словно вода потопа только что склынула с лица земли... Дым стелется, едва поднявшись из каминных труб, словно мелкая черная изморозь, и чудится, что хлопья сажи — это крупные снежные хлопья, надевшие траур по умершему солнцу. Собаки так вымазались в грязи, что их и не разглядишь. Лошади едва ли лучше — они забрызганы по самые наглазники. Пешеходы, поголовно заразившись раздражительностью, тычат друг в друга зонтами и теряют равновесие на перекрестках, где, с тех пор, как рассвело (если только в этот день был рассвет), десятки тысяч других пешеходов успели споткнуться и поскользнуться, добавив новые вклады в ту уже скопившуюся — слой на слое — грязь, которая в этих местах цепко прилипает к мостовой, нарастая, как сложные проценты. Туман везде. Туман в верховьях Темзы, где он плывет над зелеными островками и лугами; туман в низовьях Темзы, где он, утратив вою чистоту, клубится между лесом мачт и прибрежными отбросами большого (и грязного) города. Туман на Эссекских болотах, туман на Кентских возвышенностях. Туман ползет в камбузы угольных бригов; туман лежит на реях и плывет сквозь снасти больших кораблей; туман оседает на бортах баржей и шлюпок... На улицах свет газовых фонарей кое-где маячит сквозь туман».

На ум приходит бородатый анекдот: туман, кромешная мгла, молодой человек страшно боится переходить дорогу, дабы не попасть под кеб. И вдруг он видит пожилого джентльмена, твердой поступью шествующего

через проезжую часть. Обрадованный юноша подбегает к джентльмену, берет его под руку, и так, вдвоем, они минуют опасный участок. «Как же вы не боитесь переходить улицу в такой туман?» — восхищенно вопрошают юноша и слышит в ответ: «Молодой человек, туман или не туман, мне все равно. Я слепой».

И как здесь не вспомнить Бродского, его «Темзу в Челси»?

Город Лондон прекрасен, особенно в дождь. Ни жесть для него не преграда, ни кепка или корона.

Лишь у тех, кто зонты производит, есть в этом климате шансы захвата трона.

Серым днем, когда вашей спины настичь даже тень не в силах, и на исходе деньги, в городе, где как ни темней кирпич, молоко будет вечно белеть на сырой ступеньке, можно, глядя в газету, столкнуться со статьей о прохожем, попавшим под колесо, и только найдя абзац о том, как скорбит родня, с облегчением подумать: «не про меня».

Несмотря на то что большие туманы всегда были отличительной чертой Лондона, принято считать, что знаменитую туманную мглу сотворил Лондон XIX века с его каминными трубами и угольным дымом. Десятилетием наихудших туманов стали 1880-е годы, а самым туманным месяцем всегда был ноябрь. Переменчивый и неуловимый «незнакомец в сером пальто», приходящий ниоткуда и уходящий в никуда, пугал и интриговал одновременно. Люди на Лондонском мосту перегибались через парапет, «чтобы увидеть низовое небо тумана, который окружал их со всех сторон, словно они летели на воздушном шаре среди мглистых туч», — писал в одном из своих романов Роберт Льюис Стивенсон, создатель величайшего романа о лондонском тумане. Его «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» о тай-

Клод Моне

ной жизни и втором человеческом «я» разворачивается именно на фоне зыбкого тумана. Во многих отношениях объектом превращения и подмены в романе выступает и сам город, который великий маг по имени Туман мог обратить в невидимку и смыть своими волнами, точно губкой, «лондонские шпили, мосты, улицы и площади». Мог покрыть строения тонким налетом копоти и превратить их в темные, сумрачные массы, а мог выступить и в роли «поэтической вуали»: и тогда вдруг, по мановению волшебной палочки, «бедные строения растворяются в тусклом небе, их высокие трубы превращаются в кампанилы, а склады ночью кажутся дворцами», как восторженно писал Уистлер, художник тумана, дыма и сумерек. И вот уже, по мнению Джеймса Рассела Лоуэлла, «кебы окружены нимбами», а люди на улице «похожи на потускневшие фигуры фресок».

И все же истинным «поэтом тумана» принято считать Клода Моне, неоднократно бывавшего в Лондоне на рубеже XIX и XX веков. Великий импрессионист приезжал в великий город, чтобы писать туманы, которые он считал самым загадочным природным явлением. Именно Моне подарил викторианцам новый романтический имидж столицы — сердца империи, средоточия огромной власти на земле и штаб-квартиры мировой торговли. Нодля Моне все это было гораздо менее важно, чем те неуловимые цветовые эффекты, которые вызывались переменчивой туманной погодой и преображали Темзу, ее мосты и окружающие здания.

Обычно Моне останавливался в отеле «Савой», где вид из окна, выходящего на Темзу, простирался до здания Парламента и Вестминстерского моста с одной стороны, и до моста Ватерлоо и его окрестностей — с другой, и жил по несколько недель в комнатах 512 и 513. После Второй мировой войны в этих легендарных «комнатах Моне» останавливались президент США Гарри Трумэн и знаменитый комик Чарли Чаплин со своей четвертой женой Уной О'Нил. В общей сложности Моне написал около ста картин с видами Лондона, большинство из которых было начато в Лондоне, а закончено в домашней студии во Франции. Вновь и вновь в поисках вдохновения он возвращался в Лондон, где романтическая дымка поистине творила чудеса преобразений, однако порой погода была так неистова, что сквозь проливной дождь и туман Моне почти ничего не видел из окна. Художник неоднократно досадовал на лондонскую погоду, которая была так переменчива, что ему никогда не удавалось писать один и тот же холст два дня подряд. И все же в одном из писем своему дилеру Моне писал об очередной картине с изображением лондонского Парламента: «Туман в Лондоне — моя главная любовь... Именно он придает ему величественную широту. Массивные правильные здания становятся грандиозными в этом таинственном одеянии».

Оказывается, чарующие игрой цвета шедевры Моне представляют собой интерес не только для любителей и ценителей живописи. Великий художник был бы нескованно удивлен, если бы узнал, что в далеком от него ХХI веке ученые будут пытаться считать с его картин информации о состоянии воздуха в Лондоне в Викторианскую эпоху. Согласно анализу, проведенному в Бирмингемском университете, картины Моне являются наилучшей цветовой хроникой викторианских туманов — цвет позволяет получить информацию о передаваемом и рассеянном свете, проходящем через атмосферу, который, в свою очередь, дает информацию о химическом составе тумана, о климате и загрязнении воздуха в XIX веке. Так, например, желтые и коричневые оттенки тумана могли возникнуть в результате рассеивания света жиром и капельками масла от дымящихся труб, а голубые и красные цветовые нюансы могли образоваться под воздействием наночастиц, рассеивающих свет.

На полотнах исследованной серии изображены три вида Лондона: два из них открываются из отеля «Савой», третий представляет собой изображение Парламента. Интересно, что контур Парламента на фоне неба послужил для исследователей ориентиром для определения положения солнца, после чего были произведены необходимые вычисления солнечной геометрии для определения даты и времени создания пейзажей с точностью до минут. Как известно, Моне работал быстро — как считают ученые, на создание каждой картины из лондонской серии мастер тратил в среднем около двух часов — получается, что во многом его картины с изображением лондонского смога схожи с моментальными снимками — желтовато-коричневые, как пленка Сепия, снимки из прошлого...

Джон Торнс, один из инициаторов исследования, заметил, что полотна Моне действительно содержат точную количественную информацию, подтверждающую гипоте-

зу о том, что его целью было с наибольшей достоверностью зафиксировать визуальные эффекты, которые он наблюдал, когда писал свои картины в Лондоне.

Более того, ученым удалось обнаружить и то самое место, где «поэт лондонских туманов» писал свои полотна с изображением Парламента на пленере: скорее всего, это была крытая крыша бывшего губернаторского зала больницы Святого Томаса, находящаяся на втором этаже. К сожалению, само здание не уцелело, но сегодня такой же вид открывается с юго-западного угла Вестминстерского моста.

И в то же время лондонский туман — источник вдохновения для живописцев и для поэтов, обожавших играть с рифмой «туман—обман», плотной пеленой опускаясь на тускло освещенные улицы, становился покровом для воровства, грабежа и насилия, усиливая и подчеркивал мрачные стороны городской жизни. «Туман был гуще обычного, — писал 8 декабря 1855 года Натаниэль Готорн, — и действительно очень черный, более похожий на квинтэссенцию грязи, чем на что-либо другое, на призрак ее, на рассредоточенное духовное тело усопшей грязи, сквозь которое, возможно, существуют в Аид усопшие лондонские горожане».

«Все движения словно замедляются, кажутся вялыми и призрачными, приобретают размытость галлюцинации, — вторит Готорну французский журналист XIX века. — Уличные звуки приглушенны, верхи зданий недоступны взору, о высоте их невозможно судить. Жерла улиц втягивают в себя, подобно туннелям, пешеходов и экипажи, которые, кажется, пропадают там навеки».

Г.В. Мортон подхватывает тему: «Туман уменьшает видимость до одного ярда, каждый фонарь превращает в перевернутое V из светящейся дымки, а каждую встречу с прохожим — в сущий кошмар и ужас».

Лондон Шерлока Холмса

Вот он — бессознательный страх, вносимый туманом в самое сердце города, и неслучайно в рассказах о Шерлоке Холмсе, которые Артур Конан Дойл писал в Лондоне с 1887 по 1927 год, город преступлений и неразгаданных тайн — это большей частью город тумана. В самом же первом рассказе — «Этюд в багровых тонах» — вместе с главными героями на сцену выходит Он — его величество Туман: «над крышами висел серовато-коричневый полог, казавшийся отражением уличной грязи». В «Медных буках» туман помогает создать контраст между уютным беспорядком комнат на Бейкер-стрит и таинственным, полным скрытых угроз внешним миром: «Было холодное утро начала весны; покончив с завтраком, мы сидели воз-

Музей Шерлока Холмса на Бейкер-стрит

ле ярко пылавшего камина в нашей квартире на Бейкер-стрит. Густой туман повис между рядами сумрачных домов, и лишь окна напротив тусклыми расплывшимися пятнами маячили в темно-желтой мгле. У нас горел свет, и блики его играли на белой скатерти и на посуде — со стола еще не убирали».

В «Знаке четырех» в «клубящемся, насыщенном влажнымиарами воздухе» с его «туманом и морося» «доктор Ватсон вскоре потерял ориентировку... Шерлок Холмс, однако, точно знал, где мы едем, и вполголоса произносил названия площадей и извилистых улочек, по которым, погромыхивая, катился наш кеб».

Знаменитый сыщик однажды сказал: «Изучение Лондона — моя страсть». Порой он надолго уходил гулять, причем эти прогулки заводили его в самые глухие закоулки Лондона. Давайте и мы попробуем разобраться в лабиринте лондонских улочек и тупичков и отправимся по следам великого сыщика всех времен и народов и его верного друга Ватсона, чтобы окунуться в атмосферу викторианской и эдвардианской Англии, побродить по улицам, окутанным смогом, которого в Лондоне нет уже полвека. Однако, прежде чем начать исследование лондонской «терры Шерлокианы», неплохо было бы угоститься пинтой эля, супчиком «от миссис Хадсон» или «Дартмурским стейком» в пабе «Шерлок Холмс», который расположен на месте бывшей гостиницы «Нортумберленд», где, по сценарию Конан Дойля, останавливался сэр Генри Баскервиль и где зловредный Стэплтон украл у него башмак, чтобы дать понюхать той самой «собаке Баскервилей». Теперь же комната наверху представляет собой копию гостиной на Бейкер-стрит, 221Б, на завсегдатаев паба взирает превращенная в чучело голова вполне симпатичного бладхаунда (согласно повести, собака Баскервилей была помесью бладхаунда и мастифа), по видеомагнитофону крутят запись телесериала с Джереми Бреттом в главной

роли, а посетители фотографируются в обнимку с восковой статуей гения дедуктивного метода.

Безусловно, начать следует со знаменитой Бейкер-стрит, 221Б.

«На следующий день мы встретились в условленный час и поехали смотреть квартиру на Бейкер-стрит, № 221Б, о которой Холмс говорил накануне. В квартире было две удобных спальни и просторная, светлая уютно обставлена гостиная с двумя большими окнами. Комнаты нам пришлись по вкусу, а плата, поделенная на двоих, оказалась такой небольшой, что мы тут же договорились о найме и немедленно вступили во владение квартирой» («Этюд в багровых тонах»).

Бейкер-стрит как резиденция великого сыщика была выбрана Конан Дойлом неслучайно — в детстве он однажды побывал с матерью в Лондоне, и они посетили Музей мадам Тюссо с его Комнатой ужасов, где на заинтригованного парнишку стеклянными глазами взирали знаменитые убийцы, а на булыжной мостовой навеки застыли несчастные жертвы Джека Потрошителя. Правда, в Викторианскую эпоху улица заканчивалась номером 80, так что создателям музея пришлось немного пофантазировать, где бы мог находиться дом миссис Хадсон: здание, в котором разместился музей Шерлока Холмса, некогда принадлежало строительному обществу «Эбби Нэшнэл». Со всего мира в него приходило такое количество корреспонденции, адресованной знаменитому детективу, что общество было вынуждено задействовать одного из своих сотрудников в качестве секретаря Холмса, в обязанности которого входило отвечать на каждое письмо.

Музей же и впрямь удался на славу: все получилось довольно убедительно — в прихожей старинные пожелевшие газеты, датированные концом XIX века, визитки посетителей Холмса, котелок и цилиндр и зонтики. По скрипучей лестнице гости музея попадают в знаменитую

Интерьер музея на Бейкер-стрит

гостиную — уютный камин, скрипка и трубка, легендарная кепка «диерсталкер» — «преследователь оленей» — клетчатая шапка с двумя козырьками, в которую обрядил Холмса на рубеже веков иллюстратор журнала «Стрэнд» Сидней Паже. На самом деле ни в одном из рассказов «диерсталкер» Конан Дойлом не упоминается, впрочем, как и знаменитый плащ-«крылатка». Оказывается, в городе излюбленной одеждой сыщика был твидовый костюм, оттененный белоснежным воротничком и неизменной бабочкой.

Здесь же и револьвер Ватсона, патриотический вензель королевы Виктории, составленный Холмсом из пулевых пробоин в стене, передник миссис Хадсон. Рядом — спальня великого сыщика с его халатом и твидовым костюмом, сиротливо висящими рядом с железной кроватью, карточка и инструменты детектива. Выше — кабинет доктора

Ватсона, музей с восковыми фигурами, тростью профессора Мориарти и механической игрой «Собака Баскервиль». Еще выше, практически на чердаке — санитарная комната с трогательными раковиной и ночной вазой из белого фаянса с голубыми розочками.

Давайте теперь пройдем по улице Мерилебон на восток от Бейкер-стрит и свернем направо, на улицу Девоншир. Здесь, на маленькой Девоншир-плейс, стоит дом под номером 2. В 1891 году в его стенах размещалась приемная молодого доктора — офтальмолога Конан Дойла, переехавшего в столицу из солнного провинциального Портсмута, который, скучая в ожидании редких пациентов, прямо в кабинете писал свои первые рассказы. Хорошо зная эти места, он часто описывал прогулки своих героев по близлежащим улицам. Трудно сказать, из этого ли дома или из другого родом знаменитый стул Конан Дойла, сидя на котором он писал свои рассказы о Шерлоке Холмсе — тем не менее стул сохранился и является ценной реликвией Спиритуалистического общества Британии, чья штаб-квартира располагается по адресу Белгрейв-сквер, 33. Как известно, писатель к концу своей жизни стал убежденным спиритом, так что, думается, возражать против Белгрейв-стрит он бы не стал.

Однако для Шерлока Холмса писатель поначалу выбрал в Лондоне другое место проживания: «Когда я впервые приехал в Лондон, я поселился на Монтигю-стрит, совсем рядом с Британским музеем, и там я жил, заполняя свой досуг — а его у меня было даже чересчур много — изучением всех тех отраслей знания, которые могли бы мне пригодиться в моей профессии» («Обряд дома Месгрейвов»).

Верный же друг и соратник Шерлока, доктор Ватсон, съехав с Бейкер-стрит, переселился, как ему и было положено, в район врачей. Если пройти по знаменитой улице врачей Харли-стрит до ее пересечения с Куин-Энн-стрит,

то можно увидеть дом под номером 9, где и проживал доктор Ватсон. Этот район упоминается в «Голубом карбункуле», «Постоянном пациенте», «Долине ужаса». От дома Ватсона не так уж далеко и до Портлэнд-плейс, ведущей к отелю «Лэнгхэм».

По слухам окрытия этой роскошной викторианской гостиницы в 1865 году был устроен грандиозный банкет, на котором среди двух тысяч именитых гостей был сам принц Уэльский, будущий король Эдуард VII. «Лэнгхэм» быстро завоевал репутацию элитной гостиницы и вошел в историю еще и тем, что дал путевку в жизнь двум знаменитым произведениям конца XIX столетия: во время своего визита в Лондон в «Лэнгхэме» останавливался господин Джозеф Стоддарт, издатель американского журнала «Липпинкотт», который имел хождение и в Англии. Среди тех, кого издаатель развлекал за обедом в гостинице, были Артур Конан Дойл и Оскар Уайлд, после чего Стоддартом были напечатаны «Знак четырех» и «Портрет Дориана Грея».

Артур Конан Дойл, подтверждая элитную репутацию «Лэнгхэма», сделал его тем местом, где останавливался король Богемии («Скандал в Богемии») и капитан Морстен («Знак четырех»). Сегодня, как и прежде, пятизвездочный «Лэнгхэм-Хилтон» — престижное и дорогое место, где роскошный многокомнатный номер «Конан Дойл» обойдется посетителю примерно в 700 фунтов за ночь.

Первая штаб-квартира прославленной лондонской полиции, откуда к знаменитому сыщику за помощью неоднократно являлся Лестрейд, располагалась недалеко от правительственный улицы Уайтхолл, в переулке за пабом «Кларенс», в районе которого немало памятных мест, связанных с Шерлоком Холмсом. В 1890 году доблестные полицейские переехали на набережную Темзы в Новый Скотленд-Ярд — классическое красно-белое викторианское здание недалеко от Парламента. Правда, сорок лет назад лондонская полиция вновь сменила адрес: «Отдел

«Игла Клеопатры» на набережной Темзы

расследования преступлений» переселился в новое, современное здание, однако в старинном доме на набережной Виктории по-прежнему размещается знаменитый «Черный музей» орудий преступлений. Именно там хранится скрипка убийцы Чарльза Писа, которого Холмс называл «мой старый приятель».

Продолжая прогулку по набережной, мы выходим прямо к самому древнему лондонскому обелиску — загадочной «Игле Клеопатры». Кто знает, какие мысли посещали Конан Дойла, а значит, и его «второе я» — Шерлока Холмса, — при виде горделиво возвышающейся, но бесконечно одинокой гостьи из солнечной Александрии, излюбленного места лондонских самоубийц. Кажется, монумент, мокнущий под бесконечными лондонскими дождями, до сих пор мечтает о жарком солнце Египта. Ну что ж, у каждого своя судьба — кто-то нашел свое место

под солнцем, в родных пенатах, а кто-то, неприкаянный, вынужден страдать на чужбине.

Знаменитая «Игла Клеопатры» в Лондоне — поистине один из таких монументов-эмигрантов поневоле. Гигантский обелиск высотой более 60 футов и весом около 186 тонн был вырезан из розового гранита в 1475 году до нашей эры — почти за тысячу лет до того, как появился Лондон — город, которому было суждено стать его второй родиной. Тысячи миль разделяют солнечный Египет, где некогда «Игла Клеопатры» — один из двух идентичных обелисков — стояла перед входом в храм, и туманный Альбион, куда занесла его судьба в лице Мухаммеда Али, турецкого вице-короля Египта, вознамерившегося подарить обелиск Британии в 1819 году.

Однако обелиск, кажется, совсем не желал менять солнечный климат древней Александрии на дождливый Лондон — долгое время обе стороны не знали, как же перевезти подарок в Англию — еще целых шестьдесят лет «Игла Клеопатры» провела в песках Египта, пока в 1877 году генерал сэр Джеймс Александр не распорядился погрузить его на железный ponton и отправить в Лондон при помощи корабля «Клеопатра». Однако первая попытка не увенчалась успехом: во время шторма в Бискайском заливе ponton перевернулся и «Игла Клеопатры» затонула. Шесть моряков, пытавшихся спасти ее, поплатились за это жизнью — на мемориальных табличках, украшающих основание обелиска, перечислены их имена, а также изображены драматические сцены его спасения. И все же команда капитана Джона Никсона сумела достать обелиск со дна, благополучно доставив его в Лондон.

Первоначально планировалось установить «Игу Клеопатры» прямо перед зданием Парламента. Можно только представить себе, сколько интереснейших историй, замешанных на политических интригах, мог бы подслушать монумент, горделиво возвышаясь под самыми окнами

столь важного лондонского заведения. Трудно сказать, что же помешало выполнению первоначального плана — может быть, парламентарии невольно опасались той мистической ауры, излучаемой обелиском, словно привезенной вместе с ним из загадочной страны фараонов. В 1878 году «Иглу Клеопатры» установили вниз по Темзе на набережной Виктории, торжественно заложив под его основание «капсулу времени»: в ней находятся газеты, датированные тем самым днем, когда устанавливали обелиск, четыре Библии на разных языках, портрет королевы Виктории, портсигар, полный набор британских монет того года, копия Альманаха Витакера 1878 года, железнодорожное расписание, коробочка со шпильками и фотографии двенадцати самых красивых женщин Британии.

«Игла Клеопатры», охраняемая двумя львами, кажется холодной, неприступной и одинокой — возможно, она до сих пор тоскует по солнечному Египту и обелиску-близнеццу, который сегодня находится в Центральном парке в Нью-Йорке. Неудивительно, что с ее мистической аурой «Игла Клеопатры» стала одним из излюбленных мест лондонских самоубийц, предпочитающих бросаться в темные воды Темзы именно с этого места. Вероятно, между этими самоубийствами и двумя привидениями, обитающими в районе обелиска, существует некая связь. Одно из них — туманная, расплывчатая фигура, которую неоднократно видели стоящей на парапете в очевидном замешательстве, словно размышляющей: прыгать или не прыгать? Стоит только приблизиться к фигуре, как она тут же срывается в воду — причем полупрозрачное тело исчезает до того, как коснется темной глади Темзы. Второе привидение представляет собой абсолютно обнаженную фигуру, которая внезапно выныривает откуда-то из теней и бросается в реку, однако и на этот раз никакого всплеска услышать не удается.

Погрузившись в нелегкие думы о судьбе лондонских самоубийц, все по той же набережной Виктории мы до-

Отель рядом с вокзалом «Черинг-Кросс»

стигаем железнодорожного моста, по которому идут поезда на вокзал «Черинг-Кросс». Викторианское здание вокзала, построенное в 1864 году, напрямую связано с великим сыщиком и его верным другом Ватсоном: именно с «Черинг-Кросс» друзья отбывали на ряд расследований («Убийство в Эбби-Грейндже», «Пенсне в золотой оправе»). Рядом с вокзалом на площади стоит одноименный отель «Черинг-Кросс», в фойе которого Холмс разоблачил опасного шпиона Гуго Оберштейна («Чертежи Брюса-Партигтона»).

Однако работа работой, а Холмсу и Ватсону не чужды были и простые человеческие радости, одной из которых было понежиться в парилке знаменитых в свое время Турецких бань в переулке Крейвен-Пэссидж слева от здания вокзала («Знатный клиент»). Правда, в наши дни сохранился лишь вход в женское отделение, а тот, которым пользовались великий сыщик и его друг, давно сломали.

Не отказывались наши герои и вкусно перекусить, например, в ресторане «Симпсон на Стрэнде», завсегдатаями которого они являлись. Кстати, здесь же, на Стрэнде, в доме № 418, располагался и знаменитый обувной магазин, где покупал ботинки Генри Баскервиль.

Любили наши герои Конан Дойла и неспешно прогуляться по центру Лондона, например, от Пиккадилли вниз до Стрэнда в сумерках, когда зажигаются фонари, кэбы выгружают седоков, а зрители спешат на вечерние представления в многочисленные театры, расположенные в этом районе.

Один за одним на фоне ночи
Фонари открывают горящие очи,
Проливая свой свет в изобилии
На Стрэнда железные лилии.

(Перевод автора)

Возможно, что именно ночью, при свете газовых фонарей и в легкой дымке тумана в западной части улицы Стрэнд, перед нашими героями возникал силуэт еще одного здания-призрака Лондона — Нортумберленд-Хаус. Этот роскошный якобитский особняк — городская резиденция герцогов Нортемберленд — являлся украшением Стрэнда с начала XVII века вплоть до 1870 года. В шестидесятые годы власти Лондона начали донимать пятого герцога предложениями о покупке дома и прилегающих садов с целью создания широкой авеню, ведущей с Трафальгарской площади на набережную Виктории. Герцог, однако, отвергал все предложения, и только после его смерти наследник, шестой герцог Нортумберленд, все же поддался на уговоры и продал особняк за колоссальную по тем временам сумму — 500 000 фунтов стерлингов. В 1874 году роскошный Нортумберленд-Хаус был снесен — поглощенный городом, он превратился в очередной фантом,

чей силуэт периодически расплывается в лондонском тумане.

Отправляя своих героев прогуляться по Стрэнду, сэр Артур Конан Дойль и не подозревал, что помочь легендарного сыщика может понадобиться лондонской полиции много лет спустя — 7 сентября 1978 года около шести часов вечера по этой же улице спешил на работу Георгий Марков — писатель-эмигрант из Болгарии, выступавший с письменными и устными заявлениями, содержащими критику на коммунистический режим, царивший в то время на его бывшей родине. Марков неоднократно делился своими опасениями в отношении болгарских спецслужб со своей женой, однако прямые улики покушения на его жизнь отсутствовали. В тот злополучный день, стоя в очереди на автобус, Марков вдруг почувствовал резкую боль в правом бедре, словно от сильного укола, — он резко обернулся, и ему показалось, что мужчина, стоявший за ним, случайно задел его острием своего зонта. Джентльмен, говоривший с иностранным акцентом, поспешил извиниться и, поймав такси, тут же исчез. Марков все же отправился на работу, однако нога начала постепенно неметь, поднялась температура, и пять часов спустя бывший болгарский подданный был вынужден отправиться домой. Анализ крови показал резкий рост лейкоцитов — с 10,600 до 26,300 за один день, а по прошествии двух дней, несмотря на массивные инъекции антибиотиков, Георгий Марков скончался.

Укол зонтиком оказался смертельным — металлическая капсула, встроенная в острие зонта, содержала в себе специальный яд, выделенный из касторового масла. Эксперимент, проведенный позже на живом поросенке, выявил развитие тех же симптомов, что наблюдались у Маркова.

Однако тайна убийства болгарского эмигранта так и не была раскрыта — никто не предстал перед судом, а прямые улики причастности болгарских спецслужб к «убийству в стиле Джеймса Бонда» отсутствовали. Вот если бы старина

Скотлэнд-Ярд

Шерлок Холмс взялся за дело, все тайное рано или поздно стало бы явным.

И словно ощущая атмосферу некой тайны этого района Лондона, задолго до будущего хладнокровного убийства на Стрэнде, Конан Дойль, увлекающийся мистикой и спиритизмом, писал в своем «Знаке четырех»:

«Был сентябрьский вечер, около семи часов. С самого утра стояла отвратительная погода. И сейчас огромный город окутывала плотная пелена тумана, то и дело переходящего в дождь. Мрачные, грязного цвета тучи низко нависли над грязными улицами. Фонари на Стрэнде расплывались дымными желтыми пятнами, отбрасывая на мокрый тротуар поблескивающие круги. Освещенные окна магазинов бросали через улицу, полную пешеходов, полосы слабого, неверного сияния, в котором, как белые облака, клубился туман. В бесконечной процессии

лиц, проплывавших сквозь узкие коридоры света, — лиц печальных и радостных, угрюмых и веселых, — мне почудилось что-то жуткое, будто двигалась толпа привидений. Как весь род человеческий, они возникали из мрака и снова погружались во мрак».

Лондон зловещих теней. Нераскрытая тайна Джека Потрошителя

И тесные улицы, стены, как хмель,
Копящие сырость в разросшихся бревнах,
Угрюмых, как копоть, и бражных, как эль,
Как Лондон холодных, как поступь, неровных.

Б. Пастернак. «Шекспир»

Он бесшумно выходит из полночных теней 31 августа 1888 года, вселяя душераздирающий ужас в сердца всех испытых, падших женщин Ист-Энда. Оставляя за собой кровавый след, который ведет в никуда... На лондонской сцене в обрамлении тусклой рампы газовых фонарей на фоне туманной осенней ночи, полной угрожающих теней и крадущихся шагов, сам Джек Потрошитель.

Неудивительно, что именно лондонский Ист-Энд, который в викторианские времена был позором Англии, стал ареной кровавых деяний серийного убийцы. Около 900 тысяч жителей ютились здесь в страшной нищете и тесноте, по соседству с бойнями, наполнявшими воздух невыносимым смрадом. Проституция, пьянство, растление малолетних и мошенничество воспринимались в этих местах как норма. И все же, несмотря на то что в мире совершались и куда более чудовищные преступления, именно загадка Джека-Потрошителя вот уже дольше

Восковая фигура Джека Потрошителя

века будоражит людские умы. До сих пор осень 1888 года окружена множеством таинственных теорий и догадок. И до сих пор никто точно не знает, ни кто скрывался под чудовищной маской Потрошителя, ни сколько жертв было на его совести: одни утверждают, что 30, другие — всего трое, однако, согласно официальной версии, принято считать, что их было 5.

В пятницу 31 августа 1888 года в 4 часа утра вагоновожатый Чарльз Кросс, направляясь на работу, шел по темной и безлюдной улице Бакс-Роу в бедном лондонском квартале Уайтчепл. Внезапно его внимание привлекла женщина, лежавшая на мостовой с задранными юбками. Чарльз склонился над женщиной, решив, что она пьяна, но в тот же момент в ужасе отпрянул: у несчастной было перерезано горло, а позднее выяснилось, что вскрыта еще и брюшная полость. Это и была первая жертва Джека Потрошителя — Мэри

Энн Николс, или Полли, как ее называли в народе. Ей было 43 года, и, будучи запойной пьяницей, она зарабатывала себе на пропитание проституцией. Со своим мужем Мэри Энн рассталась три года назад все по той же причине — страсть к зеленому змию оказалась сильнее уговоров и угроз, пятерых детей раздала в приюты, а все, что удавалось заработать, тут же спускала на любимый джин. Свои последние часы Мэри Энн провела в пабе «Фраинг Пэн» («Сковорода») — в наше время на этом месте, по адресу Брик-Лейн, 13, находится ресторан «Шераз», где подают замечательный карри.

Однако если взглянуть на фронтон здания, то можно разобрать название старого паба и его символ — две перекрещенные сковороды.

В кармане жертвы были найдены ремень, расческа, носовой платок и осколок зеркальца, но денег при ней не оказалось. У нее не было средств для оплаты жилья на постоялом дворе, следовательно, в ту ночь она ночевала на улице, что и привело к столь печальным последствиям. Последним ее видел живой тот самый хозяин постоялого двора, который и отказал ей в ночлеге. Слышали, как она бравировала перед ним, утверждая, что заработать пару медяков на постой для нее сущие пустяки: «Смотри, какая прелестная у меня шляпка», полагая, что она поможет скрыть ее отекшее испитое лицо. С тем и ушла в ночь газовых фонарей...

Во главе следствия стал ветеран лондонской полиции инспектор Фредерик Абберлайн, однако уже на восьмой день после происшествия, 6 сентября, на улице Хэнбери обнаружили очередную жертву с перерезанным горлом и вспоротой брюшной полостью — сорокасемилетнюю проститутку Анну Чэпмен, больную туберкулезом. В ночь на 8 сентября она не смогла заплатить восемь пенсов за постель в ночлежке и была выброшена на улицу. Около 5 часов утра некая миссис Лонг по дороге на рынок видела Анну с каким-то невысоким мужчиной в темном пальто,

Паб «Десять колоколов»,
переименовывавшийся в паб «Джек Потрошитель»

с виду иностранцем: по всей видимости, мужчина что-то предлагал Анне, поскольку она ответила: «Да».

Полицейский врач Филлипс, судебный медик с 23-летним стажем, изучив детали преступления, заключил, что преступник неплохо разбирается в анатомии: он рассекал горло жертв одним сильным ударом, перерезая сонную артерию, что вызывало молниеносную смерть — именно поэтому жертвы даже не успевали вскрикнуть или позвать на помощь.

Как и у предыдущей жертвы, никаких следов сексуального насилия обнаружено не было, а версии ограбления отпадали сами собой: обе женщины были настолько бедны и плохо одеты, что вряд ли бы преступник нашел чем поживиться. Хозяин паба «Тен Беллз» («Десять колоколов») на Коммершиал-стрит, в котором Анну видели пьющей

в 5 часов утра, когда какой-то мужчина заглянул в паб и позвал ее, сразу же переименовал его в «Джек Потрошитель» и не раз затем заявлял, что паб посещает привидение Анны. По удивительному совпадению, девичья фамилия его жены тоже оказалась Чэпмен! Правда, в наши дни пабу вернули прежнее название.

27 сентября в Лондонском агентстве новостей был получен конверт с письмом, написанным красными чернилами. Автор послания довольно грамотно и с издевкой сообщал, что в ближайшее время намерен продолжить свою работу, от которой получает большое удовольствие, и готов ее повторять, избирая в качестве жертв женщин определенного типа: «Последнее дело было великолепной работой. Леди даже не успела вскрикнуть. Скоро вы вновь услышите о моей забавной проделке... В следующий раз я отрежу уши и отошлю их в полицию ради шутки. Искренне Ваш, Джек Потрошитель». Редактор агентства не стал сообщать о письме в полицию, посчитав его глупой шуткой. Однако буквально через два дня, в час ночи 30 сентября во дворе дома на улице Бернар был обнаружено тело еще одной несчастной жертвы по имени Элизабет Страйд, 44 лет от роду. Шведка по происхождению, чья девичья фамилия была Густафсдоттир, имела прозвище Долговязая Лиз и довольно печальное прошлое: говорили, что она потеряла мужа-плотника и двоих детей на затонувшей на Темзе «Принцессе Элис», хотя, вполне вероятно, Элизабет могла и придумать эту историю, чтобы скрыть свое прошлое. Новым спутником Элизабет стал простой работяга, некий Майкл Кидни, а сама она зарабатывала на жизнь, выполняя различные поденные работы, денег при этом, коечно же, не хватало, и по вечерам Элизабет подрабатывала проституцией. В ту злополучную мокрую и холодную ночь она, поужинав картошкой с сыром, вышла в поисках клиентов навстречу своей судьбе. В 35 минут после полуночи констебль Смит видел Лиз на Бернард-стрит с муж-

чиной, одетым в темное пальто, к ее платью был приколот букетик цветов, а шею прикрывал шелковый клетчатый шарф. Около часа спустя зеленщик Льюис Димшуц нашел ее там же, лежащей у стены с перерезанным горлом. На крик сбежались жители соседних домов и засидевшиеся на заседании кружка рабочие-социалисты: одной из них удалось заметить быстро удаляющегося человека, который нес в руку саквояж, похожий на медицинский.

Полицейские еще не покинули места преступления, когда на расстоянии четверти мили от него, на площади Митр, была сделана еще одна страшная находка: в 1 час ночи 44 минуты констебль Уоткинс обнаружил новую жертву с перерезанным горлом, вспоротым животом и задранными юбками. Звали ее Кэтрин Эддоуз, хотя сама она предпочитала называть себя Анной Келли. 43-летняя проститутка отличалась болезненной худобой: оставив мужа и троих детей, она уже давно жила с бродягой Джоном Келли, но в ту злополучную ночь поругалась с ним и отправилась на промысел, чтобы заработать на выпивку. По другой версии, Кэтрин заложила ботинки и фланелевую рубаху сожителя, чтобы оплатить свою постель в ночлежке, но вместо этого угодила в камеру в полицейском участке Бишопсгейт, после того как была арестована за пьянство. Кэтрин отпустили где-то в районе половины первого ночи, когда она окончательнопротрезвела: кто мог представить, что буквально через час блюстителям порядка снова придется встретиться с ней, но это будет уже совсем другая встреча.

Список вещей, найденных при ней, является собой удивительно грустное чтиво: среди них были два носовых платка; кусок белой грубой ткани; кусочки голубой и белой рубашек; пара глиняных трубок; два мешочка, сшитых из матрасного чехла; жестяная коробочка с чаем и еще одна с сахаром; кусочек фланели; шесть маленьких кусочков мыла; гребень; тупой кухонный нож; ложка;

портсигар; пустой коробок от спичек; кусочек фланели, с завернутыми в нее булавками и иголками; клубок бечевки; и ткань от старого передника. Это, может быть, звучит жестоко, но эти женщины были жертвами задолго до того, как появился Джек Потрошитель.

Удивительно, но и в этот раз нашелся свидетель — Джозеф Лоэнде, который, проходя по Черч-пэссидж (в наши дни переименованный в Сент-Джеймс-пэссидж) в половине второго ночи 30 сентября, видел разговаривающих мужчину и женщину. Несмотря на то что женщина стояла к нему спиной, Лоэнде узнал ее одежду в показанной ему в полиции одежде Кэтрин Эддоуз. Вполне возможно, что он видел лицо Джека Потрошителя.

И еще одна зловещая находка была обнаружена в 2 часа 55 минут утра полицейским констеблем Альфредом Лонгом на пороге здания по адресу Гулстон-стрит, 44 (Goulston Street), в котором в наши дни расположился рыбный ресторан «Хэппи Дэйз» («Счастливые денечки»). Это был кусок передника Кэтрин Эддоуз, заляпанный кровью, который убийца, очевидно, использовал для того, чтобы вытереть руки. Тут же было выдвинуто предположение о том, что Джек Потрошитель проживает в этом районе, поскольку он направлялся на восток от площади Митре. Не менее зловещей оказалась и надпись, сделанная мелом, которая гласила:

Площадь Митре — место встречи Кэтрин Эддоуз с Джеком Потрошителем

«Евреи — это люди, которых не будут обвинять просто так». Полицейские, опасаясь, что надпись может спровоцировать антисемитские погромы в районе, стерли надпись до того, как были сделаны какие-либо фотографии.

Лондон охватила паника. Были организованы группы добровольцев, помогавших лондонской полиции патрулировать улицы по ночам. Находились смельчаки — «волки-одиночки», готовые взяться за дело и поймать убийцу собственными силами: один из директоров Банка Англии, переодетый в чернорабочего и вооруженный киркомотыгой, прочесывал улицы Уайтчепла в надежде поймать Джека Потрошителя. Разрабатывались планы и операции по задержанию загадочного убийцы — одни нелепее других. Среди предложений были и такие рекомендации: проститутки должны ходить парами; всем проституткам необходимо выдать свистки; Скотленд-Ярду необходимо переодеть своих сотрудников в женщин и запустить в район Уайтчепла под видомочных бабочек (в то время женщины не имели права служить в полиции); молодые боксеры с гладковыбранными лицами должны переодеться в женщин, причем от крепкого объятия Джека Потрошителя их шеи должны были защищать стальные воротнички.

Сама королева Виктория взяла это дело под свой контроль и постоянно осведомлялась у министра внутренних дел о ходе расследования. Новые послания от дерзкого и неуловимого Потрошителя не заставили себя ждать. Некоторые из них до сих пор хранятся в Национальном архиве в Кью, включая и открытку следующего содержания: «Завтра вы услышите о работе дерзкого Джека вновь. На сей раз удвоенный вариант. Номер один немного покричала. Не мог закончить сразу. Не успел приготовить уши для полиции». Эта открытка, как и большинство других писем, впоследствии были признаны мистификацией. Внимания заслуживает, пожалуй, одно письмо, полу-

ченное Джорджем Ласком, лидером Комитета бдительности Уайтчепла. К этому посланию прилагался кусочек человеческой почки, и, поскольку за несколько дней до его получения было установлено, что у одной из жертв Потрошителя, Кэтрин Эддоуз, действительно была вырезана почка, письмо сочли подлинным. Циники, однако, полагают, что это вполне могла быть шутка какого-нибудь школьного студента-медика.

Всего насчитывается примерно 250 писем Потрошителя, сохранившихся в архивах, безусловно, многие из них — дело рук циничных шутников или психически ненормальных людей. Психологи, хотя и расходятся во мнениях, истинному убийце приписывают около полусотни — все они написаны либо печатными буквами, либо измененным почерком. Создается ощущение, что их отправитель, кем бы он ни был, получал огромное удовольствие, играя со следствием: то допускал грубейшие ошибки, имитируя стиль безграмотного лондонского пролетария, то писал подчеркнуто грамотно, пересыпая свою речь учеными словечками и научными терминами. Некоторые письма были испачканы бурой жидкостью, напоминавшей застывшую кровь, — впоследствии оказалось, что это всего лишь пятна краски, которая использовалась граверами. Возможно, Потрошитель имел некое отношение к книгопечатанию, а также мог неплохо рисовать: некоторые из его писем сопровождаются рисунками, грубыми и циничными, но довольно умелыми. Более того, письма, судя по штемпелям, отправлялись из разных уголков Англии и даже из-за границы чуть ли не в один и тот же день, что дает веские основания полагать — многие штемпели были явной подделкой.

Последней жертвой, официально приписываемой Потрошителю, стала 25-летняя ирландка Мэри Келли, убитая по схожей методике в ноябре 1888 года. Родом из Лимерика, Мэри вместе со своими шестью братьями и

сестрой провела свое детство в Уэльсе, где ее отец нашел работу на сталелитейном заводе. В шестнадцать лет Мэри вышла замуж за местного шахтера, однако очень быстро стала вдовой — ее молодой муж погиб во время взрыва на шахте. Известно, что какое-то время юная вдова провела в Париже с одним из своих «клиентов» — надо было зарабатывать на жизнь, прежде чем очутилась в Ист-Энде. 8 ноября, проходя по Коммершиал-стрит, она, как обычно, заглянула в несколько пабов: ее любимый напиток — лондонский джин — согревал и ободрял, помогая отгонять дурные мысли: Мэри задолжала 35 шиллингов за квартиру, а заработать их она могла только одним доступным ей способом...

Около часа ночи соседи слышали, как пьяная Мэри распевала на улице песню про фиалки, а в 11.00 домовладелец заглянул в окно ее комнаты на Дорсет-стрит и увидел на кровати залитое кровью тело. В 13.30 полиция взломала дверь — без сомнения, это было самое страшное и зверское убийство: Потрошитель не торопился — видимо, Мэри сама сказала ему, что ее сожитель не придет ночевать. Убийца орудовал при свете камина, где и сжег одежду убитой — в этот раз он унес с собой ее сердце.

Скотленд-Ярд буквально сбивался с ног. Одна за другой выдвигались версии, зачастую противоречащие друг другу, а количество подозреваемых поражало самое искушенное воображение. И тем не менее дело не сдвигалось с мертвой точки. Основная проблема заключалась в том, что серийные убийцы представляли в воображении безумными монстрами, исчадием ада, в то время как сегодняшние психологи доказали, что в реальности они как раз похожи на обычных, ничем непримечательных людей. Один из комиссаров полиции, сэр Чарльз Варрен, предположил, что пара тренированных собак-ищек, выпущенных на улицы Уайтчепла, сможет выследить убийцу. В итоге родилась история о том, как собаки, сбитые с толку громадным го-

родом, потерялись где-то в мрачных переулках Ист-Энда во время густого тумана. Всерьез рассматривалось также и предположение о том, что имидж убийцы каким-то образом запечатлевается в глазах жертвы в последний момент, и фотография зрачка может помочь в идентификации преступника.

Цитата из 1-го письма Джека Потрошителя: «Я вижу, как полицейские ищут меня, и это дает мне возможность посмеяться над ними. Ха-ха. Мне нравится моя работа, и я не остановлюсь, пока не состарюсь, но даже тогда продолжайте искать вашего старого приятеля Джека. Поймайте меня, если сможете».

Напуганные и недовольные задержкой с поимкой преступника, лондонцы тем не менее проявляли нездоровий интерес к самым интимным деталям чудовищных преступлений. Так, магазин на улице Уайтчепл демонстрировал выставку восковых фигур, посвященных Джеку Потрошителю, а сотни горожан были готовы заплатить пенни, чтобы с верхней площадки дома на Хэнбери-стрит увидеть внизу тот внутренний дворик, в котором нашли тело Анны Чэпмен.

Тем временем количество подозреваемых множилось в геометрической прогрессии. Первым делом в их число попали несчастные лунатики, которые в силу своих особенностей идеально соответствовали общепринятыму имиджу сумасшедшего монстра, другие подпадали под обвинение прежде всего потому, что были иностранцами, в основном евреями, действительно, разве можно было подумать, что благородный англичанин способен на такие зверства?

Одним из первых под подозрение попал преподаватель Ист-Эндского интерната Монтаго Друитт. В свое время он окончил Оксфорд и получил специальность адвоката.

Доказательств его причастности к убийствам не так уж и много, исключая то, что в его роду были умалишенные, он немного разбирался в медицине и часто бывал на улицах Уайтчепла. 1 декабря 1888 года, примерно через месяц со дня последнего убийства Джека Потрошителя, он был уволен. Последний раз его видели живым два дня спустя. В предсмертной записке он написал: «Начиная с пятницы я чувствую, что становлюсь похожим на свою мать (она сошла с ума), и лучший выход для меня был бы — умереть». Набив карманы своего пальто камнями, Монтаго бросился в темные воды Темзы. Ему был всего 31 год. После самоубийства Монтаго полиция закрыла расследование по делу Джека Потрошителя — трудно сказать, совпадение это или нет, но каким-то образом убийства прекратились! Либо же новые преступления уже не связывали с кровавым Джеком — Кожаным фартуком, как звали его вначале.

Однако, с другой стороны, обвиненный в сексуальном безумии Монтаго был заядлым спортсменом, и есть доказательства того, что 8 сентября, 6 часов спустя после убийства Анны Чэпмен, он с азартом участвовал в матче по крикету в Блэкхете. В принципе возможно все, но при этом кажется весьма маловероятным, что человек с окровавленным ножом, петляющий по улицам Уайтчепла в 5 утра, мог отрабатывать удары на крикетном поле в Блэкхете уже в 11.

Чуть позже, в соответствии с «иностранный теорией», подозрение пало на Аарона Козьминского — польского эмигранта и уборщика в парикмахерской. Аарон был известен тем, что ненавидел женщин до фанатизма, в особенности это касалось проституток. В марте 1889 года он был помещен в психиатрическую больницу, где вскоре скончался.

Еще одним иностранцем из группы фаворитов лондонской полиции по делу Потрошителя является Северин Клозовский, впоследствии сменивший имя на Джорджа Чэпмена, поляк по происхождению, прибывший в Уайт-

чепл в 1888 году и практикующий как цирюльник в местной парикмахерской. Можно считать, что Чэпмен имел некоторые познания в медицине (на родине он асистировал хирургу), кроме того, позднее ему были предъявлены обвинения в убийстве трех женщин. Правда, жертвы Чэпмена, в отличие от жертв Джека Потрошителя, были отравлены. В 1890-х годах Чэпмен заделался хозяином паба, а в 1902 году был арестован по подозрению в убийстве своей барменши и любовницы, Мод Марш, которую он отправил на тот свет при помощи сильной дозы сурьмы. Полицейское расследование пришло к выводу, что и две предыдущие барменши также умерли при невыясненных обстоятельствах. Чэпмена судили и приговорили к смертной казни за доказанное убийство Мод Марш.

В группе «фаворитов» оказался и англичанин Джеймс Мэйбрик родом из Ливерпуля. Внешне респектабельный торговец хлопком, он был женат на юной красавице, однако вел двойную жизнь тайного наркомана. Не в силах совладать со своим пороком, Джеймс частенько посещал злачные места Уайтчепла. Мэйбрик страдал от параноидального синдрома, во время приступов был агрессивен, выказывая ненависть к женщинам. Частично это могло быть вызвано ревностью, поскольку очаровательная и легкомысленная Флоранс, жена Мэйбрика, вовсю крутила интрижки. Через год после серии страшных убийств в Ист-Энде Мэйбрик был отравлен своей женой. В своем дневнике, найденном после его смерти, он сознавался в преступлениях, совершенных Джеком Потрошителем. Однако психиатры считают, что наркомания и паранойя могли вызвать у Мэйбрика помешательство и, как следствие, бурные фантазии на тему неуловимого убийцы. Вполне возможно, что, будучи невиновным, он уверовал в то, что и есть Потрошитель.

Еще один англичанин -убийца, известный как Ламбетский отравитель, вошел в историю лондонской полиции, объявив себя Джеком Потрошителем.

На совести доктора Томаса Нейла Крима, рожденного в Глазго и получившего медицинское образование в Канаде, по меньшей мере пять загубленных жизней. Будучи врачом в Канаде, Крим был вынужден жениться на беременной от него молодой женщине по настоянию ее семейства, после того как чуть не убил ее, делая подпольный аборт. После свадьбы Крим немедленно уезжает в Британию, оставив молодую жену, и какое-то время практикует в Эдинбурге как врач, в том числе занимаясь и нелегальными абортами. И еще одна несчастная беременеет от него, а спустя некоторое время умирает при подозрительных обстоятельствах.

На сей раз доктор Крим решает бежать в Америку, в Чикаго, где через какое-то время привлекается к суду по обвинению в смерти проститутки вследствие подпольного аборта. В этот раз ему удается выкрутиться. В следующий раз, когда он при помощи стрихнина отправил на тот свет господина по имени Даниэль Стотт, удача наконец изменила Криму. Вполне возможно, что виной всему стала его страсть к нездоровому вниманию к собственной персоне. Трудно сказать, был ли Крим любовником жены Стотта, или, как впоследствии утверждала сама миссис Стотт, ее муж крутил роман на стороне, но после смерти Стотта Крим сам отправил письмо местным властям с предложением эксгумировать его тело для проведения экспертизы на предмет присутствия ядов. После того как экспертиза показала, что Стотт действительно был отравлен, его супруга и доктор Крим были арестованы по подозрению в причастности к убийству. Миссис Стотт решила взвалить всю вину на Кrima и дала показания против него. В результате ее оправдали, а Крим был приговорен к пожизненному тюремному заключению. Удивительно, но спустя всего десять лет его выпускают из тюрьмы — ходили слухи, что не обошлось без солидной взятки властям имущим.

И вновь непотопляемый Крим возвращается в Британию, в Ламбет — именно там он и получил прозвище Ламбетский отравитель, будучи обвиненным в том, что при помощи стрихнина лишил жизни по меньшей мере четырех проституток: Матильду Кловер, Эллен Донворт, Алис Марш и Эмму Шовел. На улицах Лондона воцарилась паника: Джек Потрошитель вернулся! Он орудует по другую сторону реки, в другом районе «красных фонарей», но только другими, не менее ужасными методами лишая жизниочных бабочек — несчастные жертвы умирали в страшной агонии и конвульсиях. Если бы только Крим извлек урок из предыдущего опыта со Стоттом и затаился на время, то эти чудовищные преступления вряд ли были бы раскрыты. Но опять-таки болезненная жажда скандальной славы оказалась сильнее благоразумия: и вот он уже запускает странные письма циркулировать среди гостей отеля «Метрополь», в которых пишет о том, что убийца Эллен Донворт работает в нем, и если они немедленно не покинут отель, то и их жизни окажутся в опасности. Затем он зачем-то пытается взвалить вину за убийства на другого доктора, все это время бравируя своей доскональной осведомленностью о деталях убийств, и даже предлагает некоторым людям совер什ть прогулки по местам убийств. К его несчастью, одним из таких любопытствующих, с кем Крим делился информацией о преступлениях, оказался полицейский. Доктор был немедленно взят под наблюдение и вскоре арестован.

Крим был признан виновным и повешен 15 ноября 1892 года, его последними словами перед тем, как петля окончательно сдавила ему шею, стали: «Я — Джек...» Кто-то усматривает в них еще одно, последнее проявление присущей Криму страсти к скандальной славе, чистой воды браваду. Кто-то считает эти слова финальной точкой в деле Джека Потрошителя, ключом к разгадке. Проблема в том, что как раз во время серийных убийств в Уайтчепеле,

согласно документам, Крим отбывал наказание в тюрьме «Джолиет» в штате Иллинойс. Некоторые исследователи, не в силах расстаться с заманчивой версией о том, что Крим и есть таинственный Джек, выдвигают предположение, что хитроумный доктор платил своему двойнику за то, чтобы тот сидел за решеткой, пока сам он будетправляться с ночными бабочками Ист-Энда.

Однако, пожалуй, самой изощренной версией стоит считать версию, выдвинутую Стефаном Кингом Вегобест-селлере 1978 года «Джек Потрошитель: Окончательное Разоблачение», согласно которой Потрошителем было лицо королевской крови — принц Альберт Кристиан Эдвард, герцог Кларенский, внук королевы Виктории, старший сын принца Уэльского — будущего короля Эдуарда VII. Кто знает, не умри он от инфлюэнзы в возрасте 28 лет, то мог бы и стать королем Британии. Эдди, как называли его друзья, не отличался пуританскими взглядами на жизнь и в поисках плотских утех не гнушался наведываться даже в злачные кварталы Ист-Энда. Говорили, что во время одного из таких походов Эдди познакомился с продавщицей табачной лавки Энни Крук, влюбился и снял для нее квартиру, в которой и проходили тайные свидания. Вскоре Энни забеременела, и парочка якобы даже тайно обвенчалась в католическом храме. Беда заключалась в том, что Энни была не просто бедной и безродной девушки, но еще и католичкой, что было категорически неприемлемо для протестантской монархии.

Согласно одной из версий, королева Виктория, узнав о скандальном романе сластолюбивого принца, потребовала положить конец этой связи. Исполнение приказа было возложено на королевского доктора Галла, который якобы поместил Энни в психиатрическую больницу. Вместо матери ее новорожденной дочерью занялась Мэри Келли, она же и назвала ее Элис Маргарет. Несколько проституток Уайтчепла, среди которых конечно же были Энн Ни-

Подозреваемый принц Эдди — герцог Кларенский

колс, Анна Чэпмен и Элизабет Страйд, были посвящены в тайну и знали не только о существовании ребенка, но и о том, кто был его отцом. Кто-то из них, в призрачной надежде выбраться из нищеты, принимает решение попытать счастья, шантажируя королевскую семью. На сей раз за дело берется целый синдикат, состоящий из того же Галла, кучера по имени Джон Нетли, который в свое время отвозил принца на его тайные свидания, и Роберта Аnderсона, старшего офицера внешней разведки. Втроем они придумывают способ заставить подруг замолчать навеки, после чего изобретают мифического убийцу и взваливают вину на его фантомные плечи.

Что-то очень знакомое проступает в этой ситуации — невольно вспоминаются тонны обвинений, выдвинутые в адрес британской разведки в связи с трагической гибелью принцессы Дианы в автомобильном туннеле под Пари-

жем, которая якобы была беременна от иноверца — Доди Аль Файеда. Пятно позора не должно было накрыть королевскую семью. История идет по кругу? Или алчные журналисты, падкие на сенсации, мыслят одинаково и в XIX и в XX веках? Неувязка во всей этой истории заключается в том, что, по всей вероятности, принц Альберт Кристиан Эдвард был нетрадиционной ориентации. Кроме того, слишком изощренным и тяжеловесным выглядит план избавления от свидетелей — даже для позапрошлого века...

Еще одна сенсационная бомба в литературе взорвалась, когда несколько лет назад увидела свет книга Патриции Корнуолл, которая входит в тройку самых высокооплачиваемых авторов криминального чтива Америки. Главным подозреваемым модной писательницы, специализирующейся на серийных убийцах, стал известный художник Викторианской эпохи Уолтер Сиккерт, который действительно жил в Лондоне в период убийств, имел

студию в Уайтчепле, любил прогуливаться по грязным улицам этого сомнительного района, а его натурщицами были проститутки. По странному совпадению, зверские убийства в Уайтчепле прекратились сразу после того, как Сиккерт покинул его, надолго уехав во Францию и Италию.

Преуспевающий художник, по утверждению Корнуолл, был тайным сексуальным маньяком. В детстве Уолтер перенес несколько операций, в результате чего имел сексуальные пробле-

Художник Уолтер Сиккерт

Тайны Лондона

мы. Конечно же, писательница, как самый заправский детектив, внимательно изучила работы Сиккера. Особое ее внимание привлекла серия картин, написанных в 1908—1909 годах под общим названием «Кэмдентаунское убийство». Причем на всех полотнах изображена одна и та же сцена: убогий интерьер, кровать, на которой лежит нагая женщина, а рядом — сидит или стоит полуодетый мужчина. Картины, можно сказать, были сделаны с натуры: в 1907 году в пригороде Лондона, Кэмдентауне, произошло убийство, аналогичное тем, которые происходили в Уайтчепле в 1888 году. По удивительному совпадению, Сиккерт оказался рядом с местом преступления и сделал набросок в своем альбоме для эскизов, который, опять-таки случайно, оказался при нем.

Сиккерт действительно проявлял болезненный интерес к загадочному убийце, более того, он полагал, что проживает в той же самой комнате, что снимал неуловимый Джек — хозяика квартиры поделилась с ним своими подозрениями насчет предыдущего жильца. Художник изобразил эту самую мрачную комнату со зловещей атмосферой на своем полотне «Спальня Джека Потрошителя», которое хранится в картинной галерее Манчестера. Корнуолл выкупила 31 картину Сиккера — одну или две из них она практически уничтожила в поисках следов ДНК на полотнах. Впоследствии писательница-детектив утверждала, что ей удалось научно доказать — заполученный ею образец ДНК художника и ДНК на нескольких письмах Джека Потрошителя являются редкостными экземплярами и принадлежат всего одному проценту населения земного шара, что, по ее мнению, доказывает правомерность обвинения, выдвинутого против художника. Тем не менее эта смелая версия представляется более чем спорной, потому как на момент совершения большинства убийств Сиккерт находился во Франции.

Но не только художники попадали под лупу самодеятельных детективов. Американский исследователь Ричард

Одна из картин Уолтера СиккERTA

Воллас в своей книге «Джек Потрошитель — ветреный друг» выдвинул обвинение против известного писателя Чарльза Доджсона, творившего под псевдонимом Льюис Кэрролл, автора знаменитой «Алисы в стране чудес» и «Алисы в Зазеркалье». Чарльз Доджсон был профессором математики в Оксфорде, никогда не был женат и, по слухам, имел проблемы в общении с женщинами. Причем ему было легко и интересно общаться с маленькими девочками — так, свою Алису он написал для дочери декана Алисы Лиддл как подарок на ее день рождения, был для нее лучшим советчиком, мудрым и чутким старшим другом. Однако по мере взросления Алисы Доджсон потерял к ней интерес. Об этом можно судить по их переписке: Алиса и в подростковом возрасте, и став уже молодой женщиной, сохранила нежную привязанность ко «второму отцу», письма Чарльза становились все суше и суше. Он просто не умел общаться с женщинами — он их не пони-

мал. Зная страсть Кэрролла к игре слов, Воллас построил свое обвинение на анаграммах. Он провел тщательный анализ работ Кэрролла и, выбрав несколько отрывков, переставил в них буквы таким образом, что получились довольно связные тексты, в которых Льюис признавался в том, что он и есть Джек Потрошитель, в деталях описывая, как в компании со своим коллегой, профессором Томасом Верой Бэйном, он совершал эти чудовищные преступления. Обвинение выглядело настолько нелепым и абсурдным, что оппоненты осмеяли выдумщика. Были подмечены и неточности, допущенные автором: некоторые буквы в анаграммах были пропущены, если они не подходили по смыслу, кроме того, послания Доджсона были слишком неграмотны для Оксфордского профессора.

И здесь в дело вступили астрологи. После детального астрологического анализа карт рождения основных по-

Льюис Кэрролл

дозреваемых был вынесен вердикт: каким бы странным это не казалось, но именно Льюис Кэрролл является наиболее подходящей кандидатурой. Вот как пишет об этом астролог Павел Цыпин: «К счастью, гороскоп знаменитого писателя известен с высокой точностью: он появился на свет 27 января 1832 года около 6 часов утра. Даже первый взгляд на карту заставляет сердце забиться быстрее: Марс (планета-агрессор) расположился в соединении с демоном-искусителем Черной Луной, да еще именно в том месте гороскопа, которое сильнее всего оказывает влияние на склонности личности!» Если читать космические знаки буквально, то получается, что перед нами «человек, посвященный злу, пороку, разрушению».

Кроме того, Солнце в Водолее диктует склонность к разного рода мистификациям и опасным играм, а расположение Луны и Марса в Стрельце говорит о желании установить порядок и законность насильственными методами, о горячей ненависти к нарушителям общественной нравственности. А кто мог быть для истинного мужчины-викторианца большим нарушителем нравственности, чем уличная проститутка? Осень 1888 года была для Кэрролла настоящим испытанием — его жизнь определял транзитный Сатурн, вошедший в контакт с осью кармических узлов. Этот же транзит диктовал и большое количество смертей и катастроф, происходящих вокруг. Луна натальной карты писателя оказалась «под ударом» Плутона и Нептуна: отсюда и тяга к мистике, и давящее ощущение страха, и ранимые чувства, и бурное воображение, и жажда разрушения. Настроение подвержено перепадам — внезапно случаются вспышки гнева и ярости. В таком состоянии человек сильный, страстный — а именно таким и был Кэрролл — вполне мог пойти на преступление.

Конечно, нельзя делать однозначных выводов на основании астрологической экспертизы, тем более что у некоторых подозреваемых неизвестны даты рождения. Однако помочь следствию отсеять реальных подозреваемых от

ни в чем не повинных людей астрология может не хуже любой, даже самой современной, экспертизы.

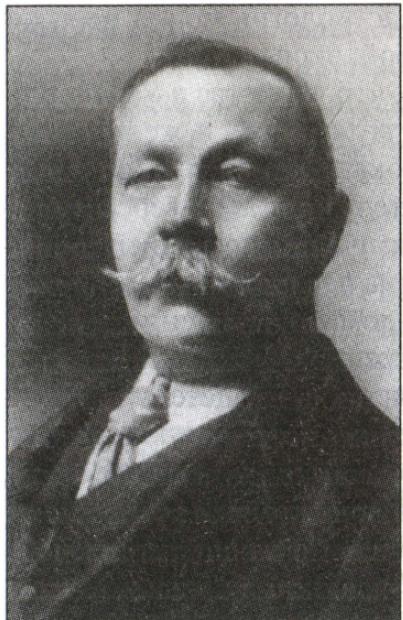
Есть и такие, кто полагают, что убийства в Уайтчепле были совершены отнюдь не мужчиной, а женщиной! И Джек Потрошитель на деле оказался Джилл Потрошительницей. Косвенные доказательства такой версии действительно существуют: так, сразу после последнего убийства Мэри Келли некая женщина показала в полиции, что видела жертву, выходящую из дома, где она снимала жилье, в то время, когда жертва должна была уже быть мертвой. Было выдвинуто предположение, что свидетельница видела не жертву, а женщину-убийцу, переодетую в одежду жертвы, когда она покидала место преступления. Версия не нашла поддержки и со временем о ней просто забыли. Полвека спустя к ней вернулись и даже предположили, что убийцей стала обезумевшая акушерка, которую «ночные бабочки» довели до отчаяния бесконечными просьбами о подпольных abortах. Кстати, именно этуточку зрения разделяли респектабельные викторианские матроны. Приводилось даже имя потенциальной убийцы — Мэри Пирси, осужденной за убийство жены и дочери своего любовника и повешенной 23 декабря 1890 года. В том, какими методами она разделась со своими несчастными жертвами, было усмотрено сходство с Джеком Потрошителем.

Настоящее имя Мэри Пирси было Мэри Элеонора Вилер, однако она предпочла носить фамилию одного из своих бывших любовников, чтобы не ассоциироваться со своим отцом, которого повесили за убийство, когда Мэри была еще подростком. По злополучной иронии судьбы фамилия Пирси благодаря Мэри обрела еще более скандальную репутацию.

Одним из любовников любвеобильной Мэри был некий Фрэнк Хог, который был вынужден жениться на женщине по имени Феб, забеременевшей от него и родившей ему dochь. Его женитьба отнюдь не положила конец любов-

Ирина Донскова

Артур Конан Дойл

маленькой дочкой, которую тоже звали Феб, отправилась в гости в Кентиши Таун, после чего ни одну из них в живых уже не видели. В тот же вечер в Хэмпстеде было найдено тело женщины с перерезанным горлом и разбитой головой, ночью полицейский обнаружил детскую коляску с пятнами крови, а на следующий день нашли и тело маленькой девочки. Услышав об этих страшных находках и обеспокоенный отсутствием жены и дочки, Фрэнк отправился в полицию, попросив сестру зайти к Мэри и узнать, не видела ли она миссис Хог накануне. Ее поведение встревожило сестру Фрэнка, а сам он после опознания попал в число подозреваемых. В ходе расследования всплыл тот факт, что Мэри была любовницей Хога — в ее дом в Кентиши Тауне был отправлен отряд полицейских. Во время обыска Мэри вела себя неадекватно — сидя за пианино, она пела и насвистывала, при этом спокойно утверждая, что пятна крови и следы яростной

ной связи с Мэри — Фрэнк продолжал регулярно навещать ее дом в Кентиши Таун. Мэри, в свою очередь, подружилась с супругой Фрэнка, чтобы таким образом замаскировать свою связь с ее мужем. Однако делить Фрэнка с его семейством ей все же совсем не хотелось, причем со временем это нежелание переросло в настоящую манию. В октябре 1890 года Мэри послала парнишку с запиской для Феб, в которой она приглашала ее на чай. Ничего не подозревая, миссис Хог со своей

борьбы на кухне — результат ее войны с нашествием мышей. Полиция разоблачила преступницу, и Мэри Пирси была казнена в Ньюгейтской тюрьме за два дня до Рождества 1890 года, вероятно, даже не подозревая о том, что полвека спустя ее имя станет ассоциироваться с Джеком Потрошителем. В Палате ужасов мадам Тюссо выставлена восковая фигура убийцы рядом с детской коляской, проданной музею самим Фрэнком.

Сама идея о том, что серийный убийца мог действительно оказаться женщиной, кажется маловероятной, хотя сэр Артур Конан Дойль, создатель легендарного Шерлока Холмса, напротив, был уверен в том, что убийца, по меньшей мере, маскировал себя под женщину, чтобы незамеченным петлять по улицам Ист-Энда. Более того, одна из последних версий того, кем мог быть Джек Потрошитель, была выдвинута австралийским генетиком Иэном Финдлеем. Сделав анализ ДНК по сохранившемуся на письмах маньяка генетическому материалу, ученый установил, что Джеком Потрошителем была именно женщина... Но кто же именно? Вопрос без ответа...

Загадочный Джек Попрыгун

Так и ушел в туманное никуда неуловимый убийца, оставшись одной из главных загадок XIX века. Но если имя Джека Потрошителя известно и по сей день, почти полтора века спустя, то имя другого Джека — «Попрыгун» или «Джека-на-Пружинках», чьи громкие, хотя и редкие, посещения внушали ужас подданным королевы Виктории и короля Эдуарда, вряд ли о чем-то скажет современному читателю. Этот чрезвычайно таинственный персонаж обладал уникальным умением передвигаться по воздуху, одним махом перескакивая через стены и высокие ворота, при этом все усилия полицейских и военных задержать его были тщетны.

Первое явление Джека Попрыгуна состоялось сырой февральской ночью 1837 года. Три ночи подряд то ли мелкий бес, то ли сам дьявол прыгал исключительно через головы прохожих, имевших несчастье прогуливаться парами или в одиночку по темным улочкам трущоб на юго-западе Лондона. Несмотря на то что никаких сообщений о насилии с его стороны или о попытках ограбления не поступало, один лишь его вид внушал ужас невольным свидетелям: женщины лишались чувств при виде его ярко горящих красных глаз и демонической физиономии, мужчины теряли дар речи и впадали в странное оцепенение. Полицейские, которым полуночного бандита описали как «жуткую расплывчатую фигуру с горящими, как угли, глазами и ледяными руками», сочли все это либо игрой большого воображения, подстегиваемого горячительными напитками, либо проделками малолетних шалопаев. Делу не давали никакого хода, пока один из констеблей не убедился в существовании Попрыгуна лично и не подтвердил, что странный бес с ужасающей внешностью действительно презирает закон гравитации — полицейский доложил, что видел, как Попрыгун одним махом перескочил через двенадцатифутовую стену.

Однако не только жители британской столицы удостоились встречи с Попрыгуном — полицейские отчеты о его проделках регулярно приходили из прилегающих районов Южной Англии и Мидленда на протяжении 50—60-х годов XIX века. Лорд-мэр Лондона лично объявил о том, что загадочное чудовище находится в розыске, и пообещал внушительную сумму за его поимку. Местные жители соседних с Лондоном графств стали организовывать сторожевые отряды для ловли скачущей bestии, и даже престарелый герцог Веллингтонский однажды принял участие в такой облаве и, выехав на коне, присоединился к охотникам.

После того как в газетах, сделавших из Попрыгуна сенсацию века и объявивших его врагом общества номер один, появились сообщения о его нападениях на часовых,

за дело принялись военные. В Олдершоте были расставлены специальные ловушки, однако, когда военные все же загнали Джека в угол и открыли прямой огонь, он только рассмеялся и ускользнул по воздуху, не оставив никаких следов крови после себя. Ведущая столичная газета «Лондон морнинг пост» безапелляционно заявила, что загадочный преступник не был простым смертным.

В общей сложности целых шестьдесят восемь лет загадочный акробат будоражил Британию своими трюками, последний раз явив себя публике десятого сентября 1904 года в Ливерпуле, когда в полицию сообщили, что странно одетый мужчина бегает по крышам домов в окресте Эвертен. За всем этим, удивительно походившим на цирковое представление, с мистическим страхом наблюдала толпа зевак: Джек Попрыгун спокойно перепрыгивал с крыши на крышу зданий, стоящих на расстоянии 10—12 метров друг от друга, словно наслаждаясь производимым эффектом. Все попытки схватить Попрыгунा, как и прежде, ни к чему не привели. Исчез же он, как и Джек Потрошитель, так же неожиданно, как и появился: встав по-кошачьи на все четыре конечности и совершив гигантский прыжок, он канул в неизвестность. С тех пор, вот уже более столетия, о нем ни слуху ни духу.

По поводу происхождения Попрыгуна, безусловно, выдвигались различные теории — начиная с того, что Джек мог быть явлением массовой галлюцинации и плодом разгоряченного воображения до гипотезы о его неземном происхождении, которая особенно яростно поддерживалась любителями НЛО. Существует и версия о том, что загадочный Попрыгун попадал в наш мир из другого измерения, через так называемый «портал времени».

Не обошли своим вниманием эту загадочную историю и уличные грабители, которые начали «работать под Джека» — нарядившись в длинные белые балахоны и прикрутив к обуви пружины, они, подпрыгивая, пугали случайных прохожих, попутно обирая их до нитки.

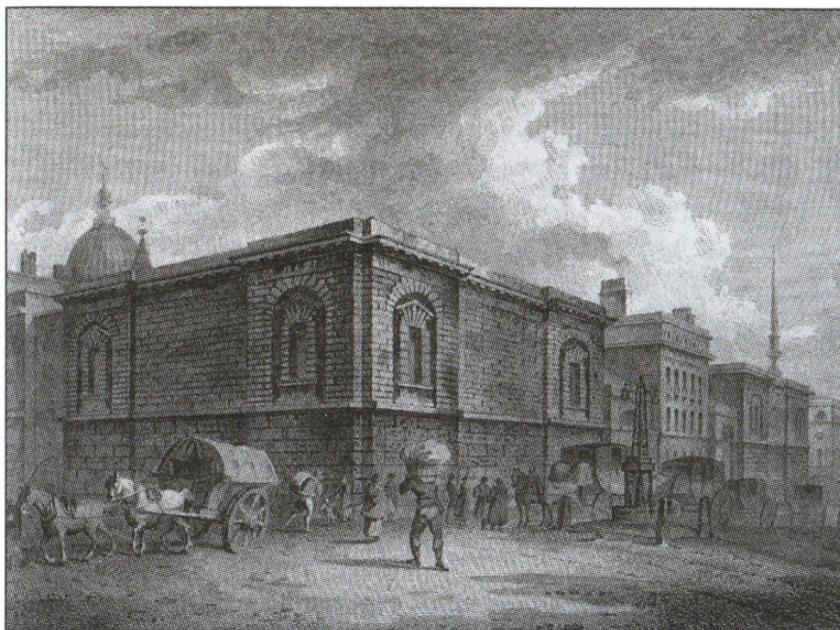

Несмотря на то что никто и никогда не видел пружин на ногах самого Попрыгана, существовала и такая версия: ловкий трюкач, используя специальные механизмы, совершал свои удивительные прыжки. Это может показаться удивительным, но окончательно расстаться с этой версией пришлось после Второй мировой войны: одно время из солдат вермахта пытались сделать суперпрыгунов, для чего была разработана специальная обувь с мощными пружинами. Однако повторить подвиги Попрыгана фашистам не удалось — эксперимент закончился полным провалом.

И все же — кем бы ни был Джек — иллюзией или бесплотным существом из иных измерений — он, безусловно, вошел в историю Лондона, да и Британии в целом, пополнив собой список неразрешимых загадок и тайн.

Мрачное прошлое тюремных застенков: «Флит» и «Ньюгейт»

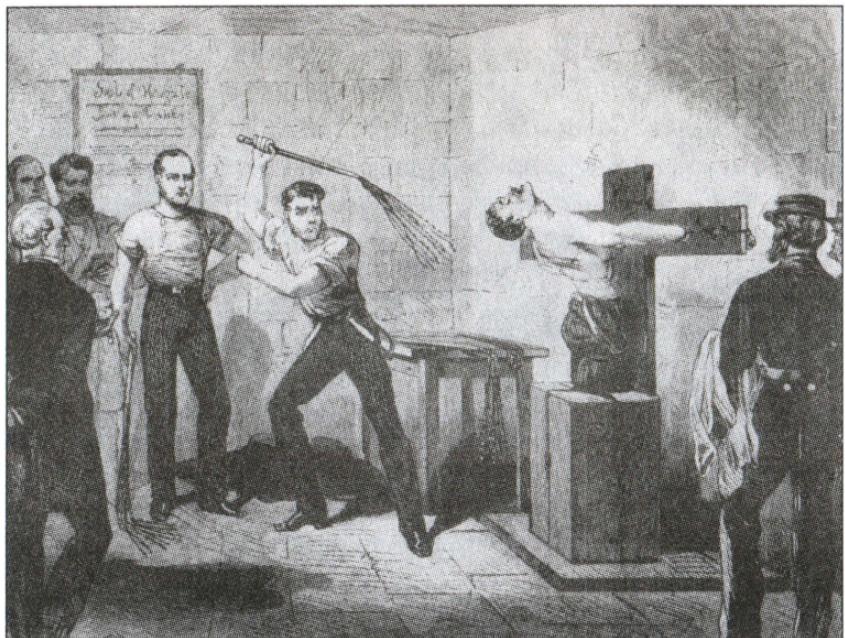
Безусловно, история не знает сослагательного наклонения, и все же, если предположить, что неуловимый Джек Потрошитель был бы пойман с поличным, где и как закончил бы он свою жизнь? Пожалуй, выбор невелик: в Лондоне существовало только две тюрьмы, где могли содержаться преступники такого рода — тюрьма «Флит» и тюрьма «Ньюгейт». Обе они были построены в XII веке, и стоило только произнести одно из названий, как леденящий душу ужас охватывал как закоренелых преступников, так и просто добропорядочных граждан — несчастных должников, не сумевших вовремя рассчитаться со своими кредиторами. В первые годы существования тюрьмы «Флит», например, более половины ее заключенных были брошены туда за неуплату долгов. Со временем эта цифра достигла уже девяноста процентов — складывалось такое впечатление, что

Тюрьма «Ньюгейт»

каждый второй англичанин был кому-нибудь что-нибудь должен. Слава Богу, в наши дни этот жестокий закон более не действителен — иначе в Лондоне просто не хватило бы тюрем, чтобы вместить всех должников.

При всем этом в самой тюрьме вовсю процветала коррупция: должность главного тюремного смотрителя была более чем престижной, поскольку открывала великолепные перспективы легкой наживы: заключенные, например, могли заплатить за то, чтобы провести несколько дней на воле, а также улучшить свои условия за определенную плату. Более того, сама должность передавалась по наследству, сродни благородным титулам маркиза, графа и герцога — она оставалась в руках одного семейства более чем триста пятьдесят лет, после чего была выкуплена в начале XVIII века за баснословную по тем временам сумму — пять тысяч фунтов стерлингов! Можно только пред-

Порка была привычным наказанием за малейшую провинность ставить себе, чем занимался новый верховный тюремный смотритель, дабы окупить расходы по приобретению этого злачного местечка.

Были среди заключенных и те, кто пострадал за свои религиозные убеждения, правда, таковых все-таки насчитывалось немного.

При таком разгуле вседозволенности и коррупции неудивительно, что заключенных, не имеющих достаточно денег, чтобы облегчить свое положение, за людей не считали: порки и унижения, прижигания различных частей тела, отрезание ушей, железные воротники, сдавливающие шеи несчастных, были здесь обычным делом. В качестве наказания для особо провинившихся использовался специальный карцер — темница без камина или дымохода, без окон, сырая и вонючая, расположенная по соседству с выгребной ямой. Общепринятой практикой было сваливать в

нее тела умерших или казненных в ожидании погребения, несмотря на присутствие там живых людей.

Неудивительно, что тюрьма «Флит» служила отличной мишенью для заговорщиков и революционеров: три раза за все время своего существования она сгорала практически дотла, но ее вновь восстанавливали, и все начиналось снова... В 1729 году один из смотрителей предстал перед судом по обвинению в убийстве: шестеро его подопечных умерли из-за отвратительных условий, однако, несмотря на это, он был оправдан.

Наряду с коррупцией во «Флит» царил полный хаос с документацией: никакого учета поступивших в тюрьму заключенных, а уж количество сбежавших преступников просто не поддавалось исчислению!

Прообраз ада на земле, тюрьма «Флит», была разрушена в 1846 году — получается, что неуловимый Джек-Потрошитель, орудовавший в Ист-Энде в конце XIX века, никак не мог бы оказаться узником этой темницы. Зато вполне мог бы увидеть мрачные и вонючие стены тюрьмы «Ньюгейт», просуществовавшей вплоть до 1902 года, когда она была разрушена, чтобы вместо нее построить новое тюремное здание «Олд Бейли». Перед тем как начать разрушение старой тюрьмы, ее двери распахнулись для всех желающих — среди лондонской публики нашлось немало любопытных, жаждущих заглянуть в само «исчадие ада на земле», где некогда наряду с обычными преступниками томились и многие известные люди, включая писателя и шпиона Даниэля Дефо, а также лорда Гордона. Что и говорить, толпе присуща жажда крови, а жестокие преступления, леденящие кровь истории и хитроумные убийства волнуют и будоражат воображение. Неудивительно, что казни всегда считались массовым зрелищем, а «Ньюгейтский календарь», содержащий описание самых громких преступлений и изощренных казней, в XIX веке считался бестселлером — это была единственная книга,

которую наряду с обязательной Библией можно было найти в любом доме! Деревянные скамьи и тюремные лавки распродавались на дрова, а ведь им, как и мрачным сырым стенам «Ньюгейта» было что рассказать.

Как и в тюрьме «Флит», в «Ньюгейте» вовсю процветала коррупция: за все необходимое для более-менее сносной жизни, включая кровати, приходилось платить, поскольку условия содержания и обращения с заключенными напрямую зависели от толщины кошелька того или иного узника или его родственников. Генри Филдинг как-то назвал «Ньюгейт» самым дорогим местом на земле, и уж, конечно, по своим подпольным расценкам он не уступал самым фешенебельным лондонским отелям, за одним лишь исключением: среди отелей всегда возможна конкуренция, и гость волен выбирать любой из них, за тех же, кто волею судеб оказался в «Ньюгейте», выбор уже был сделан.

Однако за деньги можно было вполне сносно устроиться и в «Ньюгейте» — тут же находились комнаты в Пресс-Ярде, которые были довольно просторные и светлые, да к тому же без отвратительного специфического запаха, царящего на всей остальной территории тюрьмы. Заключенные, которым посчастливилось обосноваться в этой части «Ньюгейта», могли позволить себе проводить большую часть времени за выпивкой, азартными играми и досужими сплетнями. Как на территории самой тюрьмы, так и за ней располагались несколько таверн, и горожанам позволялось заходить в них и общаться с заключенными за кружкой пенного эля, а то и выступать в качестве свидетелей на очередной нелегальной свадьбе, которые частенько игрались между заключенными. Да и спортивные игры, такие, как теннис, тоже не были редкостью среди привилегированной тюремной братии.

Для остальных же узников жизнь вовсе не была такой обустроенной. Дефо, например, имевший несчастье испытать

все прелести комфорта тюрьмы «Ньюгейт» на себе, писал об атмосфере, царящей в тюрьме: «Адский шум, грохот и рокот, омерзительная вонь — само воплощение ада».

И действительно, вонь в тюрьме была настолько непереносима, что отвратительный запах впитывался не только в одежду заключенных, казалось, он проникал под кожу и становился неотъемлемой частью несчастных узников. Во время заседаний в судах устилали пол ароматными травами, а узников купали в уксусе перед тем, как они представляли перед судьей, чтобы хоть как-то перебить тюремную вонь и предотвратить распространение инфекции.

«Ньюгейт» вошел в историю и как место, откуда заключенные отправлялись в свое последнее земное путешествие на эшафот. Приговоренных к смертной казни заставляли посещать церковную службу, которую они вынуждены были отстаивать с длинным деревянным ящиком у ног — местом их будущего упокоения.

Среди заключенных находились и женщины — в 1808 году их насчитывалось около сотни. Условия их проживания в «Ньюгейте» трудно было назвать человеческими — они ютились в тесном помещении, как рабы в трюме корабля. Миссис Фрай, ратовавшая за тюремную реформу, описывала узниц следующими словами: «Они бралились, дрались, играли в азартные игры, пели, танцевали и переодевались в мужскую одежду».

Среди них действительно попадались отвратительные экземпляры — убийцы и садистки, воровки и отравительницы — толпа улюлюкала и сыпала им вслед проклятия по дороге на эшафот, но были и несчастные жертвы клеветы и навета, отсутствия денег на хорошего адвоката, и просто опустившиеся и запутавшиеся бедные женщины, вызывающие простое человеческое сочувствие.

Пожалуй, одной из самых ненавидимых женщин Британии, которая закончила свою жизнь на виселице, была некая Элизабет Браунриг — жена художника с улицы Феттер-

Элизабет Браунинг в ожидании казни

Лейн в Лондоне и мать шестнадцати детей! Браунриг стала для Британии примерно тем же самым, что и Салтычиха для России. Ее имя накрепко спаяно с образом злобной садистки, мучившей своих служанок ради собственного удовольствия. Находясь в должности акушерки в работном доме Святого Данстانا, миссис Браунриг воспользовалась своим служебным положением и переманила несколько девушек в свой дом в качестве служанок — почти все из них были сиротами, малообразованными или же имели какие-либо физические недостатки. Двух девушек Элизабет держала в погребе более года, где они растирали краски для ее мужа-художника. Свою «камеру» невольные узницы делили с хряками, ели и пили из одного с ними корыта. Ни о какой постели для них даже и не шла речь — спать им приходилось на полу, и старшая, которой было семнадцать, за это время потеряла способность говорить, а ее голова распухла до

чудовищного размера, так что глаза почти полностью заплыли. Младшенькая, которой исполнилось тринадцать, позднее рассказывала на суде, что после побоев садистки кровь, струящаяся из их ран, образовывала лужицы на полу погреба. В отношении остальных миссис Браунриг также не церемонилась и вовсю давала волю своей злобе: раздев девушек донага, она приковывала их за запястья к водосточной трубе, а затем хлестала до тех пор, пока не изнемогала от бессилия. Била всем, что попадалось под руку: палками, метлами, розгами, хлыстом. За малейшую провинность могло последовать и более жестокое наказание — девушек запирали в холодном погребе с цепью на шее, затянутой так сильно, что было трудно дышать — все время заточения несчастные жертвы садистки сидели на хлебе и воде. Лишь только благодаря крикам, доносившимся из погреба, на которые, наконец, обратили внимание встревоженные соседи, дело дошло до суда. К сожалению, не всех несчастных удалось спасти — семнадцатилетняя жертва подвала умерла в госпитале Святого Варфоломея, еще две девушки так и не увидели белого света. Одна жертва была избита настолько фанатично, что ее одежду пришлось удалять хирургу — так глубоко она врезалась в кожу, у другой был проколот ножницами язык.

После тщательного расследования Браунриг предстала перед судом и была приговорена к смертной казни. Удивительно, но злобная фурия не проявляла ни малейших признаков раскаяния, находясь в тюрьме в ожидании приговора. Костлявая, желчная, с прямой спиной, в шляпе с широкими полями, скрывавшей надменное лицо с узкими поджатыми губами, до последней минуты не пожелавшая признать свою вину, Браунриг не могла не вызывать ненависти и содрогания. Всю дорогу на эшафот ее сопровождали проклятия толпы, собравшейся посмотреть, как садистку вздернут на виселицу. После казни, состоявшейся 1 сентября 1767 года, тело Элизабет Браунриг было пере-

дано Королевскому медицинскому колледжу в качестве анатомического пособия.

Совсем другие чувства у толпы вызывала другая узница, также приговоренная к смертной казни якобы за попытку отравить своих хозяев — мистера и миссис Тернер. В 1815 году юную служанку Элизу Феннинг застали входящей в комнату двух подмастерьев, квартировавших у Тернеров. Вина девицы заключалась в том, что она была полураздета, а значит, занималась непристойными делами, за что хозяева ее должным образом отчитали. Считается, что с тех самых пор Элиза затаила злобу на Тернеров и ждала подходящего момента, чтобы отомстить. Некоторое время спустя все семейство серьезно занемогло, отведав очередную стряпню Элизы, которую она, по какой-то необъяснимой случайности, также попробовала сама. Речь шла о пельменях, которые были черными и тяжелыми со слов хозяйки и не всплывали после закипания, как подобает нормальным пельменям. Расследование пришло к выводу, что по такому описанию можно утверждать — в пельмени был добавлен мышьяк, который хранился в кухне в качестве крысиной отравы.

Единственной прямой уликой, которой располагало следствие, были показания миссис Тернер о том, что в тот злополучный день Элиза сама вызвалась приготовить ужин. Несмотря на то что все из откушавших пельмени остались живы, попытка совершения убийства, будучи доказанной, также каралась смертной казнью. Судьей по этому делу был назначен сэр Джон Силвестр по прозвищу Черный Джек. Защита была организована абсолютно бездарно, не говоря уже о том, что во внимание не был принят тот факт, что подхавившее тесто для пельменей некоторое время находилось в кухне без присмотра, а значит, кто угодно мог иметь к нему доступ, а также то, что несчастная девушка сама ела эти злосчастные пельмени. Более того, так и не было доказано, что занемогшие по-

сле трапезы домочадцы пострадали именно от отравления мышьяком. Тем не менее Элизу осудили и вынесли смертный приговор — услышав решение суда, несчастная забилась в конвульсиях и начала отчаянно кричать. Все, что Элиза могла сказать после суда, сводилось к одному: «Я действительно невиновна. Мне нравилось мое место, и я себя хорошо чувствовала в этом доме».

Многие люди разделяли мнение о невиновности Элизы, но в целом стране было не до какой-то несчастной девушки: умы сограждан были более заняты битвой при Ватерлоо и войной с Францией. С точки зрения патриотизма, это было куда важнее, чем одна конкретная судьба некой бедняжки, попавшей в жернова судебной системы.

По злой иронии судьбы казнь Элизы должна была состояться накануне того самого дня, когда она собиралась выходить замуж — еще в той, благополучной жизни до этих злосчастных пельменей. Восемнадцатилетняя Элиза Феннинг отправилась на эшафот в белом муслиновом платье, в котором должна была стоять под венцом на следующее утро. Она повела себя удивительно мужественно, увидев перед собой эшафот, — юная, трогательно очаровательная в своем белом платье невесты с высокой талией, завязанной под грудью атласной лентой и в сиреневых ботиночках до колена, отделанных кружевом, Элиза вызывало всеобщее сочувствие. Она стояла на эшафоте — гордая и удивительно спокойная, пока палач не попытался надеть на нее специальный колпак, закрывающий лицо, чтобы толпа не могла видеть предсмертных конвульсий жертвы. Колпак не удавалось натянуть — мешала праздничная шляпа невесты, и тогда он извлек из своего кармана грязный платок, чтобы набросить его на милое девичье лицо. Элиза запротестовала и обратилась за помощью к священнику, стоящему рядом, но грязная тряпка осталась на ее лице — таков порядок... Последние слова Элизы были: «Я невиновна».

На протяжении сотен лет в столице не было более людного мероприятия, чем публичная казнь. Несчастных жертв встречала чуть ли не карнавальная атмосфера взбудораженной толпы, предвкушающей кровавое зрелище. Многие приходили на место казни заранее и оставались там всю ночь, подбадривая себя горячительными напитками — в таком случае у них был шанс занять самые выгодные места поближе к эшафоту. Люди побогаче снимали комнаты в окрестных домах, либо же для них возводили специальные смотровые площадки, с которых открывался лучший вид. Вплоть до 1846 года дома в округе «Ньюгейта» сдавались в аренду на день — цена варьировалась от 20 до 50 гиней.

После казни многие женщины устремлялись к эшафоту: существовало поверье, что прикосновение руки повешенного к коже живого человека способно исцелить бородавки, угри, родимые пятна, а сама удавка считалась отличным средством от головной боли — после казни ее распродавали в пабе на улице Флит-стрит по ярду всем желающим.

Правда, находились и такие рожденные в рубашке счастливчики, которых не брала зловещая удавка — в истории Лондона есть немало примеров, когда повешенные приходили в себя на столе хирурга, купившего тело для медицинских экспериментов. Так, в частности, произошло с 16-летним насильником и убийцей Вильямом Дуеллем, который вдруг начал подавать признаки жизни на анатомическом столе, будучи повешенным ранее тем же днем. Хирурги решили попробовать привести его в чувство ради эксперимента, и им это удалось — через некоторое время Вильям уже самостоятельно сидел, прихлебывая теплое вино. Счастливчик был возвращен в тюрьму «Ньюгейт», где рассказал, что сама процедура казни была вовсе не болезненная: где-то посредине красивого сна наступил мир и бессознательный покой.

Огромное впечатление произвела тюрьма «Ньюгейт» и на Чарльза Диккенса, который писал о старом здании тюрьмы в своем «Никласе Никльби»:

«В сердце Лондона, в самом деловом и оживленном его центре, в вихре шума и движения, словно преграждая путь гигантскому потоку жизни, который неустанно катится из различных кварталов и разбивается у его стен, стоит «Ньюгейт», и на этой людной улице, на которую «Ньюгейт» взирает так хмуро, в нескольких футах от грязных, ветхих домишек, на том самом месте, где продавцы супа, рыбы и гниющих плодов занимаются своей торговлей, десятки людей среди грохота, с которым не сравняется даже гул большого города, четверо, шестеро или восемь сильных мужчин одновременно бывают насильственно вырваны из мира; сцена эта среди бурных проявлений жизни кажется устрашающей, когда любопытные глазают из окон, с крыш, со стен и колонн, и несчастный умирающий, охватывающий отчаянным взором все, не встречает среди бледных, обращенных вверх лиц, ни одного лица — ни одного! — которое выражало бы жалость или сострадание...»

Лондон Диккенса

Роман великого писателя с Лондоном начался в конце 1822 года, когда семья Диккенсов переехала в Лондон, и длился почти полвека.

Его биограф Хескот Пирсен так пишет о любви писателя к великому городу: «Диккенс — это был сам Лондон. Он слился с городом воедино, стал частицей каждого кирпичика, каждой капли скрепляющего раствора». В своем неистовом стремлении досконально изучить Лондон — вечно меняющийся огромный и живой организм — он любил пешие прогулки по городу в любое время года, в любую погоду и в любое время суток. Для Диккенса такие

пешие прогулки в двадцать с лишним миль со скоростью четыре мили в час, которые могли бы с легкостью уморить кого-либо менее энергичного, представляли собой «orgia отдыха», которые он чередовал с работой.

Именно он, великий и ужасный, интригующий и полный тайн викторианский Лондон — главный герой его произведений. Поклонники великого писателя-романиста до сих пор исследуют Лондон Диккенса: вышло несколько путеводителей с интересными прогулочными маршрутами с точными адресами, связанными с его жизнью и творчеством в столице. Кажется, будто дух писателя до сих пор витает над Лондоном: если просмотреть предметный указатель «Лондон от А до Я», то можно обнаружить немалое количество мест, одноименных с персонажами Диккенса. Так, например, существуют 10 улиц Копперфильд и 7 улиц Пиквик. Остается только догадываться, какие из них были названы в честь героев Диккенса, а какие, наоборот, побудили писателя выбрать это имя для своего персонажа. Диккенс относился к своим героям по-отечески, воспринимая их как живых людей: их страдания вызывали у него слезы, их участь заставляла его волноваться, проводить бессонные ночи, сожалеть о расставании с ними, когда роман подходил к концу.

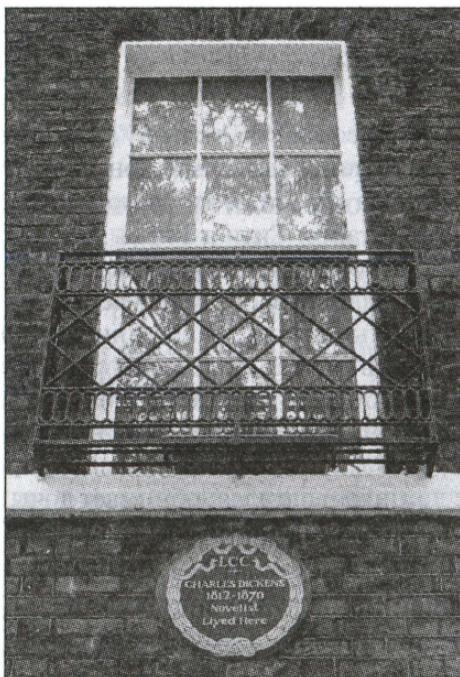
В Лондоне есть немало пабов, названных в честь как самого Диккенса, так и в честь его героев, недаром сами пабы явно или скрыто, но фигурируют в его романах.

Знаменитые романы «Оливер Твист» и «Николас Никльби» Диккенс написал на Даути-стрит, 48 в районе Блумсбери, где сегодня расположился музей великого писателя, хотя в этом «первоклассном семейном особняке, влекущем за собой кучу обязательств», как писал Диккенс в одном из писем к другу, романист прожил относительно недолго — всего 2 года. Он переехал на Даути-стрит в апреле 1837 года со своей супругой Кэтрин Хогарт и ее сестрой Мэри, которая жила с четой Дик-

кенсов первые годы их брака. Чарльз обожал веселую и живую Мэри — возможно, она напоминала ему любимую сестру Фанни, с которой были связаны самые дорогие воспоминания детства.

Трудно сказать, какие чувства связывали Диккенса с его супругой — красивой черноволосой и голубоглазой девушкой, мягкой и добросердечной, склонной к полноте. Скорее всего, поначалу это была сердечная привязанность, любовь-дружба, попытка создать добропорядочную, идеальную буржуазную семью, вписаться в строгую мораль и нравы викторианской Англии с ее культом семейного очага. Очаровательная и непосредственная Мэри вызывала у него чувства совсем другого рода — ее невинность заставляла Диккенса держать под постоян-

Дом-музей Ч. Диккенса на Дауни-стрит

ным контролем природную страсть и испытывать чувство вины, присущее викторианским мужчинам.

Здесь, на Даути-стрит, родились и две его дочери, Мэри и Кейт, и здесь же разыгралась семейная трагедия: 6 мая 1837 года Чарльз, Кэтрин и Мэри вернулись из театра, и юная семнадцатилетняя девушка вдруг потеряла сознание: она умерла на следующий день буквально на руках у Диккенса от сердечного приступа. Писатель был безутешен: на могильной плите он велел выгравировать слова «Молодой. Прекрасной. Хорошой». Он просил близких похоронить его самого в могиле Мэри (в итоге последний приют он обрел в знаменитом Уголке поэтов Вестминстерского аббатства). Мэри стала для него символом невинности и чистоты: «Я искренне верю, что в мире еще не было такого совершенного создания». Ее образ нашел свое воплощение в маленькой Нелл в «Лавке Древностей» и Флоренс из «Домби и сына».

Когда, пронзительнее свиста, я слышу английский язык,
Я вижу Оливера Твиста над кипами конторских книг.
У Чарльза Диккенса спросите, что было в Лондоне тогда:
Контора Домби в старом Сити и Темзы желтая вода...
Дожди и слезы. Белокурый и нежный мальчик — Домби-сын;
Веселых клерков каламбуры не понимает он один.
В kontоре сломанные стулья, на шиллинги и пенсы счет;
Как пчелы, вылетев из улья, роятся цифры круглый год.
А грязных адвокатов жало работает в табачной мгле —
И вот, как старое мочало, банкрот болтается в петле.
На стороне врагов законы: ему ничем нельзя помочь!
И клетчатые панталоны, рыдая, обнимает дочь...

К декабрю 1839 года семейство Диккенсов переехало в более просторный дом по адресу Девоншир Террас № 1 в районе Мэрилебон, а затем, в 1851-м, Диккенс снова вернулся в Блумсберри, на сей раз в особняк Тависток-Хаус на площади Тависток.

Особняк Ч. Диккенса на Девоншир-Террас

Частые переезды, длительное пребывание Чарльза за границей, растущее, как надрожжах, семейство — 10 детей подарила мужу Катерина — шумное, беспокойное племя, что не могло не сказаться на ее фигуре и характере, его неутомимая, бешеная энергия и ее послеродовые депрессии и меланхолия... Диккенс говорил своему другу Джону Форстеру: «Катерина и я не созданы друг для друга. У нас нет будущего. Дело не только в том, что она делает меня несчастным, но и в том, что я заставляю ее страдать, и даже в большей степени».

В 1842 году к ним присоединилась третья сестра из семейства Хогартов, Джорджина, спокойная, уверенная в себе, удивительно надежная и излучающая гармонию. Со временем она стала играть важную роль в жизни Чарльза — в 1858 году, когда Чарльз и Катерина окончательно расстались, Джорджина осталась с Диккенсом и занималась всем хозяйством в доме, что, безусловно, не могло не породить слухов об их романе. Дело дошло до того, что Чарльз был вынужден отвести Джорджину к врачу, кото-

рый подтвердил ее девственность — если это и был роман, то платонический. Вероятнее же всего, это была трепетная дружба — дело в том, что сердце Чарльза было занято другой женщиной. В 1857 году он страстно влюбился в молодую актрису по имени Эллен Тернан — эта удивительная женщина и по сей день остается загадкой для биографов Диккенса — может быть, ее реальная роль в жизни писателя так никогда и не будет выяснена. В том, что Диккенс был влюблён безумно, сомнений нет — он поселил Эллен с ее матерью в отдельном доме в Пекхаме и наносил ей тайные визиты, но, пожалуй, боялся признаться даже себе, что и в этом романе, длившемся 14 лет, не обрел ни покоя, ни удовлетворения. Эллен не примирila его с реальностью и не сделала счастливым, однако в такой тайной жизни, по крайней мере, сохранялся накал страсти и драматизм, который стимулировал его творчество.

Последние годы своей жизни Диккенс провел в кипучей деятельности: журналистика, писательство, авторское чтение, турне по Америке в 1868 году — создавалось впечатление, что, безмерно загружая себя работой, Диккенс бежал от реальных проблем своей жизни, в том числе и от самого себя. Однажды он сказал своему другу: «Я разрываю себя на части», но остановить себя, по-видимому, был не в силах. 8 июня 1870 года писатель провел в своей летней резиденции — Гэдсхилл-Плейс в Рочестере, работая в шале над своим последним романом «Тайна Эдвина Друда». Есть версия, пусть и не подтвержденная официально, что около полудня он направился навестить Эллен, которая изредка принимала его визиты и деньги на хозяйство. Во время визита с ним и случился удар — Эллен тут же вызвала экипаж и с помощью своего дворецкого доставила Диккенса в Гэдсхилл-плейс, где на следующий день, 9 июня, писатель и умер, так и не приходя в сознание. Рядом с ним были его дети — дочери и сыновья, Чарли и Генри, вызванные телеграммой, и, конечно же, его верная

Джорджина — они с Эллен договорились не предавать огласке тот факт, что накануне смерти Диккенс навещал Эллен. Что именно говорил ей Чарльз в последние часы своей сознательной жизни, так и осталось тайной.

Как остался недописанным и его роман «Эдвин Друд», на последней странице которого он описывал ясный солнечный день в Рочестере: «Ясное утро встает над старым городом. Невыразимо прекрасны его древние здания, развалины, густо увитые плющом, глянцевито поблескивающие на солнце, окруженные развесистыми деревьями, чуть слышно шелестящими под душистым ветерком. На стенах собора играют сверкающие блики от колышущихся ветвей, в окна врывается птичье щебетанье, с полей, лесов, садов — со всех концов этого большого сада, этого любовно возделанного островка, дождавшегося урожайной поры, струятся в собор ароматы, заглушая землистый запах старого здания, провозглашая гимн во славу Вечного Обновления Жизни. Согреваются даже холодные камни вековых гробниц; яркие солнечные зайчики, проворно шныряя меж строгих мраморных колонн, забираются в самые дальние уголки и трепещут там, как крылья мотылька».

Однако у недописанного романа Диккенса все-таки есть продолжение — правда, это уже совсем другая, мистическая история. Роман «Тайна Эдвина Друда» был издан в полном виде в 1873 году — его окончание написал американский типографский работник, человек простой и не слишком образованный (правда, большой почитатель творчества Диккенса). Удивительно, но даже некоторые маститые критики признали в его творчестве руку великого писателя — была выдвинута гипотеза, что окончание романа было написано в режиме автоматического письма — особое состояние психики и сознания, делающее человека восприимчивым к сигналам из другого, параллельного мира. Кто знает, может быть, дух великого Диккенса

Чарльз Диккенс в молодости

Жена Ч. Диккенса Кэтрин

только тогда и успокоился с миром, когда была дописана последняя страница романа?

Почувствовать же дух писателя, окунуться в его прошлое — рукописи, личные вещи, портреты — можно в Доме-музее Диккенса в Лондоне.

К сожалению, обе роскошные резиденции в Лондоне, в которых проживал писатель с семьей, впоследствии были снесены, а его первая относительно скромная квартира на Даути-стрит уцелела и, несмотря на то что за свой век она сменила немало хозяев, капитальной реконструкции не подвергалась ни разу. Многое в ней осталось таким же, как было и при жизни Диккенса: деревянные панели, лепнина, камин... В 1923 году дом на Даути-стрит оказался под угрозой сноса, однако был выкуплен существовавшим к тому времени уже свыше двадцати лет Диккенсовским обществом. В здании был сделан ремонт, и 9 июня 1925 года здесь был открыт Дом-музей Чарльза Диккенса, в котором собраны уникальные экспонаты, рассказывающие

как о эпохе Диккенса в целом, так и его карьере, личной и семейной жизни, героях и произведениях. Среди экспонатов — чердачное окно из снесенного дома на Бейхем-стрит, где юный Диккенс жил с родителями после переезда в Лондон: чердак служил для десятилетнего Чарльза спальней; решетка из долговой тюрьмы Маршалси, куда был посажен отец Диккенса в 1824 году, кольцо с бирюзой, подаренное Чарльзом будущей супруге в день помолвки (вероятно, именно о нем думал Диккенс, когда писал в своем «Дэвиде Копперфильде» о том, как Дэвид дарит Доре «очаровательную маленькую игрушку с голубыми камешками»), портреты молодого Диккенса и Катерины работы Самюэля Лоуренса, манускрипт «Записок Пиквикского Клуба», любимое кресло писателя и часы, личные вещи, принадлежавшие Диккенсу и его супруге, — целый мир и удивительная, насыщенная жизнь...

Чарльз Диккенс

Читая романы Диккенса, невозможно отделаться от ощущения, что связь между воображаемым миром писателя и миром реального Лондона невероятно сильна. В своих произведениях писатель использовал реальные названия мест, подробно описывал каждый изгиб и поворот маршрута. Его романы — во многом путеводители по викторианскому Лондону — таинственному, окутанному смогом, гигантскому и непостижимому. «Лондон похож на газету: там есть все. И это все между собой никак не связано». Распространено и сравнение Лондона с лоскутным одеялом: пестрым, красочным, скроенным разными портными изразных лоскутков. В Лондоне действительно есть все, что может быть в жизни: и блеск, и нищета, и укромные mestечки, и вселенская суэта, и гиганты архитектуры, и маленькие домишкы с садиками.

Лондон — это воистину великая книга, названия глав которой — имена улиц и площадей, монументов и станций метро. Гулять по Лондону, внимательно взгляดываясь в таблички с названиями мест, — значит читать эту великую книгу, разгадывать лингвистические шарады, путешествовать практически по всему миру, не выезжая за пределы британской столицы, ибо часть этого мира в свое время прибыло к берегам Темзы, и он осел на Женевароуд, Гибралтар-вок (Walk), Иерусалим-пэссидж, Конгороуд, Нью-Орлеан-вок и даже на Арктик-стрит, Рашнроу, Москву и Питерсбург-роуд.

Лондон русской эмиграции.

Православные храмы Лондона.

Ленин в Лондоне

В Лондоне действительно есть немало мест, названия которых связаны с Россией: например, Woronzow Road по-

лучила свое звучное название в честь графа Семена Романовича Воронцова, представителя русского двора в Великобритании с 1785 по 1806 год. Считается, что именно ему обязана Россия предотвращением войны между Россией и Британией, когда та намеревалась вмешаться и остановить Россию в ее борьбе с Турцией. Воронцов развернул широкую пропагандистскую деятельность, поддерживая оппозицию, выступая в газетах, издавая брошюры, и сумел в итоге убедить британское правительство, что война с Россией будет чрезвычайно невыгодна Британии.

Улица же *Russian Row* получила свое название после наполеоновских войн, когда Александр I на правах победителя прибыл в Британию в 1814 году. Его ожидал восторженный прием и роскошная гостиница в центре Лондона на Пикcadилли, которую Александр отказался променять на королевские апартаменты во дворце по одной забавной причине — в гостинице были установлены первые новомодные ватерклозеты, в то время как в громоздких древних дворцах все еще жили по старинке.

Бывал в Лондоне и Николай I — первый раз он посетил британскую столицу, будучи еще великим князем, и произвел неизгладимое впечатление на лондонский свет, второй раз, в 1843 году, прибыл в Лондон уже в качестве императора Российского по приглашению королевы Виктории.

Наследник престола, Александр II, побывал в Лондоне в 1839 году и остался вполне доволен теплым приемом, оказанным ему в столице в том числе и со стороны премьер-министра лорда Мельбурна.

Когда же цесаревич Николай, будущий император Николай II, прибыл в Лондон на свадьбу своего кузена Георга V, не было числа забавным курьезам: двоюродные братья были настолько похожи, что Николая то и дело принимали за жениха, о чем писала в письмах и дневниках сама королева Виктория.

Николай II и Георг V

Служил Лондон и приютом для русских изгнаников — пожалуй, самым известным из них был Александр Иванович Герцен, прибывший туда 25 августа 1852 года. «С уважением, с истинным уважением поставил я ногу на английскую землю», — писал он о своем приезде в Лондон. Именно он положил начало «Лондонской вольнице» — политической эмиграции, которая вела активную идеологическую и культурную работу. Долгие 12 лет длилась его вольница — до 21 ноября 1864 года: «когда на рассвете... я переходил по мокрой доске на английский берег и смотрел на его замарано-белые выступы, я был очень далек от

Тайны Лондона

мысли, что пройдут годы, прежде чем я покину меловые утесы его». Однако годы эти не были потеряны зря — в Лондоне Герцен издавал журнал «Колокол», писал «Былое и думы», публиковал в английской печати статьи о русской литературе, а его резиденция в Путни стала местом паломничества русских, приезжавших в Англию.

А по зову души издревле собирались русские эмигранты в лондонском приходе кафедрального собора Успения Пресвятой Богородицы и Святых Царственных Мучеников, который является одним из старейших в Западной Европе.

Одним из первых гостей Лондона из далекой России был, как известно, Петр Великий, который прибыл в Англию в январе 1689 года и провел целых четыре месяца в Дептфорде на берегу Темзы, познавая секреты и премудрости английского искусства кораблестроения в королевских доках. Тогда же и был основан первый православный приход, именовавшийся «Греко-Российской церковью». Церковь была приписана к Российскому посольству и получала большую часть церковной утвари от Министерства иностранных дел. Именно этот приход посещала великая княгиня Ксения Александровна, сестра последнего российского императора Николая, проживавшая в одном из домов на территории дворца в Хэмптон-корте. Она находилась в храме и во время визита архиепископа Курского и Обоянского Феофана, который привозил в Лондон одну из самых почитаемых икон русского рассеяния — чудотворную коренно-курскую икону Божией Матери.

Курская-Коренная икона Божией Матери Одигитрия русского рассеяния

8 сентября 1295 года, в день Рождества Пресвятая Богородица, небольшая дружина охотников из Рыльска отправилась на охоту в район реки Тускора, что в 27 верстах

от Курска. Один из этих охотников, высматривая добычу в лесу, нашел небольшую икону, лежавшую лицом вниз на корне дерева. Едва он поднял икону, чтобы рассмотреть ее, как из того места, где она лежала, забил сильный многоводный источник чистой воды. Икона оказалась «Знамения» Божией Матери. Благочестивый охотник, нашедший икону, тут же созвал своих спутников, и они общими усилиями срубили небольшую часовенку, в которой и поставили обретенную икону. Жители г. Рыльска, узнав о новоявленной иконе Божией Матери, стали посещать ее для поклонения, и от иконы стали источаться многочисленные чудотворения.

В 1385 году Курская область была снова опустошена татарами — они хотели сжечь часовню и икону, но деревянная часовня не загоралась. Живший при часовне священник, о. Боголеп, объяснил им, что причина этого чуда — в иконе, и тогда разъяренные татары разрушили икону пополам и разбросали половинки в разные стороны, а часовню сожгли. Священника же взяли в плен — в рыму он пас татарские стада, однако спустя некоторое время был выкуплен послами московского князя, приходившими в Орду, и возвратился к месту, где была часовня. После долгих поисков с постом и молитвою священник нашел обе половинки святой иконы, сложил их вместе, и они срослись так, что не осталось никакого следа от разреза, и только на его месте выступило нечто, «аки роса».

В 1676 году святая икона путешествовала на Дон для благословения донских казачьих полков. В 1684 году государи Иоанн и Петр Алексеевичи прислали в Коренную пустынь список «со святая иконы» с повелением, чтобы этот список сопровождал в походах православных воинов. В 1689 году списки «со святая иконы» были даны полкам в Крымский поход. В 1812 году список «со святая иконы» был послан к князю Кутузову в действующую армию.

Перед этой иконой молился и получил исцеление преподобный Серафим Саровский.

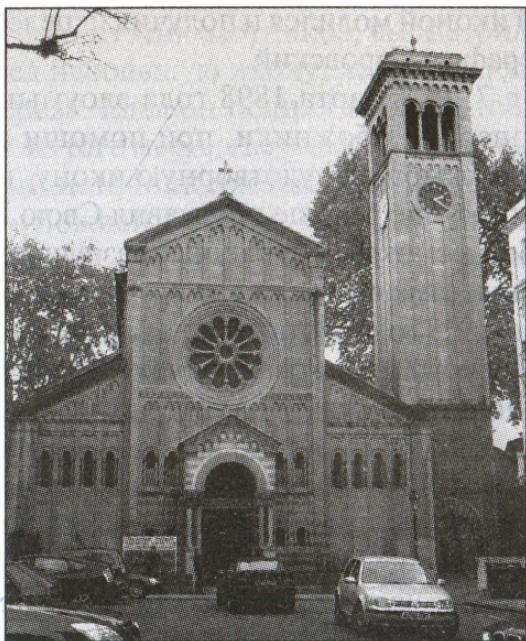
В ночь с 7 на 8 марта 1898 года злоумышленники, революционеры-бездожники, при помощи адской машины хотели взорвать чудотворную икону, но Господь Иисус Христос еще больше прославил Свою Пречистую Матерь, ибо, несмотря на страшные разрушения в соборе вокруг иконы, сама святая икона осталась невредима.

12 апреля 1918 года святая икона была украдена из собора Знаменского монастыря, однако 2 мая чудом была обретена вновь и вернулась на свое место.

Наконец, в 1919 году, в сопровождении епископа Феофана Курского и Обоянского и братии Знаменского монастыря, святая икона ушла за границу, в братскую Сербию. В 1920 году она вновь, по просьбе генерала Врангеля, посетила землю Русскую в Крыму и оставалась там до общей эвакуации Русской армии ген. Врангеля в первых числах ноября 1920 года. Святая икона возвратилась в Сербию, где и пребывала до 1944 года, когда, вместе с Архиерейским синодом, выехала за границу, находилась в Мюнхене (Бавария), при митрополите Анастасии. В 1951 году митрополит Анастасий из Мюнхена переехал в Америку. С 1957 года икона пребывает в посвященном ей главном храме Архиерейского синода в Нью-Йорке. Святая икона регулярно совершает путешествия по всем епархиям русского рассеяния.

В связи с активной перестройкой Лондона на протяжении последнего столетия, сейчас уже невозможно точно сказать, где именно находилась эта первая церковь.

Приход переезжал из здания в здание до 90-х годов XX века, когда, наконец, в западном Лондоне на Гарвард-роуд (Harvard Road) под его нужды был выкуплен дом с большим садом. Именно там и были построен величествен-

Собор Успения Божией Матери и Всех Святых

ный собор Успения Божией Матери и Святых Благоверных Страстотерпцев: царя-мученика Николая и его августейшей семьи, которым посвящен нижний храм.

При храме работает церковно-приходская школа, где по субботам дети из православных семей изучают Закон Божий, русский язык и литературу, изящную словесность и музыку, отмечают вместе дорогие нашему сердцу церковные праздники Рождества и Пасхи.

Второй православный приход в Лондоне — Собор Успения Божией Матери и Всех Святых — ненамного младше своего предшественника: он был основан в 1741 году как храм при русском посольстве, в 1923 году переехал в храм Святого Филиппа, а в 1956-м — в нынешнее помещение на Эннисмор-Гарденс (Ennismore Gardens) — в бывший приходской храм Всех Святых Англиканской церкви, построенный в 1849 году по проекту Льюиса Вуллиами по образу и

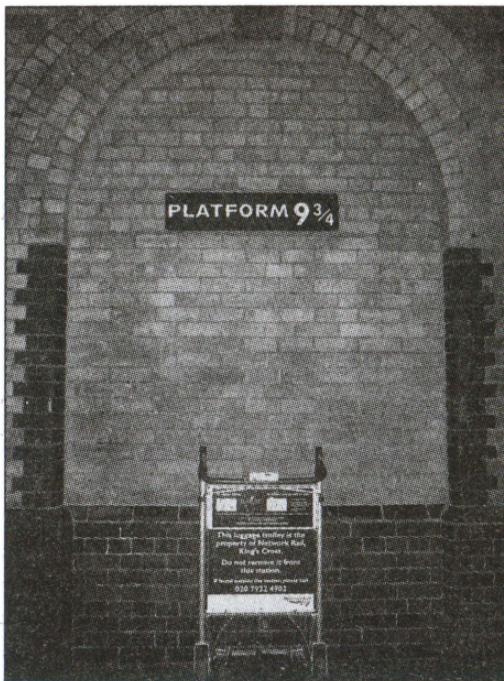
подобию базилики XI века — Сан Дзено Маджоре в Вероне. Западный фасад храма был перестроен Гаррисоном Туансендом в 1892 году. Особого внимания заслуживает роспись над высокими арками, выполненная в стиле сграффито — при процарапывании специальными инструментами верхнего слоя штукатурки обнажаются слои других цветов. Над аркой в восточной части собора изображено Распятие с символом евангелистов, в западной части шесть круглых медальонов обозначают шесть дней творения, а фрески в верхней части стен нефа представляют собой библейские сцены и изображения святых, среди которых можно увидеть святую Маргариту — покровительницу приходской церкви Палаты общин в Вестминстере.

Бывший англиканский храм успешно приспособили для православного богослужения — царские врата иконостаса, чьи иконы были написаны тремя учениками выдающегося русского иконописца Леонида Успенского, удалось спасти из храма при русском посольстве в Лондоне после Октябрьской революции. Многие другие иконы были пожертвованы храму частными лицами. Благодаря поддержке многочисленных друзей прихода, здание храма было приобретено в собственность в 1979 году.

Однако вряд ли наведывался в свое время в православные приходы Лондона основатель первого в мире социалистического государства — Владимир Ульянов-Ленин, который также не обошел своим вниманием этот гостеприимный город.

Ленин в Лондоне

Для современного читателя вокзал «Кингс-Кросс» в Лондоне прочно ассоциируется с «мамой» Гарри Поттера Джоан Роулинг, которая, будучи еще никому не известной матерью-одиночкой, отправлялась отсюда в Эдинбург, где и родился легендарный мальчишка. Здесь же находится и

«Платформа 9 и» на вокзале «Кингс-Кросс»

знаменитая платформа 9 и три четверти, с которой можно попасть в школу волшебников Хогвартс. Сразу после выхода первых книг о мальчике-волшебнике появилось немало последователей Гарри, желающих приобщиться к миру магии и тайн и, пробив головой стену между девятой и десятой платформой, попасть на волшебный экспресс, который умчит в Хогвартс — некоторое время на вокзале постоянно дежурила «скорая помощь» — медикам приходилось накладывать повязки на горячие головы охотников за приключениями. Теперь желающие могут сфотографироваться под табличкой «Платформа 9 и » на той самой легендарной стене, которую неоднократно испытывали на прочность лбы будущих волшебников.

Попробуем и мы воспользоваться этой платформой, чтобы попасть на экспресс времени, чтобы перенестись

в далекий 1902 год, когда основатель первого в мире социалистического государства господин Ульянов-Ленин со своей супругой Надеждой Константиновной прибыли в Лондон и сняли две комнаты у вокзала «Кингс-Кросс». Хозяйка, сдавшая им комнаты, как истинная пуританка, была всерьез обеспокоена тем, какое впечатление произведет на соседей Крупская, у которой не было обручального кольца.

Визит Владимира Ильича был связан с изданием в Лондоне центральной газеты партии социал-демократов «Искра». Ранее газета публиковалась в Германии, откуда контрабандой доставлялась в Россию. Однако под давлением российских властей немецкая полиция стала преследовать издателей, и выпуск «Искры» был перенесен из Мюнхена в Лондон.

Поначалу мнение Ленина о Лондоне было отнюдь не благоприятным. В своих письмах из британской столицы он отмечал, что здесь все «так дорого», а сам Лондон «с первого взгляда производит гнилое впечатление».

Однако вождю мирового пролетариата было не до сантиментов — нельзя было дать потухнуть «Искре», и работа закипела: почти каждый день Ленин навещал своих товарищей по партии — Алексеева и приехавших позднее членов редакции Мартова и Веру Засулич. Они снимали в Лондоне пять небольших комнат, из которых одну использовали в качестве гостиной, а другую как штаб-квартиру сотрудников «Искры». Приехавший из Германии наборщик Блуменфельд набирал «Искру» в одном из помещений Ист-Энда, а затем относил гранки в редакцию «Справедливости», где господин Гарри Квелч предоставил Ленину свой крохотный кабинет редактора для выпуска газеты «Искра».

Еще три члена редакции — Плеханов, Аксельрод и Потресов — находились в это время в Швейцарии. Между ними и лондонскими товарищами шла оживленная пере-

Читальный зал библиотека Британского музея

писка при соблюдении правил конспирации ввиду негласного полицейского наблюдения. Крупская занималась зашифровкой и дешифровкой писем, а Ленин регулярно посещал читальный зал Британского музея, где работал под именем доктора Якоба Рихтера.

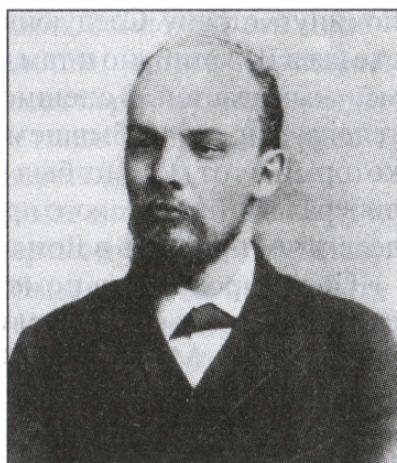
В свободное время Ленини Крупская посещали митинги социалистов, любили прогуляться к Уголку Ораторов в Гайд-парке, где слушали выступающих, пытаясь разобрать разговорную английскую речь, которая, по словам очевидцев, вызвала у супружеских пар полный шок. Однажды Владимир Ильич решился лично выступить в Уголке Ораторов, однако разговорный английский вождя в то время был далек от совершенства, кроме всего прочего, комнаты в Лондоне они снимали у ирландской семьи, поэтому в речи новоявленного оратора присутствовал довольно сильный ирландский акцент.

Можно было не сомневаться, что слушатели вряд ли многое поняли из того выступления, и, чтобы компенсировать пробелы книжного образования, было решено начать брать уроки усовершенствования английского. Джордж Реймонт, лондонский преподаватель Владимира Ильича и Надежды Константиновны, так вспоминал о быте этого революционного семейства: «Крупская — некрасивая, сутулая, выглядевшая много старше своих лет женщина, впрочем, не без смешливой хитринки в глазах... Больше всего эта семья поразила меня какой-то жуткой неприспособленностью к бытовым проблемам. В их квартире было постоянно неубрано. Я ни разу не видел, чтобы Крупская занималась по хозяйству».

Однако самих хозяев неустроенность быта отнюдь не смущала. По мере того как разворачивалось издание «Искры» (в Лондоне были опубликованы номера с 22 по 38-й), Ленин и Крупская все больше вживались в лондонскую жизнь. Они любили бродить по улицам, посещая как бедные, так и богатые кварталы, а иногда, запасшись бутербродами, колесили на велосипедах по пригородным паркам. Даже скверная лондонская погода не могла испортить настроение вождю мирового пролетариата, который к ней на удивление быстро адаптировался, да так, что, когда редакция «Искры» проголосовала за его перевод в Женеву, Владимир Ильич был единственным, кто выступил против этого.

После отъезда в Женеву в 1903 году Ленин посещал Лондон еще несколько раз.

В.И. Ленин в молодые годы

В 1905 году он и Крупская принимали участие в организации и работе Третьего съезда РСДРП. Лондон всегда был отличным убежищем для опальных революционеров — как писал один из делегатов, англичане руководствовались законом, запрещавшим «высадку на Британские острова только сумасшедшим, идиотам, больным заразными болезнями или осужденным за мошенничество к тюремному заключению». Большевики не подпадали ни под одно из этих определений, а потому англичане попросту просмотрели, как «из Искры возгорелось пламя».

Ильич просил делегатов в подробностях рассказывать ему о настроениях масс, о состоянии фабрик и заводов, а после заседания вместе с товарищем Алексеевым выступил в роли лондонского гида: делегатам показывали британскую столицу, знаменитый лондонский зоопарк, Музей естественной истории и даже «Гамлета» на сцене театра «Олд Вик».

В 1907 году Лондон принимал Пятый съезд РСДРП, несмотря на то что первоначально планировалось провести его в Копенгагене. Однако датская полиция запретила проведение съезда, дав делегатам всего 12 часов, чтобы покинуть страну. Следующей попыткой стало проведение съезда в Швеции, но и там делегаты наткнулись на запрет местных властей. В спешном порядке социал-демократы телеграфировали бывшему социалисту Джону Бернсу, который в тот момент был министром сформированного либералами британского правительства, и Бернс разрешил делегатам приехать в Лондон.

Съезд проходил в помещении действующей церкви, священником в которой служил социалист. Жена Максима Горького, Мария Федоровна Андреева, организовала для делегатов буфет в холле церкви — там стояли корзины с пивом и бутербродами, которыми угощался и Ильич, прибывший в Лондон из Финляндии. За делегатами следили не только репортеры и фотографы, но и 12 сыщиков,

Тайны Лондона

двоих из которых были наняты посольством России. После окончания работы съезда Ленин остался в Лондоне еще на пять дней — все это время он работал в библиотеке Британского музея.

Последний раз Владимир Ильич посетил британскую столицу в ноябре 1911 года, где выступал с лекцией о Столыпине, который был убит эсером-провокатором охранки 1 сентября.

Интересно, что в ленинской комнате-музее в Лондоне, что находится в здании Мемориальной библиотеки Маркса в Клеркенвэлл-Грин, сохранился прижизненный бюст Ленина, выполненный кузиной Уинстона Черчилля, там висит мемориальная доска и стоит стеллаж с полным собранием сочинений Владимира Ильича. Необычен и такой экспонат этой небольшой коллекции — бюст Ленина работы скульптора-авангардиста, выполненный в тридцатые годы, который представляет Ильича как «человека-взрывчатку», сильно опередившего свое время. Бюст выполнен из пластика, в буквальном смысле напичканного динамитными трубками. Действительно, в свое время Ленин взорвал старый мир — отолоски того взрыва слышны и по сей день... А Лондон, свидетель его молодости и некогда кипучей активности, устоял — и по сей день туристы толпятся на площади перед Букингемским дворцом, чтобы хоть краешком глаза увидеть королеву. Несмотря на все революции и перевороты.

И все же есть у Лондона один маленький секрет — как же все-таки можно простому смертному увидеть королеву в неофициальной обстановке. Правда, для этого надо быть довольно богатым человеком — увы, не каждый может позволить себе номер-люкс в отеле «Хилтон» на 27 этаже за 4800 долларов в сутки. Зато из этого номера открывается прекрасный вид на частные сады Букингемского дворца площадью 16 гектаров. 30 видов редких растений и 50 видов птиц — настоящий оазис в суэтном городе, где

королева любит прогуляться со своими корги, а другие члены королевской семьи поиграть в теннис или посидеть у озера.

Лондон королевский

Каждый город, как, впрочем, и человек, в чем-то противоречив и полон контрастов: у него есть свой Вест-Энд и Ист-Энд, в нем уживаются Принц и Нищий. Но вековым тайнам одинаково комфортно как при тусклом свете газовых фонарей Уайтчепла, так и при ослепительном сиянии хрустальных люстр Букингемского и Сент-Джеймского дворцов.

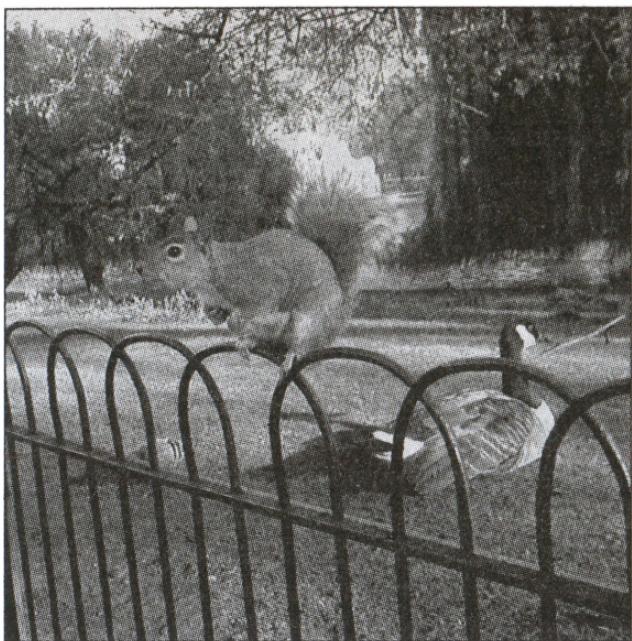
Давайте же попробуем ощутить дух королевского Лондона, окунуться в его официальную помпезность и парадную роскошь, щедро сдобренные леденящими кровь историями из бурного прошлого английской монархии. Пожалуй, мы начнем нашу прогулку с одной из наиболее элегантных лондонских улиц — Квин-Энн-гейт (Ворота королевы Анны): очаровательные дома, над дверьми многих из которых красуются резные деревянные навесы, величественная статуя королевы Анны, воздвигнутая в 1705 году. Анне довелось править в относительно мирный и благополучный период британской истории, однако это вряд ли могло сравниться с ее личной трагедией — отчаянно силясь подарить Британии наследника, королева родила 17 детей, но ни один из них не дожил до совершеннолетия. Медики XVII века не могли найти причину, королева страдала и находила утешение в обильных яствах, отчего ее некогда стройная фигура оплыла и потяжелела, современные же ученые полагают, что виной всему был конфликт резусов Анны и ее супруга. Как бы там ни было, статую королевы тоже можно назвать многострадальной: местные мальчишки приняли ее за «Кровавую Мэри» из рода Гюдоров, которая, пытаясь

Статуя королевы Анны

вернуть страну к католичеству, казнила еретиков направо и налево — костры инквизиции полыхали по всей Англии. «Юные мстители» за страдания протестантов периодически забрасывали статую камнями, и вскоре она потеряла нос и правую руку. В 1861 году покалеченную статую реставрировали, а на постаменте выбили надпись ANNA REGINA, чтобы избежать недоразумений в будущем — ведь, по идее, любому школьнику должно быть известно, что Анна была убежденной протестанткой. Однако традицию забрасывания статуи камнями продолжило, по меньшей мере, еще одно поколение уличной шпаны. Местные жители верят в то, что каждую ночь 1 августа, в день смерти королевы Анны, статуя сходит со своего постамента и три раза проходит вверх и вниз по улице.

Провожаемые грустным взглядом каменной Анны, пройдем вниз по улице до Кокпит-Степс (Cockpit Steps) и

В знаменитом королевском парке Сент-Джеймс

поворнем налево на Бердкейдж-Вок (Birdcage walk). Перед нами — знаменитый королевский парк Сент-Джеймс с его очаровательными пеликанами, утками и гусями, озерами и плакучими ивами и удивительным спокойствием, разлитым в воздухе. Правда, это спокойствие иногда нарушают гости из прошлого — например, безголовая леди, которая внезапно поднимается из глубины паркового озера (оно появилось в 1827 году, когда ландшафтным дизайном парка занимался королевский архитектор Джон Нэш), скользит по воде до берега, а затем исчезает в прибрежных кустах. Считается, что это дух жены некоего сержанта из близлежащих казарм дворца Сент-Джеймс, который убил ее в 1780 году. Отрубив голову и запрятив ее в секретном месте, он бросил тело несчастной в озеро.

Пройдя по мостику над озером, пожелаем духу несчастной женщины покоиться с миром, прогуляемся по парку и покормим пеликанов, затем направимся в сторону Молла (The Mall): с левой стороны возвышается официальная резиденция королевы Британии в Лондоне — Букингемский дворец, известный в народе как Бак-Хаус, фасад которого отделан портландским камнем.

Тайны Букингемского дворца

Букингемский дворец едва ли можно назвать одним из красивейших замков, принадлежавших королевской семье. В нем нет ни величественности Виндзорского замка, ни романтичности викторианского Балморала, ни домашнего уюта Сандригема, словом, этот дворец далеко не самый впечатляющий. Однако для королевского рода Букингемский дворец стал местом, где вершились многие судьбы. Интересно, что многие обстоятельства складывались так, будто сам дворец был против того, чтобы на нем развевался королевский флаг.

Начнем с того, что изначально это был вовсе не дворец, а обычный особняк, построенный Джоном Шеффилдом, герцогом Букингемским, во время правления королевы Анны. Свою городскую резиденцию герцог выстроил на месте бывшего публичного дома, пользовавшегося дурной славой. Впоследствии особняк чем-то очень приглянулся Георгу III, который и купил его у сына герцога, — таким образом, дворец перешел в собственность королевской семьи. Впоследствии, в течение правления нескольких последующих монархов, простой и лаконичный силуэт дворца претерпел множество изменений. Во время многочисленных перестроек возникали и довольно серьезные проблемы — чего стоила, например, экстравагантность Георга IV, не отличавшегося особой расчетливостью и тратившего гораздо больше денег, чем позволяла казна. Уже во время строительства королю постоянно приходили новые идеи по поводу того, как должен выглядеть дворец — придворный архитектор Джон Нэш, занимающийся реконструкцией дворца, по несколько раз переделывал свой проект. То Мраморная арка, установленная при въезде на Молл, показалась Георгу слишком маленькой и непрезентабельной, и ее пришлось перенести на угол Оксфорд-стрит, то еще что-либо: в итоге различие между задуманным вначале и конечным результатом было просто колossalным.

Сам Георг IV так и не успел пожить во дворце из-за постоянного ремонта, а его брат Вильгельм IV, унаследовавший трон, говорил, что вообще ненавидит этот дворец, несмотря на то что сам он родился в его стенах. Однако для того чтобы отказаться от родового имения, нужен был благовидный предлог. И такая возможность представилась — в 1834 году в здании Парламента случился довольно сильный пожар, и Вильгельм решил предложить для заседаний Парламента свой дворец. Однако парламентарии отказались от этого подарка, во многом потому, что уже

Букингемский дворец

слышали о многочисленных недостатках дворца. В итоге благовидной причины переехать из дворца не оказалось.

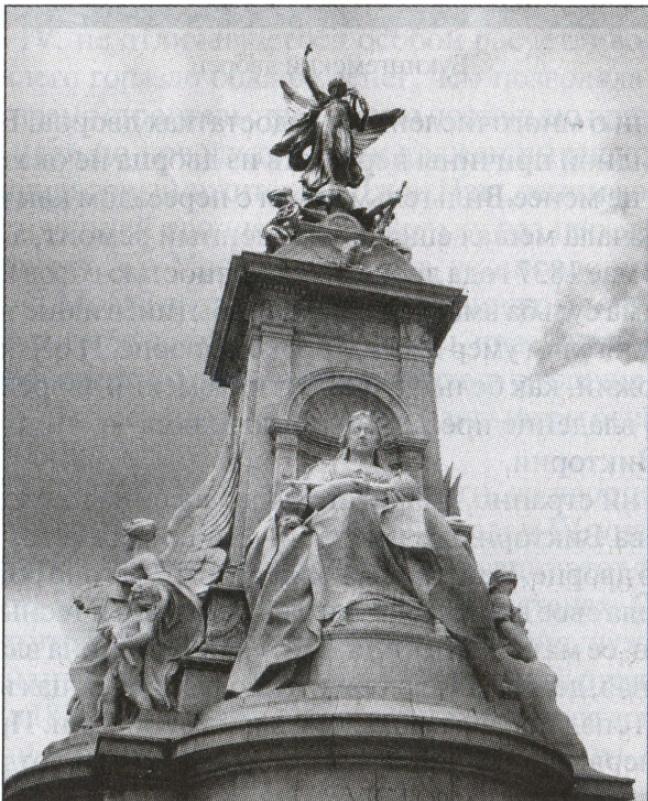
Тем не менее Вильгельм тянул с переездом как только мог: сначала мешал еще не оконченный ремонт, а затем, когда в мае 1837 года дворец был полностью готов к переходу, сама судьба вмешалась в ход событий: в июне того же года Вильгельм умер в Виндзорском дворце. И огромный, неуклюжий, как белый слон, Букингемский дворец перешел во владение преемницы Вильгельма — его племянницы Виктории.

Как ни странно, очаровательная восемнадцатилетняя королева Виктория не имела ничего против того, чтобы жить во дворце. Кенсингтонский дворец, где она родилась и провела свое детство, казался ей мрачным и тесным, более того, ее мать, герцогиня Кентская, женщина властная и сложная, держала Викторию в ежовых рукавицах и делила с ней спальню чуть ли не до самой коронации. Практически первое распоряжение, которое Виктория отдала по поводу переезда во дворец, касалось ее матери — ей отводились комнаты в противоположном крыле дворца. После

того как королева вышла замуж, дворец стал ее семейным гнездышком — большинство ее светлых воспоминаний было связано именно с Букингемским дворцом. Однако после смерти принца Консорта оставаться там стало для Виктории просто невыносимым. Королева все реже и реже стала приезжать в некогда любимый дворец...

Виктория умерла 22 января 1901 года, а ее сын, Берти, стал королем Эдуардом VII. За свою жизнь он постарался максимально изменить атмосферу дворца — однако он слишком любил жизнь во всех ее проявлениях и большую часть времени проводил вне его стен. Тем не менее 6 мая

Памятник королеве Виктории напротив Букингемского дворца

Тайны Лондона

1910 года он умер в стенах Букингемского дворца, который перешел к его наследнику, второму сыну, Георгу V.

Наследником же Георга V был Эдуард VIII, который успел побывать королем Британии около года, прежде чем отречься от престола из-за любви к дважды разведенной американке Уоллис Симпсон, жениться на которой ему, как королю, не разрешал Парламент. Неудивительно, что он также не любил Букингемский дворец, считая его мрачным, старомодным и неуютным, и большую часть времени проводил в личной резиденции Форт Белведер, где собирались его многочисленные друзья, конечно же, во главе с возлюбленной Уоллис.

Трудно сказать почему, но и ее отношение к творению Нэша была также далеко от благосклонности. Однажды короля и миссис Симпсон ждали во дворце к ужину: ровно в 8.30 все было готово, однако часы уже пробили девять, затем десять... а высоких гостей все еще не было. Наконец, в 10.30 влюбленная парочка, наконец, прибыла. Слуги начали накрывать на стол, и тут возникла одна маленькая проблема — миссис Симпсон совершенно не понравился интерьер столовой: то, как были расположены скульптуры, вазочки и картины, не соответствовало ее изысканному вкусу: она потребовала немедленно начать перестановки. И о каком ужине могла идти речь после всего этого? Конечно, все эти метаморфозы заняли довольно много времени, тем более что вкусу миссис Симпсон удалось угодить не с первого раза, и в результате измученные слуги только около полуночи смогли приступить к сервировке стола.

Можно предположить, что странные голоса, эхом разносящиеся по залам дворца в настоящее время, могут быть результатом, вернее следствием, тех самых лет: дом, который не любят, может отвечать тем же...

Ходят слухи, что во дворце обитают два привидения. Первое — совсем древнего происхождения, еще со времен,

когда территория, на которой стоит дворец, принадлежала монастырю. Некогда на территории современного парка Святого Джеймса был госпиталь Святого Джеймса, покровителя прокаженных — этот недуг был широко распространен в Англии и унес миллионы жизней. Большинство больных, как правило, оказывались, что называется, за чертой, и этот госпиталь был едва ли не единственным местом, где несчастные могли найти приют и получить помощь. Так что, скорее всего, одно из привидений ведет свое происхождение именно из тех темных лет...

Силуэт монаха не один раз видели на территории дворца. Он бродит по главной террасе, гремя цепями, и печально взирает на сад, расстилающийся внизу... Интересно, что появляется привидение только раз в году — в Рождество. Должно быть, при жизни монах был по каким-то причинам заточен в келье, и именно поэтому теперь его дух, разгуливая по пустынной террасе, гремит цепями, наве-

ки сковавшими его. Скорее всего, судьба несчастного действительно была очень тяжелой: любой неугодный власти человек, будь то ми-рянин, монах или монашка, мог оказаться закованным в цепи и заточенным в келье. Законы Средневековья были настолько жестоки, что у таких осужденных не было даже возможности просить о пощаде — в те темные времена было практически невозможно добиться помилования. Возможно, монах, чья неуспокоенная душа бродит по замку, умер в оди-

Эдвард VIII жизнь с любимой женщины предпочел трону и короне

Король Британии Георг VI с супругой. В годы Второй мировой войны он стал настоящим талисманом для своего народа

ночестве и мучениях много веков назад в день, в который теперь отмечается светлый праздник Рождества...

Второе привидение Букингемского дворца относительно недавнего происхождения, известно даже его имя — это майор Джон Гвинн, личный секретарь короля Эдуарда VII. Этот несчастный оказался замешанным в громком разводе. В результате он практически стал изгоем в обществе, что было так типично для нравов высшего общества для тех лет, вдобавок его отстранили от занимаемой должности. Бедняга не выдержал всех этих бед и застрелился. С тех пор из кабинета, где произошло самоубийство, время

от времени слышатся хлопки, напоминающие выстрел револьвера.

Можно было бы предположить, что по замку бродит дух Эдуарда VII, или его брата, Георга VI, на которого практически против его воли возложили обязательства, которые он не умел и не хотел исполнять, поскольку его старший брат, Эдуард VIII, предпочел трону и короне жизнь с любимой женщиной.

Однако, несмотря на множество трудностей, Георг VI справился со своими обязанностями и в тяжелые годы Второй мировой войны стал настоящим талисманом для своего народа. Король умер от рака в 1952 году — по его желанию, он провел последние дни вовсе не в Букингемском дворце, а в своем любимом Сандрингеме в Норфорке... Словом, кроме старого монаха, гремящего цепями, и духа несчастного майора, в замке привидений больше нет... или мы о них еще не знаем...

Мистика дворца Сент-Джеймс

Еще один дворец был построен неподалеку от Букингемского на месте бывшего лепрозория королем Генрихом VIII — дворец Сент-Джеймс. Он абсолютно соответствует вкусу монарха — Генрих VIII ценил сочетание красоты, лаконичности и, что самое важное, удобства. Генрих VIII сам руководил строительством главного особняка: вокруг здания был разбит парк, а когда все было готово, особняк получил название — Святого Джеймса-в-полях. Затем был построен еще один — Тюдоровский особняк, на котором красуются инициалы короля и его второй жены, Анны Болейн.

Правда, в нынешнем дворце мало что напоминает об эпохе Тюдоров — разве что Главная надвратная башня из красного кирпича, выходящая на Сент-Джеймс-стрит, да Придворная часовня, сооруженная в ознаменование краткого супружества Генриха и Анны Клевской, с ее по-

Дворец Сент-Джеймс

толком, украшенным переплетающимся позолоченным орнаментом и расписанным инициалами членов королевской семьи, — строительство часовни закончилось в 1540 году.

Именно в этой церкви Карл I в утре перед казнью принимал Святое причастие — он предпочел провести последнюю ночь в Сент-Джеймском дворце, чтобы не слышать звука топоров работников, возводящих эшафот в Уайтхолле. Здесь же венчались Вильгельм III Оранский и Мария II, Георг III и королева Шарлотта, королева Виктория и принц Альберт, Георг V и королева Мария. Вокруг дворца был разбит один из самых красивых садов в Лондоне — парк Святого Джеймса. И так как Генрих VIII увлекался охотой, в парке даже разводили оленей.

В наши дни во дворце, который, к сожалению, закрыт для публики, располагается резиденция герцога и герцо-

гини Кентских, а также офисы других членов королевской семьи и лорда-гофмейстера.

Некогда жизнь во дворце была фонтаном: во времена Стюартов здесь частенько бывал Карл II — он любил погулять по парку или поиграть в крикет. Иногда Карла II сопровождал его брат Джеймс, будущий король Яков II, или кузен, принц Руперт. Братья иногда оставались во дворце на несколько дней.

Любовь Карла, вошедшего в историю как «Веселый Монарх», к хорошенъким женщинам была широко известна — одной из его любовниц слыла Хортенсе Мансини, герцогиня Мазаринская, в то время как его брат, король Яков II, любил и восхищался мадам де Буклеир. Спустя много лет, когда возлюбленные этих женщин уже покинули этот мир, они стали близкими подругами. И вот однажды одной из тем их разговоров стала смерть. В итоге подруги договорились о том, что та, кто умрет первой, попытается после смерти дать о себе знать, если, конечно, жизнь после смерти существует.

Первой оказалась герцогиня Мазаринская: примерно за полчаса до ее смерти мадам Буклеир напомнила ей об их договоренности.

Однако прошло несколько лет, а никаких вестей от умершей подруги не последовало, и мадам де Буклеир стала крайне недоверчиво относиться к теориям о жизни после смерти, ведь герцогиня не дала о себе знать, и договоренность не была выполнена...

После смерти подруги мадам Буклеир подружилась с герцогиней Клевлендской. Трудно сказать точно, рассказывала ли она ей о договоренности с подругой, но однажды в ее дом пришел посыльный и сообщил, что мадам Буклеир при смерти и хочет ее видеть. Конечно, леди немедленно собралась и поехала во дворец Святого Джеймса, однако там она застала подругу абсолютно здоровой. Мадам Буклеир объяснила, что о скорой смерти ей сообщила гер-

цогиня Мазаринская: «Я видела, как она стояла точно в такой позе, в которой она любила стоять при жизни. Она стояла в углу той комнаты. И она сказала, что между двенадцатью и часом ночи я буду с ней». Прежде чем мадам Буклеир успела что-либо сообразить, призрак исчез.

И хотя мадам Буклеир не заметила никаких изменений в самочувствии, она все же попросила подругу остаться до часа, который назвал дух покойной герцогини.

К всеобщему ужасу около полуночи мадам Буклеир вдруг вскрикнула: «Сердце!..», и в течение получаса бедняжка умерла. Врачи установили причину смерти — сердечная недостаточность... Предсказание духа полностью сбылось.

Однако это еще не все мистические события, связанные с дворцом. Существует еще одна печальная история, отголосок которой до сих пор живет в стенах дворца Святого Джеймса...

Из всех своих детей Георг III, пожалуй, меньше всего любил, а точнее, даже побаивался Эрнеста Августа, герцога Камберлендского. Эрнест Август родился 6 июня 1771 года, а в пятнадцать лет его отправили учиться за границу, в колледж «Готтинген» в Ганновере, окончив который он выбрал карьеру военного. В службе Эрнест был сторонником крайне строгой дисциплины, а вот что касается личной жизни, то ходили слухи, что репутация у него, как, собственно, и у большинства его братьев, была довольно дурной.

31 мая 1810 года случилось крайне печальное событие. Слуга герцога, Селлис, был найден мертвым во дворце Святого Джеймса. По официальной версии это было самоубийство, однако существуют некоторые обстоятельства, которые явно противоречат этой теории.

Сразу же после этого события по дворцу, а затем и за его пределами поползли слухи. Одни говорили, что герцог соблазнил дочь Селлиса, другие утверждали, что Селлис за-

стал герцога в постели со своей женой. В результате Селлис якобы попытался убить герцога, а когда ему это не удалось, покончил жизнь самоубийством, либо герцог, возмущенный тем, что слуга вмешался в его дела, убил его.

Как бы то ни было, единственное, что достоверно известно, это то, что вечером 30 мая герцог отпустил Селлиса примерно в 9.30. В 10.30 одна из служанок видела Селлиса около спальни. Затем та же девушка слышала, как немного позже кто-то шел к спальне герцога. Сам же герцог вернулся с концерта (на который он ходил тем вечером) только в 12.30. По его словам, он сразу лег спать. Однако вскоре проснулся из-за того, что его кто-то ударил по голове. Герцог осмотрел комнату и, никого не обнаружив, позвал своего второго слугу Нила. В этот момент он почувствовал острую боль — кто-то ударил его саблей по бедру. «Нил, меня убили!» — закричал герцог. Испугавшийся слуга вбежал в комнату и бросился осматривать раны своего господина.

Как только это случилось, сразу же послали за Селлисом. Однако его нашли в собственной спальне с перерезанным горлом.

Итак, если верить официальной версии двора, то раны герцога были очень тяжелыми, и нанесены они были в результате яростного и внезапного нападения. И, конечно, самоубийство Селлиса трактовалось как доказательство его вины.

Однако самая распространенная версия всего произошедшего значительно отличается от официальной. Во-первых, возникает вопрос — если герцога хотели убить, то как же так получилось, что убийца всего-навсего поцарапал ему бедро и не нанес спящему человеку смертельных ранений? И как так получилось, что, если следовать официальной версии, Селлис покончил жизнь самоубийством, а бритву, которой было перерезано его горло, нашли на довольно значительном расстоянии от трупа?

Словом, дело это окутано завесой тайны, и двор совершенно не был заинтересован в объективном расследовании. Но стоит заметить, что герцог был отличным фехтовальщиком, а Селлиса нашли с перерезанным горлом... довольно странное совпадение, не так ли? Однако несмотря на все эти факты, суд признал, что Селлис покончил жизнь самоубийством, кроме того, беднягу посмертно обвинили в попытке убийства герцога...

Что ж, теперь мы уже никогда не узнаем правды о том, что же произошло той ночью. Однако простой народ не поверил в официальную версию, и герцогу частенько приходилось ловить неодобрительные взгляды в свою сторону...

Много лет спустя во дворце Святого Джеймса появилось привидение — неприкаянная душа Селлиса периодически появляется в комнате, где погиб несчастный. Кроме того, из комнаты доносятся стоны и крики...

Словом, все ужасы той ночи воскресают во дворце и не дают забыть о мучительной смерти, скорее всего, ни в чем не повинного человека...

Загадочное происшествие в Кларенс-Хаусе

Безусловно, дворец Святого Джеймса имеет очень длинную и непростую историю, но не менее необычна и история Кларенс-Хауса, соединяющегося с юго-западным крылом дворца.

Кларенс-Хаус был построен в 1825 году, специально для Уильяма IV, который вот-вот должен был взойти на престол. Тогда его титул звучал как герцог Кларенский (отсюда и название дома). Затем Кларенс-Хаус стал домом для матери королевы Виктории, герцогини Кентской, еще позже здесь жил второй сын королевы, герцог Эдинбургский, от которого, в свою очередь, дом перешел к младшему брату Артуру, герцогу Коннаутскому. Позже Кларенс-Хаус стал официальной резиденцией королевы

Елизаветы II, в нем проживала королева — мать Елизавета и ее младшая дочь принцесса Маргарет. Теперь же это официальная лондонская резиденция Чарльза и Камиллы — только летом, когда счастливые супруги находятся на отдыхе в Шотландии, часть дворца открыта для публики, да и то только в составе организованных экскурсий.

Кларенс-Хаус — очень красивый и величественный старинный дом. Как ни странно, он уцелел во время тяжелых лет Второй мировой войны — тогда в доме был расположен госпиталь Красного Креста.

Как правило, происхождение большинства привидений Кларенс-Хауса относят именно к тому периоду. Точнее было бы сказать, что в те годы привидения и духи впервые дали о себе знать.

Интересны свидетельства корреспондентки из Лондона миссис Сони Марш. Дело в том, что ей довелось пережить одну малоприятную историю. Это случилось в сороковых годах прошлого века. Девушка работала секретарем в конторе, которая в те годы располагалась в Кларенс-Хаусе.

Миссис Марш, как и большинство одиноких женщин, не связанных семейными обязательствами, подпадала под категорию людей, к которым проявлялась особая заинтересованность со стороны работодателей, ведь она не подпадала ни под какие льготные категории. Ей приходилось работать по многу часов, да еще и условия работы оставляли желать лучшего. Миссис Марш работала по пятьдесят часов в неделю, включая воскресные вечера. Однако, как правило, работники в конторе старались установить между собой такое расписание, чтобы освобождаться по воскресеньям — некоторые приходили на буднях раньше, некоторые предпочитали задерживаться по вечерам, чтобы отработать часы, выпадавшие на воскресенье.

Однажды обстоятельства сложились так, что миссис Марш не смогла отработать положенные часы, и ей пришлось остаться на работе в воскресенье вечером.

Кларенс-Хаус

Вечер выдался не самый приятный — на дворе стояла осень, кажется, был уже конец октября или даже начало ноября. Солнце заходило совсем рано, и ночи были ужасно темными.

Все коллеги уже разошлись по домам, и Соня осталась абсолютно одна, по крайней мере, на первом этаже точно никого больше не было. В здании все было как-то неуютно и голо: голые стены, обшарпанный пол, который когда-то, наверное, был наполированным паркетом. Теперь в это некогда красивом дворце все было заставлено столами, телефонами, разными офисными вещами...

Девушка попыталась сосредоточиться на работе — ведь когда чем-то занимаешься, время всегда идет быстрее. Однако сосредоточиться Соне решительно не удавалось. Казалось, ничего особенно странного не происходило, но у нее вдруг появилось странное, но удивительно сильное

ощущение, что она вовсе не одна... что в кабинете есть кто-то еще... Соня несколько мгновений пристально смотрела на бумаги... потом подняла голову... «Это всего лишь разыгравшееся воображение, ничего страшного», — как ни пыталась Соня успокоить себя, ее не покидало ощущение, что кто-то притаился в темных углах кабинета.

Девушка резко обернулась... и вдруг увидела того, кто прятался в темноте: «серовато-дымчатое, вращающееся существо. У него не было ног, но оно подпрыгивало, вращалось, словом, очень активно двигалось. Я... — рассказывала Соня Марш, — я просто остолбенела от ужаса».

Соня выскочила из-за стола и схватила пальто. Однако, несмотря на панику, охватившую ее, все же не забыла задернуть шторы, что обязательно требовалось по технике безопасности. Посмотрев в сторону странного существа, Соня обнаружила, что оно все еще там. Тогда девушка без оглядки побежала прочь из кабинета, на ходу она надела пальто и выскочила на улицу, и только тогда, слегка отдохнувши, вдруг вспомнила, что вечером из бального зала доносились странные звуки, как будто кто-то хлопал дверью, хотя никого больше в здании не было. Так ибежала она до самого дома, боясь даже обернуться.

В понедельник Соня рассказала своим коллегам о том, что с ней произошло, — история произвела на всех сильное впечатление. Интересно, что, когда Соня описывала то, что увидела, один из слушателей заметил: «Скорее всего, это был старый герцог Коннатский». Тогда Соня ничего не знала о герцоге, потому что довольно долго прожила в Советском Союзе (с 1931 по 1941 г.) и вернулась в Англию только в шестнадцать с половиной лет.

Странным в этой истории может показаться форма призидения, с которым довелось повстречаться Соне — обычно свидетели таких явлений описывают фигуру, детали одежды, а иногда и черты лица. Что ж, бывают и другие формы, в которые материализуются духи, например, простейшей

и наиболее часто встречающейся является свящающийся шар. Такие шары могут просто прокатиться по полу или по стене и исчезнуть. А иногда, в местах, где находится особенно сильный сгусток энергии (например, там, где, возможно, происходило какое-либо насилие), в этих шарах могут довольно ясно проявляться лица людей.

Существует версия, что на первой ступени материализации, то есть той, когда материализуются духи, обладающие небольшим запасом энергии, привидения, как правило, вообще не имеют четкой формы, или формы, напоминающей силуэт человека: это может быть и светящийся шар, и бесформенный сгусток серовато-дымчатого цвета, и нечто, имеющее цилиндрическую форму. Чем большей энергией обладает дух, тем более четкие формы он может принимать при материализации. Иногда дух даже может принять форму тела, в котором существовал при земной жизни. Однако все это требует очень большого запаса энергии. Кроме того, на то, чтобы материализовавшийся дух имел какой-либо цвет, тоже необходимо очень много энергии, поэтому, как правило, очевидцы описывают привидения либо белого, либо серого, либо черного спектра. Еще стоит заметить, что, как правило, сначала дух мате-

Герцог Коннантский

риализуется в какое-либо бесформенное существо и только потом, аккумулируя энергию, начинает приобретать более ясную форму, а затем, если остаются еще силы, и цвет.

В случае же, который описывала миссис Марш, привидение, должно быть, обладало совсем маленьким запасом энергии и не смогло выйти на более высокий уровень материализации.

Возможно, к тому времени, как Соня Марш стала свидетелем появления привидения, уже ходили слухи о духах, обитающих в Кларенс-Хаусе. Иначе откуда могло появиться столь уверенное предположение одного из ее коллег о том, что Соне явился именно герцог Коннаутский. Что ж, чтобы точно определить, что по Кларенс-Хаусу бродит дух именно Артура, сына королевы Виктории, нужно время... и новые свидетельства...

Прошлое и настоящее Кенсингтонского дворца

Еще одна королевская резиденция Лондона, овеянная историями и легендами, — это Кенсингтонский дворец, который располагается в западной части Гайд-парка. Изначально дворец был известен как Кенсингтонский особняк: в свое время его купил по просьбам жены, Марии II, Вильгельм III Оранский. За новый дом, которому предстояло стать уютным семейным гнездышком, пусть и не надолго, супругу пришлось заплатить 18 000 гиней. Сразу после покупки Вильгельм III нанял Кристофера Рена в качестве королевского архитектора, чтобы тот перестроил его во дворец.

Прежде всего, на его территории были разбиты прекрасные сады, а в самом парке начали разводить оленей. Марии так не терпелось переехать в новый дом, что она постоянно подгоняла Рена — в результате все работы шли в полной суматохе и спешке, а это, в свою очередь, не могло не сказаться на качестве строительства. Во время строительства,

Вильгельм III Оранский

все по той же причине — спешке — произошел печальный инцидент — на одном из участков стройки обвалилась крыша, и под обломками погибли несколько рабочих. Однако, несмотря на то что начало жизни дворца было омрачено столь печальным событием, это, казалось, нисколько не смущило ни Вильгельма, ни Марии. Они переехали в свой новый дворец под Рождество в 1690 году и были вполне довольны результатами перестройки. Уже после переезда королевской четы через парк была проложена новая дорога. Каждый вечер, когда Вильгельм и Мария находились в своей новой резиденции, дорогу освещали фонари.

Мария с удовольствием принялась за обустройство внутреннего интерьера дворца: вскоре он превратился в настоящую галерею, где были собраны лучшие работы фланандских и итальянских мастеров. Кроме того, королева

Георг II

перевезла во дворец свою коллекцию фарфора, которую она собрала, когда жила в Голландии. Стоит заметить, что именно тогда зародилась мода на фарфоровые изделия.

Хотя за свое время правления Вильгельм и Мария не достигли особых успехов в области политики и экономики, благодаря им семейная жизнь приобрела особую ценность в обществе.

В 1727 году на престол взошел Георг II: немец по духу и сути, он правил тридцать три года, но все это время мечтал вернуться в Ганновер, где он вырос. У Георга II даже был довольно ярко выраженный немецкий акцент.

К сожалению, во время его правления Англия, как и многие другие европейские страны, оказалась втянута в войну, и Георг II был последним английским королем, который сам участвовал в боевых действиях и вел за собой армию.

Даже во время тяжелой болезни, когда королю запрещали даже вставать с постели, он требовал, чтобы ему постоянно докладывали новости о его армии. Здоровье Георга II неумолимо ухудшалось, но чем хуже он себя чувствовал, тем яростнее требовал новостей с фронта.

Надворе стоял октябрь 1760 года... Георг II ждал возвращения кораблей своей армии с фронта. Время от времени король с трудом поднимался с постели и подходил к окну, чтобы посмотреть, не изменился ли ветер... «Почему же их так долго нет?..» — тихо, сквозь боль, спрашивал король...

А когда корабли, наконец, причалили в английском порту, было уже поздно — король их так и не дождался — он умер 25 октября. Наследником Георга II стал его внук, Георг III.

С тех пор в окне дворца иногда появляется силуэт короля, который так ждал известий с фронта. Говорят, иногда слышится и его голос — приглушенный от боли, с резко выраженным немецким акцентом, произносящий единственный вопрос, волновавший его перед смертью: «Почему же их так долго нет?..»

Но несмотря ни на что дворец живет своей обычной повседневной жизнью... «Кей-Пи», как его называют в кругах, близких к королевским, был и тем самым местом, где родилась и провела свое детство королева Виктория — эти комнаты можно посетить во время экскурсии по дворцу, здесь же, в мрачной красной гостиной, где сейчас проходятся входные билеты, восемнадцатилетняя королева проводила первое заседание Тайного совета. Кенсингтонский дворец служил поначалу и официальной лондонской резиденцией принца Чарльза и леди Ди, однако после развода Чарльз переехал во дворец Сент-Джеймс, а Диана осталась в Кенсингтонском дворце. Жаль, правда, что в покоях в западной части дворца, где жила «королева людских сердец», туристов непускают, зато здесь можно полюбоваться ее элегантными нарядами. Жила здесь и

Кенсингтонский дворец

принцесса Маргарет, младшая сестра Елизаветы II. Здесь и по сей день обитают члены королевской семьи, в частности, граф и графиня Кентские и граф и графиня Глостерские. Вокруг дворца шумят листвой кенсингтонские сады, снуют очаровательные белки, царит покой и благодать...

Однако самые прекрасные сады Лондона хранятся в большом секрете. Они расположены совсем недалеко от прежнего дома принцессы Дианы, но их невозможно увидеть с Кенсингтон-Хай-стрит — сады находятся на высоте 30 метров над землей, на крыше шестиэтажного дома. В 30-е годы XX века фантазия и инженерный гений архитектора Хэнкока помогли сотворить это чудо — сады на крыше «Дерри энд Томз»: викторианский, регулярный «испанский» и пейзажный, который часто называют английским. Пруды с лебедями, пальмы, розовые фламинго... Правда, за всем этим стоят титанические усилия — каждый год сюда через все здание приходится поднимать 7 тонн компоста и удобрений: глубина почвы садов на

Тайны Лондона

крыше составляет 3 метра, и корни деревьев приходится постоянно подрезать, чтобы они не проросли в расположенные под ними офисы. Несмотря на то что Лондон известен своими дождями и туманами, естественной влаги здесь все равно не хватает — дополнительная вода поступает из ключей, которые находятся внизу здания.

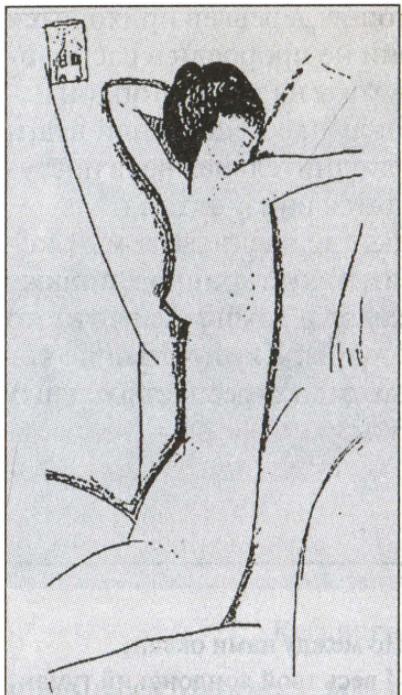
Сейчас эти уникальные сады, где насчитывается около 500 различных пород деревьев и кустарников, а также ресторан «Сады Вавилона», входят в комплекс элитного клуба «Руф-Гарденз» (Roof Gardens). Клуб, хоть и не королевский, — излюбленное место отдыха респектабельных лондонцев и гостей столицы.

Лондон Ахматовой

Но между нами океан,
И весь твой лондонский туман,
И розы свадебного пира,
И доблестный британский лев,
И пятой заповеди гнев, —
И эта ветреная лира!

*М. Цветаева.
«Искательница приключений»*

Лондон королевский, Лондон революционный, Лондон русской эмиграции — поэтический, романтический... Анну Ахматову тоже сравнивали с королевой — величественная, великая, она безраздельно властвовала в сердцах мужчин, влюбленных в нее, она и по сей день властвует в сердцах всех, кто влюблен в ее поэзию. Как истинная королева, она оставляла за собой королевские следы — рисунки Амадео Модильяни, который сумел уловить сущность юной Ахматовой: тонкие вибрации ее души, ее кошачью грацию... Напольная мозаика Бориса Анрепа в лондонской нацио-

Анна Ахматова
на рисунке Модильяни

благодать». Именно ему, Борису Анрепу, досталось от «королевы-бродяги» больше всех эликсира ее бессмертных строк — только в сборнике «Белая стая» ему посвящено 17 самых счастливых и самых светлых стихотворений и еще 14 — в «Подорожнике», ему же посвящен единственный в поэзии Ахматовой акrostих «Песенка»:

Бывало, я с утра молчу
О том, что сон мне пел.
Румянай розе и лучу
И мне — один удел.
С покатых гор ползут снега,
А я белей, чем снег,
Но сладко снятся берега

нальной галерее —увековечить ту, которую так страстно когда-то любил, — разве это не предел мечты для каждого творческого человека? Но ведь и она щедро одаривала тех, кого любила, — своими стихами подарила им ни много ни мало — бессмертие...

Как истинно русская женщина с большим и горячим сердцем, Ахматова много любила... Любила свою многострадальную Родину, свой народ, своих мужей, своих друзей, но был в ее жизни один особенный человек, и, пожалуй, только к нему можно отнести ее слова: «Ты — солнце моих песнопений, Ты — жизни моей

Разливных мутных рек.
Еловой рощи свежий шум
Покойнее рассветных дум.

Так кем же он был и чем же смог завоевать такую глубинную любовь Ахматовой?

Борис Васильевич Анреп родился в Петербурге в 1883 году и имел все основания гордиться своими предками — в далекие времена Петра Великого один из фон Анрепов был захвачен в плен в числе воинов шведского короля Карла XII. Надо сказать, Борис был первым в семье, кто решился отбросить от своей фамилии аристократическую частицу фон. У родителей Бориса было небольшое имение в Ярославской губернии и дом в Петербурге. Отец Бориса, который был известным ученым-медиком и государственным деятелем, в 1899 году отправил своего шестнадцатилетнего отпрыска учиться в частную школу в Лондон — то было первое знакомство Анрепа с британской столицей. Вернувшись в Петербург, он поступил в Императорское училище правоведения, а затем и на юридический факультет университета. Однако любовь к искусству, в частности, к живописи, оказалась сильнее — бросив занятия юриспруденцией, Анреп отправляется в Италию, а затем в Париж обучаться живописи. Однако судьба вновь приводит юношу в Лондон и дает ему своеобразную путевку в большую жизнь: благодаря другу его семьи, известному английскому художнику Огастасу Джону, перед молодым и талантливым графом Анрепом открываются двери в элитные художественные салоны — он входит в круг самой Вирджинии Вулф. Он становится модным художником и приобретает известность, прежде всего как мастер мозаики, особенно церковной. Он, высокого роста, атлетического телосложения, энергичный и жизнерадостный, самоуверенный и в то же время удивительно романтичный молодой человек,

кружит голову прекрасным светским дамам. В 1908 году в Ницце Анреп женится на русской аристократке Юнии Хитрово — страстный молодой человек «скомпрометировал» девушку из благородной семьи и, как истинный джентльмен, просто обязан был на ней жениться. Однако на этом записной сердцеед и не думал успокаиваться — через год в их парижском доме появилась еще одна дама сердца — Эллен Мейтленд, которая родила ему двоих детей, а его бедная супруга была вынуждена терпеть этот треугольник, вдобавок ко всему у Бориса была еще одна пассия — сестра Вирджинии Вульф, Оттолин Морелл.

Тем не менее талантливому и неотразимо обаятельному русскому прощали все даже в чопорном высшем свете — вернувшись в Лондон в 1914 году, он начинает работать над фресками и мозаичными криптами в Вестминстерском соборе, оформляет мозаики в богатейших частных домах, впоследствии перевезенные в галереи Бирмингема, создает мозаичный пол в зале Блейка в галерее Тейт. После того как в 1914 году Юния Анреп уехала в Россию, Борис женится на матери своих детей, Эллен Мейтленд.

Начинается Первая мировая война... Как офицер запаса, тридцатидвухлетний Анреп возвращается в Россию и два года проводит на фронте, участвуя в боях в Галиции и Закарпатье, а в 1915 году, в Вербную субботу происходит его судьбоносное знакомство с Анной Ахматовой. По горькой иронии судьбы их познакомил общий друг — Николай Недоброво, безнадежно влюбленный в «гибкую гитану», как называли Ахматову в молодости. Еще до знакомства Ахматовой и Анрепа Недоброво писал ей об Анне: «Красивой ее назвать нельзя, но внешность ее настолько интересна, что с нее стоит сделать и леонардовский рисунок, и генсборовский портрет маслом, и икону темперой, а пуще всего, поместить в самом значащем месте мозаики, изображающей мир поэзии. Осенью, приехав сюда, я думаю, ты не откажешься ни от одной из этих задач».

Кто мог знать тогда, что этот совет Анрепу окажется пророческим? Много лет спустя, когда самого Недоброво уже не было в живых, Борис Анреп изобразит Ахматову в напольной мозаике «Compassion» («Сострадание») в Национальной галерее Лондона.

Итак, они встретились... «Веселый человек с зелеными глазами, любимец девушек, наездник и игрок», «великан с неукротимой жизненной силой», тонко чувствующий поэзию, излучал любовь и притягивал к себе, как магнит. И юная Ахматова — высокая, гибкая, стройная, загадочная: нос с характерной горбинкой, челка на глазах, в которые затягивало, как в омут... Чувства вспыхнули взаимно — кто кого приворожил, сказать трудно, но Муза Ахматовой обрела новые крылья — стихи полились мощным потоком — вобщей сложности их было написано около 40...

Да, они были оба несвободны, да и время было смутное и сложное — «окаянные дни», по меткому выражению И. Бунина, но что это могло изменить? Анна была просто околдована, оба были молоды и безрассудны, а привкус обреченности придавал собую прелесть их редким свиданиям.

Три дня спустя после их первой встречи она снова проводит его на фронт, а он будет оттуда рваться к ней в каждый отпуск, в каждую командировку. Это были романтические встречи — каждая как в последний раз — катания на санях, разговоры, стихи...

Сам Анреп так вспоминал о романе с Ахматовой: «Мы катались на санях, обедали в ресторанах, и все время я просил ее читать мне стихи; она улыбалась и напевала их тихим голосом. Часто мы молчали и слушали всякие звуки вокруг нас. Во время одного из наших свиданий в 1915 году я говорил о своем неверии и о тщете религиозной мечты. Анна Андреевна строго меня отчитала, указала на путь веры как на залог счастья. “Без веры нельзя...”»

Ахматова как бы вторит ему в своих стихах:

По твердому гребню сугроба
В твой белый, таинственный дом
Такие притихшие оба
В молчании нежном идем.
И слаше всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон,
Качание веток задетых
И шпор твоих легонький звон.

Когда началась Февральская революция, Анреп под пулями приходил к ней по льду Невы на Выборгскую сторону, где она жила в те дни. Как говорила потом Ахматова: «Приходил не потому, что любил. Ему приятно было под пулями пройти». Анреп действительно отличался удивительным бесстрашием или просто очень сильно верил в своего ангела-хранителя... «Ужасы войны его только развлекали» — так напишет о нем знаменитый впоследствии английский прозаик Олдос Хаксли.

Он же вспоминал: «Я мало думаю про революцию. Одна мысль, одно желание увидеться с Анной Андреевной... Звоню, дверь открывает Анна Андреевна. “Как, вы? В такой день? Офицеров хватают на улицах”. — “Я снял погоны”. Они будут говорить о революции, о том, чем все это закончится, тогда и скажет ей Анреп, что подумывает о том, чтобы уехать в Англию навсегда, потому как любит «покойную английскую цивилизацию разума, а не религиозный и политический бред».

Однажды Анреп привез ей большой деревянный крест, найденный в разрушенной церкви в Галиции. «Нехорошо дарить крест: это свой “крест” передавать. Но вы уж возьмите». Она возьмет и будет нести его всю жизнь, молясь о нем...

Судьба подарила влюбленным совсем немного времени: «семь дней любви, и вечная разлука», по выражению самой

Портрет А. Ахматовой

Ахматовой. Тем бесценнее были те крупицы счастья, которые она все же преподнесла им наблюдечке. В 1916 году Анрепа командировали в Англию, и хотя он собирался туда на пару месяцев, но любящее сердце Ахматовой чувствовало, что разлука затянется надолго. Как оберег, как талисман, на память о себе она дарит Анрепу перед расставанием таинственное черное кольцо, которое, по одной из версий, было сделано из камня ожерелья ее прабабушки по женской линии — Прасковьи Федосеевны Ахматовой (в замужестве Мотовиловой), которая по отцу происходила из старинной дворянской фамилии Ахматовых, известной с XVI века, а по матери — из не менее старинного татарского рода князей Чагадаевых, обруссевшего в XVII веке.

Как за ужином сидела,
В очи черные глядела,
Как не ела, не пила

У дубового стола.
Как под скатертью узорной
Протянула перстень черный...

Анреп вспоминал:

«Я закрыл глаза. Откинул руку на сиденье дивана. Внезапно что-то упало в мою руку... это было черное кольцо. “Возьмите, — прошептала она. — Вам”». «Кольцо, — как написал позже Анреп, — было золотое, ровной ширины, снаружи было покрыто черной эмалью, но ободки оставались золотыми. В центре черной эмали был маленький бриллиант. Анна Андреевна всегда носила это кольцо и приписывала ему таинственную силу». Потом она попросит вернуть его, но Анреп заверит: «Ваше кольцо будет в дружеских руках...» Гумилев даже станет острить: «Я тебе отрежу руку, а ты отвези ее Анрепу — скажи: если вы кольцо не хотите отдавать, то вот вам рука к этому кольцу...»

Последний раз перед тем, как Анреп навсегда покинул Россию, они увиделись в феврале 1917 года. В своих воспоминаниях Анреп так описывает их последнюю встречу на Родине:

«Видимо, она была тронута, что я пришел. Мы прошли в ее комнату. Она прилегла на кушетку. Некоторое время мы говорили о значении происходящей революции. Она волновалась и говорила, что надо ждать больших перемен в жизни.

— «Будет то же самое, что было во Франции во время Великой революции, будет, может быть, хуже. — Ну, перестанем говорить об этом.

Мы помолчали. Она опустила голову.

— Мы больше не увидимся. Вы уедете.

— Я буду приезжать. Посмотрите, ваше кольцо.

Я расстегнул тужурку и показал ее черное кольцо.

— Это хорошо, оно вас спасет.

Я прижал ее руку к груди.

— Носите всегда.

— Да, всегда. Это святыня, — прошептал я.

Что-то бесконечно женственное затуманило ее глаза, она протянула ко мне руки. Я горел в бесплотном восторге, поцеловал эти руки и встал. Анна Андреевна ласково улыбнулась.

— Так лучше, — сказала она».

Словно ангел, возмущивший воду,
Ты взглянул тогда в мое лицо,
Возвратил и силу, и свободу,
А на память чуда взял кольцо.

Сборник «Подорожник» начинается с отъезда героя...

А летом 1917 года в Слепневе Ахматова поминала его — навсегда оставившего Россию «лихого ярославца» — в своем певучем русском стихе:

Ты — отступник: за остров зеленый
Отдал, отдал родную страну,
Наши песни, и наши иконы,
И над озером тихим сосну.

Для чего ты, лихой ярославец,
Коль еще не лишился ума,
Загляделся на рыжих красавиц
И на пышные эти дома?

Так теперь и кощунствуй, и чванься,
Православную душу губи,
В королевской столице останься
И свободу свою полюби.

Для чего ж ты приходишь и стонешь
Под высоким окошком моим?
Знаешь сам, ты и в море не тонешь,
И в смертельном бою невредим.

Ирина Донскова

Да, не страшны ни море, ни битвы
Тем, кто сам потерял благодать.
Оттого-то во время молитвы
Попросил ты тебя поминать.

1917 год.

«Потерял благодать» — возможно, это еще и игра слов, потому что Анна по-древнееврейски и значит «благодать».

А он же, вечно влюбленный в саму Любовь, в марте 1917 года, навсегда покидая Россию, на корабле под дороге в Англию безоглядно окунется в омут нового романа: на сей раз с сестрой жены своего брата Марией Волковой. Более того, он даже предложит ей жить в своем доме в Англии, и Эллен, его вторая жена и мать его детей, будет вынуждена с этим смириться.

Портрет Н. Гумилева — первого мужа А. Ахматовой

Там, «на зеленом острове», «в королевской столице» обретет он и покой, и славу, и «золотую клетку»... Некоторое время спустя Гумилев, оказавшись вслед за ним недолго в Лондоне, напишет Ахматовой, что Анреп вспоминает о ней. А вернувшись в Россию в 1918 году, Гумилев привезет ей подарок от Анрепа: серебряную монету времен Александра Македонского и нечто более практическое — несколько ярдов шелка на платье...

Вот как об этом вспоминал сам Анреп: «Он уезжал... Я хотел послать маленький подарок Анне Андреевне. И когда он уже укладывал свой чемодан, передал ему большую редкую серебряную монету Александра Македонского и несколько ярдов шелкового материала... Он театрально отшатнулся и сказал: “Борис Васильевич, как вы можете это просить, ведь она все-таки моя жена!” Я рассмеялся: “Не принимайте моей просьбы дурно, это просто дружеский жест”».

Пройдут годы, Ахматова не раз еще «будет поминать» свою великую любовь, превращенную в большое воспоминание, певучим русским анапестом... Но и Анреп не забудет о ней: в Национальной галерее в Лондоне, где ему предложат выложить многофигурную мозаику, он создаст в центре композиции под названием «Сострадание» («Compassion») лик Ахматовой.

Знаменитые напольные мозаики Анрепа находятся на лестничной площадке широкой парадной лестницы Лондонской национальной галереи. Площадка довольно большая и имеет несколько уровней: посередине — ее основная часть, к ней примыкают две боковые, куда ведут небольшие пролеты, а за колоннами, всего двумя или тремя ступеньками выше основной, располагается задняя площадка, на которой и расположена «ахматовская» мозаика. Она, как и все мозаики Анрепа в Национальной галерее, — аллегорические: на широких рамках-каемках можно прочитать их названия. «Ахматовская» мозаика называется «Compassion» («Сострадание»).

Получается, что не забыл Анреп совет своего бывшего друга Н.В. Недоброво — виновника их судьбоносной встречи с Анной Андреевной — поместить Ахматову в самом значимом месте мозаики, изображающей мир поэзии.

Долгие годы, начиная с середины 20-х, он работал над этой мраморной мозаикой, которая должна была состоять из четырех циклов: «Пробуждение муз», «Труды жизни», «Удовольствия жизни» и «Современные добродетели», воссоздавая в медальонах мозаики узнаваемые лица своих современников в виде мифологических и аллегорических фигур. Так, например, Вирджиния Вулф была представлена Анрепом как Клио — муза истории, Грета Гарбо как Мельпомена — муза трагедии. Орел с лицом Уинстона Черчилля рвет когтями свастику — это «Избавление».

«Ахматовский» медальон был создан в 1952 году. Прежде всего, поражает необычность позы: юная и очень хрупкая Ахматова в голубом гимнастическом трико с короткими рукавами и глубоким вырезом лежит, чуть приподнявшись на неловко подогнутой кисти, в низком и вытянутом пространстве мозаики — ее длина в три раза больше высоты. Ее знакомая по портретам челка, неповторимый профиль, глаза...

И поза, и костюм здесь вполне уместны — по воспоминаниям современников, Ахматова всегда любила такое горизонтальное положение — сохранились и рисунки, и фотографии, подтверждающие это. Да и сам Анреп вспоминал, что во время их последней встречи она, говоря с ним, прилегла на кушетку.

Что касается костюма гимнастки, то и его можно оправдать: юная Ахматова славилась своей удивительной гибкостью, чем очень гордилась и «показывала, что может, перегнувшись назад, коснуться головой своих ног», рассказывала, что «в детстве лазала, как кошка, и плавала, как рыба», «могла вскарабкаться на крышу, чтобы поговорить с луной».

Трудно сказать, на какой крыше или облаке лежит она у Анрепа: перед ней — груда обломков, подсвеченных красным заревом, вероятнее всего, огнем пожарищ, а позади — черная яма, в которой копошатся какие-то изможденные полулюди-полускелеты.

Создается ощущение, что лондонская «ахматовская» мозаика Анрепа представляет собой иллюстрацию удивительного по силе, пронзительного акrostиха Николая Гумилева: 24 марта 1917 года Николай Гумилев вписал в альбом Ахматовой стихотворение, начинающееся строкой: «Ангел лег у края небосклона...» Этот удивительный акrostих не только составляет по первым буквам строки имя АННА АХМАТОВА, но с первого же слова дает ключевое созвучие: «Анна» — «ангел». Стихотворение было впервые опубликовано посмертно, в сборнике 1922 года.

Ангел лег у края небосклона.
Наклонясь, удивлялся безднам.
Новый мир был темным и беззвездным.
Ад молчал. Не слышалось ни стона.
Алой крови робкое биенье,
Хрупких рук испуг и содроганье,
Миру снов досталось в обладанье
Ангелу святое отраженье.
Тесно в мире! Пусть живет, мечтая
О любви, о грусти и о тени,
В сумраке предвечном открывая
Азбуку своих же откровений.

Как пишет Григорий Кружков в своей книге «Ностальгия обелисков. Литературные мечтания»: «Хрупкая фигура в голубом, вглядывающаяся с обрыва, сама по себе ангелоподобна, но, не довольствуясь этим, Анреп изобразил за ней парящего и почти приникшего к ней ангела с тусклыми золотящимися крылами. Этот благословляющий ангел-хранитель композиционно смотрится, как крылья у нее за спиной, нечто неотделимое от основной фигуры».

«Положение Ахматовой между двумя ужасами — горящими зданиями впереди и ямой с жертвами позади — полно неразрешенного конфликта. В сущности, в ее лице нет явного со-страдания (страдания, искасающего черты лица), скорее кроткое удивление (“Наклоняясь, удивлялся безднам”). Разве только черная точка безмерно печального взгляда да напряженность позы, эта физически ощутимая невозможность встать и распрямиться.

В этом, да и во всей сжатой по вертикали композиции мозаики отразилось восклицание заключительной строфы: “Тесно в мире!”».

Анреп навсегда покинул Россию в феврале 1917 года, стихотворение же было написано примерно месяц спустя после его отъезда — мог ли он услышать его в тот же год от самого Гумилева, когда поэт приезжал в Лондон и встречался с Анрепом? Трудно сказать, однако он наверняка прочел его в посмертном сборнике Гумилева.

В своей аллегории «Сострадания» Анреп запечатлел главное — то, что Ахматова сама произнесет лишь много лет спустя в четверостишии, поставленном как эпилог к «Реквиему»:

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.
(1961)

Под своим «тесным» небосводом и под защитой спасшего ее ангела-хранителя... Так изобразил ее художник. Между двумя огромными бедствиями, двумя войнами, в блокадном Ленинграде...

Известно, что у Ахматовой было черно-белое изображение лондонской мозаики, присланное Анрепом после начала «оттепели». Но вот видела ли она живьем «свою»

мозаику, когда приезжала в Англию за присужденной ей докторской мантией и останавливалась в Лондоне, прежде чем отправиться в Оксфорд? К сожалению, свидетельств тому не осталось.

В 1954 году, через несколько лет после завершения мозаик в Национальной галерее, Борис Анреп получил заказ от собора Христа Владыки (*Christ the King*) в маленьком ирландском городке Маллингаре. Поскольку 1954 год в католическом мире был объявлен годом, посвященным Святой Деве Марии, многие церкви заказывали украшения в ее честь. Борис Анреп на своей мозаике изобразил Введение Богородицы во храм: в центре композиции — святая Анна с большим нимбом вокруг головы и крупной надписью: *S: ANNA*. Черты святой Анны на мозаике Анрепа имеют портретное сходство с Анной Ахматовой...

Ахматова в Лондоне...

Для большинства российских туристов в Лондоне гостиница «Президент» на Рассел-сквер в районе Блумсбери не более чем удобно расположенный трехзвездочный отель. И вряд ли кто-то из них знает, что именно в нем летом 1965 года останавливалась Анна Андреевна Ахматова, когда прибыла в Лондон на торжества, посвященные присуждению ей Оксфордским университетом почетной степени доктора литературы.

Выбор пал на эту гостиницу отнюдь не потому, что Ахматова не могла рассчитывать на более шикарные апартаменты: дело было в том, что ее личный переводчик и «опекун», Питер Норманн, тогда преподавал в Лондонском университете, расположенным неподалеку, а его занятий со студентами на время визита Ахматовой, естественно, никто не отменял. Впрочем, Анна Андреевна осталась вполне довольна отелем, и, когда позже ей предложили переехать в более фешенебельное место, она отказалась.

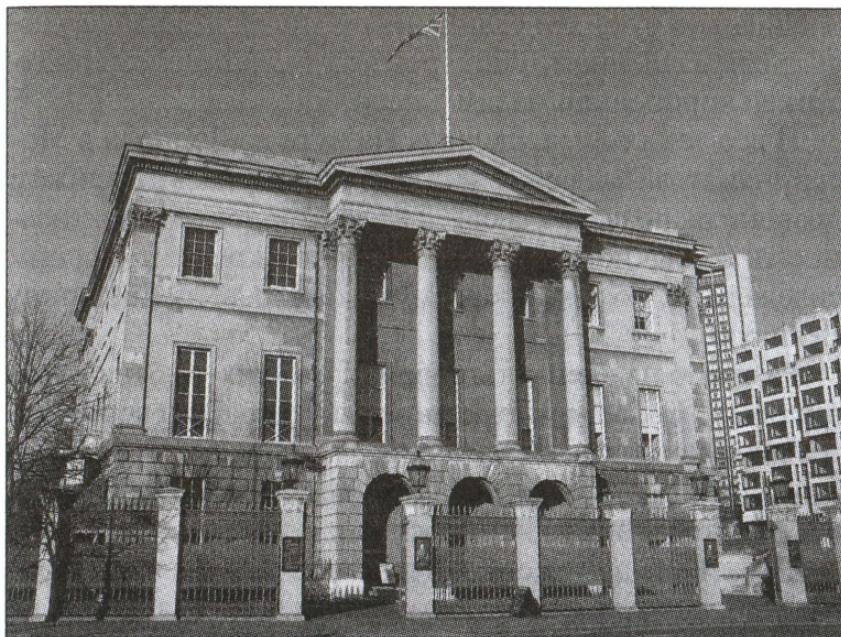
В Лондон, а затем и в Оксфорд, где в Шелдонианском театре происходила церемония присуждения почетного

звания, приехало множество русских эмигрантов, причем не только из Англии, но и из Франции и Америки, которые мечтали поздравить Ахматову лично, обменяться с ней хотя бы несколькими словами: для многих она была кумиром их молодости.

Как для принимающей английской стороны, так и для самой Анны Андреевны такой наплыв ее поклонников был все-таки неожиданностью, хотя и, безусловно, приятной. В Оксфорде Ахматова остановилась в отеле «Рэндольф», где в свое время останавливался и Корней Иванович Чуковский — ее комнаты там были буквально завалены цветами, а количество посетителей, желавших поздравить «виновницу торжества», не поддавалось исчислению. Она была безмерно растрогана и счастлива, несмотря на сильную усталость к концу каждого дня, хотя и шутила потом, что если бы она знала об этом заранее, то изготовила бы собственную куклу-чучело, нарядила ее в красно-серую почетную мантию и посадила в холле отеля — чтобы всех «принять» и никого не обидеть.

Среди тех, кто желал увидеть Анну Андреевну, были и известный в русской эмиграции литератор Глеб Струве, и художник Юрий Анненков, некогда создавший прекрасный портрет Ахматовой... Пришел, пересиливая страх перед встречей, и тот, кого Анна Андреевна так хотела, а может быть, тоже страшилась увидеть — Борис Анреп. Однако, увидев толпы ожидающих приема, не захотел становиться в очередь. Попросил Глеба Струве передать Анне Андреевне его привет и поздравления — и ушел. Но была и еще одна веская причина для такого поведения: вот как об этом вспоминает сам Б. Анреп: «В 1965 году состоялось чествование Анны Андреевны в Оксфорде... Я был в Лондоне, и мне не хотелось стоять в хвосте ее поклонников. Я просил Г.П. Струве передать ей мой сердечный привет и наилучшие пожелания, а сам уехал в Париж... Я оказался трусом и бежал, чтобы Анна Андреевна не спросила о

Апсли-хаус — дом-музей герцога Веллингтона

кольце...» Том самом заветном «черном» кольце, подаренном в 1916 году.

И вот через пятьдесят лет — какой стыд, какой страх из-за потерянного кольца! А ведь не как-нибудь по небрежению потерянного, а пропавшего во время бомбардировок Лондона, когда дом Анрепа был разрушен и сам он чудом остался жив.

По возвращении в Лондон 10 июня состоялся большой торжественный прием в Апсли-Хаусе — доме-музее герцога Веллингтона, расположенного в самом центре города у Гайд-парка, который называют в Лондоне «дом номер один». Уставшая Ахматова совсем не желала никаких пышных приемов и подумывала о том, чтобы отказаться, однако вечер получился удивительно теплым и памятным.

Из Лондона она отправилась в Стратфорд, в гости к великому Шекспиру, а по дороге остановилась в знаменитом старинном замке Уорвик, где для почетной гостьи

специально открыли сады замка — тогда замок был еще частным владением, а не огромной туристической индустрией корпорации мадам Тюссо.

И все-таки они увиделись. На пути из Лондона в Москву Ахматова на несколько дней остановилась в Париже и позвонила, позвала к себе. Оба изменились до неузнаваемости. В обычной комнате, в обычном кресле перед ним сидела дама, похожая, как ему показалось, на Екатерину Великую...

Разговор не клеился, говорили о каких-то банальных пустяках, как вспоминал Анреп, в голове его вертелась только одна мысль: «А вдруг спросит о кольце? Что делать, что сказать?» Опять это кольцо — загадочное, утерянное... Но Ахматова ничего не спросила...

Сама же она скажет о встрече так: «Он был как деревянный, видимо, после удара. Мы не поднимали друг на друга глаз, мы оба чувствовали себя убийцами...»

Однажды Лукницкий спросит Анну Андреевну об Анрепе: «Он не любил вас?» «Он... нет, — ответит она рассиянно, — конечно, не любил... Это не любовь была... Но он все мог для меня сделать — так вот просто...»

А своему литературному секретарю Анатолию Найману Анна Андреевна расскажет о человеке, некогда занимавшем в ее жизни «особенное место», который жил теперь «в прекрасном замке, окруженном цветниками, слугами и серебром». Вопрос был в другом: тот ли это был человек, и стоит ли мужчине «забираться в золотую клетку»... По всей видимости, Ахматова имела в виду его, Анрепа, свою великую бывшую любовь. Удивительно, но, несмотря на такое количество стихов, посвященных этому человеку, своих воспоминаний об Анрепе Анна Андреевна не оставила — не простила «лихому ярославцу» его отступничества?

Воспоминания же Анрепа об Ахматовой заканчиваются словами: «5 марта 1966 г. Анна Андреевна скончалась в

Москве. Мне бесконечно грустно и стыдно». Под подписью рукой Бориса Васильевича, но другими чернилами, приписано:

Это просто, это ясно,
Это всякому понятно —
Ты меня совсем не любишь,
Не полюбишь никогда.

1917

Анна Павлова — «русский лебедь» Лондоне

Но летит, улыбаясь мимо,
Над Мариинской сценой рітма.
Ты — наш лебедь непостижимый...

A. Ахматова. «Поэма без героя»

Так писала Анна Ахматова о своей тезке — еще одной великой русской — Анне Павловой, чья судьба оказалась тесно связанной с Лондоном.

Павлова действительно уникальна — не имела громких званий, не оставила последователей, — после ее смерти труппа, совершив еще несколько турне и гастролей, была распущена. Несмотря на то что в Англии Павловой была организована целая балетная школа и своим воспитанницам она уделяла много внимания, и профессионального, и человеческого, ни одна из них не смогла превзойти или хотя бы повторить своего Учителя. Ее искусство, как точно отметил лучший балетный критик эмиграции Андрей Левинсон, «рождалось и умирало вместе с ней — чтобы танцевать, как Павлова, нужно было быть Павловой». Ее танец — живое чувство, прихотливую смену настроений,

игру фантазии при помощи балетных па — нельзя было повторить и копировать. И сколько бы ни размышляли над секретами ее исполнения, загадками и тайнами ее искусства, они до сих пор остаются неразгаданными.

Именно ей было уготовано стать первым в мире балета бессмертным «Умирающим лебедем» Сен-Санса — эту миниатюру, ставшую коронным номером Павловой, придумал для нее Михаил Фокин. Говорят, что шедевр родился в считанные минуты во время импровизации балерины, и исполняла она его, по мнению современников, просто божественно. Луч прожектора следовал за миниатюрной фигуркой на пуантах, одетой в лебяжий пух, которая металась по сцене в замысловатых зигзагах предсмертной агонии и склоняла свою невыразимопрекрасную юношескую голову на трепещущие руки, не спускаясь с пуантов до самого конца номера.

Когда Сен-Санс увидел Павлову, исполняющую его «Лебедя», он был потрясен. Добившись встречи с балериной, он признался: «Мадам, благодаря Вам я понял, что написал прекрасную музыку!»

И все же, вероятнее всего, в строчках Ахматовой речь идет не об этом коронном номере великой балерины — умирающий лебедь летать не в состоянии: «мнимую улыбку» летящей Павловой запечатлев на афише-плакате дягилевских Русских сезонов Валентин Серов. Удивительным образом ему удалось ухватить невесомость полета Павловой — Сильфиды в только что поставленной Фокиным «Шопениане», которая у Дягилева стала именоваться «Сильфиды».

И эта роль необыкновенным образом шла Павловой: сильфиды, образ которой распространен в различных мифологиях, — эфирное создание неземной красоты на грани материального и духовного. Она внушает любовь и желание следовать за прекрасным воплощением идеала, дарит неземное блаженство, вызывает восхищение и вдохновляет на подвиги, правда, забирая в ответ человеческую душу.

Анна Павлова напоминала прекрасных нимф Боттичелли...

Анна Павлова, как и сильфида, была прекрасна. Один из современников вспоминал о ней так: «Невозможно представить себе иного тела, которое было бы так же прекрасно сложено для танца: удлиненное и хрупкое, но без худобы, с очень маленькой головкой, похожей на миндаль, зажатый в объятьях двух черных бандо. Павлова напоминает нимф Боттичелли, этих летучих музыкантов, парящих над цветниками». «Пушинка на ветру» — она летала по сцене...

Она действительно внушала любовь и дарила неземное блаженство: «Я увидел откровение неба и в те минуты не был на земле» — так вспоминал о своем первом впечатлении от танца Павловой Сергей Лифарь. В разных странах разные люди одинаково благоговейно относились к ее мастерству: однажды в Индии после выступления «русского лебедя» зрители пали ниц и протянули руки к не-

бесам, благодаря их за явление божества. Онисыпали ее лотосами... После ее дебюта в Стокгольме в 1907 году за ее каретой до самого отеля в полной тишине следовала потрясенная толпа, боясь спугнуть неосторожным словом или движением ощущение подаренного ей чуда.

Она вызывала желание следовать за прекрасным воплощением идеала: современники говорили, что, глядя на Павлову, они видели не танцы, а воплощение своей мечты о танцах. За ней хотелось следовать, ей хотелось подражать: балерина носила и рекламировала меха, позировала на обложках модных журналов, ввела моду на драпированные, расшитые шали с кистями на испанский лад, в которые она удивительно элегантно куталась и носила с неподражаемым шиком. Все, чем она восхищалась и к чему прикасалась, немедленно входило в моду. В двадцатые годы прошлого века поклонение перед великой балериной можно было назвать «павлованием»: выпускались шоколадные конфеты «Pavlova» с ее автографом на коробках, был создан одноименный десерт из белых воздушных беze с фруктами, миллионы женщин пользовались духами, туалетной водой и мылом ее имени. Был даже выведен особый сорт роз «Павлова» — пепельно-розового цвета, с бесчисленными лепестками, напоминающими ее пачку в «Менуэте» по эскизу Бакста.

А сколько мифов, словно ореол, окружает ее имя! До сих пор неизвестно, была ли она дочерью Матвея Павлова, отставного солдата Преображенского полка, либо же внебрачной дочерью питерского банкира Лазаря Полякова, либо же отец ее был совсем не Матвеем — этим именем называл себя в Петербурге крымский караим Шабетай Шамаш — родом из Евпатории, из семейства потомственных музыкантов. Тут можно и предположить, что южные корни Павловой действительно отразились на ее внешности: и темный цвет волос, и точеный «испанский» профиль, и темперамент — восточные мелодии и танцы притягивали ее словно магнит — до чего же органично

она смотрелась в «Дон Кихоте», «Баядерке» и «Дочери Фараона»! Кто знает...

А красивая версия о том, что, родиввшись почти на два месяца раньше срока в морозном январе 1881 года, малышка Анна первые две недели пролежала в вате, словно нежный птенец?

И действительно ли было ее последней фразой: «Приготовьте мне костюм Лебедя»?

И был ли красавец и щеголь, выходец из французского аристократического рода скандально известный барон Виктор Дандре, два с половиной десятка лет сопровождавший и опекавший Павлову, ее законным мужем...

Можно сказать только одно: официальных документов, подтверждающих факт законного брака, не сохранилось. Официально Анна Павлова никогда не была замужем. Однако на самом деле все было гораздо сложнее и загадочнее, романтичнее и прозаичнее одновременно.

Сама Павлова говорила так: «Теперь я хочу ответить на вопрос, который мне часто предлагаю: почему я не выхожу замуж. Ответ очень простой. Истинная артистка, подобно монахине, не вправе вести жизнь, желанную для большинства женщин. Она не может обременять себя заботами о семье и о хозяйстве и не должна требовать от жизни тихого семейного счастья, которое дается большинству. Я вижу, что жизнь моя представляет собой единое целое. Преследовать безостановочно одну и ту же цель — в этом тайна успеха. А что такое успех? Мне кажется, он не в аплодисментах толпы, а скорее в том удовлетворении, которое получаешь от приближения к совершенству. Когда-то я думала, что успех — это счастье. Я ошибалась. Счастье — мотылек, который чарует на миг и улетает».

И тем не менее жизнь ее самым тесным образом была связана с одним единственным человеком — Виктором Дандре. Они познакомились на Рождество 1906 года, на вечере у известного балетомана генерала Безобразова:

Анна Павлова и Виктор Дандре

в ановном Петербурге считалось правилом хорошего тона покровительствовать хорошеньким молодененьким балеринам. Именно Безобразов предложил сорокалетнему Дандре — чиновнику Сената, влиятельной фигуре петербургского света, а также щеголю, известному острослову и тоже большому любителю искусства — «приударить за малюткой из балета».

25-летняя Анна действительно казалась малюткой — тоненькая, невесомая — всего 44 килограмма, — она впорхнула в беззаботную холостяцкую жизнь Дандре и на какое-то время стала для него изящной дорогой игрушкой. Буквально через месяц прима Мариинского театра поселилась в шикарной квартире на Офицерской улице, которую снял для нее Виктор. О такой роскоши, как це-

лая комната, переоборудованная под танцевальный зал, малютка Анна не могла и мечтать!

Изысканные подарки, дорогие костюмы для выступлений и рестораны, особняк Дандре на Итальянской, где собирались влиятельные и образованные люди и куда Виктор часто приглашал свою малютку, — все было бы замечательно, если бы не одно но: Дандре и не думал предлагать Анне руку и сердце. Влюбленная без памяти в невозмутимого, ироничного и галантного денди, по словам современников, «он сочетал русскую душевность и французскую галантность», балерина страдала и плакала, то тщетно пытаясь объясниться, то, не менее тщетно, надеясь забыть рокового красавца.

С разбитым сердцем она и отправилась вместе с труппой Мариинского театра в Стокгольм — на свои первые гастроли в Европе. Успех был оглушительным и ошеломляющим: император Оскар II наградил ее орденом «За заслуги перед искусством», о ней заговорили в Европе как о талантливой молодой балерине. На очереди был Париж, русский балетный театр Сергея Дягилева, новый триумф, слава и деньги. Казалось, малютка взлетала к вершинам успеха так же легко, как порхала по сцене, ее же бывший покровитель, напротив, стремительно падал вниз: азартный игрок, он был обвинен в растрате правительственные денег, выданных на постройку Охтинского моста, арестован и приговорен к выплате денежного штрафа в размере 36 тысяч рублей. Ни сам Дандре, ни его семья не могли набрать такой баснословной суммы — Виктору грозило пожизненное заключение в долговой тюрьме.

Узнав об этом, Павлова уходит от Дягилева — неожиданно для всех она подписывает выгодный, но очень жесткий, практически кабальный контракт с известным в то время театральным агентством «Брафф» в Лондоне — мюзик-холл «Палас» предложил ей 1200 фунтов в неделю. Это эфирное создание неземной красоты всегда баланси-

ровало на очень жесткой грани материального и духовного — не гнушалась великая малютка и выступлениями в частных резиденциях нуворишей, однако все деньги, заработанные каторжным трудом, тут же переправляла в Россию. Внесла залог, требовавшийся для вызволения Виктора из тюрьмы: несмотря на подпиську о невыезде, Дандре после этого бежал из России по поддельным документам к ней, в Лондон.

Теперь уже Виктор умолял Анну стать его женой, но великая Павлова не желала становиться некой мадам Дандре. Есть версия, что Анна и Виктор тайно обвенчались — было ли это в Париже, или в Америке, или в Лондоне — сказать трудно. Как невозможно доказать теперь, что это вообще имело место...

А вот жизнь вдвоем была — яркая, бурная, насыщенная, романтичная и драматичная одновременно. Анна — эмоциональная, экзальтированная, непосредственная и капризная, как ребенок, — легко переходила от эйфории к истерике. Она то щебетала, как птичка, то вспыхивала, как дитя, легко плакала и смеялась, мгновенно переходя от одного к другому. Такой она была всегда: и в юности, и в зрелости. Она и обожала Дандре, и терзала его своими придирками, обвиняя во всех смертных грехах, доводя до отчаяния. Семейные скандалы повторялись по нескольку раз в день — Дандре stoически терпел, а когда ситуация накалялась до предела, запирался в собственном кабинете. Теперь уже Павлова, полная раскаяния, рыдала навзрыд перед закрытой дверью его кабинета, умоляя впустить ее. И только бурное примирение на какое-то время вносило мир и благодать в их непростые отношения.

Он же часами утешал и успокаивал Анну после ее проигрышней в казино или в покер — Анна была азартным игроком и заядлой картежницей, и Дандре чувствовал свою огромную вину перед ней — ведь это он когда-то, еще в России, увлек Анну покером, считая это «американское новшество гимнастикой для ума».

Гостями Анны и Виктора частенько бывали и знаменитые деятели искусства, и просто заядлые покерные игроки. Страсти здесь кипели нешуточные, потому как играли только на деньги: Анна часто выигрывала, но не могла остановиться вовремя и проигрывала огромные суммы. Иногда, утомленная до предела, Анна впадала в истерику, иногда начинала растерянно лепетать что-то совершен-но по-детски, но все равно не хотела прекращать игру... И тогда Дандре силой уносил ее в спальню. Вместе с тем Дандре не только терпел и даже не только любил — он боготворил свою жену. Теперь единственной для него целью стало служение великой балерине. Бывший сановный чиновник, Дандре стал одним из самых способных импресарио своего времени — именно он был первым, кто впервые понял могущество прессы: устраивал пресс-конференции, приглашал фоторепортеров и газетчиков на выступления Павловой, давал многочисленные интервью, связанные с ее жизнью и творчеством.

С 1912 года у Павловой и Дандре была своя постоянная труппа. Дандре один выполнял работу, с которой с трудом бы справился целый штат: занимался организацией гастролей, вел переговоры и расчеты с артистами, устраивал приемы и выезды Анны, следил за отправкой багажа и за тем, чтобы все желания его любимой были выполнены. Именно Анне принадлежат слова: «Подходящий муж для жены — это то же, что музыка для танцев».

Англия стала для Павловой родным домом: в 1928 году в интервью американскому журналу «Данс мэгэзин» Павлова сказала: «Именно в Англии нашла я, наконец, после долгих поисков и разочарований идеальное, по моим ощущениям, место. Во всем мире, чувствую я, не может быть другого дома, приносящего такое спокойствие и удовлетворение, как мой дом, в двух шагах от одного из величайших городов мира».

Великая балерина имела в виду Айви-Хаус — «дом, увитый плющом»: роскошный особняк с колоннами, светлой

Анна Павлова со своим любимцем — лебедем по кличке Джек

неоклассической мебелью и ломберными столиками для игры в карты, окруженный английским парком с оранжереей, где цвели тропические растения и жили экзотические птицы, который они с Дандре арендовали на окраине Лондона, в Хэмпстеде. Этот дом с романтическим названием никогда принадлежал знаменитому художнику Уильяму Тернеру.

Павлова обожала свой лондонский дом, который, по ее словам, представлял собой убежище от суэты мирской, где она могла, наконец, остаться наедине со своими любимыми лебедями: открытая терраса особняка с целой поляной элитных тюльпанов перед ней выходила на великолепный пруд, в котором плавали ручные лебеди. Один из них — белоснежный и гордый красавец Джек — был любимцем Анны, как преданная собака, он ходил за ней по саду, не боясь брать лакомство из ее рук. Дандре прекрасно обы-

грывал образ Павловой — «русского лебедя»: сохранилось множество фотографий, запечатлевших Павлову на берегу озера, по зеркальной глади которого скользят прекрасные белые птицы. Знаменитого фотографа Лафайета Дандре специально пригласил на съемки в их уютное семейное гнездышко: тот сделал одну из лучших фотографий Анны с лебедем на коленях — его голова доверчиво лежит у нее на плече, обвивая тонкую шею балерины...

Тем не менее именно любящий и такой незаменимый для балерины Дандре старался выжать все возможное и невозможное из мировой славы Павловой, организуя бесконечные напряженные гастроли, стараясь застраховать себя и Анну от нищеты в старости — век балерины, как известно, короток. И Павлова работала практически на износ: постоянные турне от Австралии до Аргентины, по Америке и Европе...

За 22 года гастролей Анна Павлова, по подсчетам биографов, дала приблизительно 9000 спектаклей, проехала на поезде более 500 тысяч километров, чего стоят только 76 программок ее выступлений во всех частях света из архива Виктора Дандре, бережно хранящиеся в библиотеке парижской «Гранд-опера», — недаром в газетах ее называли «Терпсихора пакетботов».

Самые дорогие тапочки-пуанты — а их изготавливали по специальному заказу итальянский мастер Нинолини — у нее просто горели на ногах: две тысячи стоптанных балетных туфель в год — порой доходило до 250 выступлений за 365 календарных дней! Ее работоспособность, доходившая до самоистязания, поражала всех: выполняя кабальный контракт, балерина обхажала полмира, выступая порой в самых не подходящих для балета местах — на открытой сцене под проливным дождем, на цирковой арене, в сарае на спешно сколоченных досках, в варьете.

Работала, как каторжная, зарабатывала баснословные суммы, но и тратила безмерно: огромные деньги шли на

меха, туфли и шляпы — Анна, выросшая практически в бедности, обожала роскошь, на прихоти вроде луковиц элитных тюльпанов для Айви-Хаус, выписываемых из Голландии, экзотических птиц или, например, на елку, настоящую русскую рождественскую елку.

Как писал английский балетный критик Артур Г.Фрэнкс, «несмотря на ее чисто английское окружение, несмотря на то, что она даже развлекалась на английский манер, Павлова всегда оставалась русской, мыслила как русская, любила все русское».

Анна обожала русское Рождество и, как ребенок, требовала живую елку, которую ей непременно доставляли каждое Рождество туда, где она в данный момент находилась: иной раз это могли быть и какие-нибудь тропики. Елку торжественно наряжали, если была возможность, устраивали катания на санях, на торжество приглашались все артисты труппы, угощения для гостей готовил русский повар Владимир, у которого отменно получались и гречневая каша, и биточки в сметане, и осетрина. При этом каждый артист ее труппы неизменно получал на Рождество какой-нибудь подарок из рук самой примы — «Мадам», как они уважительно называли ее между собой.

Баснословные суммы шли и на такие необходимые вещи, как роскошные сценические костюмы работы Бакста и Анисфельда, или на декорации кисти Коровина.

Много денег шло и на благотворительность — Павлова организовала и содержала на свои средства балетную школу для сирот, где бедных талантливых девочек обучали бесплатно, предоставляя им полный пансион.

С воспитанницами Анна была строга, но справедлива: не поощряла их увлечение нарядами и кино, предлагая в свободное время заниматься вышивкой или шитьем, водила в музеи.

И столько лет без отдыха, без отпуска: «Я должна работать, — как заклинание повторяла она. — У меня на руках

труппа. Если я не имею времени жить, то уж умирать я должна на ходу, на ногах».

В январе 1931 года Анна возвращалась в Париж с Лазурного берега. Поезд потерпел аварию недалеко от Дижона — столкнулся с грузовым составом. Павлова, к счастью, не пострадала, однако упавший кофр сильно ударил ее по ребрам — только близким подругам Анна рассказала об этом происшествии, хотя на боль жаловалась многим. Более того, ей пришлось еще идти пешком до ближайшей станции в легком пальто, а потом двенадцать часов ждать поезда: она сильно простудилась, однако об отмене гастролей в Голландии не могло быть и речи.

17 января знаменитая балерина прибыла на гастроли в Нидерланды, где была хорошо известна и любима: в честь «русского лебедя» голландцы даже вывели особый сорт белоснежных тюльпанов и назвали их «Анна Павлова». С большим букетом этих цветов Анну встречал на вокзале голландский импресарио Эрнст Краусс. Но балерина чувствовала себя плохо и сразу направилась в «Отель-дез-Энд», к вечеру ей стало хуже — в гостиницу был срочно вызван врач — королева Нидерландов Вильгельмина прислала Павловой личного врача де Йонга, который обнаружил у балерины острый плеврит и порекомендовал операцию. Однако операция сорвала бы намеченные гастроли, и Дандре срочно вызвал телеграммой из Парижа врача Залевского, который раньше уже лечил Анну, — Залевский пытался откачать дренажной трубкой жидкость из плевры и легких, но было уже поздно.

Предчувствуя близкий конец, Павлова попросила балерину Нину Кирсанову сходить в русскую церковь и помолиться за нее.

Великая балерина скончалась, не дожив всего восьми дней до своего полувекового юбилея.

Надо сказать, что Павлова всегда была чрезвычайно суеверной: боялась грозы, встречи со священником, пу-

стых ведер, черных котов — казалось бы, банальные предрассудки, однако она умела во всем этом видеть особые тайные знаки. Одна из легенд, которыми щедро снабжена ее биография, повествует о том, что однажды в гостях, во время прогулки по саду, Павлова вдруг неожиданно сказала, заглядевшись на огромный куст чайных роз: «Вот, когда этот куст умрет, и я умру. Это так. Я точно знаю».

Совпадение или нет, но эти роковые слова оказались пророческими. Когда она заболела — цветы покрылись ржавыми пятнами и через несколько дней погибли. В это же время душа прекрасного лебедя устремилась к небесам.

Еще одна красавая легенда, которую приводит в своих мемуарах Виктор Дандре, говорит о том, что в последний момент, прия в сознание, она приподнялась в постели, перекрестилась и попросила: «Приготовьте мой костюм Лебедя!»

Однако биографы Павловой склоняются к другой, гораздо более прозаичной и драматичной версии: об этом рассказывали служанка Анны Павловой Маргерит Летъенн, ее врачи. Они вспоминали, что балерина пригласила к себе некоторых участниц своей труппы и давала им указания — несмотря на ее болезнь, спектакли должны были состояться, особенно в Бельгии для нужд Красного Креста. Потом ей стало хуже, и все, кроме служанки, удалились из комнаты. Анна, кивнув на дорогое платье, недавно купленное в Париже у известного кутюрье, грустно сказала Маргерит: «Лучше бы я потратила эти деньги на моих детей». Она имела в виду детей-сирот, которые уже давно жили на ее средства в одном из особняков.

Как бы там ни было, но гостиничный «сиреневый» номер в Гааге, где скончалась русская актриса, дирекция никогда и никому больше не сдавала — теперь там расположен «Салон Анны Павловой». Сейчас о ее пребывании в отеле напоминает висящий на стене портрет работы Жанна Томассена. А в городском театре еще много лет в

годовщину смерти Павловой шел странный спектакль — фантомный танец, за которым публика наблюдала стоя и в полном молчании: поднимался занавес, звучала музыка Сен-Санса, а по пустой сцене скользил, следуя за движениями невидимой балерины, одинокий луч прожектора.

Увы, сильфиды не обладают бессмертием... Тело Павловой перевезли в Лондон и после отпевания в русской православной церкви и последующей кремации поместили на кладбище «Голдерс грин». Вот как вспоминал об этом сам Виктор Дандре: «Многочисленная русская колония в Париже хотела, чтобы Павлову похоронили в этом городе, но я лично пожелал, чтобы это произошло в Англии. Я знаю, как любима Павлова в Англии, знаю, что в любом случае в течение жизни этого поколения она не будет забыта и на ее могиле всегда будут живые цветы.

...Мое великое желание состояло в том, чтобы Павлову похоронили недалеко от дома, где она провела 20 лет своей жизни и который так любила. Павлова не однажды высказывала свое одобрение принципу кремации, и после совета с друзьями и с православным священником я остановился на этом».

Действительно, во время гастролей в Индии Анна была зачарована индийскими погребальными церемониями, во время которых тело усопшего сжигается на погребальном костре. Она заметила, что хотела бы, чтобы ее тоже кремировали: «Так позже будет легче возвратить мой прах в дорогую Россию», — будто бы сказала она.

Об этом писал в своем завещании и Виктор Дандре — время от времени возникают и обсуждаются на высоком уровне идеи перезахоронить прах великой балерины на родине, однако почему-то предполагается сделать это в Москве, хотя Анна Павлова, уроженка Петербурга, прима Мариинки, прежде всего связана именно с этим северным городом.

Пока же в колумбарии «Голдерс Грина» ее соседями являются знаменитые на весь мир англичане: актриса

Вивьен Ли, бывший премьер-министр Великобритании Невилль Чемберлен, первооткрыватель пенициллина Александр Флеминг, психоаналитик Зигмунд Фрейд, писатели Редьярд Киплинг, Бернард Шоу, Герберт Уэллс, Брэм Стокер — это лишь небольшая часть великих и прославленных, обретших здесь свой последний приют.

А в одной из ниш колумбия Эрнста Джорджа вот уже почти 80 лет стоит белая мраморная урна в форме кубка, на котором написано: «Анна Павлова 23—1—31». Ее окружают принесенные поклонниками фарфоровые лебеди, статуэтка балерины и живые цветы. Чуть поодаль, в урне из зеленоватого оникса, покоятся прах многолетнего партнера великой балерины Виктора Дандре, умершего в 1944 году — он пережил Анну на 13 лет и, как ни пытался себя застраховать от нищеты, выжимая все возможное и невозможное из славы Павловой, умер в бедности. Воспользоваться деньгами великой балерины он так и не смог, поскольку общего счета с Павловой у него не было, а доказать, что он является ее законным мужем, Дандре не удалось. Он пытался заявить свои претензии на Айви-Хаус, однако не смог предъявить никаких официальных документов: ни свидетельств о браке, ни свадебных фотографий, ссылаясь на то, что документы были утрачены после революции в России. Он лишь удостоился чести покойиться рядом с любимой Анной.

По удивительному совпадению бывший дом Павловой и Дандре с романтическим названием Айви-Хаус находится в двух шагах от крематория, где покоятся урны с их прахом.

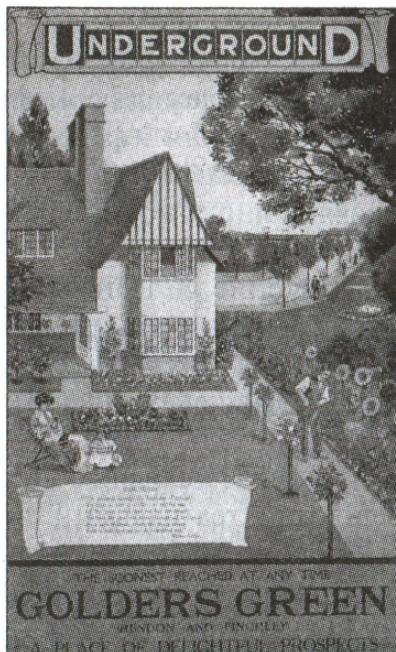
Разыскать его совсем несложно — доехать до станции метро «Голдерс-Грин», подняться по Норд-Энд-роуд и увидеть на вершине холма тот самый легендарный Айви-Хаус. Как писала о своем первом визите с родителями в лондонскую резиденцию примы Мириэль Стюарт, которая с восьмилетнего возраста посещала ее уроки: «Ка-

кой это был прелестный дом! К нему вел дорожка, обсаженная с обеих сторон высоким цветущим кустарником, а за домом простиралась лужайка, спускавшаяся к озеру».

Удивительно, но в этом тихом районе, который не так уж и далеко от центра современного Лондона, до сих пор сохранились и высокие холмы, и лесные тропинки, и волны пшеницы в полях, и удивительная творческая атмосфера. Недаром в этом районе испокон веков селилась творческая интеллигенция: именно здесь Джон Голсуорси закончил свою «Сагу о Форсайтах», и сюда же ему привезли Нобелевскую премию, а Зигмунд Фрейд, чей дом-музей расположен неподалеку, закончил здесь свою жизнь — больной раком, он в 1939 году принял смертельную дозу морфия. Жили здесь и скульптор Генри Мур, и изобретатель Винни Пуха Александр Милн, и генерал Шарль де Голь, и поэт-романтик Джон Китс — сохранился его дом, ныне музей — Keats' House.

Сохранился и знаменитый особняк балерины с мемориальной табличкой на стене, выходящей на Норд-Эндроуд: «Айви-Хаус. Анна Павлова жила здесь в 1912—1931гг.», только вот в озере, увы, уже давно не плавают лебеди, и грустно смотреть на заросший лопухами берег и покривевший от времени памятник в центре — увенчанная лавровым венком балерина с лебедем у ее ног.

Плакат 1908 года, рекламирующий прелести загородной жизни в районе Голдерс Грин

Айви-Хаус, который был едва ли не самой фотографируемой и популярной резиденцией в мире, которая когда-либо принадлежала человеку искусства — так, например, его фотография 3 февраля 1934 года была помещена на обложку номера журнала «Иллюстрированная Россия», посвященного мемориальной выставке балерины, организованной Виктором Дандре, — за долгие годы пришел в запустение. К зданию XVIII века был добавлен новый фасад, изменивший его до неузнаваемости, роскошные и элегантные интерьеры были уничтожены во время войны, когда в бывшей резиденции балерины разместился военный госпиталь, какое-то время в нем располагался частный музей Павловой, общежитие Политехнического университета, театральный институт, где студентов обучали актерскому мастерству и танцевальному искусству. Сейчас легендарный дом принадлежит Лондонскому еврейскому культурному центру — перед и после Второй мировой войны в этот район переселились многие евреи: одни перебирались сюда из ист-эндского гетто в Спитфилдсе, другие бежали из Европы, спасаясь от фашистов.

Остается только надеяться, что Культурный центр воздаст, наконец, заслуженные почести великой балерине — ведь Айви-Хаус мог бы стать прекрасным музеем, посвященным жизни и творчеству Павловой, культурным центром балетной жизни Лондона, центром взаимодействия русской и английской балетной школ. Пока же поклонникам великой балерины приходится довольствоваться скромными выставками в ее честь: гипсовый слепок ее ноги с уникальным подъемом, коробка для грима, пуанты, отделанные позолотой и украшенные камнями, ее портрет пастелью с характерной «мнимой» улыбкой, наброски балерины в «полете», фотографии Павловой — в модных широких брюках, в очаровательной шляпке в форме лилии, в греческой тунике, с любимым лебедем, редкие киноленты, частично запечатлевшие ее выступления.

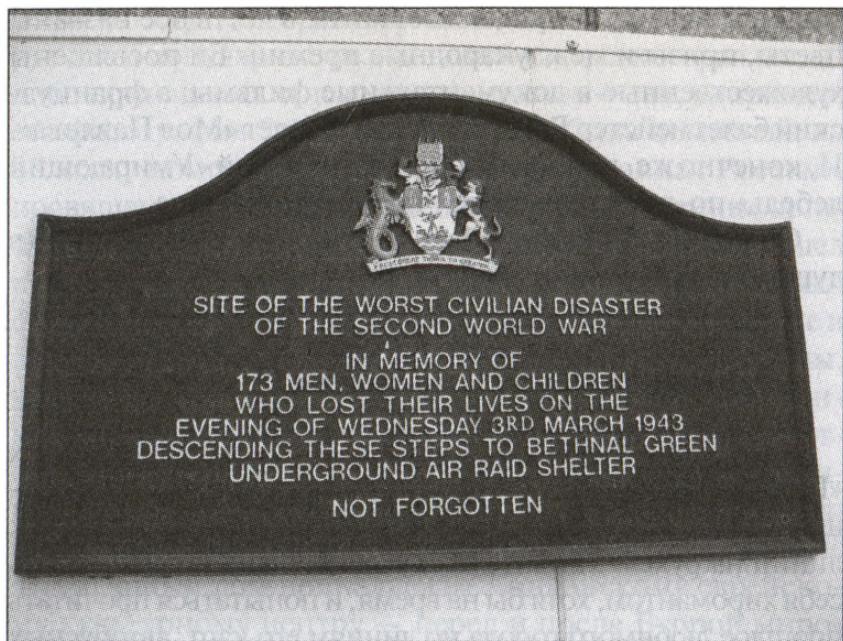
И все же ее имя продолжает жить: в честь нее названы цветы, призы и международные премии. Ей посвящены художественные и документальные фильмы, а французский балетмейстер Р. Пети поставил балет «Моя Павлова». И, конечно же, непостижимый павловский «Умирающий лебедь» по-прежнему живет на балетной сцене...

Сильфиды обретают бессмертие, продолжая жить в душах людей, если их любят и помнят...

Тайны подземного Лондона

Как удивительно тонко подметил Итalo Калвино в своих «Городах-невидимках», «город не рассказывает вам свое прошлое, но он содержит его в себе — его можно прочитать, как линии на руке». Удивительно увлекательно почувствовать себя хиромантом, хотя бы на время, и попытаться прочитать прошлое любимого города по линиям его карт, автобусных маршрутов, по станциям метро. Действительно, лондонское метро, как и московское, давно стало неотъемлемой частью городской повседневности. Великие города порождают свое подобие под землей, своего подземного двойника, отраженного в мире зазеркалья. «Метро имеет свои улицы и авеню, которые пешеходы мгновенно узнают и по которым следуют, — пишет Питер Акройд, — имеет свои кратчайшие пути, свои перекрестки... и с зонами яркости и суеты в нем, как и в самом городе, соседствуют области темноты и запустения».

Так, станция «Ланкастэр-Гейт» с ее мраком соседствует с «Бонд-Стрит» с ее суетой и «Ноттинг-Хилл-Гейт» с ее яркостью и пестротой. На станциях, где происходили несчастные случаи, например, «Мургейт» или «Бетнал-Грин», в атмосфере и по сей день витает что-то скорбное, однако такие станции, как «Бейкер-Стрит» или «Глостер-Роуд», просто поднимают настроение. Когда же поезд метро приближается к древнейшим участкам Сити, то кажется, будто сам воздух становится иным — настоящим духом времени.

Табличка на станции метро «Бетнал-Грин» —
месте одной из крупнейших катастроф военного времени

Об одном из таких отрезков пути, когда за окном вагона пролетают станции «Сент-Джеймс-Парк», «Вестминстер», «Чэлинг-Кросс», «Темпл», «Блэкфрайерс», Г.К. Честертон однажды сказал, что «это поистине те камни, на которых воздвигнут Лондон». За окном мелькают «Виктория», «Ватерлоо» — настоящая хронология легендарного прошлого: великие люди, великие моменты в жизни нации...

Однако для миллионов лондонцев городская подземка — не только монумент героическому прошлому страны, но и погружение в их собственное прошлое: для каждого из них метро имеет еще и личные ассоциации. Эта станция, например, ассоциируется с родительским домом, эта — с работой, а здесь состоялось первое свидание...

Воистину, лондонское метро — огромный город под городом, раскинувшийся на площади в 620 квадратных

миль, старейшее метро в мире. Даже трудно себе представить 480 км подземных ходов и тоннелей под Лондоном, реки, погреба римского правления, древние склепы, скрытые под мостовыми и тротуарами.

Первые планы создания транспортного сообщения под улицами Лондона появились еще в середине XIX века. После принятия одного из проектов в 1860 году за три года открытым способом проходки была сооружена Метрополитен-рэйлвей от вокзала Паддингтон до Фаррингдон-стрит, ставшая триумфом викторианской изобретательности. Открытие подземной железной дороги имело огромный, поистине театральный успех, ибо, как верно заметил Питер Акройд, «вид паровоза, исчезающего под землей подобно демону в рождественской пантомиме, удовлетворял потребность лондонца в ярком зрелище».

В лондонском метро

В 1890 году посредством туннельной проходки была проложена «железная дорога Сити и южного Лондона» — именно она первой удостоилась названия «the tube» («труба») и стала первой в мире электрифицированной линией метрополитена. Правда, вагоны первой линии метро были весьма своеобразны — они не имели окон в силу того соображения, что смотреть под землей особо не на что, а из-за мягкой обивки их стали называть «палатами для буйных».

Самой глубокой станцией лондонского метро — 200 футов глубиной — могла бы стать станция «Бул-энд-Буш» (Bull and Bush) на Северной линии, между «Хэмпстед» и «Голдерз-Грин». Первоначально планировалось окрестить новую станцию «Норс-Энд», но персонал метрополитена предположил именовать ее как «Бул-энд-Буш» («Бык и Куст») по названию близлежащего знаменитого паба. В конце концов, станция так и не была официально открыта, хотя ее и можно увидеть, проезжая по Северной линии.

Однако самой романтичной и загадочной можно, пожалуй, назвать станцию «Олдвич» (Aldwych), расположенную вблизи Стрэнда — знаменитого района театров с выходом на улицу Саррей (Surrey). С самого ее открытия в 1907 году много лет через нее пускали специальныеочные поезда для любителей театра. Со временем были добавлены новые маршруты, что значительно разгрузило «Олдвич», а когда в 1994 году возникла необходимость замены лифтов, было решено, что более экономичным вариантом будет просто закрыть станцию. С тех пор туннели «Олдвича» облюбовали деятели кинематографа и создатели компьютерных игр: станция несколько раз фигурировала в сценах различных кинофильмов, а в знаменитой компьютерной версии «Расхитительницы Гробниц» представляет собой одно из мест, посещаемых Ларой Крофт.

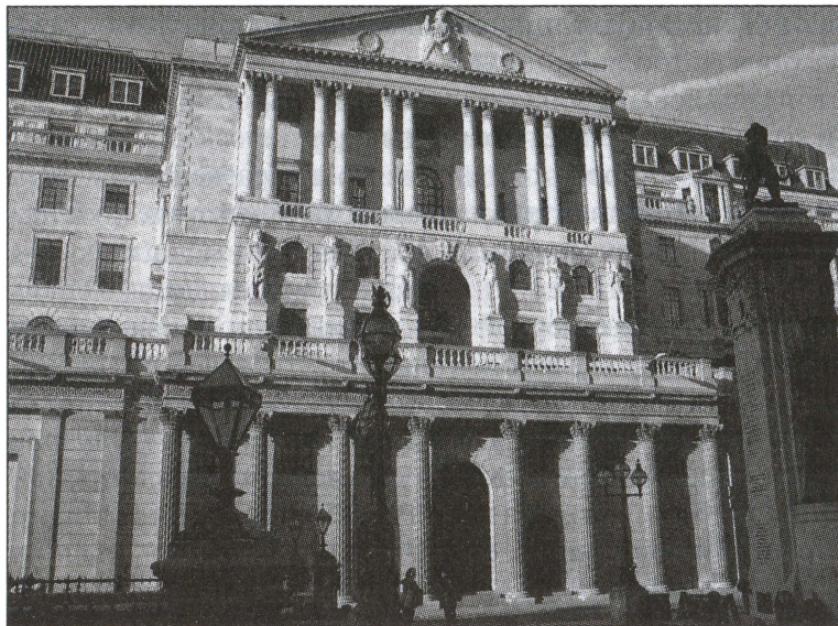
Еще одна станция имеет прямое отношение к кинематографу, а также дурную славу нехорошего места: это

Тайны Лондона

станция метро «Бритиш-Мьюзиум» (Британский музей), которую, хотя она и была закрыта в тридцатых годах прошлого века, можно увидеть мельком, проезжая по Центральной линии между станциями «Тоттенхэм-Корт-Роуд» и «Холборн». Культовый фильм ужасов семидесятых «Линия смерти» основан на лондонском мифе о том, что бригада рабочих,озводивших эту станцию, в результате несчастного случая оказалась в ловушке под землей, и все попытки спасти несчастных провалились. В фильме героями выступают последние потомки невольных «жителей подземелья», которые до сих пор блуждают по лабиринтам метрополитена, периодически вылавливая зазевавшихся путников себе на ужин.

Поздние путники также имеют шанс повстречать и беспокойный дух Сары Уайтхед на подземной станции «Бэнк» («Банк») в районе Сити. Работники Лондонского

Лондонский банк на Треднил-стрит

банка на Треднилл-стрит (улица Нитки с иголкой), неоднократно встречавшие Сару, окрестили несчастное привидение Банковская Монашка из-за длинного черного платья XIX века, в котором она появляется. В далеком 1812 году в банке работал ее брат, который был обвинен в мошенничестве и приговорен к смертной казни через повешение. Не в силах поверить в смерть горячо любимого брата, Сара сошла с ума и на протяжении двадцати пяти лет, до самой своей кончины, ежедневно приходила к банку к концу рабочего дня, убежденная в том, что ее брат до сих пор в нем работает. Сердобольные служащие банка даже выхлопотали ей небольшую пенсию. Не рассталась она со своей привычкой и после переселения в мир иной — и по сей день навещает банковских служащих в надежде отыскать среди них своего брата.

Однако не только мрачными ассоциациями и мистическими встречами знаменито лондонское метро. На протяжении последних двадцати лет путешествующие в вагонах метро лондонцы и гости столицы имеют шанс, оторвавшись от своих книг или газет, пробежать глазами не только рекламные проспекты туристических компаний и агентств по продаже недвижимости, развешенные над схемами метрополитена и дверными проемами, но и насладиться поэтическими строчками. «Поэмы подземки» — так называют детище американской писательницы Юдифь Чернайк, которая первой предложила использовать часть рекламного места в вагонах для того, чтобы вернуть нации вкус к истинной поэзии. Среди «подземных поэм» — шекспировские сонеты, шуточные стихотворения Эдуарда Лира, «Песнь Лох-Нессского чудовища» Эдвина Моргана, «Моя любовь, как роза красная» Роберта Бёрнса и даже отрывки из Библии короля Якова.

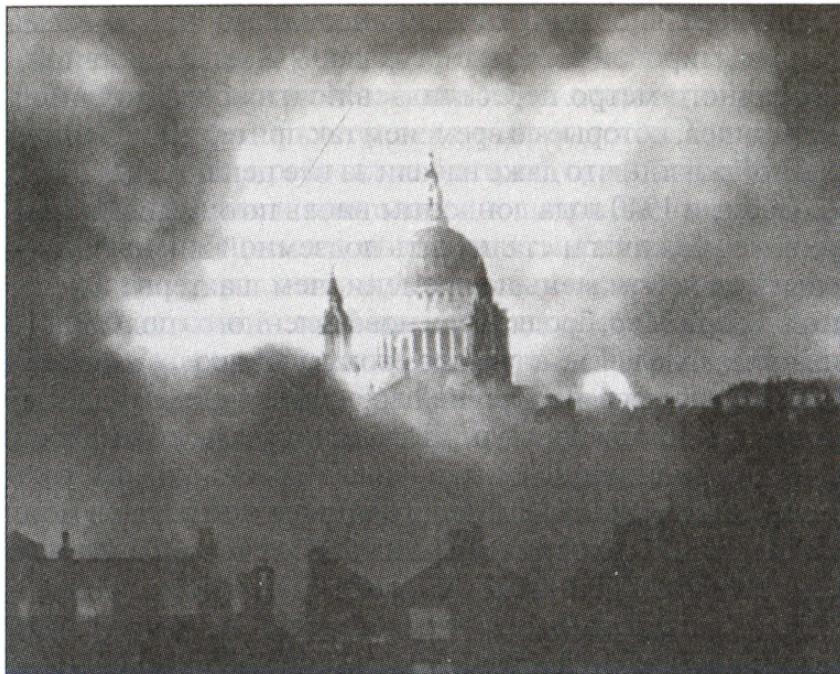
Метро — место случайных встреч и совпадений, замкнутое пространство, которое рождает безотчетный страх, разъедающий душу, и одновременно убежище от опас-

ностей реального мира. Было подсчитано, что во время Первой мировой войны, в феврале 1918 года, на станции столичного метро переселилась почти третья миллиона лондонцев, которые со временем так притерпелись к подземной жизни, что даже начали за нее цепляться.

Осенью 1940 года лондонцы вновь потянулись в подземные убежища и стали жить подземной жизнью, проводя под небом меньше времени, чем шахтеры. Скульптор Генри Мур, бродя среди новоявленного «подземного племени», делал заметки для своих рисунков: «Зловеще-контрастное освещение, на переднем плане расплывчатая масса лежащих фигур... Повсюду грязь, мусор и хаос... Я никогда не видел такого количества лежащих фигур, и даже тунNELи для поездов походили на отверстия в моих скульптурах». Мур удивительно точно сравнил увиденное с «трюмом невольничего корабля».

Страх перед глубинами и подсознательная мысль о том, что эти глубины, незыблемые как вечность, способны принять и защитить уязвимых людей. Глубины лондонского метро действительно древние — под станцией «Виктория», например, были обнаружены окаменелости, чей возраст — пятьдесят миллионов лет. Отсюда и особая атмосфера метро, и те ощущения, которые рождает общение с ним. Есть сообщения о призраках или духах подземных недр. Есть так называемые «станции-призраки» — заброшенные станции с обезлюдованными платформами, со старыми рекламными щитами с выцветшими плакатами, безмолвные и печальные. Таких станций-призраков около сорока, а самая старая из них — «Кинг-Уильям-стрит» (King William Street) — была построена в далеком 1890 году как северный терминал самой первой в мире подземки. Буквально через 10 лет, когда было принято решение продлить ветку, соединяющую Сити и южный Лондон, оказалось невозможным вписать эту станцию в новый маршрут, и она была заброшена. Во время Второй мировой станция

Дым над собором Святого Павла после бомбардировки

служила бомбоубежищем во время воздушных атак, и рекламные щиты с потускневшими плакатами того времени до сих пор украшают ее стены.

Еще две заброшенные станции могут гордиться тем, что, по крайней мере, были активно востребованы в военное время: «Даун-Стрит» (Down Street) и «Бромптон-Роуд» (Brompton Road). «Даун-Стрит» на Пикcadилли-лайн, открывшаяся в 1903 году между станциями «Грин-Парк» и «Гайд-Парк», оказалась слишком близко расположенной к обеим из них и была закрыта в 1932 году. В начале Второй мировой сам Черчилль и его Военный кабинет использовали эту станцию как штабное помещение во время воздушных атак, прежде чем переехать в подземный бункер — Военные комнаты кабинета на Уайтхолле. До сих пор в конце одной из платформ в специальной нише

находится поржавевшая от времени персональная металлическая ванная Уинстона Черчилля. Что же касается «Бромптон-Роуд», то она служила оперативным центром для Сил противовоздушной обороны.

Лондон военного времени. Сэр Уинстон Черчилль – секреты победителя

Известно, что Черчилль обладал удивительной интуицией, которая не раз помогала ему чудом избегать смертельной опасности — быть может, именно поэтому сэр Уинстон не любил укрываться в подземном бункере во время воздушных атак и смело бросал вызов судьбе — как будто чувствовал, что в нужную минуту загадочный внутренний голос подскажет ему, что делать. Кто знает, что это было — особая милость Провидения, которое хранило премьер-министра для нации, или же то говорила в его генах кровь прарабабушки-шаманки из индейского племени: ведь Черчилль являлся не только потомком древних английских аристократов из рода Мальборо, но и получил частицу индейской крови от своей матери, черноглазой красавицы из Нью-Йорка.

Отец Черчилля, лорд Рэндолльф, младший сын 7-го герцога Мальборского, и его американская супруга Дженни Джером гостили у родственников во дворце Бленхейм — знаменитом семейном гнезде герцогов Мальбorsких. Леди Рэндолльф была на последнем месяце беременности, однако появления ребенка ожидали как минимум через пару недель. Видимо, Черчилль отличался своенравием и упрямством еще в материнской утробе — дату и место своего появления на свет он избрал сам: 30 ноября 1874 года во дворце Бленхейм, овеянном военной славой доблестных предков, на свет появился маленький Уинстон.

Если внимательнее присмотреться к биографии Черчилля, то можно заметить, что в ней было много необъяснимого и мистического: будучи еще совсем юнцом, Уинстон, отставной офицер и корреспондент «Морнинг пост», отправляется на Англо-бурскую войну — Черчилль любит опасные игры. В результате одной из неудачных боевых операций остатки его отряда попадают в плен к бурам: за железной оградой школы, превращенной бурами в тюрьму, томятся сотни британских солдат и офицеров. Не так часто в пленные попадают потомки знатных лордов, и Уинстона обещают отпустить за громадный выкуп, пытаясь нажиться на его благородном происхождении. Гордый юноша, посчитав это предложение оскорбительным, отказался, однако перспектива прозябания в пленах, в неизвестности, с печатью обреченности на лице Черчилля явно не устраивала: он с детства привык бросать вызов судьбе. Все, что было потом, он подробно опишет в своей книге, которая станет настоящим бестселлером.

Прежде всего, Уинстон старается запомнить расположение постов часовых, и однажды, выждав удобный момент, когда часовой, шагающий вдоль стены, вдруг останавливается у отхожего места, чтобы выбросить окурок и поворачивается спиной к заключенным, Черчилль бросается к забору, с трудом подтягивается (больше всего в тот момент он боялся, что подведет рука, поврежденная в детстве) и спрыгивает в густые и колючие кусты. Теперь можно перевести дух — ему удалось бежать — но это только начало... Впереди долгий, трехсоткилометровый путь по незнакомой местности, занятой врагом. Он пробирается сквозь иссушеннную саванну наобум, как он позднее говорил, руководствуясь неким мысленным планшетом, на котором воображаемая стрелка показывала ему путь. Несколько дней бесконечного пути, и Божий перст указал на него: голодного, смертельно усталого, изможденного беглеца подобрал случайно оказавшийся рядом английский фермер, укрыл от буров, невзирая на обещанную

Уинстон Черчилль в молодости

награду за его голову (двадцать пять фунтов — за живого или мертвого), подлечил и отправил к своим. Когда беглецу удалось наконец добраться до британских постов, его встретили как героя...

Еще одно удивительное событие произошло с Черчиллем 9 августа 1918 года: армия союзников развернула крупномасштабное наступление, и Черчилль срочно вылетел во Францию. По прибытии рано утром Уинстон с братом Джеком и двумя офицерами выехали к месту сражения близ деревни Ламотт. Внезапно Черчилль, побледнев, велел остановить машину: увлекая за собой товарищей, он бросился в сторону близлежащей рощи. Едва компания успела отбежать на какую-то сотню метров, как показались немецкие самолеты, и первая же сброшенная бомба угодила прямо в машину, сиротливо стоявшую на обочине дороги, превратив ее в искореженную груду металла.

Летом 1922 года обстановка в Лондоне накалилась до предела: конфликт с Ирландией требовал своего разрешения. В июне возле своей резиденции боевиками ИРА (Ирландской республиканской армии) был убит маршал сэр Генри Уилсон. Через месяц — следующая жертва — на сей раз Майкл Коллинз, который вел переговоры о заключении англо-ирландского союза. Черчилль, в то время министр по делам колоний, также получил несколько писем с угрозами, в результате чего к нему была приставлена личная охрана. При всем этом Уинстон оставался внешне спокойным и невозмутимым. Однако однажды утром Черчилль повел себя довольно странно: ничего не объясняя, вместо личного лимузина он сел в машину сопровождения, автомобили тронулись с места, и в этот самый момент машина министра с его личным шофером внутри взлетела на воздух — сработала бомба, подложенная боевиками ИРА.

Наконец, Вторая мировая, март 1941 года, Уинстон Черчилль — уже премьер-министр. Немцы бомбят день и ночь, центральная часть Лондона лежит наполовину в развалинах, однако Черчилль упорно не соглашается переездить из своей резиденции на Даунинг-стрит в подземные правительственные помещения, где все уже готово, чтобы принять верховный эшелон власти. И вдруг 17 марта сэр Уинстон отдает срочное распоряжение о начале переезда, который занимает два дня. Вероятно, никто из знативших Черчилля не удивился, когда в ночь на 19 марта авиабомба угодила прямо в опустевшую резиденцию премьер-министра.

Ничто в жизни так не воодушевляет, как то, что в тебя стреляли и промахнулись. Пессимист видит трудности при каждой возможности, оптимист в каждой трудности видит возможности.

В 1940 году он изменит ход истории. Настала пора в очередной раз «спасать нацию», именно Черчиллю было

уготовано стать ее спасителем, и он становится премьер-министром.

Казалось, ситуация безнадежна — Россия выжидает, Америка не собирается вмешиваться в войну, у Англии нет надежной и крепкой армии — однако Черчилль принимает решение принять вызов и драться. Драться до последней капли крови, ибо он абсолютно уверен — победа будет за ним!

Черчилль не только лично уверен в победе, он пытается передать эту уверенность всей британской нации — его речи похожи на заклинания, и эти заклинания поражают своей единственностью: «Мы будем сражаться на морях и океанах, мы будем сражаться с растущей уверенностью и нарастающей силой в воздухе, мы будем защищать наш маленький остров, чего бы это нам не стоило, мы будем сражаться на прибрежных песках, мы будем сражаться на местах высадки, мы будем сражаться в полях, на улицах, мы будем сражаться на холмах, мы никогда не сдадимся».

Маленькая Англия — одна против покоренной Гитлером Европы, но у сэра Уинстона есть свой секрет: на собственном опыте он неоднократно убеждался — судьбу побеждает тот, кто сам на нее нападает, еще с детства он подсознательно выбрал единственный способ, чтобы уцелеть, — атаковать судьбу, если она неблагосклонна, бросать ей вызов, вцепляться в нее, как английский бульдог, — и действительно, каждый раз он выходил победителем из очередной схватки с судьбой, цел и невредим...

А его любимый жест — поднятая над головой рука с расставленными средним и указательным пальцами, символизировавшими латинскую букву «V» — «Victoria» — Победа. Эзотерики тут же вспомнили о ритуальных жестах, имеющих тайный символический смысл — так называемых «мудрах». В данном случае знак победы совпадает с мудрой «Жизнь». Считается, что эта мудра выравнивает энергетику организма, дает прилив сил и выносливости, ощущение бодрости, улучшает самочувствие и зрение.

Безусловно, сэр Уинстон не является изобретателем знака победы — по поводу его происхождения до сих пор ведутся споры. Одна из исторических версий, которая, впрочем, вызывает некоторые сомнения, утверждает, что впервые этот жест стали применять в Англии во времена Столетней войны с Францией. Дело в том, что в те времена французы часто отрубали пленным стрелкам два пальца на правой руке, чтобы лишить их возможности снова взять в руки лук. Поэтому у англичан вошло в манеру показывать французам перед боем указательный и средний палец в знак того, что они по-прежнему боеспособны.

Ему, известному и великому, еще при жизни было предложено место в Вестминстерском аббатстве — быть там похороненным — большая честь для политика, однако сэр Уинстон от нее скромно отказался. Трудно сказать, чем именно ему не угодили будущие соседи, но свой отказ он мотивировал с присущим ему чисто британским юмором: «Спасибо, но, боюсь, я с ними не уживусь...» В итоге свой последний приют он обрел в Блейдоне, в двух милях к югу от дворца Бленхейм — родового поместья герцогов Мальборских, где он и появился на свет 90 годами ранее.

Как писал сам Черчилль: «В Бленхейме я принял два важных решения: родиться и жениться. Я счастлив и удовлетворен — я не прогадал ни в первом, ни во втором случае...»

В августе 1908 года мисс Клементина Хозьер, дочка небогатого армейского полковника, ранившая тридцатитрехлетнего Черчилля, ставшего к тому времени уже министром торговли, в самое сердце, была приглашена в качестве гостьи в Бленхейм, поскольку именно там «старый холостяк» вознамерился рискнуть и предложить ей руку и сердце. Однако в то судьбоносное утро он проспал, и запланированное на утро свидание чуть было не сорвалось — гордая Клементина вряд ли простила бы опоздание в такой ответственный момент, однако ситуацию спас

Любимый жест У. Черчилля

двоюродный брат Черчилля, 9-й герцог Мальборский, который любезно предложил гостям прокатиться в экипаже по территории поместья. К счастью, Уинстон подоспел вовремя сразу же после этой незапланированной утренней прогулки — влюбленные отправились в сад, однако начавшийся дождь вынудил их укрыться в близлежащей Часовне Дианы. Удивительно, но красноречие и уверенность в себе, столь характерные для Черчилля, вдруг покинули его: он все никак не мог приступить к важному разговору. Как вспоминала позже сама Клементина, она решила для себя, наблюдая за каким-то жучком на полу часовни, что если он доползет до очередной трещины, а Уинстон все еще не сделает предложения, она просто уедет из Бленхейма, и между ними все будет кончено. К счастью, нужные слова в конце концов были найдены, и согласие от всего сердца было получено — через месяц, 12 сентября

У. Черчилль с женой

1908 года, они поженились и пронесли с собой через все 57 лет супружеской жизни трогательные воспоминания об этом незабываемом дне. Как позднее признавался сам Черчилль: «Моим самым блестящим достижением было убедить мою супругу выйти за меня замуж».

Несмотря на разницу в характерах и темпераментах — уверенный в себе, решительный и энергичный неисправимый гедонист Черчилль, и осторожная, тревожная и ранимая Клементина — супруги удивительным образом дополняли друг друга. В подземном бункере — Военных комнатах кабинета, которые были превращены в музей по инициативе Маргарет Тэтчер, наряду с картами, усеянными булавками и кусочками цветной шерсти, указывающими местоположения войсковых подразделений, гулкими и узкими коридорами, длиннущими рядами телефонов, запоминается трогательная, удивительно уютная, какая-то совсем невоенная комната — спальня Клементины. Кресло в цветочек, торшер, туалетный столик — во всем

чувствуется ее дух, ее стремление внести в атмосферу напряженности, пронизанной чувством опасности и тревоги, домашнее, семейное тепло и уют.

Конечно же, соседняя комната — аскетичная спальня Черчилля. Известно, что Черчилль не любил укрываться в подземном бункере — он открыто пренебрегал личной безопасностью и довольно часто проводил ночь на крыше здания на Джордж-стрит, откуда можно было наблюдать за воздушными атаками. Тем не менее иногда ему все-таки приходилось ночевать в Военных комнатах кабинета: там до сих пор можно увидеть его знаменитый китайский халат и коллекцию сигар и оружия, включая автомат «Томми» — его он намеревался использовать для самообороны в том случае, если нацисты все же zajмут Лондон и ворвутся в бункер.

Черчилль обладал удивительной работоспособностью — его поразительный образ жизни прилично изматывал всех, кто работал с ним. Обычно он просыпался в 8.30 утра, зажигал свою знаменитую сигару от свечи на прикроватном столике, облачался в шелковый зеленый с золотом халат с драконами, и тут же с головой окунался в работу: читал все газеты, диктовал письма и планировал день. К полудню он был готов принять свою ванну, одновременно с этим обсуждая военные дела с генералом Алланом Бруком или генералом сэром Гастингсом Исмей. И ланч, и ужин непременно сопровождались шампанским. После полудня он мог прилечь и немного вздремнуть, однако затем засиживался допоздна — работал до 3 или 4 часов утра, видимо уверенный в том, что и для других это вполне нормальный режим. Однажды, закончив в три утра диктовать свою очередную речь солнному секретарю, он милостиво заметил: «Не надо переписывать ее начисто сегодня вечером... Она мне все равно не понадобится до 8 утра».

Его удивительно харизматичные речи и выступления на BBC, вдохновляющие нацию, его упорство в достижении

цели и «хватка английского бульдога», безоговорочная вера в победу и неприятие поражения, его особое чувство юмора — все это было именно тем, что требовалось Британии в тот сложный период ее истории, который оживает перед посетителями этого уникального музея под землей.

Как ожидают вдруг гулкие коридоры — кажется, что вот-вот начнут верещать телефоны, завоет сирена воздушной тревоги, а часы, стрелки которых застыли на 4 часах 58 минутах — время, когда в бункере состоялось первое заседание Кабинета 15 октября 1940 года, — начнут по новому отсчитывать время приближающейся, несмотря ни на что, победы. И действительно, многие посетители здесь неоднократно испытывали внезапные скачки температуры — она вдруг резко понижалась то в одном, то в другом месте, слышали звуки шагов и даже видели отпечатки военных сапог на свеженатертых воском полах.

Сказать по правде, выйдя из лабиринтов бункера в музейный магазин, действительно испытываешь некоторое облегчение: то ли потому, что при ярком свете избавляешься от каких-то неясных страхов, то ли от сознания того, что мы должны ценить и любить наше сложное, но все-таки относительно мирное время. Книги, буклеты, макеты, военные сувениры — и среди всего этого официального разнообразия вдруг на глаза попадается толстенная книга — письма Черчилля и Клементины друг к другу — за 57 лет счастливого брака их накопилось немало.

Начинаешь листать и забываешь обо всем — нет ни гулких коридоров бункера, залитых мертвенно-зеленым светом, ни воя сирен, ни ужасов войны — есть великая любовь, есть тепло, самоирония, трогательные прозвища и ласковые обращения друг к другу. И есть удивительное признание сильного и властного человека к хрупкой, но верной и преданной женщине: «Самое ценное, что у меня есть в жизни — это твоя любовь ко мне. Я упрекаю себя за

многие свои недостатки. Ты — моя скала, и я опираюсь на тебя. Всегда твой любящий и преданный Уинстон».

Воистину, великие люди способны на великую любовь...

Мифы и легенды, приметы и суеверия Лондона

Говорят, что миф и история — сиамские близнецы, которые часто смотрят в разные стороны. И все же трудно не согласиться с тем, что изучать историю по мифам и легендам, может быть, и не совсем благодарное, но зато удивительно увлекательное и захватывающее дело.

Героями преданий и легенд наряду с людьми порой становятся животные. Есть в Лондоне и свои сказания о «братьях наших меньших»: одна из таких легенд повествует о Дике Уиттингтоне и его удивительной кошке.

Легенда о Дике Уиттингтоне

Некогда в сказаниях кельтских народов Лондон был известен как волшебная страна Кокейн, где улицы «вымощены золотом», а любой странник мог найти сокровища и обрести вечное счастье.

Давным-давно, в правление великого короля Эдуарда III, в одной из английских деревушек жил-был мальчик по имени Дик Уиттингтон. Дик был круглая сирота — родители его умерли, когда он был еще совсем маленьkim. Жилось ему так плохо, что порой и позавтракать было нечем. Но Дик был очень смывленым мальчиком и всегда внимательно прислушивался к тому, что говорят вокруг, к разговорам взрослых и уважаемых людей. Таким образом он услышал много интересных и завораживающих историй об огромном городе Лондоне. В те времена необразованные

сельчане ничего кроме своей деревни не видевшие, думали, что в Лондоне живут только богатые и благородные дамы и господа, которые только и делают, что наслаждаются жизнью, а все улицы вымощены золотом.

Однажды через деревню проезжала большая повозка, запряженная восьмеркой лошадей с колокольчиками. «Такая повозка может направляться только в волшебный город Лондон», — подумал Дик и, набравшись смелости, упросил возчика взять его с собой. Долго ли, коротко шли они, что ели и пили, где ночевали, никто не знает, но вот уже впереди показался прекрасный город Лондон. Дик так спешил увидеть улицы, мощенные золотом, что помчался по городу не разбирая дороги. В своей деревушке Дик целых три раза видел золотую гинею и знал, сколько много денег можно за нее выменять. Он мечтал, что найдет волшебную улицу, сумеет отколоть от мостовой маленькие кусочки и купить на них все, что душе угодно. До самой темноты искал Дик золотую улицу, но вокруг была только грязь. В конце концов, голодный, несчастный, он присел в каком-то темном углу и заснул. И на следующий день Дик искал золотую улицу, и день спустя, и просил у каждого встречного полпенни, чтобы не умереть с голода. А потом так ослаб, что потерял сознание.

Но, видимо, Дик родился в рубашке, или, как говорят в Британии, «с серебряной ложкой во рту». Ему очень повезло — его пожалели добрые люди и взяли в услужение в дом мистера Фицуорена, богатого торговца. И все было бы хорошо, если бы не злая кухарка, которой Дик должен был помогать и выполнять всю ту грязную работу, которой она его нещадно нагружала. А еще она с утра до ночи придирилась к мальчионке и браница, а порой и дубасила по голове или плечам всем, что попадалось под руку.

И еще одна беда мучила Дика — его кровать стояла на чердаке, а в полу и стенах было много дыр, так что каждую ночь Дика донимали мыши и крысы. Как-то один госпо-

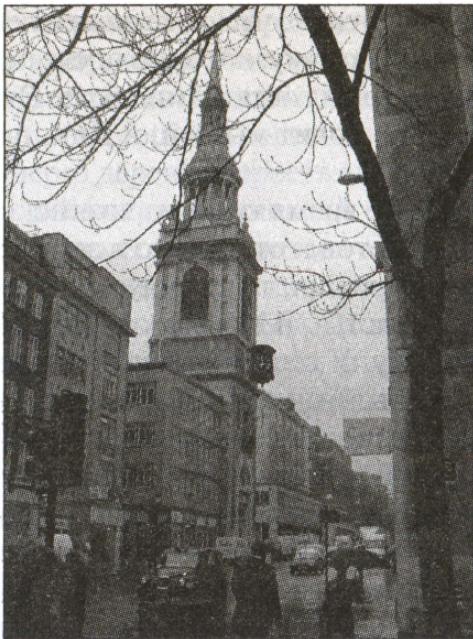
дин дал Дику пенни за то, что он вычистил его башмаки, и Дик решил купить кошку, которую после покупки спрятал на чердаке и кормил остатками обеда. Оказалось, что эта кошка отлично ловит мышей, и Дик, наконец, стал спокойно спать.

Через некоторое время один из хозяйствских кораблей, «Единорог», был готов к отплытию в заморские страны. Мистер Фицуорен решил, что его слугам тоже следует дать шанс попытать счастья, и предложил им отправить что-нибудь на продажу. У всех нашлось что послать, кроме Дика — у него не было ни денег, ни вещей, кроме кошки, купленной за пенни у маленькой девочки. Добрая мисс Элис, дочь хозяина, узнав об этом, предложила Дику немного собственных денег, но хозяин был неумолим — каждый должен был послать что-нибудь свое. Пришлось Дику расстаться со своей кошкой, и со слезами на глазах он отдал ее капитану. Все посмеялись над таким странным товаром, а добрая Элис дала Дику немного денег на покупку другой кошки. Однако злобная кухарка, увидев, как добра к Дику дочь хозяина, позавидовала и стала еще больше изводить его.

Бедняга, не в силах больше выносить такие издевательства, решил сбежать — собрав пожитки, рано утром в День Всех Святых он отправился в путь. Дойдя до Холлоуэя, Дик присел на камень, что до сих пор в народе называют камнем Уиттингтона, и стал думать, какую дорогу выбрать. В это время зазвонили колокола к заутрене в церкви Сейнт-Мэри-ле-Боу, и в их причудливом перезвоне вдруг почудилось Дику, что они обращаются к нему:

Вернись, Уиттингтон,
Лорд-мэр Лондона.

Как услышал это Дик, так и решил, что готов стерпеть, что угодно, лишь бы стать лордом-мэром Лондона и раскатывать в роскошной карете. Подумал он так, да и пошел обратно.

Церковь Сент-Мэри-ле-Боу

А в это время корабль с кошкой Дика ветра пригнали к таким берегам, что моряки прежде и не видели — жили там одни мавры, которые тут же сбежались посмотреть на англичан, но были миролюбивы и стали с радостью покупать красивые вещи, привезенные моряками. А капитан решил послать лучшие свои товары королю этой страны как дань уважения. Товары королю настолько понравились, что он пригласил капитана и его команду во дворец.

Почетных гостей принимали по-королевски: усадили на роскошные ковры, расшитые серебром и золотом, угождали различными диковинными яствами. Однако не успели моряки насладиться угождением, как в пиршественный зал ворвались орды крыс и мышей, бросившихся уничтожать еду. Оказалось, что в несчастном королевстве не могут найти управу на этих тварей, и они настолько обнаглели, что начали нападать на короля даже в его по-

коях. Измученный король был готов отдать половину своих сокровищ, лишь бы от них избавиться. И вот тут-то и пригодилась кошка Уиттингтона — диковинный зверь, о котором на острове даже не слыхивали. Замечательная кошка с такой ловкостью расправилась с мышами и крысами, что король — свидетель ее подвигов, узнав, что она может наплодить котят для всей страны, договорился с капитаном о покупке всего груза его корабля, а за кошку дал в десять раз больше, чем за все остальное.

Покинув королевский дворец, счастливый капитан с командой отплыл в Англию. По прибытии он сразу же отправился к мистеру Фицуорену доложить об удачном плавании и рассказать диковинную историю о кошке Дике. Мистер Фицуорен сразу же послал за Диком, чтобы сообщить ему о столь неожиданно свалившемся богатстве — щедром даре, присланном мавританскими королем и королевой. Бедняга Дик, страшась поверить своему счастью, просто обезумел от радости и предложил хозяину взять столько сокровищ, сколько он захочет. А когда тот отказался, то Дик предложил то же самое и хозяйке, и миссис Элис, но все они великодушно отказались. Добрый Дик сделал подарки и капитану, и всем слугам мистера Фицуорена, и даже старой злобной кухарке.

Теперь Дику надлежало стать джентльменом — он отмылся, завил волосы, надел новый дорогой костюм и шляпу, и стал таким красивым и благородным, что все просто ахнули. А мисс Элис, увидев его в новом свете, решила, что он годится ей в возлюбленные, тем более что Дик и сам это тайно желал. Мистер Фицуорен не стал возражать против свадьбы: в церковь молодых сопровождали сам лорд-мэр Лондона, шериfy и самые богатые торговцы столицы. А потом был пир на весь мир.

Легенда гласит, что мистер Уиттингтон и его жена жили долго, богато и счастливо. Они вырастили несколько детей, а Дик все-таки стал шерифом Лондона, потом его лорд-мэром, и сам король Генрих V посвятил его в рыцари.

Именно Дику Уиттингтону в его бытность лордом-мэром Лондона принадлежала идея перестроить мрачное и зловещее здание Ньюгейтской тюрьмы. На перестройку Дик не пожалел средств, и до 1780 года над аркой старой Ньюгейтской тюрьмы, что на улице «Ньюгейт», возвышалась каменная статуя сэра Ричарда Уиттингтона с кошкой на руках. Некоторое время тюрьму так и называли в народе: Уит.

Где кошка, там и собака — в XVI веке в Лондоне зародилась легенда о «Черном псе» — «призраке в обличье черной собаки, бродящем по улицам накануне казни и по ночам, когда проходят судебные заседания». Многие считали это зловещее существо воплощением ужасов, творившихся в Ньюгейтской тюрьме XII века, во время правления Генриха III, когда некоторые узники, не выдержав мук голода, прибегали к каннибализму. Одной из жертв стал местный колдун — в то время узник «Ньюгейта». Возмездие не заставило себя долго ждать — оно явилось в образе огромного черного пса, который справился с виновными, но на этом не успокоился и продолжает навещать Ньюгейтскую тюрьму. Говорят, что призрак черного пса можно увидеть и в наши дни неподалеку от старинного Сешн-Хауса. Впрочем, к романтической истории Ричарда Уиттингтона и его кошки-спасительницы черный пес не имеет никакого отношения.

На самом деле, как следует из архивных источников, история Дика Уиттингтона была гораздо более прозаична: Дик (Ричард), третий сын в богатой семье из графства Глостершир, начинал в Лондоне учеником торговца шелком и бархатом, а к 21 году стал одним из богатейших людей в Сити. Дику принадлежит слава филантропа, основавшего на свои деньги библиотеку в монастыре «Грейфрайерз» и приют для матерей-одиночек в госпитале Святого Томаса, он же построил первые общественные уборные в Лондоне. Перед своей смертью в 1423 году Дик завещал свои

деньги городу на различные нужды: в фонд библиотеки Гилдхолла, на ремонт госпиталя Святого Варфоломея, на переоборудование знаменитой Ньюгейтской тюрьмы, основание многочисленных приютов и колледжа священников при церкви Святого Михаила, чтобы они молились за его душу.

А как же трогательная история с кошкой — вправе спросить читатель? Неужели в ней нет ни единого слова правды — ведь, как говорится, дыма без огня не бывает! Да, Дик Уиттингтон действительно был лордом-мэром Лондона четыре раза, правда, титул рыцаря так и не получил. Что же касается кошки, то существует версия, что и она появилась в народной легенде неслучайно: в те времена так в обиходе называли баржу с углем, а свое баснословное состояние, по некоторым данным, Уиттингтон как раз и нажил на торговле «черным золотом». И все же... На Ньюгейтском холме стоит статуя Дика — на том самом месте, где он якобы услышал звон церковных колоколов: «Вернись, Дик Уиттингтон — лорд-мэр Лондона!» А ведь дыма без огня, как говорится, не бывает...

Знаменитый кот отеля «Савой»

Однако есть в Лондоне и реальная кошка, вернее кот, которого почитают на самом высоком уровне. Уважаемый кот по имени Каспар — высотой в три фута из черного дерева — дело рук скульптора Базилия Ионидиса. Каспар официально приписан к отелю «Савой», где выполняет почетную миссию: если вдруг случается так, что за столом во время официального обеда в ресторанах отеля собирается тринадцать человек, официант выносит Каспара и сажает в качестве четырнадцатого гостя — причем коту повязывают салфетку на шею и ставят все блюда по очереди. Число тринадцать издревле имеет плохую славу не только в Британии — во многих странах стараются избегать этого

Кот отеля «Савой»

числа при нумерации домов, сидений в самолетах и кинотеатрах, однако в Британии бытует и другое суеверие: плохая примета, если за столом собирается тринадцать человек — тому, кто первый встанет из-за такого стола, грозит несчастье. Что подтверждает цитата из книги Людвига Бемельманса «Мадлен в Лондоне», опубликованной в 1961 году: «В конце концов, — вздохнула Мадлен, — мы же можем усесться и так, чтобы нас не оказалось тринадцать за столом».

Легенда отеля «Савой» гласит, что однажды в далеком 1898 году хозяин одной из вечеринок был застрелен насмерть после того, как за ужином за его столом собралось тринадцать человек, после чего таких несчастливых совпадений начали целенаправленно избегать. Поначалу к числу гостей присоединялся кто-либо из персонала, но как только появился Каспар, он стал гораздо более привлекательной альтернативой в качестве четырнадцатого гостя для посетителей отеля: во-первых, деревянный кот

не ест дорогие кушанья, во-вторых, он не будет сплетничать о том, что услышал за столом.

Более того, лондонцы еще не окончательно расстались с подобными суевериями. На многих лондонских улицах нет домов под тринадцатым номером — в число таких улиц входят Флит-стрит, Парк-лейн, Оксфорд-стрит, Прейд-стрит, Сент-Джеймс-стрит, Хеймаркет и Гроувенор-стрит.

Что же касается распространенного в России предубеждения к черным котам, в Лондоне отношение к ним прямо противоположное: здесь, как и повсеместно в Британии, считают, что черный кот приносит удачу. Зато, как и в России, в старину здесь существовало поверье о том, что при вселении в новый дом первой следует запустить кошку. Сообщалось также и о «кошачьих захоронениях» в стенах некоторых домов, видимо, в качестве жертвоприношения при строительстве. В то же время, например, считалось, что шкура серой кошки способна излечивать коклюш.

В районе Темзы, неподалеку от улицы Уолуорт, находится музей, где хранится так называемая « коллекция Ловетта » — интереснейшее собрание лондонских талисманов и амулетов, настоящая выставка лондонских суеверий. Среди экспонатов музея монетки, приносящие богатство, кусочки пирита, отвращающие удар молнии, коровьи сердца, баранные рога и ослиные подковы, некогда бывшие амулетами, трубочка с ртутью, якобы излечивающая ревматизм, камешки на нитке оточных кошмаров, туфелька золотого цвета, приносящая удачу, синие бусы как средство от бронхита, корень дубровки и « драконья кровь » — медь с Суматры — как приворотное зелье. Одной из жемчужин коллекции является набалдашник волшебного посоха одного лондонского мага XV века с выгравированной на нем соломоновой печатью: посох был найден на дне реки.

В книге Эдварта Ловетта « Магия в современном Лондоне », увидевшей свет в 1925 году, приводятся любопытные

факты о том, что акулы зубы, найденные в лондонской глине, считались хорошим средством от колик. Подковы, завернутые в красные тряпки, помогали избавиться от ночных кошмаров, а плодные оболочки, которые можно было приобрести за умеренную плату, не позволяли их обладателю утонуть. Неолитические же каменные топоры и кремневые наконечники для стрел служили громоотводом.

Неудивительно, что многие суеверия лондонцев, многие из которых занимаются коммерцией, связаны с деньгами — рыночные торговцы имели привычку кланяться молодой луне, а также просить у судьбы денег при виде падающей звезды. С той же целью в церквях средневекового города вешали серебряные подобия человеческих конечностей.

Довольно курьезное суеверие бытовало в Лондоне в 50-х годах прошлого века: буфетчицы и работники пабов считали, что если они разменяют какому-нибудь клиенту пятишиллинговую монету на пять монет по одному шиллингу, тодо конца недели кто-нибудь из них будет уволен с работы. Происхождение этого суеверия так и осталось невыясненным.

Лондон — проникновение в суть...

И город, где цветет туман,
Стал навсегда своим и милым...

Глеб Струве. «Стихи о Лондоне»

Лондонская мозаика

Легенды и мифы, предания старины и гости из прошлого, соборы, дворцы и подземелья, богемные кварталы, сады и парки, королевские сокровища и трущобы,

Тайны Лондона

необычные музеи, чудаки и эксцентрики, великие люди, оставившие свой след в Лондоне, и Лондон, оставивший свой след в сердцах миллионов...

Говорить о Лондоне можно бесконечно — поистине он неисчерпаем. Он — удивительнейшая мозаика: каждый кусочек самобытен и неповторим, каждый вписан в историю — страны, города, чьей-то судьбы. Однако все вместе они удивительно гармонично сочетаются и составляют единое великое целое...

«Город огромный, словно океан», как писал о нем Достоевский, трудно охватить и прочувствовать сразу — кому-то достаточно первой встречи с ним, чтобы понять его величие, попасть под его чары и влюбиться навсегда, кому-то требуется время, чтобы нащупать биение его пульса и отыскать свой любимый кусочек мозаики, с которого начнется проникновение в его суть. Неважно, как будет происходить это таинство — от целого к частному или наоборот, — важно лишь то, что город со временем станет близким и любимым.

Удивительно тонко и проникновенно писала о Лондоне Марина Цветаева:

«Когда я, несколько лет тому назад, впервые подъезжала к Лондону, он был весь во мне — полный и цельный: сразу утренний, ночной, дождевой, с факелами, с Темзой, одновременно втекающей в море и вытекающей из него, весь Лондон с Темзой aller et retour, с лордом Байроном, Диккенсом и Оскар Уайльдом — существующими, Лондон всех Карлов и Ричардов, от A до Z, весь Лондон, втиснутый в мое представление о нем, вневременное и всевременное. Когда же я приехала в Лондон, я его не узнала. Было ясное утро — но где Лондон туманов? Нужно ждать до вечера; но где Лондон факелов? В Вестминстерском аббатстве я вижу только один бок — но где оно — целиком, со всех сторон сразу? Мгновенности: места в автобусе, табачные лавки, монеты, опускаемые в отопление, случайности времяпрепро-

Ирина Донскова

Марина Цветаева

вождения и собственного самочувствия, и — всюду лицо N., в моем Лондоне непредвиденного. Город на моих глазах рассыпался день за днем, час за часом рассыпался на собственные камни, из которых был построен, я ничего не узнавала, всего было слишком много, и всё было четко и мелко — как близорукий, внезапно надевший очки и увидевший 3/4 лишнего. Лондон на моих глазах рассыпался — в прах. И только когда его не стало видно, отъехав от него приблизительно на час, я вновь увидала его, он стал возникать с каждым отдаляющим от него оборотом колес — весь целиком, и полнее, и стройнее; а когда я догадалась закрыть глаза, я вновь увидела его — мой, целий, с Темзой *aller et retour*, с Гайд-парком, соседствующим с Вестминстерским аббатством, с королевой Елизаветой II об руку с лордом Байроном, Лондон единовременный, единоместный, Лондон вне- и всевременный. Конечно, это — налет. Останься я в нем, живи я в нем, без посещений Музеев и Аббатств, где-нибудь в норе, не глядя на него, но так, кругом ощущая — он бы вошел сквозь мои поры, как я в него — сквозь его, каменные. Есть три возможности познания. Первое — под веками, не глядя, всё внутри, — единственное полное и верное. Второе — когда город рассыпается, не познание, а незнание, налет на чужую душу, туризм. Третье — сживанье с вещью, терпение от нее, претерпевание, незанимание ею, но проникновение ею».

Это письмо было написано 15 апреля 1934 года — сколько лет прошло с тех пор, сколько туманов смени-

лось над Лондоном, сколько людей открыли его для себя, прониклись им...

Мое первое знакомство с Лондоном состоялось много лет назад в сырому и туманном феврале. Отчетливо помню ощущение нереальности при виде Биг-Бена, до боли знакомого по учебникам английского языка, пьянящего восторга от кружевного неоготического здания Парламента и величественной Темзы, головокружения от узких тоннелей самого старого метро в мире и стремительного погружения в историю через целую вереницу музеев и дворцов. Зимний Лондон, величественный и сдержаный, захватил и покорил. Летний же, с его безумным муравейником Оксфорд-стрит, толпами туристов на площадях и в музеях, душным старым метро, диким смешением наций разочаровал. Потребовалось время, чтобы открыть для себя укромные местечки, уютные парки и розовые сады, неизбитые туристами тропы, осознать его неисчерпаемость и поистине королевское величие. А вот любовь, пожалуй, началась случайно — с подачи седовласого джентльмена — продавца на антикварном рынке в Ковент-Гарден. Влюбленный в свой город, он стал рассказывать мне о своем любимом месте для прогулок — набережной реки Темзы в районе Саутворк — от Лондонского моста до моста Ватерлоу, — о церкви, где похоронен брат Шекспира, о пиратском корабле Френсиса Дрейка, о пабе, из которого Сэмюэль Пепис наблюдал за Великим Лондонским Пожаром, о зловещей тюрьме «Клинк» и знаменитом театре «Глобус». Трогательная березовая роща напротив галереи Тейт-модерн, волшебные голубые огоньки на деревьях, карусель родом из сказочного детства, прилив и отлив на Темзе, отливающей всеми цветами радуги от вечерней подсветки мостов — эти и многие другие открытия ждали меня, когда я решилась последовать совету моего случайного знакомого.

Прогулка по набережной Темзы. Саутворк – переплетение эпох...

Здесь, в районе Саутворк, удивительным образом переплелись вехи истории целого народа: и тысячи уроков по истории страны было бы недостаточно для того, чтобы охватить все то, что можно понять, благодаря одному только взгляду на панорамный вид города с Бороу-Хай-стрит (Borough High Street), на которую можно попасть, перейдя через Лондонский мост (London Bridge). Сколько веков его переходили, чтобы торговать, путешествовать, развлекаться, быть заключенным в тюрьму за долги или быть приговоренным к смертной казни. Южный берег Темзы в противовес северному служил приютом для сиротских домов, богаделен, притонов, борделей и тюрем. Если добавить сюда появившиеся здесь в XVIII веке сыромятни,

Березовая роща напротив Тейт-модерн

красильни и всевозможные цеха, отравляющие воздух своими «ароматами», то становится понятно — Саутворк не был центром жизни королей и придворных, средоточием богатства и власти, нет, здесь царила другая сила — сила торговли, умения зарабатывать деньги, борясь за выживание — пожалуй, она вряд ли уступала по своей мощи силе, сосредоточенной в руках власти, скорее, даже именно она и была причиной возышения Британии и обретения ей статуса одной из самых преуспевающих стран.

Именно римляне, достигшие уникальных высот в инженерном деле, создали Саутворк. Это они прибыли на эти земли, выбрали три песчаных острова, разделенных болотистой рекой, осушили все необходимые для строительства территории и воздвигли крепкий деревянный мост, соединивший берега реки.

Богатые римляне перешли жить сюда из Сити — центра Лондинаума — и много чего оставили после себя для благодарных археологов, которые через две тысячи лет обнаружили в районе Саутворк мозаичные напольные покрытия, систему подогрева пола, горшки и блюда, привезенные из Франции, костяные иглы и шпильки для волос, статуи римских богов.

Темные века жестоко обошлись с Саутворком. Мост, построенный римлянами, сильно пострадал: то ли от небывалого наводнения, то ли от пожара. Несколько раз его восстанавливали, однако в 1014 году его окончательно разрушил Альфред Великий, король Англии. Датские мародеры заняли Лондinium и Саутворк и укрепились на мосту, где и отражали набеги короля и его союзника, Олафа Норвежского. По приказу Олафа на кораблях его армии были сооружены специальные крыши, чтобы они могли проплыть прямо под мостом и забросить тросы на каркасы моста. Этот план увенчался успехом: зацепив несколько крепких тросов за мост и прикрепив другие концы к кораблю, команда изо всех сил начала грести. Так, ценой разрушения моста Лондон был спасен от датчан.

Старый Лондонский мост

Первый каменный мост начали возводить в 1176 году — строительство заняло целых тридцать три года, — в результате над Темзой навис величественный мост с настоящими домами, магазинами, часовней и огромными воротами на въезде и выезде. Он простоял шестьсот лет и все это время был единственным мостом, соединяющим берега Темзы. Для всех путешественников, паломников, торговцев, простых людей, даже для королей и принцев это был единственный способ пересечь реку до 1750 года, когда открыли Вестминстерский мост.

Старый Лондонский мост имел девятнадцать узких арок: вода прорывалась между ними с таким напором, что было опасно проплыть между арками. В особенно суровые зимы Темза полностью замерзала, и горожане устраивали ледяные ярмарки и народные гуляния прямо на реке.

Народ веселился под мостом, а с моста на него вполне могли взирать пустыми глазницами насаженные на колья отрубленные головы казненных: мрачная традиция берет свое начало от Вильяма Волласа, шотландского патриота, преданного баронами и казненного по приказу Эдуарда I. Печально взирали на Темзу с Лондонского моста и другие знаменитые головы — в том числе голова сэра Томаса Мора и Томаса Кромвеля.

Первое упоминание о жилых домах на мосту относится к 1201 году, то же самое можно сказать и о примерной дате появления на мосту магазинов и даже часовни.

Со временем количество жилых домов, магазинов, таверн и постоянных дворов увеличилось настолько, что по мосту практически невозможно было проехать — старый мост себя исчерпал — было принято решение о его реконструкции: между 1823—1831 годами старый Лондонский мост был разобран и вновь возведен, только на этот раз его перенесли немного вверх по реке. Новый каменный мост с пятью арками был сконструирован сэром Джоном Ренни. Первого августа 1831 года король Вильгельм IV и королева Аделаида торжественно открыли новый мост. Кто бы мог тогда подумать, какая удивительная судьба его ожидает — в 1967 году он был продан: разобран и вновь возведен на озере Хавасу (Lake Havasu) в штате Аризона в США. Трудно сказать, чем уж так приглянулся Лондонский мост американскому миллионеру, но, видимо, на всякий случай новый мост, построенный в 1972 году, решили сконструировать безо всяких изысков — всего три пролета и более чем лаконичный дизайн.

Конечно, вряд ли современный Лондонский мост может конкурировать по красоте и величественности со знаменитым разводным Тауэрским мостом — инженерным чудом Викторианской эпохи, открытым в 1894 году принцем и принцессой Уэлльскими.

Да и мостам «Блэкфрайз» (1769) и «Саутворк» (1819) он тоже уступает по оригинальности и красочности, и

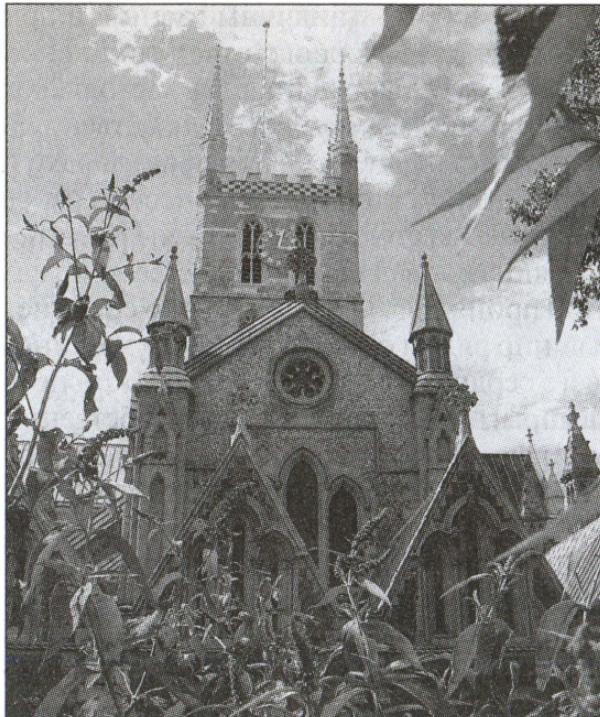
все же нашу прогулку мы начнем именно с него — ибо он, вернее один из его предшественников, все же был первым.

А первое здание к западу от Лондонского моста — это собор Саутворк, самая старая постройка в этом районе и один из старейших в Лондоне. В 2001 году была закончена программа реставрации собора, на которую ушло около 13 миллионов фунтов стерлингов.

Надо сказать, что неискушенного туриста, пожелавшего ознакомиться с богатым историческим прошлым Саутворка, на этом тернистом пути поджидают немало соблазнов: чего стоит, например, посещение рынка «Борроу» (Borough Market), что находится прямо за собором и может претендовать на звание первого лондонского рынка, упоминающегося в исторических записях. Рынок существовал уже в XI веке и славится своим богатейшим выбором различных сортов пива: здесь можно найти и пиво с Оркнейских островов Шотландии, и вьетнамское, и клубничное, и абрикосовое. А бутерброды со страусицей для истинного гурмана, а свежий хлеб с пылу с жару с розмарином и тмином! А также зелень, и дичь — подвешенные за лапы кролики и кабаны так и просятся в духовку. Неподалеку еще один соблазн — дегустационный зал, магазин и одновременно музей вина «Винополис» (Vinopolis), расположенный под кирпичными сводами бывшего винного склада.

И все же не рынками и винными погребами в первую очередь знаменит Саутворк — славен он своими историческими зданиями и, конечно же, уже упомянутым старейшим собором, в котором сохранились чуть ли не единственные в Лондоне готические хоры.

Предполагают, что первоначально на этом месте была церковь, построенная святым Свитином, епископом Винчестерским, примерно в 852 году нашей эры, хотя первое официальное упоминание о церкви встречается в Книге

Собор Саутворк

страшного суда только в 1086 году. Старинная деревянная церковь несколько раз страдала от пожаров, перестраиваясь в 1106 году и век спустя, уже в камне. Строительство колокольной башни нынешнего собора было завершено в 1520 году, а колокола отлиты из тех, что звонили в 1577-м, когда королева Елизавета удостоила своим посещением одну из богатых свадеб в Саутворке.

В Средние века церковь была частью прихода Святой Марии Овери (St. Mary Overie), что означает «за рекой», «на реке», который управлялся монахами-августинцами. Давным-давно, еще до строительства Лондонского моста, попасть на этот берег Темзы можно было только с помощью парома. Легенда гласит, что отцом Марии был Джон Овери, владелец парома, который с помощью своих помощ-

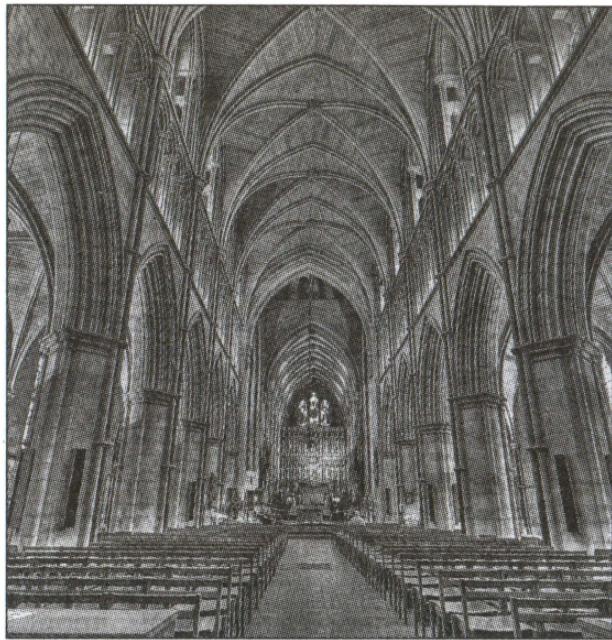

ников сумел заработать приличные деньги и приобрести обширное поместье на южном берегу реки. Несмотря на огромное богатство, паромщик был настолько скромен, что однажды даже решил сымитировать собственную смерть, чтобы сэкономить на дневной провизии для слуг и домочадцев — он полагал, что они будут поститься, скорбя по усопшему, однако жестоко просчитался. Известие о смерти жадного хозяина вызвало такую радость у его слуг, что они немедленно принялись праздновать это событие, устроив небывалый пир рядом с якобы усопшим хозяином и веселясь от всего сердца. В разгар пирамидки Джон не выдержал и в гневе выпрыгнул из кровати к ужасу собственных слуг — один из них решил, что это сам дьявол явился с того света в теле усопшего, и, взяв весло, со всего размаха ударили Джона по голове, проломив ему череп. Мэри, дочь паромщика, узнав о реальной смерти отца, послала за своим возлюбленным, надеясь на его помощь, однако тот так спешил заявить претензии на ее наследство, что упал с лошади во время бешеной скачки и сломал шею. Потрясенная человеческой жадностью, девушка передала все свое наследство на строительство монастыря, где и провела всю свою последующую жизнь в молитвах и служении Богу.

После разорения монастырей Генрихом VIII монастырская церковь стала приходской церковью Христа Спасителя. В 1905 году церковь стала собором Саутворк.

Давайте зайдем в собор — внутри прохладно, звенящее тихо и торжественно, пройдем в северную часть хоров, чтобы полюбоваться статуей рыцаря в доспехах — одной из старейших деревянных фигур в Англии. Рядом с рыцарем надгробие Джона Гауэра, поэта и друга Чосера — его голова покоятся на трех основных книгах, написанных на английском языке, на французском языке и на латыни.

Здесь же находится и мемориал великому и загадочному Шекспиру, который работал и, вероятнее всего, жил в Саутворке — над ним витражное окно с изображением персонажей его бессмертных творений.

Интерьер собора Саутворк

Брат Шекспира, Эдмунд, который тоже был актером, а также драматурги Джон Флетчер и Филипп Мэссингер также похоронены в соборе.

Безусловно, стоит того, чтобы заглянуть в часовню Гарварда — один из основателей Гарвардского университета в Америке, Джон Гарвард, был родом из Саутворка — его отец, который держал мясную лавку и постоянный двор на Бороу-Хай-стрит, скончался во время эпидемии чумы в 1625 году, вместе с четырьмя братьями и сестрами чудом уцелевшего Джона. Крещенный в церкви Христа Спасителя (ныне собор Саутворк), Джон посещал Грамматическую школу прихода, прежде чем его отправили учиться в колледж «Эммануэль» в Кембридже в 1627 году.

Его матушка, Катерина, позднее купила постоянный двор «Голова Королевы» (Квинз-Хед) на все той же Бороу-Хай-стрит, который впоследствии завещала Джону.

В 1637 году Джон продал его, когда в поисках религиозной свободы решил отправиться в Америку со своей молодой супругой Анной — они обосновались в Чарльзтауне, где были основаны первые английские колонии. Вместе с ним в Новый Свет прибыла и его уникальная коллекция книг — более 400 книг по разным предметам, включая религию и грамматику с текстами на латыни и на греческом языке. Вскоре он стал помощником пастора Первой церкви Чарльзтауна, но, к сожалению, скончался на следующий год в возрасте тридцати лет, оставив половину своего поместья под возведения колледжа, а также всю свою библиотеку. В 1639 году этот самый колледж стал известен как Гарвардский университет — таким образом, было увековечено имя лондонского учителя, выходца из Саутворка.

Выйдя из собора, направимся в сторону набережной по узким улочкам, мощенным булыжником, пройдем мимо старинной стены и уникального окна-розетки — увы, это все, что осталось от некогда роскошного Винчестерского дворца, который был официальной резиденцией епископа Винчестерского с 1140 по 1626 год. В те времена епископы были не только священнослужителями, но и влиятельными государственными деятелями — поместье было обширным и очень богатым: на его территории держали стада коров и овец, разводили щуку, чтобы обеспечить епископа свежей рыбой круглый год, здесь же была житница и мельница.

В роскошном банкетном зале закатывали небывалые пиры: когда племянница кардинала Бьюфорта, Джоан, выходила замуж за короля Шотландии Якова I в церкви Святой Марии Овери (нынешнем соборе Саутворк), свадебный пир для молодоженов и высокопоставленных гостей устроили в Винчестерском дворце.

Во времена республики Оливера Кромвеля с 1649 по 1660 год Парламент использовал дворец в качестве тюрь-

мы для роялистов, а в 1814 году во дворце случился довольно серьезный пожар, разрушивший основную часть здания. Все, что осталось, было переделано в складские помещения, и только западную стену банкетного зала с его уникальным окном-розеткой удалось спасти.

Задержитесь у этих печальных руин — так и кажется, что при таинственном лунном свете дворец оживает: шорохи, тени, неясные звуки... Толи отголоски средневековой музыки, то ли что-то более зловещее — тем более что за углом нас ожидает встреча со средневековой тюрьмой «Клинк».

Дело в том, что поместье епископа Винчестерского не подпадало под юрисдикцию ни Сити, ни каких-либо других властей — епископ имел свой собственный суд и собственную тюрьму — первоначально ею служил огромный дворцовый подвал. Тюрьма называлась «Клинк» — термин, который со временем стал синонимом для слова тюрьма в английском языке.

С XII века тюрьма использовалась для заключения, среди всех прочих, миран-преступников, проституток и их клиентов, нарушивших правила поведения в 22 лицензированных борделях, которые располагались в районе Бэнксайд на южном берегу Темзы. Позднее, в XVI веке, «Клинк» служила тюрьмой для религиозных отступников — бунтарей — так называемых еретиков, несогласных со взглядами епископа, а в XVII веке была исключительно местом заключения должников. Тюрьма славилась своими дикими нравами, антисанитарией и взятками, которые заключенные или их родственники в большом количестве давали ненасытным тюремщикам, чтобы обеспечить себе более-менее сносное существование. Несколько раз тюрьму захватывали во время народных бунтов и ее обитателей выпускали на волю — последний из таких бунтов случился в 1780 году — именно он и положил конец этому зловещему месту — тюрьма была сожжена и больше

не восстанавливалась. Теперь на этом месте расположен тюремный музей — ощущения особого рода гарантированы всем, кто решится переступить порог этого мрачного заведения. Тусклый мертвенный свет, запах сырости, коллекция средневековых орудий пыток и казней, нечто зловещее, разлитое в самом воздухе, — как и печально поскрипывающая на ветру ржавая железная клеть, подвешенная над входом в тюрьму, с деревянным чурбачком вместо тела какого-нибудь несчастного.

Надо сказать, что «Клинк» — не единственная тюрьма в Саутворке — этот район некогда был печально известен целым созвездием тюрем. Целых шесть мрачных заведений были построены на его территории — вероятно, причиной этого служила относительная близость Саутворка к центру Лондона, при том что сам он находился за пределами городских стен. Условия содержания в них, впрочем, мало чем отличались — заключенные могли умереть от голода, потому как ожидалось, что они будут выпрашивать еду у случайных прохожих через решетки камер. Одной из наиболее значимых тюрем была «Маршалси» — при королеве Елизавете I она была вторая после «Тауэра». Эта тюрьма использовалась в основном для заключения должников — людей, которые не способны были заплатить свои долги, сажали в тюрьму и держали там до тех пор, пока кто-нибудь из родственников или знакомых не выплачивал за них эти деньги. В 1824 году в «Маршалси» за долги был заключен отец Чарльза Диккенса. Миссис Диккенс и всем детям, кроме Чарльза и Фани, пришлось последовать за ним — двенадцатилетний Чарльз был вынужден пойти работать на фабрику и снимать комнату на Лант-стрит.

Диккенс знал Саутворк практически досконально, особенно ту его часть, что примыкает к Бороу-Хай-стрит — в его романах встречается много ссылок на это место. Многие персонажи Диккенса увековечены в названиях

улиц Саутворка: улица Пиквика, Копперфильда, Веллера, Доррит.

А вот старинную церковь Святого Мученика Георгия, что расположилась на пересечении Бороу-Хай-стрит и Лонг-лейн, где до сих пор хранятся записи о крестинах, свадьбах и погребениях с 1602 года, в народе часто называют церковью Крошками Доррит — по имени главной героини одноименного романа Чарльза Диккенса. Именно там, по замыслу писателя, крестили его героиню, там же она и выходила замуж. В одно время Крошка Доррит жила в долговой тюрьме «Маршалси» со своим отцом. Однажды она вернулась в тюрьму вечером слишком поздно — ее ворота уже были закрыты, и бедняжке пришлось ночевать в церковной ризнице, положив один из журналов для записей под голову вместо подушки. Ее коленопреклоненную фигурку можно увидеть в современном восточном витражном окне церкви.

А мы все же прибавим шагу, оставляя за собой в гулком проулке мрачный «Клинк», и направимся к огням набережной, в призрачном свете которых перед нами предстанет, как мираж, вполне достоверная копия знаменитого пиратского корабля легендарного Дрейка — «Золотая лань» («The Golden Hinde»).

Френсис Дрейк считается одним из самых знаменитых пиратов XVI века: он родился в 1540 году в семье пуританского священника и уже в возрасте 27 лет стал капитаном одного из кораблей эскадры своего дяди. Захватывая вражеские (обычно испанские) корабли, прежде всего он забирал себе карты и компаса, а также наиболее ценные грузы, после чего разрешал кораблям следовать дальше — при этом судьба корабля целиком зависела от умения капитана добраться до порта без карт и компаса. Для себя же Дрейк заказал на лучшей верфи галеон «Пеликан», который впоследствии стали именовать «Золотая лань» — именно на нем в 1577—1580 годах Дрейк совершил кру-

Корабль-музей: воссозданная копия «Золотой лани»
Френсиса Дрейка

госветное плавание, второе после Магеллана. Этот галеон XVI века обошел весь мир, преодолев 140 000 миль. Сам же Дрейк по возвращении прибыл ко двору Елизаветы I не с пустыми руками: он привез в Англию баснословную добычу — два с четвертью миллиона фунтов стерлингов. Половину из них получила королева, которая в 1581 году прямо на борту «Золотой лани» посвятила Дрейка в рыцари, а также приказала сохранить корабль — таким образом, он стал первым в мире морским музеем.

Однако подлинная «Золотая лань», изъеденная тропическими червями и моллюсками, мирно затонула в лон-

донской гавани. Сейчас на плаву уже вторая полноразмерная, аутентичная копия, на которой размещен музей, посвященный знаменитому пирату. «Золотая лань» стоит совсем рядом с Темзой — плеск волн смешивается со звуками, доносящимися из близлежащих пабов и старинных таверн, которыми просто усеяна вся набережная.

Так как на протяжении веков Лондонским мостом пользовалось огромное количество путешественников, на берегу Темзы в районе Саутворк, как грибы под дождем, вырастали все новые и новые таверны и постоянные дворы, где можно было плотно поесть, отдохнуть и переночевать. Как правило, своими фасадами они выходили на Бороу-Хай-стрит, а два боковых крыла располагались буквой «П» и образовывали небольшие внутренние дворики. Одним из самых известных постоянных дворов был «Табард-инн», где собирались кентерберийские паломники, что отправлялись к мощам святого Томаса Беккета в Кентерберийском соборе — о них писал Чосер в своих «Кентерберийских рассказах», а также «Джордж-инн» (George), «Белый плащ» (White Hart), «Голова королевы» (Queen's Head) и многие другие. Именно благодаря им Саутворк приобрел репутацию гостеприимного места, где можно отлично отдохнуть и развлечься.

Единственный постоянный двор тех времен, сохранившийся и по сей день, — это «Джордж», построенный в 1676 году, вернее, пристроенный к еще более старинному зданию.

Традиционно три стены гостиницы выходили на маленький внутренний дворик, но центральное и северное крылья здания были разрушены в 1899 году, так как постройка мешала прокладыванию железной дороги. Восстановлено здание было только в 1937 году. Диккенс в своей «Крошке Доррит» упоминает о «Джордже».

Постоянный двор «Белый плащ» (White Hart) был самым большим в Саутворке. Она был разрушен в 1889 году.

О нем упоминал Шекспир в своем «Генрихе VI» и Диккенс в «Записках Пиквикского клуба» (именно здесь мистер Пиквик впервые встретился с Сэмом Веллером). Сегодня лишь названия улиц, а вернее аллей, ответвляющихся от Бороу-Хай-стрит, напоминают нам о прошлом: Кингс-Хед-Ярд (King' Head Yard), Уайт-Харт-Ярд (White Hart Yard), Тэлбот-Ярд (Talbot Yard или Tabard) ...

Давайте теперь прогуляемся по самой набережной — Бэнксайду, которая тоже некогда изобиловала оживленными постоянными дворами и шумными тавернами. Одной из наиболее известных была «Шапка Кардинала», названная так, скорее всего, в честь кардинала Уолси, что был епископом Винчестерским с 1529 по 1530 год — именно здесь частенько собирались актеры местных театров. Аллея «Кардинал Кеп», ведущая к таверне, существует и по сей день. Около 1700 года на месте старого постоянного двора был построен «Кардиналс Ворф». На современном здании есть табличка: «Во времена строительства собора Святого Павла здесь жил Кристофер Рен». Трудно сказать, насколько это соответствует действительности — в те времена этот район города был далеко не фешенебельным и благопристойным, а ведь Рен, как известно, был королевским архитектором. Довольно фантастичной кажется и история о том, что в 1502 году Катарина, инфанта Кастильи и Арагона, а впоследствии и королева Англии, по дороге к своему жениху Генриху VII останавливалась именно здесь.

Постоялый двор «Сокол» вполне оправдывал свое название — один из самых больших, он как бы парил над берегом реки. В настоящее время на этом месте, неподалеку от моста Блэкфрайз, находится многоквартирный дом, названный в его честь — «Место Сокола».

Единственная сохранившаяся с тех лет таверна на Набережной Бэнксайда — знаменитый «Якорь». Она была построена в 1775 году на месте сгоревшего в XVII веке

одного из самых старых постоянных дворов города — Castle on the Hoop. Чего только не было в этом здании в свое время — и таверна, и бордель, и кофейня, и пивоваренный заводик, и магазинчик мелких деталей для кораблей, и даже часовня.

Считается, что доктор Самюэль Джонсон, самый цитируемый английский автор после Шекспира, снимал здесь комнату у миссис Трайл, хозяйки гостиницы, и именно здесь писал свой знаменитый словарь — его копия находится в нынешнем пабе. Он был членом литературного клуба, основанного сэром Джошуа Рейнолдсом, художником, в 1764 году, который объединил многих выдающихся людей. В мае 1773 года друзья собрались в «Якоре» на роскошный ужин — среди гостей были сам Рейнолдс, ирландский поэт Оливер Голдсмит, актер и писатель Дэвид Гарик и Эдмунд Берке, ирландский государственный деятель.

Есть версия, что и знаменитый мемуарист Сэмюэль Пепис наблюдал за Великим Лондонским Пожаром из окон этой таверны.

Конечно же, в XVI—XVII веках во всех этих тавернах неоднократно собиралась шумная актерская братия, чтобы отпраздновать удачный спектакль или просто славно отдохнуть, ибо Саутворк был знаменит не только публичными домами, тюрьмами, доками и тавернами, он еще был и местом зарождения и становления английского театра.

Славный Елизаветинский век ознаменовался появлением огромного количества театров на Бэнксайд, а также восхождением звезды Вильяма Шекспира. Дело в том, что первоначально театры были запрещены городскими властями — как правило, этот запрет выражался в отказе подписания лицензий на открытие театров в центре города. Поэтому весь театральный мир, вернее большая его часть, переместилась в Саутворк, опять-таки за пределы городских стен, но близко от центра, замечательно вписавшись

в беззаботную и бесшабашную атмосферу этого района, где всегда царilo веселье, где люди могли отлично отдохнуть и развлечься. Здесь было все для отличного отдыха, здесь можно было найти любые виды развлечений — от пабов до публичных домов. Жизнь в Саутворке бурлила днем и ночью. Именно здесь и появились первые театры — «Роза» (The Rose), «Лебедь» (The Swan), «Надежда» (The Hope) и «Глобус» (The Globe). Здесь ставили милые пьески английских писателей, Шекспира, Кристофера Марло и Бена Джонсона.

Театр «Роза» был построен в 1587 году Филиппом Хенслоу — прежде всего он знаменит тем, что именно здесь были поставлены самые ранние пьесы Шекспира: «Тит Андronик» и «Генрих VI». Кроме того, в «Розе» прошли первые премьеры «Доктора Faуста», «Тамерлана Великого» и «Мальтийского еврея» Кристофера Марло.

Ведущим актером театра «Роза» был Эдвард Аллейн. В 1605 году он основал Колледж Дара Господня, ныне известный как Далидж-колледж — в его архиве хранятся тексты, некоторые рукописи и документы Марло. В 1592 году Хенслоу потратил 105 фунтов на реставрацию театра «Роза» — по тем временам это были просто огромные деньги! В 1989 году, когда на месте театра проводились раскопки, выяснилось, что денег Хенслоу хватило не только на ремонт, но и на значительное расширение театра.

К сожалению, в 1605 году договор об аренде здания Хенслоу театра истек, и вскоре здание театра «Роза» было разрушено.

До раскопок, которые позволили многое узнать о театре «Роза», единственным свидетельством о том, каким был интерьер театров того времени, был эскиз Джоанна де Витта, на котором был изображен внутренний интерьер театра «Лебедь». Этот некогда «величественный, огромный и неповторимый» театр был построен в 1594 году Франциском Ленджлеем, не имел постоянной труппы, а после

смерти своего основателя начал приходить в упадок — последнее упоминание о театре относится к 1632 году.

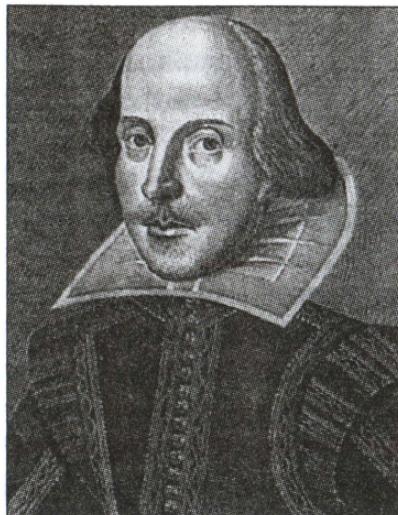
Благодаря же находкам на месте раскопок «Розы», историки получили прекрасную возможность составить довольно полное представление о театрах того времени. После проведения раскопок, в офисном здании, которое в настоящее время находится на месте «Розы», было переоборудовано подвальное помещение и создан небольшой музей, в который поместили многие найденные фрагменты и интересные экспонаты.

В 1999 году была открыта временная выставка, на которой с помощью акустических и световых эффектов пытались воссоздать атмосферу театра «Роза».

Несмотря на то что и величественный «Лебедь», и «Роза» были поглощены волнами времени, знаменитый «Глобус», построенный в 1599 году на месте другого театра, который назывался просто — «Театр», обрел новую жизнь в XX веке.

«Глобус» был намного крупнее всех построенных ранее театров и вмещал 3000 человек, а также был первым театром с постоянной актерской труппой, в которую входило восемь ведущих актеров, в том числе и Вильям Шекспир. Место, где был театр, сейчас увековечено табличкой, на которой написано: «На этом месте был театр «Глобус» Вильяма Шекспира».

Первое здание театра сильно пострадало во время пожара в 1613 году, который начался прямо во время спек-

Уильям Шекспир

такля «Генрих VIII» по одноименной пьесе Шекспира — из пушки, задействованной в спектакле, вылетела искра, из которой и возгорелось пламя. К счастью, почти всем находившимся в театре удалось покинуть здание, не получив серьезных ожогов. Через некоторое время театр был частично восстановлен — в нем даже ставились новые пьесы, но впоследствии, во время борьбы пуритан с театрами, окончательно снесен.

В 1989 году во время археологических раскопок на месте бывшего «Глобуса» было найдено довольно много интересных фрагментов интерьера, однако этого все же было недостаточно для того, чтобы в полной мере восстановить представление о том, великом Театре.

Неоценимую помощь в деле реконструкции «Глобуса» оказала находка 1988 года: как уже был сказано, неподалеку, на Парк-стрит (Park Street), был обнаружен фундамент открывшегося за 12 лет до «Глобуса» театра «Роза» (Rose Theatre). В похожем по строению театре шли пьесы Шекспира и Кристофера Марло, и вот, благодаря вдохновению и решительности Сэма Уэнамэйкера, американского актера и режиссера (играл в «Супермене IV», «Смерти на Ниле» с Джейн Биркин и Питером Устиновым), театр «Глобус» был воссоздан. Многоугольное фаутверковое здание с единственной в Лондоне соломенной крышей сегодня находится рядом с Темзой, всего в двухстах метрах от места, где много веков назад стоял его великий предшественник.

В театре все, как во времена театра эпохи Елизаветы I: только естественный свет (в центре крыши сделано специальное отверстие), никаких микрофонов, шекспировские пьесы играют в оригинальном, не усеченном варианте, партер во время спектаклей стоит, причем приносить раскладные стулья запрещено, а на актерах даже нижнее белье, как при Шекспире, — льняное. Благодаря этой удивительной атмосфере, театр «Глобус» стал настоящим явлением в мире театра.

вительной исторической атмосфере, театр весьма популярен, хотя зрителям порой бывает непросто продержаться до конца неусеченной пьесы из-за жестких деревянных скамеек.

Театру же «Надежда», спланированному Филиппом Хенслоу, после того как сгорело первое здание театра «Глобус» и расположенному неподалеку, к сожалению, повезло меньше — желающих восстановить его пока что не нашлось. Хотя сам по себе театр был довольно интересным — он славился тем, что в нем можно было перемещать сцену и в нем держали настоящего медведя.

В 1614 году в «Надежде» была поставлена знаменитая «Варфоломеевская ярмарка» Бена Джонса, однако после 1616 года нет ни одного упоминания о том, что театр функционировал, — в 1956 году он был окончательно демонтирован.

Саутворк прочно закрепился в истории как важный торговый центр, достигший пика своего расцвета в Викторианский век. Развитие этого района в области торговли происходило благодаря обилию доков, пристаней и складов, а также близкому расположению сначала Лондонского моста, а затем и нового моста «Ренни», знаменитого своими огромными арками, благодаря которым стало возможным беспрепятственно проплыть под мостом даже довольно крупным кораблям. В 1856 году был построена пристань Хейс (Hay's Wharf). Ее построил Вильям Кабитт для компании «Хейс Варф» (Hay's Wharf Company), самой большой и могущественной компанией того времени, занимающейся строительством причалов и доков.

В 1864 году на Клинк-стрит (Clink Street) был построен склад Пикфорда. Это был один из крупнейших складов в городе: в нем было целых пять этажей.

До тех пор пока пароходы не вытеснили парусные корабли, прекрасные клиперы (быстроходные парусные

судна) доставляли свежий чай из Китая. Еще более быстроходные суда подвозили масло и сыр из Австралии и Новой Зеландии. Тулей-стрит (Tooley Street), на которой было сосредоточено большинство складов, называли «лондонской кладовой».

Во время Второй мировой войны берега Саутворка подвергались сильным бомбардировкам — большинство старых зданий было разрушено, однако еще большим потрясением для многих жителей Саутворка стало закрытие доков в начале 1970-х годов. Это привело к тому, что склады оказались абсолютно не нужными, и большинство из них было снесено.

В 1980 году компания «St Martin's Property Corporation Limited» арендовала 27 акров брошенной территории, и в 1987 году на этом месте был возведен огромный комплекс, в который входили помещения для офисов, развлекательные центры, а также больница. Английские и даже некоторые международные компании открыли свои офисы в новых престижных зданиях. К 2000 году южный берег Темзы превратился в лондонский плацдарм для воплощения самых смелых дизайнерских идей: здесь и галерея Тейт-модерн Херцога и де Мерона, и мост «Миллениум» Энтони Каро и Нормана Фостера, и здание мэрии Фостера в форме яйца, и самое высокое в мире колесо обозрения — Лондонский глаз с кабинами в виде космических капсул. Большинство уцелевших во время войны старинных зданий было отреставрировано, благодаря этому район стал выглядеть намного лучше и, несмотря на современные постройки, сохранил свой совершенно неповторимый стиль.

Район Саутворка — это еще и замечательное место для реинкарнаций — здания здесь удивительным образом получают вторую жизнь и новое обличие. Так, например, кирпичная электростанция, построенная по проекту Джайса Гилберта Скотта в 1947 году, превратилась в мо-

Мост Миллениум

дернистское строение под застекленной крышей при помощи швейцарцев Жака Херцога и Пьера де Мерона.

Теперь здесь выставляют Пикассо, Марка Ротко, Аниша Капура, Барнетта Ньюмана, Эдуардо Паолоцци, Мана Рея, Олафура Элиасона, Сэма Тейлора-Вуда. Со смотровых площадок открывается роскошный вид на северный берег Темзы, а в музейном магазине отличный выбор книг и альбомов по дизайну, фотографии и архитектуре.

Создателями первого пешеходного моста через Темзу — «Миллениум Бридж» (Millennium Bridge), соединяющего Саутворк с Сити, а Тейт — с собором Святого Павла, являются знаменитый сэр Норман Фостер, а также его ученик Генри Мур и один из пионеров минимализма скульптор Энтони Каро. Космическая конструкция — практически иллюстрация к «Солярису» — сразу стала поводом для скандалов и была закрыта сразу же после от-

Ирина Донскова

крытия из соображений безопасности — мост подозрительно вибрировал. Через два года после основательного ремонта «Миллениум» открыли вновь.

И галерея Тейт-модерн, и точная копия театра «Глобус», и устремленный в будущее мост «Миллениум», и шумные компании в оживленных тавернах — жизнь кипит здесь снова и бьет ключом. Кольцо истории Саутворка сделало оборот на 180 градусов — и все вернулось на крути своим...

Лондон, великий Лондон твердой поступью шагает в будущее...

Содержание

Знакомьтесь — Лондон!	4
Город-человек	4
Имя, определившее судьбу	6
Лондон как океан	8
С чего начинается Лондон?	9
Тайны Сити	17
Собор Святого Павла — душа Лондона	17
Тайна Великого Лондонского Пожара	18
Провидение сэра Кристофера Рена — архитектора возрожденного Лондона	24
Сити — птица Феникс, возрожденная в камне	31
Вестминстер — второе сердце Лондона	43
Легенды Вестминстерского аббатства. Эдуард Исповедник	43
Легенда о «Кольце Пилигрима»	50
Тайна английской короны. Знаменитые бриллианты	52
История одного похищения	62
Мрачные тайны Тауэра	66
Тайны Трафальгарской площади. Нельсон и леди Гамильтон	112
Тайны богемного квартала. Загадочный Сохо	137
Ангел с площади Пиккадилли	145
Лондон эксцентриков и чудаков. Знаменитые английские клубы	148
Лондон — свидетель взлета и падения Оскара Уайльда	166
Тайный мир лондонских театров. Гости из прошлого	191
Уайтхолл — дворец-призрак	199

Тайны лондонских туманов.

Клод Моне — «поэт тумана»	217
Лондон Шерлока Холмса	224
Лондон зловещих теней. Нераскрытая тайна Джека Потрошителя	237
Загадочный Джек Попрыгун.....	261
Мрачное прошлое тюремных застенков: «Флит» и «Ньюгейт»	264
Лондон Диккенса	275
Лондон русской эмиграции. Православные храмы Лондона. Ленин в Лондоне	284
Курская-Коренная икона Божией Матери Одигитрия русского рассеяния	287
Ленин в Лондоне	291
Лондон королевский	298
Тайны Букингемского дворца.....	301
Мистика дворца Сент-Джеймс	308
Загадочное происшествие в Кларенс-Хаусе	313
Прошлое и настоящее Кенсингтонского дворца	318
Лондон Ахматовой.....	323
Анна Павлова — «русский лебедь» Лондоне	341
Тайны подземного Лондона.....	359
Лондон военного времени. Сэр Уинстон Черчилль — секреты победителя	367
Мифы и легенды, приметы и суеверия Лондона	377
Легенда о Дике Уиттингтоне	377
Знаменитый кот отеля «Савой».....	383
Лондон — проникновение в суть.....	386
Лондонская мозаика	386
Прогулка по набережной Темзы. Саутворк — переплетение эпох.....	390

Научно-популярное издание

Донскова Ирина Ивановна

**ТАЙНЫ ЛОНДОНА
История, легенды, предания**

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Корректор *Б.С. Тумян*

Верстка *И.В. Резникова*

Дизайн обложки *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательский дом «Вече»
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000452.01.09 от 27.01.2009 г.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 10.04.2009. Формат 84 × 108 1/16.
Гарнитура «BaltikaC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 13. Тираж 3000 экз. Заказ В-511.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
представленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»
129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Тел.: 8-499-188-88-02, 8-499-188-16-50.
Тел./факс: 8-499-188-89-59, 8-499-188-00-73
Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: 8-499-188-66-03.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:
Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва, 2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labirint-shop.ru
В Санкт-Петербурге:
ЗАО «Диамант» СПб.
г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 105.
Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.
Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)
В Нижнем Новгороде:
ООО «Вече-НН»
603141, г. Нижний Новгород, ул. Геологов, д. 1.
Тел.: (8312) 63-97-78
E-mail: vechenn@mail.ru
В Новосибирске:
ООО «Топ-Книга»
630117, г. Новосибирск, ул. Арбузова, 1/1.
Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33
www.top-kniga.ru
В Киеве:
ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.
E-mail: ariv@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

ИРИНА ДОНСКОВА

ТАЙНЫ ЛОНДОНА

Каждый город по-своему уникален, и к Лондону это относится в полной мере. Не только потому, что история его насчитывает более тысячи лет, но и потому, что он хранит многие захватывающие тайны... Как возник город и что стоит за легендами о Лондонском камне? Кто был виновником Великого лондонского пожара 1666 года, уничтожившего большую часть столицы и унесшего жизни нескольких сотен жителей? Правда ли, что красивейший сапфир легендарного Кольца Пилигрима, принадлежавшего Эдуарду Исповеднику, излечивал от многих болезней? «Черный Принц» и «Кох-и-Нор» — чем знамениты эти драгоценные камни? Об этом и многом другом — увлекательная книга, раскрывающая знаменитый город с неизвестной стороны.

ISBN 978-5-9533-2999-6

9 785953 329996

